

МИР ЕВРАЗИИ: ОТ ДРЕВНОСТИ К СОВРЕМЕННОСТИ

Сборник материалов

**Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 80-летию со дня рождения советского и
российского историка-германиста, доктора исторических
наук, профессора, декана исторического факультета
Ивана Дмитриевича Чигрина (1945-1999)
(г. Уфа, 17 апреля 2025 г.)**

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уфимский университет науки и технологий»

МИР ЕВРАЗИИ: ОТ ДРЕВНОСТИ К СОВРЕМЕННОСТИ

Сборник материалов

**Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 80-летию со дня рождения советского и российского
историка-германиста, доктора исторических наук, профессора,
декана исторического факультета
Ивана Дмитриевича Чигрина (1945–1999)
(г. Уфа, 17 апреля 2025 г.)**

Научное электронное издание сетевого доступа

Уфа
Уфимский университет
2025

УДК 94+39
ББК 63.3(0)+63.51
М63

*Публикуется по решению кафедры зарубежной истории ИИГУ УУНиТ.
Протокол № 9 от 30.06.2025 г.*

Редакционная коллегия:

зав. кафедрой зарубежной истории Института истории и государственного управления УУНиТ, канд. ист. наук, доцент **Р.Р.Тухватуллин** (*отв. редактор*);
доцент кафедры зарубежной истории, канд. ист. наук **Ф.Ф. Шаяхметов**;
доцент кафедры зарубежной истории, канд. ист. наук **Н.А. Бессилин**;
доцент кафедры зарубежной истории, канд. ист. наук **Р.Р. Хадимуллин**;
доцент кафедры зарубежной истории, канд. ист. наук **Ю.С. Усова**;
доцент кафедры зарубежной истории, канд. ист. наук **А.О. Целищев**;
доцент кафедры зарубежной истории, канд. ист. наук **М.М. Утягулов**;
доцент кафедры ТЯ и МП, канд. филол. наук **Е.В. Полякова**;
ассистент кафедры зарубежной истории **У.Н. Кудашев**;
ассистент кафедры зарубежной истории **Е.С. Охотников**;
ассистент кафедры зарубежной истории **М.С. Васильев**

М63 **Мир Евразии: от древности к современности:** сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения советского и российского историка-германиста, доктора исторических наук, профессора, декана исторического факультета Ивана Дмитриевича Чигрина (1945–1999) (г. Уфа, 17 апреля 2025 г.) / отв. ред. Р.Р. Тухватуллин [Электронный ресурс] / Уфимск. ун-т науки и технологий. – Уфа: Уфимский университет, 2025. – 303 с. – URL: <https://uust.ru/media/documents/digital-publications/2025/290.pdf> – Загл. с титула экрана.

ISBN 978-5-7477-6240-4

В сборнике представлены статьи, написанные на основе докладов Всероссийской научно-практической конференции, прошедшей в Институте истории и государственного управления УУНиТ 17 апреля 2025 г. в Уфе.

Представляет интерес для исследователей, преподавателей, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется современными историческими, этнологическими, философскими и общегуманитарными изысканиями. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов данного сборника

УДК 94+39
ББК 63.3(0)+63.51

ISBN 978-5-7477-6240-4

© Уфимский университет, 2025

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 94

А.И. Чигрина
к. и. н., доцент
Россия, Уфа, БГПУ им. М. Акмуллы

A.I. Chigrina
c. of h. s., associate professor
Russia, Ufa, BSPU n. a. M. Akmulla

ВСПОМИНАЯ ОТЦА

REMEMBERING FATHER

Аннотация. Статья посвящена отцу автора – Ивану Дмитриевичу Чигрину и содержит сведения о жизненном пути, научно-исследовательской и административной деятельности известного ученого-германиста, доктора исторических наук И.Д. Чигрина. Автор вспоминает об основных вехах биографии, молодых годах ученого, становлении его научных взглядов и многолетней деятельности в качестве декана исторического факультета Башкирского государственного университета.

Abstract. The article is dedicated to the author's father, Ivan Dmitrievich Chigrin, and contains information about the life, research and administrative activities of the famous German scientist, Doctor of Historical Sciences I.D. Chigrin. The author recalls the main milestones of the biography, the young years of the scientist, the formation of his scientific views and his many years of activity as dean of the Historical Faculty of Bashkir State University.

Ключевые слова: воспоминания, научные исследования, административная деятельность, немецкая социал-демократия, традиции.

Keywords: memoirs, scientific research, administrative activities, German social democracy, traditions.

В июне 2025 г. моему отцу Ивану Дмитриевичу Чигрину исполнилось бы 80 лет. Он прожил совсем недолгую жизнь, всего 53 года. Но это были яркие и насыщенные годы. Как бы громко это не звучало, можно с полным основанием сказать, что И.Д. Чигрин оставил глубокий след в жизни и науке, и главное, в сердцах своих близких, друзей, учеников. Сейчас я, как никогда раньше, понимаю, как много он для меня значил, кем был и остается. Он прожил обидно мало, нам всем его очень не хватает.

Известно, что воспоминания представляют собой значимый, но своеобразный вид источников. Специфика их состоит в сочетании информативности и эмоциональной окрашенности. При этом воспоминания позволяют воссоздать самые различные стороны жизни наших соотечественников, включая профессиональные аспекты, повседневность, семейные реалии и прочее. Говоря о воспоминаниях, нельзя не отметить такую их особенность, как высокая степень субъективизма. Постараюсь по возможности ее избежать.

Десять лет назад я написала официальную статью про отца, которая называлась «Иван Дмитриевич Чигрин: штрихи к портрету». Не хотелось бы

повторяться. Поэтому попробую поделиться самыми неформальными и сокровенными моментами из моей памяти.

Как и многие представители своего поколения, отец был выходцем, что называется, «из низов», происходил из крестьянской семьи. Семья, безусловно, многое значила в его становлении. Я не знала своего деда Д.П. Чигрина, так как он умер от фронтовых ран за два месяца до моего рождения. Дмитрий Петрович прошел три войны: гражданскую, советско-финляндскую и Великую Отечественную. На последней он служил артиллеристом, после возвращения много болел, так и не оправился от тяжелого черепно-мозгового ранения. Иван был третьим ребенком в семье.

Его мать, Анастасия Даниловна, тоже прожила нелегкую жизнь, особенно тяжелыми были военные годы, когда нужно было работать в колхозе, приходилось оставлять детей одних, еды не хватало. Через эти трудности прошли практически все представители того поколения.

Бабушку я помню хорошо. Мы с отцом часто ездили к ней в поселок Раевский. Сажали картошку, помогали по хозяйству, просто проводывали. Несмотря на три класса образования, Анастасия Даниловна была необыкновенно мудрой женщиной. Бабушка дипломатично разрешала семейные проблемы, давала меткие оценки всему происходившему в жизни.

Далеко не все сверстники И.Д. Чигрина мечтали об учительской карьере. Он, как и многие другие юноши, хотел стать военным летчиком, но из-за проблем со зрением не прошел медкомиссию в летное училище, хотя успешно сдал вступительные экзамены. Историей отец также был страстно увлечен и выбрал путь, связанный со исторической наукой. После двух лет работы учителем в сельской школе в 1964 г. отец поступил на исторический факультет Башкирского государственного университета.

Мне повезло застать некоторых из тех преподавателей, которые учили отца. Это Татьяна Федоровны Пиленкова, Рудольф Александрович Маслов, 100-летие которого научная общественность отметила в 2025 г. Эти люди были настоящими мастерами своего дела. Они многое вкладывали в своих учеников в отношении воспитания личности. Работая со студентами первого и второго курсов, эти педагоги помогали адаптироваться к особенностям вузовского образования и учили делать первые научные шаги. Я писала у Рудольфа Александровича курсовую работу и помню, как он по-отечески «возился» с курсовиками и дипломниками.

В определении научных интересов И.Д. Чигрина большую роль сыграл И.С. Киссельгоф, который в те годы возглавлял кафедру всеобщей истории. Отцу посчастливилось учиться у самых крупных специалистов в области всеобщей истории. В московской аспирантуре его научным руководителем стала Мария Ивановна Орлова, известная германистка. Большим событием в научном становлении отца стала поездка в Германию. Оттуда он вывез массу впечатлений и усовершенствовался в немецком языке, а также обзавелся новыми друзьями.

Тема кандидатской диссертации была выбрана весьма непростая: «Соучастие в теории и практике СДПГ (1945-1969 гг.)». Мы, члены семьи,

помним, что работа над исследованием шла очень сложно. Но завершилось она успешной защитой кандидатской диссертации. Приверженность этой проблематике отец сохранил в последующие годы.

И.Д. Чигрин принадлежал к тому типу людей, которые живут работой. Но и нас, на семью у него оставалось время. Женился он в достаточно молодом по нынешним меркам возрасте, 8 июля 1966 г., ему был всего 21 год. Мама училась на историческом факультете на курс старше. Молодым пришлось преодолеть много сложностей бытового плана. Пока отец завершал образование, молодая супруга начала работать в сельской школе.

Долгое время мы жили вдвоем с мамой, пока отец получал образование в аспирантуре и не было своего жилья в Уфе. Потом был период, когда мы, в ожидании получения квартиры, жили в комнате общежития филологического факультета. Там проживали и другие семьи молодых преподавателей, что было общепринятой практикой во многих вузах.

Многое из советского времени сейчас подвергается сомнению. Для нас это была просто жизнь. Альтернатив мы не знали и не имели. Обыденную реальность принимали без особых вопросов. И даже идеологические кампании старались принимать как веселые приключения. Именно так вспоминаются ноябрьские и Первомайские демонстрации, которые приходилось курировать Ивану Дмитриевичу. В нашем климате они приходились или на первые морозы, или на майские заморозки. Приходилось с большими сложностями очень рано собираться и шагать пешком через весь город на площадь перед Горсоветом. Но в памяти и на фотографиях тех лет демонстрации сохранились как яркие запоминающиеся шествия, момент единения преподавателей и студентов. К тому же, обычно они заканчивались дружескими посиделками.

Это теперь всем понятно, что представляли собой советские времена, только ленивый не критикует их за излишнюю идеологизацию, политизацию и прочее. А ведь людям приходилось тогда жить. Понятно, что это были совсем не глупые люди, которые все хорошо понимали про окружающую действительность. Думаю, что отцу во многом помогало его чувство юмора. Через его призму Иван Дмитриевич как-то иначе смотрел на жизнь, более оптимистично. Надо сказать, он часто позволял себе довольно вольные по тем временам шутки, не особо оглядываясь на возможные последствия.

Вспоминая отца, я бы особо отметила его талант лектора. Его лекции о международном положении по линии общества «Знание» всегда привлекали большую аудиторию, поскольку он рисовал объективную картину мировой политики и делал это увлекательно и ярко.

Лекции Ивана Дмитриевича были неформальными, каждая превращалась в своего рода импровизацию. Отец блистал своей эрудицией, давал яркие характеристики историческим личностям, называл малоизвестные факты, рассказывал анекдоты.

Если от преподавательской и научной работы И.Д. Чигрин получал настоящее удовольствие, административная работа оказалась для него весьма непростой. Но после назначения отца заместителем декана и последующего избрания деканом именно она отнимала все время. Только любовь к студентам

и к коллегам позволяла ему справляться со сложностями административной деятельности.

В те времена довольно часто привлекали студенчество к работе в колхозах. Это были и разовые выезды, и традиционные осенние месячные поездки на помощь по сбору урожая. Отец всегда переживал за ребят; помню, что как-то он отправился в колхоз совершенно больным, для того чтобы навестить находившихся там студентов.

На деканской должности отец очень мало отдыхал, потому что летом приходилось руководить приемной кампанией. В итоге отпуск длился от силы одну-две недели. А ведь он очень любил путешествовать. Тем более, что в девяностые, после падения железного занавеса, появилось столько возможностей для поездок по миру, которыми он так и не успел воспользоваться.

Очень сложными были условия для занятия научными изысканиями. До 1990 гг. на первом месте стояли ограничения идеологического характера. Скажем, для того чтобы получить доступ к документам Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, нужно было состоять в рядах КПСС и заранее получить соответствующее разрешение. Занятия историей Германии требовали доступа к иностранной литературе и источникам. Необходимые издания имелись только в столице. Это значительно усложняло занятия наукой. Почти не было связей с международным научным сообществом. Позиции по многим вопросам приходилось формировать, исходя только из имеющегося материала. Замечу, что выбранные И.Д. Чигриным для исследования проблемы истории немецких социал-демократов по сей день остаются дискуссионными и вызывают множество разноречивых суждений. Я благодарна своему коллеге А.О. Целищеву за скрупулезный историографический анализ научного наследия отца [2].

Также исследовательской работе в те времена сопутствовали значительные технические трудности. Немецкие газеты 1920 гг. напечатаны мелким тяжело читаемым готическим шрифтом, это создавало большие сложности при переводе. Работать приходилось исключительно вручную. В архивах и библиотеках возможности для копирования материалов были весьма ограниченными.

В нашем семейном архиве сохранились читательские билеты И.Д. Чигрина из большинства крупных научных московских библиотек. Это Ленинка – нынешняя Российская государственная библиотека, Библиотека иностранной литературы и особенно любимая отцом библиотека ИНИОН – Института научной информации по общественным наукам РАН. Я помню, что в этой библиотеке царила какая-то особая атмосфера, более демократичная по сравнению с другими. В буфете готовили необыкновенно вкусный кофе, думаю это тоже привлекало отца, так как он был большим кофеманом.

Редкую возможность углубиться в науку И.Д. Чигрин получал, когда возил студентов-старшекурсников исторического факультета Башкирского государственного университета на преддипломную практику в московские библиотеки.

Настоящим научным подвигом стало написание отцом докторской диссертации, так как он работал над текстом, находясь на деканской должности, и времени, конечно, катастрофически не хватало. Буквально урывками Иван Дмитриевич смог набрать необходимый источниковый материал и за счет отдыха и сна написал добротное исследование на тему «Социальная политика социал-демократии и свободных профсоюзов Германии в 1918-1998 гг. (теория и практика)» [4]. К этому времени он выпустил две монографии и несколько статей в центральном московском журнале [3]. Сохранился протокол защиты докторской диссертации, из которого видно, что работа получила высокие оценки со стороны официальных оппонентов и коллег из Москвы и других российских городов.

В 1988 г. И.Д. Чигрин получает звание отличника образования СССР, в середине 1990 гг. становится доктором исторических наук и профессором [5].

Главные научные достижения отца пришлось на переломные девяностые годы, которые оказались временем непростым. Многие элементарные вещи приходилось буквально добывать. Очень сложной оставалась ситуация в образовании. Мне кажется, это могло сказаться на состоянии здоровья Ивана Дмитриевича.

Отмечу, что отец всегда с удовольствием воспринимал все новое. Тогда компьютерная техника только входила в нашу жизнь, и он ее увлеченно осваивал, учился набирать и редактировать тексты.

Как я говорила выше, всю жизнь отца отличала искренняя любовь к истории. Он мог говорить о ней часами с нами, членами семьи, с аспирантами, со студентами. Несмотря на занятость, И.Д. Чигрин очень добросовестно занимался с дипломниками, приглашал их домой, огорчался их недисциплинированности. Иногда у нас с мамой создавалось впечатление, что он больше заинтересован в результатах успешной защиты дипломных работ, чем сами студенты.

Научной работе мешали и бытовые сложности. До самого конца жизни у И.Д. Чигрина не было собственного кабинета. По воспоминаниям моего детства, дома всегда лежали груды книг, журналов и записей, расположенных в каком-то особом порядке, который на наш с мамой взгляд был больше похож на беспорядок. Когда мы получили квартиру, отцу было тридцать три года. Двухкомнатная «хрущевка» для нас казалась настоящим дворцом.

Добавлю, что отец много вложил в меня в плане формирования характера, художественного вкуса.

У него не было музыкального слуха, но был очень красивый голос, и пел отец иногда с большим удовольствием. Наши любимые семейные песни – это «Баллада о красках» и «Сирень». Теперь мало кто помнит эти песни. Но мои родители были детьми войны. Это память всегда жила в И.Д. Чигрине.

Как и у многих других детей моего поколения, над моей кроватью висела политическая карта мира. И любимым занятием отца было проверять мои знания названий государств и их столиц.

И.Д. Чигрин был человеком необычайной эрудиции. О чем бы не заходил речь, он всегда демонстрировал удивительные познания. Он был очень увлечен

своим предметом – новейшей историей стран Запада, постоянно выписывал журналы «Новое время», «Новейшая история» и другие.

Много лет мы дружили с О.А. Науменковым и его семьей. У отца с Олегом Александровичем было много общего. Сейчас я понимаю, что они учились друг у друга. О.А. Науменков происходил из семьи военного, был интеллигентом не в первом поколении. Отец же, как я отметила, происходил из простой деревенской семьи. Но, как ни странно, обоих объединяло отсутствие практичности и беззаветная увлеченность литературой, как научной, так и художественной. К сожалению, Олег Александрович ненадолго пережил отца, что тоже стало большой потерей.

Когда после школы стал передо мной вопрос о выборе вуза, мне не слишком хотелось поступать на факультет, где работал мой отец. Но, так как не нашлось других альтернатив, я выбрала исторический факультет, о чем я нисколько не жалею. До сих пор мои близкие подруги – это мои бывшие однокурсницы.

Я сохранила в своей памяти нашу совместную с отцом дорогу в университет. Дорога от дома до университета занимала примерно 30-40 минут. Пять лет по утрам ходили вместе: он на работу, я на учебу. Утренняя пешая прогулка была наполнена самыми разными разговорами, это одни из самых счастливых моих воспоминаний.

Иван Дмитриевич оказался очень трепетным дедом. Получилось, что, когда он ушел из жизни, Диме, внуку, было семь лет. Но он хорошо помнит деда. Они много гуляли в парке, любили обходить магазины игрушек. Редко возвращались оттуда с пустыми руками. Отец всегда восторгался успехам внука, привозил ему из поездок интересные детские книги и игрушки.

Когда Ивану Дмитриевичу поставили диагноз, для нас это стало страшным рубежом. За неполный год болезни отца мы сполна убедились в его большом человеческом мужестве и в верности его друзей. Друзья не бросили папу, как могли, поддерживали до последнего.

В 2009 г. на БСТ вышел фильм под названием «Народный декан». Создателям фильма удалось собрать воспоминания многих близких друзей и знакомых отца. Память об И.Д. Чигрине живет среди его коллег и выпускников истфака. Вот, например, строки из социальной сети «ВКонтакте»: «Золотой был человек... Его уважительное и всегда корректное отношение к студенту, ум, позитив во всем – сделали его одним из любимейших преподавателей и студентов 90-ых годов и ранее выпустившихся... Жаль, что не всем удалось его застать. Отличный был препод» (Эльзира Рахматуллина) [1].

Приятно, что те традиции, которые закладывались при основании исторического факультета и в последующие десятилетия XX века, продолжают нынешними преподавателями и студентами. Это залог сохранения памяти, что так важно для нас, историков.

Литература

1. ВКонтакте // URL: https://vk.com/topic-422817_437176?offset=20 (дата обращения: 12.04.2025).

2. Целищев А.О. Вклад И.Д. Чигрина в изучение истории Германии // Актуальные проблемы истории стран Европы и Америки: сборник научных трудов памяти И.Д. Чигрина. Уфа: Башкирский государственный университет, 2016. С. 40-45.

3. Чигрин И.Д. Борьба в Веймарской Германии вокруг закона о производственных советах // Рабочий класс и современный мир. 1985. № 2. С. 166-172; его же. Пролетариат Веймарской Германии в борьбе за 8-часовой рабочий день // Рабочий класс и современный мир. 1987. № 6. С. 152-157; его же. Социальная политика и рабочее движение Германии в период революционного подъема 1918-1923 гг. / И.Д. Чигрин. Уфа: Изд-во БашГУ, 1991; его же. Рабочая политика социал-демократии и профсоюзов Германии в 1918-1928 гг. / И.Д. Чигрин. Уфа: Изд-во БашГУ, 1993.

4. Чигрин И.Д. Социальная политика социал-демократии и свободных профсоюзов Германии в 1918-1928 гг. (теория и практика). Автореф. дис. докт. ист. наук. Екатеринбург, 1994. 34 с.

5. Чигрин Иван Дмитриевич [Электронный ресурс]. URL: <https://bashenc.online/ru/articles/75507/> (дата обращения: 12.04.2025).

© Чигрина А.И., 2025

УДК 82-94

И.В. Фролова
д. филос. н., профессор
Россия, Уфа, УУНиТ

I.V. Frolova
Doctor of Philosophy, Professor
Russia, Ufa, UUST

ОДА ПЕДАГОГАМ: ПАМЯТИ ИВАНА ДМИТРИЕВИЧА ЧИГРИНА

ODE TO TEACHERS: IN MEMORY OF IVAN DMITRIEVICH CHIGRIN

Аннотация. В автобиографической статье рассказывается про годы обучения И.В. Фроловой на историческом факультете Башкирского государственного университета. Автор вспоминает педагогов, сыгравших важную роль в личностном и профессиональном становлении. Особое внимание уделяется жизненному выбору, совершенному при поддержке декана исторического факультета Ивана Дмитриевича Чигрина.

Abstract. The autobiographical article is about the years of study of I.V. Frolova at the History Department of the Bashkir State University. The author recalls the teachers who played important roles in her personal and professional development. Particular attention is paid to the life choice that was made with the support of the Dean of the History Department Ivan Dmitrievich Chigrin.

Ключевые слова: педагоги, исторический факультет, Башкирский государственный университет, Иван Дмитриевич Чигрин.

Keywords: teachers, history department, Bashkir State University, Ivan Dmitrievich Chigrin

Размышляя о своем личностном становлении, я с благодарностью вспоминаю своих педагогов. Благодаря их усилиям я не только приобретала знания, социализировалась в стремительно изменяющемся мире, но и выбирала

свою жизненную траекторию. Немаловажная роль в моей судьбе и будущей профессиональной деятельности принадлежит декану исторического факультета Башкирского государственного университета Ивану Дмитриевичу Чигрину.

Решение стать историком пришло ко мне ближе к окончанию школы. Я увлечённо читала исторические романы, успешно выступала на олимпиадах. В выпускном десятом классе я стала победителем городской олимпиады по истории. В немалой степени подобное достижение стало возможным благодаря тому, что в общеобразовательной школе мне повезло с учителями истории и литературы, укрепившими мою гуманитарную направленность. Всё это привело меня на исторический факультет Башкирского государственного университета. Стремление доказать всем, что я смогу поступить на истфак, несмотря на конкурс и отсутствие пресловутого «блата», тоже нельзя снимать со счетов: мне нравилось ставить и достигать цели.

Моё студенчество совпало с эпохой перемен, с последними годами существования СССР. На первом курсе мы еще застали старую, советскую систему предметов. Например, у нас был курс по истории Коммунистической партии Советского Союза, который читал первый ректор Башкирского государственного университета, фронтовик, историк Шайхуллы Хабибуллович Чанбарисов. Он уже ушел с административных должностей и работал профессором. В конце 1980 гг. рассекречивали архивы, реабилитировали репрессированных, в научный оборот вводились новые документы об истории СССР эпохи социализма, и все это мы узнавали едва ли не прямо на лекциях. Шайхуллы Хабибуллович был очень эмоциональным лектором, обращавшимся к нам не иначе как «товарищи». По партийной привычке он был ориентирован на газету «Правда», с изумлением сообщая нам содержание ее передовой статьи: Николай Бухарин и Алексей Рыков не были врагами народа. Это честные строители советского государства! Антисоветского троцкистско-зиновьевского блока вообще не существовало: следствие и судебный процесс были фальсифицированы и велись «недозволенными методами»! Только сейчас понимаю, каким стрессом это было для Шайхуллы Хабибулловича как для коммуниста, с одной стороны, и преподавателя – с другой. Никогда такими востребованными не были конспекты лекций, которые создавались преподавателями чуть ли не с чистого листа.

Мы были свидетелями новых демократических процедур в нашем университете. Например, будучи первокурсниками, мы оказались участниками едва ли не первых в истории выборов декана факультета. На наших глазах разворачивались дискуссии сторонников разных кандидатов, но уверенно победил обожаемый многими студентами доцент Иван Дмитриевич Чигрин. Любили его за профессионализм, принципиальность и неподражаемый юмор – никто не знал такого количества исторических анекдотов и не умел их так виртуозно рассказывать. В роли декана Иван Дмитриевич был очень органичен и по праву снискал славу «народного декана». Профессорско-преподавательский состав был достаточно сильным: качество преподавания было высоким, уровень требований к знаниям – серьёзным. Приобретенные во

время учёбы навыки самоорганизации и работы с большим объемом информации впоследствии очень помогали.

На первом курсе мы попали в «ежевые рукавицы» доцента Анвара Закировича Асфандиярова. Он учил нас правильно вести конспекты, что предполагало фиксацию в тетради того, что он рассказывал и изображал на доске. Мы с моей подругой Лилей Абдрахимовой (сейчас это доктор исторических наук Лилия Баторгалиевна Алимова) сидели за первой партой и добросовестно строчили всё за лектором. В результате многодневных штудий наши конспекты достигли совершенства: у однокурсников они были нарасхват, за ними становились в очередь – текст лекции был воспроизведен почти дословно, да еще и написан разборчивым почерком. Кстати, Анвар Закирович, прирожденный исследователь, составитель истории сел и деревень Башкирии, нередко возмущенно восклицал, что истфак является «трамплином» для административной карьеры. Наличие поисковой доминанты у студентов, как и искренний интерес к истории, он очень ценил.

На втором курсе историю средних веков у нас читал суровый на вид доцент Рудольф Александрович Маслов. На его лекциях вместо сюжетов из романов Вальтера Скотта, Александра Дюма и Мориса Дрюона мы изучали докапиталистические формы ренты по Марксу, а на семинарах штудировали свод средневековых законов – Салическую правду. Лицо Рудольфа Александровича казалось высеченным из камня, когда он рассказывал нам о государстве франков, династиях Меровингов и Каролингов. Экзамен по средневековой многие ждали, как кару небесную, вгрызаясь в двухтомный учебник под редакцией Сказкина и понимая, что чудес не бывает. А я не без страха думала о том, как оценит Маслов мою курсовую о положении женщины в средневековом обществе: тему я выбрала сама и увлеченно над ней работала, но опасения всё-таки были. С подготовкой курсовой работы был связан эпизод, который раз и навсегда сформировал у меня культуру цитирования. Рудольф Александрович потерял на войне ногу, ходил с палочкой, и нередко, экономя силы, назначал консультации студентам прямо у себя в квартире, просторной «сталинке» на улице Маркса. В кабинете у Маслова стояли книжные шкафы, от пола до потолка заполненные книгами и журналами по средневековой истории. Когда я пришла забрать оставленную на проверку работу, Рудольф Александрович достал с полки номер журнала «Средние века», на который у меня была сделана ссылка, и попросил найти цитируемую статью. Надо сказать, что в нашей университетской библиотеке номера этого журнала были в единственном экземпляре: я не ожидала их увидеть прямо дома у Маслова. Открыв журнал, я не обнаружила там статьи – оказывается, перепутала то ли номера, то ли годы. Стало очень неловко. Как же я обрадовалась, увидев, что Маслов не снизил мне оценку за эту оплошность! С тех пор я всегда тщательно проверяла корректность информации и достоверность ссылок на неё.

На старших курсах особенно теплыми были взаимоотношения с Софьей Шмаевой Овруцкой, которая вела у нас курс по истории СССР советского периода. Её увлекательные лекции дополнялись поисковыми семинарами, на которые студенты приходили вооруженные хрестоматиями с документами.

Именно так шлифовались навыки работы с текстами. С Софьей Шмаевой всегда можно было обсудить то, что тогда волновало всех – публикацию романов Александра Солженицына, уход из жизни Андрея Сахарова.

Выбирая специализацию, я остановилась на кафедре зарубежной истории, от которой отпочковалась кафедра новой и новейшей истории Европы и Америки. Там работали замечательные педагоги – наш декан Иван Дмитриевич Чигрин, профессора – Яков Васильевич Зайцев и Олег Александрович Науменков, доценты Айслу Билаловна Юнусова, Борис Никонович Лаптев. В конце 80-х годов прошлого века мы, студенты, восхищались лекциями Айслу Билаловны по истории Востока. Навсегда в памяти остались рассказы о классическом китайском романе Цао Сюэциня «Сон в красном тереме», восстании тайпинов, японской консервативной революции Мэйдзи Исин, императоре Хирохито. Семинарские занятия и творческие работы, скрупулезный анализ первоисточников всегда содержали в себе элементы научного поиска. Самостоятельная работа с документами позволила приобрести навыки осмысленного чтения, аргументации суждений, систематизации материала – всего того, что необходимо молодому исследователю. Иван Дмитриевич как никто другой мог вплести в текст лекции десяток исторических анекдотов, что оживляло учебный процесс. Олег Александрович, имея многолетний опыт лектора общества «Знание», разворачивал на наших глазах всю панораму международной обстановки того периода, о котором вещал в этот день. К числу «последних из могикан» относился фронтовик, профессор Яков Васильевич Зайцев, чьи лекции нам тоже повезло услышать. Это был признанный в СССР и в ГДР специалист по германской социал-демократии, исследователь деятельности легендарной Розы Люксембург.

Обязательным требованием для написания дипломной работы было знание иностранного языка, использование аутентичных источников. Моим научным руководителем, начиная с третьего курса, был специалист по истории Германии, доцент Борис Никонович Лаптев – как и мои предки, уроженец вятской земли, Кировской области. Отношения у нас с ним были прекрасные, хотя он иногда критиковал мой научный язык за полемичность и остроту. В то время я неплохо знала немецкий, даже ездила по линии культурного студенческого обмена «Горбачев-Коль» в ФРГ – буквально через пару недель после ее объединения с ГДР. На протяжении нескольких лет разрабатывала тему, посвященную послевоенному расколу и объединению Германии, которое происходило на наших глазах в 1990 году. Конец 80-х годов прошлого века — эпоха перестройки и так называемых «бархатных революций» в Европе, и я занялась *Zeitgeschichte* — современной историей. Фактически работа была написана на стыке истории, политологии и юриспруденции.

Исторический факультет мы окончили в год старта гайдаровских реформ. На дворе стояли те самые лихие девяностые: время приватизации, которую остряки прозвали «прихватизацией», дележа государственной собственности и разгула бандитских группировок. Академические ученые уходили из своих центров и лабораторий, пытались заниматься бизнесом или уезжали за рубеж – началась пресловутая «утечка мозгов». Научная карьера, перспективу которой

мы с Андреем Фроловым, моим однокурсником, впоследствии ставшим мужем, для себя рассматривали, стала немодной и невыгодной. То ли из-за инерции, то ли из-за упрямства мы, выпускники исторического факультета с максимальными баллами, решили все-таки поступать в аспирантуру Башкирского государственного университета по кафедре новой и новейшей истории. Но волею судеб на кафедру было выделено всего лишь одно место. Заведующий кафедрой профессор Олег Александрович Науменков не рискнул доверить его представительнице женского пола, и рекомендацию для поступления получил Андрей.

Приняв случившееся, я некоторое время находилась в прострации. Куда пойти, чем заняться? Выход из ситуации нашёл наш декан Иван Дмитриевич Чигрин. Надо сказать, что ему импонировали девушки с длинными волосами, заплетёнными в косу. Я свою «девичью красу» носила до четвертого курса, благодаря чему в оценке декана попадала в категорию не только умных, но еще и красивых девушек истфака. Сначала Иван Дмитриевич посокрушался о том, что он ещё пока не доктор наук и не может брать себе учеников, иначе бы мы, как два германиста, могли составить результативный тандем «научный руководитель – аспирант». Потом он на некоторое время задумался и вдруг широко улыбнулся. «Пойдем, – сказал он мне, – на кафедру философии. Там профессор Садыков как раз просил найти ему хорошего парня», – и рассмеялся знаменитым на весь университет раскатистым смехом. «Так ведь я по философии все экзамены «автоматом» получила и ничего толком не знаю», – озадачилась я. «Ничего, – сказал Иван Дмитриевич, – разберешься! Наши историки еще быстрее по философии защищаются, чем выпускники философского факультета». Так и случилось. Можно сказать, что благодаря Ивану Дмитриевичу, его поддержке и вере в мои способности, мне удалось открыть в себе новые качества и актуализировать их.

Я поступила в аспирантуру, моим научным руководителем стал профессор Фагим Бениаминович Садыков, один из старейших преподавателей кафедры. Кстати, вместе со мной в аспирантуру поступили еще две девушки – начинался процесс феминизации высшего образования и науки. В тот период в спецхранах библиотек стали открываться, а затем и активно переиздаваться после десятилетий забвения труды русских философов-эмигрантов, посвященные осмыслению российской истории – Николая Бердяева, Семёна Франка, Николая Лосского и многих других. Я с огромным интересом погрузилась в их чтение. Конечно, процесс ломки меня как историка и «пересборки» как философа был непростым. Трудно было подняться над фактами, начать рассуждать свободно, формулировать гипотезы. Годы аспирантуры были периодом настоящего философского самообразования, да и концепция преподавания философии начала претерпевать очень серьезные изменения. Результатом обучения и потраченных усилий стала защита кандидатской диссертации, посвященной утопическим традициям и историческим судьбам России. Началась моя преподавательская карьера, которая впоследствии привела к необходимости дальнейшего научного роста и защите докторской диссертации.

Еще несколько лет после защиты кандидатской диссертации мне довелось быть коллегой Ивана Дмитриевича. Он к тому времени защитил докторскую диссертацию и продолжал возглавлять истфак. Кафедра философии находилась этажом выше, и я иногда заходила на родной факультет и обязательно заглядывала в деканат. Иван Дмитриевич всегда искренне радовался моим успехам, как радовался он достижениям всех выпускников факультета. Его по праву можно отнести к числу тех моих педагогов, которые были не только профессионалами своего дела, но и небезразличными, человечными людьми. Одна из составляющих социального бессмертия – это не только память о человеке, но и стремление быть на него в чем-то похожим. Спустя три десятка лет после окончания университета я понимаю, насколько важным было общение с педагогами для моего личностного становления, как много было моментов, которым я вольно или невольно подражала. Надеюсь, что я похожа на своих учителей – тех, кому я посвятила эту статью.

Литература

1. Актуальные проблемы истории стран Европы и Америки: сб. науч. тр., посвящ. памяти И.Д. Чигрина. / отв. ред. Р.К. Хабибуллин. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016.
2. Фролова И.В. Семейные истории Иришки Кожевниковой, рассказанные Ириной Фроловой. Уфа: Инеш, 2025.

© Фролова И.В., 2025

УДК 94 (430)

А.К. Пчелкина

аспирант ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль

Научный руководитель — д. и. н., профессор А.М. Ермаков

A.K. Pchelkina

postgraduate student, USPY named after K.D. Yshinsky

Scientific supervisor – d. of h. s., professor A.M. Ermakov

НАЦИСТСКАЯ ПРОПАГАНДА В ПЕСНЯХ ШТУРМОВЫХ ОТРЯДОВ

NAZI'S PROPAGANDA IN SONGS OF THE STORM TROOPS

Аннотация. Статья посвящена анализу песенника штурмовых отрядов (SA-Liederbuch), который был одним из инструментов национал-социалистической пропаганды во время борьбы за власть и в период нацистской диктатуры. Методом контент-анализа исследуется образ штурмовика. Делается вывод о том, что нацистская пропаганда создала положительный романтизированный образ штурмовика.

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the stormtrooper songbook (SA-Liederbuch), which was one of the instruments of the National Socialist propaganda during the struggle for power and during the Nazi dictatorship. The image of the stormtrooper is studied using the method of content analysis. It is concluded that Nazi propaganda created a positive romanticized image of the stormtrooper.

Ключевые слова: штурмовые отряды, песенник, пропаганда, НСДАП, Эдмунд Хайнес, Хорст Вессель, Силезия.

Keywords: storm troopers, songbook, propaganda, NSDAP, Edmund Heines, Horst Wessel, Silesia.

Музыка играла особую роль в сплочении членов партийных организаций, формировании коллективной идентичности и внушении идей национал-социализма. Коллективное пение было важным инструментом политической социализации и характеризовало не только НСДАП. Историк Юлиана Броер отмечает, что «совместное времяпрепровождение, такое как коллективное пение, танцы, игры, походы, было более важным в создании чувств общности и солидарности, чем целенаправленная политическая подготовка» [6, р. 285]. Несмотря на то, что объектом исследования Броер выбраны Гитлерюгенд и Союз немецких девушек, на наш взгляд, возможно перенести тезис исследовательницы и на СА. Таким образом, мы можем изучить песенник штурмовых отрядов (SA-Liederbuch) как средство пропаганды, издаваемое специально для членов СА, и источник представлений штурмовиков о себе, задачах движения, Адольфе Гитлере, Германии, враге.

По окончании Второй мировой войны державами-победительницами был издан перечень национал-социалистической литературы, подлежащей изъятию. В списке, принятом в советской оккупационной зоне 1 апреля 1946 г. [8], среди прочих наименований книг и журналов содержатся песенники штурмовых отрядов (СА), охранных отрядов (СС), Гитлерюгенда (ГЮ), Вермахта. Несмотря на запреты, соответствующие лозунги находят распространение в кругах неонацистов. В сентябре 2024 г. ФРГ потряс скандал, причиной которого стало выкрикивание на фестивале в Красной ратуше в Берлине нацистских лозунгов под песню итальянского исполнителя Джиджи Д'Агостино «L'Amour toujours». С октября 2023 г. по июль 2024 гг. по всей Германии было зарегистрировано 400 случаев публичной демонстрации нацистского лозунга, исполненного на мотив танцевального хита [9]. И этот случай, и принятые на Украине законопроекты, запрещающие публичное исполнение песен на русском языке [3], сообщают о том, что язык и устная речь сами по себе являются орудием пропаганды, а песня - наиболее опасным его проявлением.

В исследованиях штурмовых отрядов песеннику как источнику по истории боевой организации НСДАП уделяется недостаточно внимания. Историки, как правило, отмечают, что все пропагандистские марши, митинги, погромы сопровождались песнями. Между тем, сборник песен является не только интересным источником по истории нацистской пропаганды, но также отражает ценности, которые прививались членам СА.

С развитием науки и техники музыка стала доступна широким слоям населения и превратилась из элитного развлечения в демократическое [1, с. 6]. Немецкая музыкальная культура 1920-х – начала 1930 гг. была представлена классической, народной, танцевальной музыкой, маршами, шлягерами и

джазом. Первый песенник НСДАП появился в 1925 г. Он содержал народные, военные песни, а также песни членов нацистского движения [2, с. 374].

В 1933 г. по заказу Верховного руководства СА (ОСАФ) в книгоиздательстве Йозефа Губера был издан песенник штурмовых отрядов [10]. Данный песенник интересен, в первую очередь, предисловием начальника штаба СА Эрнста Рёма. Помимо песенника от ОСАФ, имели место сборники песен отдельных земель. Свой песенник был в Силезии. Его содержание перекликается со сборником от ОСАФ. Независимо от территориальной принадлежности, нацисты пели одни и те же песни.

Силезский песенник СА издан в 1933 г. в Бреслау. Он составлен обергруппенфюрером СА Эдмундом Хайнесом. Хайнес был главой полиции Бреслау. Он участвовал в Первой мировой войне и был награждён Железным крестом; после войны вступил в добровольческий корпус «Оберланд», затем в фрайкор Россбаха. В 1921 г. Хайнес вступил в НСДАП и СА. Он принадлежал к числу старых борцов, принимал участие в Пивном путче и был убит в Ночь длинных ножей по обвинению в гомосексуализме [12, S. 192-193].

Данный песенник преследовал задачу политического просвещения, о чём свидетельствует наличие в нём фотографий погибших силезских гитлеровцев. После текста «Знамёна ввысь!» представлена фотография торжественной похоронной процессии штурмовика Адольфа Херстенбергера. За ней следуют фотографии 19 погибших членов движения. На принадлежность этих людей к НСДАП и её организациям указывают сокращения SAM (SA-Mann), HJ (Hitlerjugend), Pg (Parteigenosse). Наличие в данном издании информации о местных павших гитлеровцах демонстрирует масштабы политики героизации членов движения, проводимой Йозефом Геббельсом.

Силезский сборник содержит 105 песен. Нацистские песни составляют 40% сборника. Некоторые нацистские тексты имеют зафиксированное авторство. Самый известный пример - песня «главного мученика» движения Хорста Весселя «Знамёна ввысь!». Также в песеннике содержится текст Дитриха Эккарта «Буря, буря, буря!». После него напечатана краткая справка, рассказывающая о роли Эккарта в истории движения. Кроме них, в песенник включён марш составителя сборника Эдмунда Хайнеса «Под знаменем свастики». Песни национал-социалистов могли быть посвящены памятным событиям в истории партии или лицам, составившим нацистский «пантеон героев». К первым относится, например, песня Адольфа Вагнера «Многие пали в Мюнхене» о событиях 9 ноября 1923 г., известным как Пивной путч. Две песни посвящены Альберту Лео Шлагетеру, ещё одному мученику движения.

Песни национал-социалистов внушали штурмовикам определённую модель поведения, описывали пример достойной службы Гитлеру и Германии, подобный рыцарскому служению — рыцарство упоминается в текстах 43 раза. Обращение к образу ландскнехта неудивительно. Ландскнехт — узнаваемый, характеризующий немецкую армию эпох Средневековья и Возрождения образ, романтизированный немецкой культурой XIX столетия. Нацисты использовали романтизированный образ воина и романтизировали саму борьбу. Геббельс называл членов СА героями мужества и преданности [5, S. 133]. Штурмовик

непоколебим и подобен крепкому дубу [11, S. 33], он «твёрд и стоек в борьбе» [11, S. 35], должен быть смелым, мужественным и верным. Слова «смелость/мужественность» и «верность» встречаются в песеннике 15 и 24 раза соответственно. Особое внимание уделяется характерному для нацистов культу смерти. Слова «умирать» и «смерть, мёртвый» упоминаются в текстах 30 и 31 раз соответственно. Штурмовик живёт борьбой, она доставляет ему радость, и он «с радостью идёт на смерть» [11, S. 36]. Борьба носит священный характер, поскольку преследует цель «воскрешения Германии» [11, S. 35]. Ореол святости имеют также нацистские знамёна, в особенности «Знамя крови 9 ноября», и павшие товарищи, которые, согласно тексту песни Хорста Весселя, маршируют вместе с живыми.

Штурмовики представлены как исключительно мужское сообщество, основанное на товариществе. Применительно к членам СА в песнях чаще всего встречаются слова «братья» (25 раз), «товарищ» (23 раза). В текстах подчёркивается, что штурмовики — семейные люди, и они оставляют своих жён, детей и родителей ради борьбы.

В нацистских песнях, исполнявшихся до прихода Гитлера к власти, акцент делался на социально-экономические проблемы, а не на ксенофобию и разжигание войны [4, с. 164-165]. Тем не менее, песни формировали образ врага. Соперниками нацистов являются евреи и коммунисты, причём в текстах они являются чем-то цельным. Врагам приписываются такие негативные качества, как лицемерие, ворчливость, завистливость и ненависть к немцам. Чаще всего гитлеровцы сравнивают своих противников с дьяволом (упоминается 14 раз), выводя политическое противостояние на уровень священной борьбы. В текстах содержатся призывы к насилию, что вторит тезису Гитлера о том, что иначе движению не одержать победы в борьбе за улицы немецких городов: идея может победить идею только вооружённым путём [7, S. 189]. В текстах содержится явная критика Веймарской республики и призыв к борьбе против системы и коммунизма.

Песенник штурмовых отрядов является специфическим источником по истории национал-социалистического движения. Он носил не только утилитарную функцию, но также служил своеобразной учебной книгой по истории движения, о чём говорит наличие в силезском песеннике исторической справки об Эккарте, фотогалереи погибших силезских штурмовиков. Песенник способствовал формированию коллективной идентичности членов СА: внушал единые ценности, представления о памятных событиях, ритуалах. Нацистская пропаганда периода борьбы за власть создала романтизированный образ штурмовика - защитника Германии. Содержащиеся революционные призывы за создание нового государства, построенного на принципах свободы, справедливости, на национальном принципе шли рука об руку с насильственными методами нацистов. И хотя гитлеровцы ещё не говорили о тотальном физическом уничтожении евреев, ясно давали понять, что именно они являются корнем бед Германии и от них надо избавиться.

Литература

1. Васильченко А.В. «Лили Марлен» и другие. Эстрада Третьего рейха. М.: Вече, 2011. 288 с.
2. Зачевский Е. А. История немецкой литературы времен Третьего рейха (1933-1945). СПб. : Издательство «Крига», 2014. 896 с.
3. Рада запретила исполнять российскую музыку в Украине. Исключение сделают для осудивших войну. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-61859380> (Дата обращения: 04.04.2025).
4. Чубинский В.В. Моя «оккупация» Германии. Русский офицер в Берлине и окрестностях. СПб: Издательство «Образование - Культура», 2005. 528 с.
5. Behrenbeck S. Der Kult um die toten Helden. Vierow:SH-Verl.,1996. 631 S.
6. Brauer J. Feeling Political by Collective Singing: Political Youth Organization in Germany, 1920-1960 // Feeling Political. Emotions and Institutions since 1789. Palgrave Macmillan. 2022. P. 277-306.
7. Hitler A. Mein Kampf. München, 1933. 784 S.
8. Rechtsextreme Parole wird zum “Sommerhit”: deutschlandweit fast 400 Fälle. URL: https://www.ndr.de/der_ndr/presse/mitteilungen/Rechtsextreme-Parole-wird-zum-Sommerhit-deutschlandweit-fast-400-Faelle,pressemeldungndr24648.html (Дата обращения: 26.03.2025).
9. SA-Liederbuch. Joseph Huber Verlag, 1933. 304 S. URL: https://www.usmbooks.com/SA_songbook.html (Дата обращения 26.03.2025).
10. Schlesisches SA-Liederbuch. Völkischer Verlag Steinberg&Uttikal, Breslau. 1933. 99 S.
11. Weiß H. Biographisches Lexikon zum Dritten Reich. Fischer Taschenbuch Verlag, 2002. 509 S.

© Пчелкина А.К., 2025

Н.А. Бессилин
к. и. н., доцент
Россия, Уфа, УУНиТ
М.М. Утягулов
к. и. н., доцент
Россия, Уфа, УУНиТ

N.A. Bessilin
c. of h. s., associate professor
Russia, Ufa, UUNT
M.M. Utyagulov
c. of h. s., associate professor
Russia, Ufa, UUNT

ОБРАЗ СОВЕТСКОГО СОЛДАТА В МЕМУАРАХ ФЕЛЬДМАРШАЛА Э. ФОН МАНШТЕЙНА «УТЕРЯННЫЕ ПОБЕДЫ»

THE IMAGE OF A SOVIET SOLDIER IN THE MEMOIRS OF FIELD MARSHAL E. VON MANSTEIN "LOST VICTORIES"

Аннотация. Статья посвящена анализу изображения советского солдата в мемуарах немецкого фельдмаршала Эриха фон Манштейна «Утеранные победы». Будучи представителем прусской военной династии, Манштейн принял участие в сражениях Первой и Второй мировых войн. После нападения фашистской Германии на Советский Союз, он с должности командира танкового корпуса вырос до командующего группой армий, став одним из самых опасных гитлеровских военачальников, «мастером маневренной войны». Участвуя в самых решающих сражениях на советско-германском фронте с июня 1941 по март 1944 г., он описал в своих мемуарах их ход и значение со стороны нашего врага. Тем не менее, в его воспоминаниях довольно много места уделено и упорству, мужеству, отваге и военному искусству воинов Красной Армии, от солдата, до представителей верховного командования.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the image of the Soviet soldier in the memoirs of the German Field Marshal Erich von Manstein "Lost Victories". Being a representative of the Prussian military dynasty, Manstein took part in the battles of the First and Second World Wars. After the attack of Nazi Germany on the Soviet Union, he rose from the position of commander of a tank corps to the commander of an army group, becoming one of the most dangerous Hitlerite military leaders, "a master of maneuver warfare". Participating in the most decisive battles on the Soviet-German front from June 1941 to March 1944, he described in his memoirs their course and significance from the side of our enemy. Nevertheless, in his memoirs quite a lot of space is devoted to the persistence, courage, bravery and military art of the soldiers of the Red Army, from the soldier to the representatives of the high command.

Ключевые слова: Эрих фон Манштейн, «Утеранные победы», Великая Отечественная война, советский солдат, Красная Армия, Севастополь, Сталинград.

Key words: Erich von Manstein, "Lost Victories", Great Patriotic War, Soviet soldier, Red Army, Sevastopol, Stalingrad.

Самый известный советский военачальник периода Великой Отечественной войны, Маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза Георгий Константинович Жуков свои мемуары («Воспоминания и

размышления») посвятил советскому солдату [3, т. 1, с. 7]. Помимо стойкости и героизма советского солдата, нашу Победу обеспечили самоотверженный труд работников тыла и героическое сопротивление врагу на оккупированных территориях партизан и подпольщиков, также свой вклад в победу внесли наши союзники и участники антигитлеровского Сопротивления.

Тем не менее, решающий вклад в разгроме, казалось, непобедимых армий гитлеровской Германии, сумевшей в короткий срок захватить материальные и людские ресурсы почти всей Европы, внес многонациональный советский народ. И в год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне не лишним будет вспомнить об этом беспримерном подвиге всех граждан Советского Союза, отдавших все силы, здоровье и миллионы жизней для разгрома чрезвычайно сильного врага. Чем дальше по времени от нас уходят события Великой Отечественной войны, тем больше информации о ней находится в распоряжении историков, и еще более явными и величественными становятся деяния нашего солдата.

Это беспримерное мужество и упорство советского народа нашло отражение и воспоминаниях вражеских военачальников, в числе которых был и генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн (1887–1973). Он родился в семье генерала Э. фон Левински, сразу после рождения усыновлён мужем своей тёти генерал-лейтенантом Г. фон Манштейном – выходцем из знатного прусского дворянского рода. Отец и дед фельдмаршала Эриха фон Манштейна – прусские генералы, командиры корпусов. Манштейн был талантливый и опасный для нас противник, сторонник и признанный мастер маневренной войны. Он верой и правдой служил фюреру и на протяжении всего текста мемуаров не высказал ни малейшего сомнения в законности, справедливости и рациональности нападения Гитлера на Советский Союз 22 июня 1941 г.

Будучи еще участником Первой мировой войны (1914–1918), он также проявил себя на командных постах в вермахте и в начальный период Второй мировой, во время боев на Западе. В момент нападения фашистов на СССР командовал танковым корпусом в группе армий «Север», пытаясь быстрым ударом прорваться к Ленинграду. Назначенный командующим немецкими войсками в Крыму, сумел захватить Севастополь, за что и был произведен Гитлером в фельдмаршалы (1942). На короткое время был отправлен нацистским вождем под Ленинград, но затем, в связи с окружением войск Паулюса в районе Сталинграда, вновь переброшен на юг, где и провёл до своей отставки в марте 1944 г.

В мае 1945 г. Манштейн арестован британцами. Находился в лагерях для военнопленных почти до конца 1949 г., в декабре 1949 г. осуждён британским военным трибуналом, признан виновным в военных преступлениях и приговорён к 18 годам тюремного заключения. В 1953 г. освобождён по состоянию здоровья. Проживал в ФРГ, участвовал в строительстве бундесвера. Автор мемуаров «Утерянные победы» (1955), «Из жизни солдата» (1958). Развернутый вариант – «Солдат XX века» (1997).

Уже первые минуты и часы внезапного вторжения гитлеровцев на советскую землю на всем протяжении германо-советской границы сопровождалась

ожесточенными боями [1, с. 536, 604, 618; 2, с. 120-122]. Время легких побед, как на Западе, прошло. С отвагой и упорством в бою русского противника Манштейн столкнулся еще в молодости, в годы Первой мировой войны, в Польше. Здесь, получив сведения (они оказались заведомо ложными) о предполагаемом отступлении русских войск, немцы решили ночью организовать преследование и захватить много пленных. Однако, пишет Манштейн в своих мемуарах: «Когда мы уже достигли вражеских окопов... навстречу нам вышли русские, но не с поднятыми руками, а с криками «Ура!» и со штыками наперевес» [5, с. 59]. В завязавшейся рукопашной схватке, Манштейн, тогда адъютант батальона, был тяжело ранен и едва не погиб. Его спасли два немецких солдата, вынеся с поля боя [5, с. 60].

По плану «Барбаросса» 56-й танковый корпус Манштейна, входивший в состав 4-й танковой группы (группа армий «Север»), получил боевую задачу наступать в направлении р. Двины, для захвата переправ через нее. С момента начала наступления (22.06.1941) корпус Манштейна встретил упорное сопротивление пограничников и войск прикрытия государственной границы [5, с. 192]. Преодолев упорное сопротивление советских войск, его 8-я танковая дивизия, пройдя около 300 км, 26 июня вышла к переправам через Двину, которые уже были захвачены немецкими диверсантами в советской форме подразделения «Бранденбург-800 [5, с. 195, см. прим. 2 ред.]. Дальнейшее продвижение корпуса на Восток также сопровождалось сильным сопротивлением советских войск. Помимо стрелковых советских частей, активно наносили удары по немцам советская авиация [5, с. 198] и артиллерия [5, с. 199]. Уже первые бои корпуса Манштейна отмечены чувствительными потерями, особенно это относится к танковой дивизии СС «Мертвая голова», которая «несла колоссальные потери... После десяти дней боев три полка дивизии пришлось свести в два» [5, с. 202].

Не менее упорные и ожесточенные бои против корпуса Манштейна советские войска вели и в течение июля 1941 г., причем 8-я танковая дивизия корпуса на некоторое время попала в окружение и ее снабжение осуществлялось по воздуху [5, с. 209-210]. К 26 июля 1941 г. потери корпуса еще более увеличились, о чем Манштейн сообщил прибывшему на фронт начальнику оперативного управления ОКХ генералу Паулюсу [5, с. 212]. Еще большим ожесточением были отмечены бои и в августе этого года [5, с. 217].

Помимо мужества и отваги, военнослужащие РККА отличались также их хорошими военными навыками и умениями. В частности, описывая оборонительные сооружения под Севастополем, Манштейн акцентирует внимание на их отдельных важных умениях и боевых традициях: «Если русские издавна были известны своим умением оборудовать и маскировать полевые укрепления, то под Севастополем местность, кроме того, представляла им прекрасные возможности для устройства фланкирующих полевых точек. Кроме того, скалистый грунт позволял отрывать такие узкие укрытия для минометов и другого тяжелого оружия, а также и для орудий, что они практически могли быть уничтожены только прямым попаданием. Как всегда у Советов, минные поля были созданы (подчеркнуто мною – Н.Б.) не только

перед различными оборонительными рубежами, но и в глубине обороны» [5, с. 284,]. Для сравнения, повествуя о войне против Польши (сентябрь 1939 г.) и вторжении во Францию (май-июнь 1940 г.), Манштейн также отмечает храбрость и мужество польских [5, с. 51-53, 58, 62-64, 68] и французских войск [5, с. 148-149], но сведений о других, так сказать, профессиональных боевых качествах этих войск мы не нашли. Более того, немецкий фельдмаршал пишет об обилии разнообразных случаев сдачи французских солдат в плен [5, с. 157, 159] и о большом количестве плененных только группой армий «Юг» поляков – 523 тыс. солдат и офицеров [5, с. 64].

Повествуя о сражении под Севастополем в начале июня 1942 г., указывая на применение артиллерии, авиации и на наличие мощных укреплений из камня, бетона и стали, Манштейн далее пишет: «Здесь дух немецкого солдата, его храбрость, инициатива, самоотверженность боролись против отчаянного сопротивления противника, сила которого заключалась в благоприятной для него местности, в выносливости и невероятной стойкости русского солдата, усиленной железной системой принуждения советского режима» [5, с. 292]. Генерал-полковник гитлеровской Германии Гейнц Гудериан также отмечал в качестве основных черт русского солдата его особое упорство, твердость характера и неприхотливость [4, с. 133]. Говоря о втором этапе наступления на Севастополь – до 17 июня 1942 г. – Манштейн отмечает, что он «характеризуется на обоих фронтах наступления ожесточенной борьбой за каждую пядь земли, за каждый ДОС, за каждую полевою позицию. Ожесточенными контратаками русские вновь и вновь пытаются вернуть потерянные позиции. В своих прочных опорных пунктах, а то и в небольших ДОС, они часто держатся до последнего человека» [5, с. 293].

Массовый героизм в заключительных боях под Севастополем проявили советские девушки и женщины: «Противник предпринимал неоднократные попытки прорваться в ночное время на восток, в надежде соединиться с партизанами в горах Яйлы. Плотной массой, ведя отдельных солдат под руки, чтобы никто не мог отстать, бросались они на наши линии. Нередко впереди всех находились женщины и девушки-комсомолки, которые тоже с оружием в руках воодушевляли бойцов» [5, с. 303].

Такое ожесточенное сопротивление бойцов Красной армии наносило большой урон противнику. Манштейн часто пишет об очень больших, несопоставимых с немецкими потерями на Западе, потерях немецких войск на советско-германском фронте: «Мне припоминается донесение одной снятой с переднего края роты, боевой состав которой исчислялся 1 офицером и 8 рядовыми» [5, с. 298]. Когда в августе 1942 г., после захвата Севастополя и Крыма, 11-я армия должна была отправиться под Ленинград, Манштейн, теперь генерал-фельдмаршал, посетил ставку фюрера в Виннице. Здесь, во время доклада начальника Генерального штаба Сухопутных войск генерал-полковника Гальдера, Гитлеру было озвучено, что в полосе группы армий «Центр» «...войска давно уже переутомлены, что большие потери в офицерском и унтер-офицерском составе не могут не оказывать влияние на состояние и боеспособность армии.» [5, с. 313].

Нанеся поражение 2-й ударной армии РККА под Ленинградом к началу октября 1942 года, отметив «огромные потери» советских войск, попавших в котел или деблокирующих их, Манштейн сообщает и о том, что «... все же дивизии нашей армии понесли значительные потери. Вместе с тем была израсходована значительная часть боеприпасов, предназначенных для наступления на Ленинград» [5, с. 318-319]. В своей беседе с фюрером, по случаю вручения Манштейну маршальского жезла, фельдмаршал обрисовал слишком высокое напряжение немецкой пехоты, «ввиду больших потерь, неизбежных при ведении войны против упорного противника...» [5, с. 319]. Для сравнения, потери группы армий «Юг» в польской кампании составляли убитыми и пропавшими без вести чуть более 10,5 тыс. солдат и офицеров [5, с. 64].

Особое место в воспоминаниях фельдмаршала занимает Сталинградская битва, которая, по его мнению, коренным образом изменила ход войны, «поскольку на Волге разбилась волна немецкого наступления, чтобы затем откатиться обратно, подобно волне прибоя» [5, с. 346; 5, с.5]. Само сражение за Сталинград, последующее контрнаступление советских войск и попытка деблокады, которую возглавил фельдмаршал Манштейн, окруженной немецкой группировки Паулюса, – эти события переполнены драматической, ожесточенной вооруженной борьбой и, безусловно, свидетельствуют о решимости, упорстве и доблести советских войск.

После важнейшего сражения на Курской дуге, со второй половины 1943 года, по мнению Манштейна, Красная Армия стала обладать существенным превосходством над немецкими войсками на Восточном фронте, включая его южный фланг. Какие же черты этого превосходства выделяет немецкий фельдмаршал?

1. Колоссальное численное превосходство советских войск как по количеству соединений, так и по вооружению [5, с. 542-543].

2. Преимущество советского командования, «которое не было связано, как командование группы армий, в своих действиях...» [5, с. 543].

3. «Превосходство в силах на советской стороне в районе действий группы «Юг», бывшее колоссальным уже к окончанию операции «Цитадель»... Соотношение сил было приблизительно 7:1 в пользу Советов» [5, с. 543; по мнению редакции, это соотношение примерно 2,5:1 в пользу РККА – там же, сн. 1; см. также 7, с. 26-27]. «Это численное превосходство, - продолжает Манштейн, - дало возможность Советам наступать не только на одном, но часто и на многих участках одновременно, имея подавляющее превосходство в силах. Оно позволяло противнику удивительно быстро восполнять свои часто тяжелые потери.» [5, с. 543].

В качестве главного фактора все возрастающей мощи РККА он выделяет организаторскую деятельность советской власти, также недооцененную немцами перед вторжением: «Мы, конечно, не ожидали от советской стороны таких больших организаторских способностей, которые она проявила в этом деле, а также в развертывании своей военной промышленности. Мы встретили поистине гидру, у которой на месте одной отрубленной головы вырастали две

новые» [5, с. 543]. Этот образ советской гидры неоднократно встречается в мемуарах немецкого военачальника.

В осенних боях 1943 г. Манштейн отмечал возросшую интенсивность огня советской артиллерии [5, с. 582], особую энергичность командования советским Степным фронтом [5, с. 584] и чрезвычайно быстрый рост технического оснащения Советской Армии [5, с. 586, 593, 628]. Говоря об осенних боях под Киевом, Манштейн пишет, что вновь сформированные и переброшенные на Восточный фронт дивизии немцев несут большие потери. И более того «первое соприкосновение с противником на Востоке, не говоря уже о больших потерях, означало для личного состава дивизии психический шок, которого главное командование должно было избегать» [5, с. 592].

Представляет интерес для читателя и рассуждения фельдмаршала о причинах быстрого наступления советских войск на фронте его армий зимой и ранней весной 1944 года.

1. Подавляющее превосходство советских войск [5, с. 639].

2. Окончательное «истощение сил» немцев, их измотанность [5, с. 639].

3. Немецкие пополнения на Восточном фронте не имеют боевого опыта, поэтому они несут большие потери и мало влияют на ход боевых действий [5, с. 639].

4. В общем, «просто не хватало людей и техники, чтобы оборонять большие пространства...» [5, с. 639].

Следовательно, можно сказать, что для немцев 1944 г. был похож на 1941 г. для Советского Союза. Только с одним отличием, в сорок первом году Красная армия выстояла, а в 1944 г. фронт быстро катился к границам самого рейха. Указывая на отступления немецких войск по всему Восточному фронту, тем не менее Манштейн пишет: «Войска, во всяком случае, не виноваты в быстрых темпах продвижения противника. Тому, что в очень редких случаях отмечались проявления трусости в сложившейся обстановке не приходится удивляться» [5, с. 639]. Однако у Гитлера эти проявления получили другую оценку. В одной из последних встреч с Манштейном, 25 марта 1944 г., фюрер упрекал фельдмаршала в том, что «по данным воздушной разведки были отмечены всего-навсего отдельные танки противника, от которых бежали целые войсковые части немцев, а из-за этого непрерывно отводится назад линия фронта» [5, с. 651]. Две немецкие дивизии 4-й танковой армии оказались разгромленными 200 бронированными советскими машинами [5, с. 639]. Сам Манштейн также прямо говорит об «ослаблении духа сопротивления в своих войсках, для противодействия чему он производил замену «целого ряда командиров среднего звена» [5, с. 651].

Таким образом, советская сторона изображена как сильный, опытный, упорный противник, явно недооцененный Гитлером. Хотя, конечно, Манштейн превозносит качество и эффективность немецкой военной организации, однако, он отдает и должное советскому солдату, командирам и руководству Советского Союза. Тем не менее, гитлеровскому фельдмаршалу Эриху фон Манштейну наша страна и наш народ представляются силой непонятной,

находящейся во вне европейской обыденной и военной логики, воюющей не так, как привыкли воевать на Западе.

Литература

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны. Изд. доп. и испр. М.: Кучково поле, 2015. 864 с.
2. Вторая мировая война. Краткая история. М.: Наука, 1984. 593 с.
3. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. Т. 1-3. 9-е изд. М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1988.
4. Итоги второй мировой войны. Сборник статей. / Пер. с нем. Л.К. Комоловой. Под ред. ген.-майора И.Н. Соболева. М.: Иностранная литература, 1957. 640 с.
5. Манштейн Эрих фон. Утерянные победы. Воспоминания фельдмаршала: пер. с нем. / Эрих фон Манштейн. М.: Астрель, 2012. 828 с.
6. Самсонов А.М. Сталинградская битва. 4-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1989. 630 с.
7. Калямова Р.И. Концепция подвига в "Повести о настоящем человеке" Б.Н. Полевого // Духовные ценности и нравственный опыт цивилизаций в контексте XXI века: материалы V Международной научно-практической конференции. – Уфа: Уфимский государственный нефтяной технический университет, 2024. – С. 128-131.
8. Соловьев Б.Г. Вермахт на пути к гибели. М.: Наука, 1973. 312 с.

© Бессилин Н.А., Утягулов М.М. 2025

УДК 930.1(091)

Р.Р. Тухватуллин
к. и. н., доцент
Россия, Уфа, УУНТ

R.R. Tukhvatullin
c. of h. s., associate professor
Russia, Ufa, UUST

ДОРОГИ ВОЙНЫ НИНЫ ТРОФИМОВНЫ ГОЛУБЕВОЙ

NINA TROFIMOVNA GOLUBEVA'S ROADS OF WAR

Аннотация. В статье рассматриваются судьба и участие в Великой Отечественной войне Нины Трофимовны Климович (Голубевой). Показан её боевой путь от Брянских лесов до Германии в составе 41 стрелковой дивизии Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Abstract. The article examines the fate and participation in the Great Patriotic War of Nina Trofimovna Klimovich (Golubeva). Its combat path from the Bryansk forests to Germany as part of the 41st Rifle Division of the Workers' and Peasants' Red Army is shown.

Ключевые слова: Нина Трофимовна Голубева, Великая Отечественная война, связист, 41 стрелковая дивизия

Keywords: Nina Trofimovna Golubeva, Great Patriotic War, signalman, 41st rifle division

Для современной историографии Великой Отечественной войны характерна широкая тематика исследований, которая включает обращение к судьбам отдельных командиров [31, с. 212-217] и воинов Красной Армии [34, с. 56-65]

[35, с. 69-79], индивидуальному опыту человека на войне [29; 30], к гендерному фактору военной истории.

Нина Трофимова Голубева родилась 3 июля 1925 г. в селе Плоское Новодугинского района Смоленской области, который находится северо-восточной части Смоленщины. Поскольку отец Нины Трофимовны был лесником, семья, в которой было шесть детей – два брата и четыре сестры, проживала на хуторе.

С началом Великой Отечественной войны жители района, в том числе шестнадцатилетняя Нина Голубева, работали на строительстве оборонительных укреплений. К этому времени семья Голубевых проживала на станции Новодугино, которую германская авиация начала бомбить с середины августа 1941 г. [15] [32]. Через города и села области на восток потянулись многочисленные беженцы. В середине июля 1941 г. германские войска вошли в Смоленск [32].

Осенью 1941 г. Новодугинский район был занят войсками Германии. Нина Голубева с мамой и младшим братом пытались эвакуироваться, но были вынуждены остановиться в одной из деревень района поскольку началась оккупация. В этой деревне беженцев оккупанты использовали на различных работах – заготовка леса, уход за скотом, уборка помещений и обслуживание нужд немецкой армии. Нина Голубева выполняла разные работы в доме, занятом немецким офицером, который немного знал русский. Однажды, когда девушка мыла полы в этом доме, офицер сказал, что у неё красивые ноги. На следующий день Нина на положенные работы не пошла. Но немец её нашел через день и отхлестал плёткой [14].

В целом, оккупанты стремились подавить волю советского населения к сопротивлению различными жесткими мерами, казнили пленных и местных жителей по подозрению сочувствия партизанам. Представление о действиях оккупантов даёт донесение политотдела 20-й армии, в котором указано, что в деревне «Алхимово Ново-Дугинского района были расстреляны семьи Смирнова и Усачева» [13, с. 3].

В мае 1942 г. трагедия случилась с семьей Соколовых из деревни Пекарево Новодугинского района: 11-летнюю Марию обвинили в том, что она «взяла на почте маленькую посылку, присланную немцу», после чего вся семья была расстреляна [13, с. 4].

В донесении политотдела 20-й армии также отмечено, что фашисты особо зверствовали перед приходом частей Красной Армии в начале 1943 г. Жилые дома сжигались, население подвергалось грабежу. В селе «Торбеево Ново-Дугинского района из 98 домов уцелело 30. В конце февраля все трудоспособные в возрасте от 13 до 60 лет были отправлены под конвоем в Ярцево» [13, с. 5].

Перед отступлением из оккупированных районов Смоленщины, захватчики пытались вывести трудоспособное население, особенно молодежь, и награбленное имущество. По данным Чрезвычайной государственной комиссии об общем ущербе в период фашистской оккупации, на территории Новодугинского сельсовета оккупанты казнили «192 человека мирных граждан,

угнали при отступлении 260 человек мирного населения... угнали весь общественный и личный скот в Германию, разграбили весь сельскохозяйственный инвентарь» [20, с. 88].

Среди угоняемых в Германию была и Нина Голубева. Под конвоем, на подводах или пешком потенциальные оstarбайтеры дошли почти до района Брянских лесов и оказались в селе Уручье (Выгоничский район Брянской области). Здесь небольшая группа наших сограждан решила бежать в лес к партизанам. По воспоминаниям Нины Трофимовны помимо неё на побег решились женщина с дочерью, несколько девушек и молодой человек. Во время побега кто-то из беглецов задел ограждение с сигнальными колокольчиками, началась стрельба и погоня. Группа беглецов устремилась к реке Десна, за которой и начинались Брянские леса, где базировались партизанские отряды. Немцы уже настигали, но беглецам удалось спрятаться под обрывом у реки в небольшой пещере. Нина Трофимовна считает, что им повезло: погоня была без собак, и фашисты их не заметили.

Потом на берегу обнаружили лодку, заполненную водой, и попытались отчерпать воду. Но лодка вновь наполнялась водой. Нина Голубева не побоялась тем не менее переправиться на другой берег, где её уже заметили партизаны. Они быстро подлатали лодку и помогли беглецам переправиться на левый берег реки. Так Нина Голубева попала в партизанский отряд, где пробыла по её воспоминаниям неделю. Но, несмотря на краткое пребывание в рядах партизан, она один раз сходилa с бойцами отряда в разведку [14] [26].

В августе 1943 г. Красная Армия начала Брянскую наступательную операцию, в ходе которой войска Брянского фронта освобождали территорию области. В частности, в составе фронта воевала 41 стрелковая дивизия (3-го формирования). Летом 1943 г. 41 стрелковая дивизия (СД – Р.Р. Тухватуллин), которая входила в состав 63-й армии, сражалась в Курской битве, как в оборонительном этапе, так и в наступательной операции, затем в августе–сентябре – в Брянской операции, и понесла существенные потери [1] [5].

Как вспоминает Нина Трофимовна, офицер политотдела по фамилии Фомин забрал её из партизанского отряда и определил в 41 стрелковую дивизию. Так в возрасте 18 лет девушка стала красноармейцем.

В дивизии Нина Голубева попала в отдельную 611 отдельную роту связи. Здесь её обучили необходимым навыкам: работе на коммутаторе, соединению обрывов кабелей связи, их правильной изоляции, стрельбе из карабина. Связисты устанавливали связь между частями и подразделениями дивизии, часто работали под обстрелами. Приходилось в любую погоду много ходить пешком, под обстрелами со стороны противника. Как вспоминает Нина Трофимовна, однажды на задании она подняла голову из укрытия, и пуля «прошла» буквально по щеке, по касательной. Девушка убедилась, что пуля, действительно, горячая [14].

41 СД во второй половине сентября 1943 г. была отведена во второй эшелон, в резерв командующего 63-й армии. Затем боевой путь дивизии продолжился на территории Белоруссии: она форсировала р. Сож, участвовала в Гомельско-

Речицкой операции и вела наступательные бои при сильном сопротивлении противника в районе н.п. Новосёлки. В конце 1943 – начале 1944 гг. дивизия несколько раз выводилась во второй эшелон для пополнения и отдыха. Так 9 декабря 1943 г. «после короткой артподготовки дивизия перешла в наступление с задачей овладеть Мал. Козловичи и в дальнейшем наступать на Антоновка (Жлобинский район Гомельской области – Р.Т.). Наступательные действия успеха не имели, из-за оказанного сильного огневого сопротивления противником» [3, с. 9-10].

В конце марта – начале апреля 1944 г. 41 СД была временно переброшена с Первого Белорусского фронта на Второй Белорусский фронт несколькими эшелонами до станции Маневичи, а затем маршем выдвинулась на рубеж обороны в районе Туричаны (Волинская область Украины) [3, с. 12]. В мае 1944 г. командиром 41 дивизии был назначен Герой Советского Союза Степан Иванович Черняк [25].

18 июля 1944 г. войска Первого Белорусского фронта начали Люблинско-Брестскую наступательную операцию. В ходе этой операции 41 СД в составе 69 армии участвовала в боях за освобождение Западной Украины, прорывала подготовленную оборону противника на реке Турья в Волинской области, вышла к государственной границе СССР на реке Западный Буг и с ходу форсировала её [6].

В ходе наступления Красной Армии 22 июля 1944 г. был освобожден г. Хелм. Именно здесь был принят Манифест Польского Комитета Национального Освобождения, в котором было заявлено о создании Крайовой Рады Народовой, объявившей себя единственным законным источником власти в Польше [21].

Связисты роты связи 41 дивизии в этих сложных условиях выполняли свой воинский долг. Нина Трофимовна вспоминает, что ребята-связисты жалели молоденьких девчат – старались сами чаще выходить на опасные задания, ликвидировать обрывы проводной связи [14], но, естественно, фронтовая жизнь была полна опасностей. В наградном листе отмечено: «Телефонистка Голубева дежурила на коммутаторе Центральной телефонной станции. Она целыми сутками не спала...Она помогала бойцам подметывать линии и наводить внутреннюю связь. Она всегда находилась впереди и проявляла отвагу». Ефрейтор Н.Т. Голубева была представлена к медали «За отвагу» [22]. Но в итоге в августе 1944 г. она была награждена медалью «За боевые заслуги» [27].

8 сентября 1944 г. Нине Голубевой приказом Верховного Главнокомандующего была объявлена «благодарность за участие в боях за освобождение города Хелм от немецко-фашистских захватчиков» [2].

После освобождения Хелма и Люблина, в начале августа 1944 г. 41 дивизия вышла к р. Висла и переправилась на левый берег районе населенного пункта Яновец (Пулавский плацдарм). Противник стремился не допустить переправы частей Красной Армии и вел интенсивный огонь по переправам. Так в Журнале боевых действий дивизии за 4 августа отмечено: «За 4.8.44 потери наших войск от обстрела р-на переправы составили: убитыми – 20 человек, ранеными 39 человек, в том числе командир 6 СР 139 СП л-т Колотилин...Разбито 6 лодок и

2 плота, убито 5 лошадей, разбито и затоплено с грузом 3 повозки, подбито 2 автомашины» [7].

Дивизия вела упорные бои за расширение Пулавского плацдарма. В заполненном от руки наградном листе Нины Трофимовны при описании этих событий отмечено: «...6 августа 1944 года связистка Голубева в числе первых, под сильным обстрелом вражеской артиллерии на лодке переправилась на западный берег реки Висла». Младший сержант Голубева добралась до узла связи штаба дивизии в деревне Грядкув и приступила к дежурству. Противник вел постоянный артогонь по деревне и «линии обрывало ежеминутно, т. Голубева обходными линиями обеспечивала командование бесперебойной связью». Младший сержант Н.Т. Голубева была представлена к ордену Отечественной войны II степени. В итоге Н.Т. Голубева была награждена первым боевым орденом Красной Звезды [23].

15 августа 1944 г. 41 стрелковая дивизия получила приказ с выпиской из Указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении её орденом «Красного Знамени» [7].

Фронтовые будни не бывали легкими, бытовые условия чаще были тяжелыми. Нина Трофимовна вспоминает, что тем не менее связисты не болели. Только иногда удавалось отдохнуть и даже тихонько спеть: «На позиции девушка / Провожала бойца, / Темной ночью простилась / На ступеньках крыльца...» [14].

В дальнейшем части 41 дивизии держали жесткую оборону занятых позиций на левобережье Вислы вплоть до начала Висло-Одерской операции. Германское командование подготовило к началу 1945 г. эшелонированную оборону. В частности, Вислинский оборонительный рубеж имел глубину от 30 до 70 км и состоял из 3-4 оборонительных полос [4, с. 303].

Командование Красной Армии готовило наступление. Для обеспечения непрерывного и устойчивого управления соединениями и частями командные и наблюдательные пункты были максимально приближены к войскам. На связистов легло обеспечение надежной радио-, телефонной и телеграфной связью. 14 января 1945 г. началось наступление войск Первого Белорусского фронта с пулавского плацдарма. 41 дивизия первоначально находилась в резерве 69 армии, совершала марш за наступающими частями [8].

16 января 1945 г. сержанту Н.Т. Голубевой «За отличные боевые действия при прорыве обороны немцев южнее Варшавы» Верховный Главнокомандующий Маршалл Советского Союза И. Сталин объявил благодарность [2].

1 февраля 1945 г. части дивизии пересекли государственную границу Германии с боями продвигались по территории противника, ликвидировали многочисленные долговременные огневые точки. Одной из задач дивизии стало прочесывание лесов с целью пленения скрывающихся офицеров и солдат противника [9].

Проводилась боевая подготовка к наступлению в крупном населенном пункте на территории Германии, отрабатывались действия штурмовых групп. Подготавливались гранатометчики, организовывались сборы полковых и

дивизионных радистов. В конце марта 1945 г. части дивизии переправились на левый берег р. Одер и заняли участок на переднем крае обороны в районе станции Лебус, расположенной севернее г. Франкфурт-на-Одере [10].

Получив боевой приказ штаба корпуса 41 СКД в 5 часов 30 минут 16 апреля начала прорывать оборону противника. Противник оказывал ожесточенное сопротивление, неоднократно контратаковал, его авиация совершала налеты на боевые порядки дивизии, переправу через Одер и по району Лебус. Наступающие части дивизии несли немалые потери, о чем свидетельствует Журнал боевых действий. Так 16 апреля потери составили до 180 человек убитыми и ранеными, 17 апреля – свыше 150 человек, 18 апреля – 125 человек, 19 апреля – 105 человек. В целом, дивизия за апрель 1945 г. потеряла убитыми 622, ранеными 1185 человек. Весь личный состав дивизии в начале апреля составлял 5861 офицеров, сержантов и рядовых. 41 СКД продолжала бои с врагом в районах населенных пунктов юго-восточнее и южнее Берлина: Фюрстенвальде, Шторков, Шверин [11].

23 апреля 1945 г. приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И. Сталина «за отличные боевые действия при прорыве обороны немцев в наступлении на Берлин» сержанту Н.Т. Голубевой была объявлена благодарность [2].

Связисты 41 дивизии обеспечивали связь и, соответственно, управление войсками. «Телефонистка Голубева Н.Т., дежуря на НП командира у коммутатора, обеспечивала командование дивизии бесперебойной телефонной связью на всех направлениях». Дежурство продолжалось во время налёта авиации врага: «...не взирая на бомбёжку, она продолжала дежурить и обеспечивать командование бесперебойной связью с наступающими полками» [24]. Сержант Н.Т. Голубева была награждена вторым орденом «Красная Звезда» [24]. Нина Трофимовна вспоминает, что после боев командир дивизии заходил к связистам и благодарил их за хорошую работу [14].

В начале мая 1945 г. 41 СКД преследовала отступающие войска противника, в том числе пытавшиеся выйти из Берлина, прочесывала леса с целью поиска и пленения укрывавшихся немецких солдат в районах населенных пунктов и городов Гросс-Киниц, Тельтов, Клайнмахнов, озера Гроссер-Плессоер, деревни Шопсдорф, города Альтенграбен.

9 мая 1945 г., когда сержант Голубева дежурила на коммутаторе, было объявлено о подписании акта о безоговорочной капитуляции Германских вооруженных сил. Во всех частях и подразделениях дивизии были проведены летучие митинги [12].

В июне 1945 г. сержант Н.Т. Голубева была награждена тремя медалями: «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [18].

К концу войны изменилась и личная жизнь Нины Трофимовны Голубевой. Еще в 1943 г. между боями, когда она отдыхала в окопе, её увидел молодой лейтенант Александр Константинович Климович. В итоге родилась крепкая фронтовая семья, которая после окончания войны долго колесила по гарнизонам и городам СССР, и в итоге в 1967 г. оказалась в Уфе. 27 февраля

2025 г. Уфимский городской Совет присвоил Климович Нине Трофимовне звание «Почётный гражданин города Уфы» [17].

Таким образом, жительница Смоленщины Нина Голубева с честью и достоинством прошла дорогами Великой Отечественной войны. Девушка, которой в июле 1941 г. исполнилось 16 лет, пережила тяжелый период двухлетней оккупации. Осенью 1943 г. влилась в ряды РККА, в составе которой от Брянщины дошла до Германии. Боевые заслуги Нины Трофимовны отмечены орденами и медалями, а также благодарностями от имени Верховного Главнокомандующего. Её жизнь – пример жизнелюбия, чести, верности долгу, любви к Родине.

Литература:

1. 41-я стрелковая дивизия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rkkawwii.ru/division/41sdf3> (дата обращения: 12.04.2025).

2. Архив Н.Т. Климович.

3. Боевой путь 41 СД с 14.12.1941 по 24.04.1944 г. С. 9-10 [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=136676074&backurl=division%5C41%20%D1%81%D0%B4::begin_date%5C08.10.1943::end_date%5C13.10.1943::use_main_string%5Ctrue::group%5Ccall::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie/ (дата обращения: 12.04.2025).

4. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. М.: Кучково поле, 2013. 864 с.

5. Виртуальный музей Великой Отечественной войны на Брянщине Зал 4. За землю Брянскую. Освобождение Брянщины от немецко-фашистской оккупации. 1943 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://libryansk.ru/za-zemlyu-bryanskuyu-osvobozhdenie-bryanschiny-ot-nemeckofashistskoj-okkupacii-1943-g.11750/> (дата обращения: 06.04.2025).

6. Журнал боевых действий 41 СД за июль 1944 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=110000144/> (дата обращения: 17.04.2025).

7. Журнал боевых действий 41 СКД за август 1944 г. [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=130358024&backurl=q%5C41%20%D1%81%D0%B4::use_main_string%5Ctrue::group%5Cjbd::types%5Cjbd/ (дата обращения: 17.04.2025).

8. Журнал боевых действий 41 СКД за январь 1945 г. [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=110000149&backurl=division%5C41%20%D1%81%D0%B4::begin_date%5C16.01.1945::end_date%5C16.01.1945::use_main_string%5Ctrue::group%5Ccall::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie/

iy:karti:shemi:spravki:drugie&date_from=16.01.1945&date_to=16.01.1945/ (дата обращения: 17.04.2025).

9. Журнал боевых действий 41 СКД за февраль 1945 г. [Электронный ресурс]. URL:

https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=110000150&backurl=division%5C41%20%D1%81%D0%B4::begin_date%5C28.02.1945::end_date%5C01.02.1945::use_main_string%5Ctrue::group%5Ccall::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:dirktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie&date_from=28.02.1945&date_to=01.02.1945/ (дата обращения: 17.04.2025).

10. Журнал боевых действий 41 СКД за март 1945 г. [Электронный ресурс]. URL:

https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=110000151&backurl=q%5C41%20%D1%81%D0%B4%20%D0%B6%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB%20%D1%8E%D0%BE%D0%B5%D0%B2%D1%8B%D1%85%20%D0%B4%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D0%B9::division%5C41%20%D1%81%D0%B4::begin_date%5C01.03.1945::end_date%5C01.04.1945::use_main_string%5Cfalse::group%5Cjbd::types%5Cjbd&date_from=01.03.1945&date_to=01.04.1945/ (дата обращения: 17.04.2025).

11. Журнал боевых действий 41 СКД за апрель 1945 г. [Электронный ресурс]. URL:

https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=110000152&backurl=q%5C41%20%D1%81%D0%B4%20%D0%B6%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB%20%D1%8E%D0%BE%D0%B5%D0%B2%D1%8B%D1%85%20%D0%B4%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D0%B9::division%5C41%20%D1%81%D0%B4::begin_date%5C01.03.1945::end_date%5C01.04.1945::use_main_string%5Cfalse::group%5Cjbd::types%5Cjbd&date_from=01.03.1945&date_to=01.04.1945/ (дата обращения: 17.04.2025).

12. Журнал боевых действий 41 СКД за май 1945 г. [Электронный ресурс]. URL:

https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=110000153&backurl=q%5C%D0%B6%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB%20%D0%B1%D0%BE%D0%B5%D0%B2%D1%8B%D1%85%20%D0%B4%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D0%B9%2041%20%D1%81%D0%B4%20::use_main_string%5Ctrue::group%5Cjbd::types%5Cjbd::page%5C3/ (дата обращения: 17.04.2025).

13. Из донесения политотдела 20-й армии Западного фронта – о злодеяниях немецко-фашистских войск на территориях Кармановского, Новодугинского, Тумановского, Вяземского районов Смоленской области в период оккупации [Электронный ресурс]. URL: <https://victims.rusarchives.ru/iz-doneseniya-politotdela-20-y-armii-zapadnogo-fronta-o-zlodeyaniyakh-nemecko-fashistskikh-voysk-na> (дата обращения: 17.04.2025) (дата обращения: 06.04.2025).

14. Интервью с Н.Т. Климович. 15.03.2025, 09.05.2025.

15. Историческая справка [Электронный ресурс]. URL: <https://novodugino.admin-smolensk.ru/leftmenu/istoricheskaya-spravka/> (дата обращения: 17.04.2025)/

16. Каминский О. Черняк Степан Иванович [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2016/10/20/501/> (дата обращения: 17.04.2025)
17. Климович Нина Трофимовна [Электронный ресурс]. URL: https://gorsovet-ufa.ru/pochet/?ELEMENT_ID=18480/ (дата обращения: 17.04.2025).
18. Климович (Голубева) Нина Трофимовна [Электронный ресурс]. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=1509682739&tab=navDetailManCard/> (дата обращения: 06.04.2025).
19. Книга памяти мирных жителей. Смоленская область. В 9 томах. Сычевский район, Новодугинский район, Вхотский район. Андреевский район, Знаменский район, Ершицкий район / [над кн. работали: Зайцев И.М. и др.]. 2005. 467, [1] [Электронный ресурс]. URL: <https://websprav.admin-smolensk.ru/pobeda/book2/22.pdf/> (дата обращения: 17.04.2025)
20. Манифест Польского Комитета Национального Освобождения [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/270299-manifest-polskogo-komiteta-natsionalnogo-osvobozhdeniya-helm-22-iyulya-1944-g#mode/inspect/page/1/zoom/4/> (дата обращения: 17.04.2025)
21. Наградной лист. Голубева Нина Трофимовна [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie33846749/ (дата обращения: 12.04.2025).
22. Наградной лист2. Голубева Нина Трофимовна [Электронный ресурс]. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=33934069&tab=navDetailDocument/> (дата обращения: 12.04.2025).
23. Наградной лист3. Голубева Нина Трофимовна [Электронный ресурс]. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=28037869&tab=navDetailDocument/> (дата обращения: 17.04.2025).
24. Наградной лист. Черняк Степан Иванович [Электронный ресурс]. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=20558922&tab=navDetailDocument/> (дата обращения: 17.04.2025).
25. Пономарева Н.М. Партизанское движение на территории Выгоничского района.1941-1943 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://libryansk.ru/partizanskoe-dvizhenie-na-territorii-vygonichskogo-raiona1941-1943-gg.11747/> (дата обращения: 17.04.2025).
26. Приказ по частям 41 стрелковой дивизии 69 армии 1 Белорусского фронта №: 99/н От: 02.08.1944 [Электронный ресурс]. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=33846689&tab=navDetailDocument/> (дата обращения: 17.04.2025).
27. Приказ по частям 41 стрелковой дивизии 69 армии 1 Белорусского фронта №: 134/н от: 18.11.1944 [Электронный ресурс]. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=33934069&tab=navDetailDocument/> (дата обращения: 17.04.2025).
28. Приказ по частям 41 стрелковой дивизии 69 армии 1 Белорусского фронта №: 37/н от: 18.05.1945 [Электронный ресурс]. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=28037869&tab=navDetailDocument/> (дата обращения: 17.04.2025).

29. Полякова Е.В. Испытание войной: нравственная проблематика повести Василя Быкова «Карьер» // Великая отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретация, уроки прошлого: материалы Международной научно-практической конференции. – Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025. – С. 233-236.

30. Калямова Р.И. Концепция подвига в "Повести о настоящем человеке" Б.Н. Полевого // Духовные ценности и нравственный опыт цивилизаций в контексте XXI века: мат-лы V Международной научно-практической конференции. – Уфа: Уфимский государственный нефтяной технический университет, 2024. – С. 128-131.

31. Смоленск освобождён от немецко-фашистских захватчиков [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prilib.ru/history/619570/> (дата обращения: 17.04.2025).

32. Тарасенкова Т. И. Смоленск: жизнь в оккупации (1941–1943 гг.) // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10, № 2(31). С. 9-9. <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-2-9-9>. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obsestvo-oborona/2022-2-31/article-0313/> (дата обращения: 17.04.2025).

33. Тухватуллин Р.Р. Боевой путь гвардии майора Б.Х. Тупеева // Вклад Башкортостана в Великую Победу: материалы Международного научно-практического форума, посвященного 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (г. Уфа, 22-23 октября 2020 г.) / Администрация Главы Республики Башкортостан, Правительство Республики Башкортостан, Центр гуманитарных исследований [и др.]; редакционная коллегия: Р. Н. Рахимов (отв. ред.) [и др.]. Т. 1. Уфа: БашГУ, 2020. 339 с.

34. Тухватуллин Р.Р. Боевой путь лётчика А.И. Ахметшина // Советская авиация в годы Великой Отечественной войны: история в лицах. К 100-летию дважды Героя Советского Союза Мусы Гареева. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / ред. Р.Н. Рахимов, Э.Ю. Шиляев. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 152 с. DOI: 10.33184/sagvov-2022-05-18.7

35. Филимонов М.А. Авиаторы Башкирии – герои Великой Отечественной войны. <https://DOI: 10.33184/sagvov-2022-05-18.9> // Советская авиация в годы Великой Отечественной войны: история в лицах. К 100-летию дважды Героя Советского Союза Мусы Гареева. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / ред. Р.Н. Рахимов, Э.Ю. Шиляев. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 152 с.

© Тухватуллин Р.Р., 2025

УДК 378

Леонова Т. А.

к. и. н., доцент

Россия, Уфа, БГПУ им. М. Акмуллы

T. A. Leonova

c. of h. s., associate professor

Russia, Ufa, M. Aknulla BSPU

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В ВУЗОВСКОМ НАРРАТИВЕ

REGIONAL EXPERIENCE OF FORMING A SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL SCHOOL IN THE UNIVERSITY NARRATIVE

Аннотация. На основе личных воспоминаний рассматривается формирование научно-педагогической школы открывшегося в 1973 г. историко-английского факультета БГПИ. Анализируются условия и особенности деятельности данного интеллектуального сообщества. Делается вывод о тесной связи опыта интеллектуалов советской эпохи с

современной научно-педагогической школой, о необходимости сохранения и совершенствования исследований «исторической памяти».

Abstract. The article examines the formation of the scientific and pedagogical school of the Department of History and English of the Bashkir State Pedagogical Institute on the basis of personal memories. An analysis of the conditions and features of this intellectual community is carried out. The conclusion is drawn about the close connection between the experience of the intellectuals of the Soviet era and modern scientific and pedagogical school, about the need to preserve and improve research of “historical memory”.

Ключевые слова: высшее образование, историко-английский факультет, научно-педагогическая школа, устная история, коллективная идентичность

Keywords: higher education, the Department of History and English, scientific and pedagogical school, oral history, collective identity.

Создание историко-английского факультета в Башкирском педагогическом институте (БГПИ) пришлось на время активного развития исторической науки в СССР. Это был, безусловно, всплеск интеллектуальной деятельности советской гуманитаристики, отмеченный формированием региональных образовательных центров, использовавших достижения и практический опыт высшей школы старейших вузов страны, расположенных в Москве, Ленинграде, Казани и других крупных городах страны. Однако остается малоизвестной деятельность формирующихся научно-педагогических школ на региональном уровне, как, в частности, БГПИ, где в 1973 г. был открыт и действовал до 2000 г. историко-английский факультет. На его базе формировалась и обретала опыт историческая научно-педагогическая школа. В результате ряда преобразований БГПИ получил статус университета, а его подразделение стало Институтом исторического и правового образования. Дальнейшее слияние кафедр и учебных направлений к настоящему времени преобразовало его в Институт истории права и социально гуманитарного образования (ИИПСГО). За столь небольшой исторический отрезок времени сохранилась не только историческая память, но и ее носители – преподаватели и студенты – создатели и хранители той среды, которую мы вправе назвать региональной научно-педагогической школой.

Используя понятие, научно-педагогическая школа, напомним, что, не смотря на его широкое использование, по настоящее время в научной литературе нет единого мнения относительно его содержания.

Как отмечают исследователи отечественной историографии, деятели научного мира, включая ученых из вузовской системы, осознанно восприняли явление, получившее наименование «научная школа» и «научно-педагогическая школа» [11]. В качестве критериев научной школы, в основном, применяются количественные характеристики. Однако, помимо них необходимо добавить и качественные, которые можно определить соотносением научной школы к сообществу. С одной стороны, существует мнение, что особенно важным является изучение феномена региональных научно-педагогических школ, коммуникации между которыми можно рассматривать как основу их деятельности и развития, а также позиционирования себя в регионе как некоторой общности [17]. Вместе с тем исследователь из Омска отмечает существующую «замкнутость и закрытость

этих школ, а значит, ограниченность их влияния в регионе» [17]. С другой стороны, НПШ обосновывается как форма организации научной деятельности вуза в виде объединения исследователей, обладающих потенциалом самовоспроизводства [19].

Рассматривая проблему формирования и статус научной школы социолог Р.Т. Насибуллин отмечает, что формирование и функционирование научной школы связано с двумя важнейшими ее особенностями. Во-первых, наличие лидера, обладающего тонким восприятием нового в науке и практике, наделенного организаторскими способностями фундаментальными знаниями в соответствующей области науки. Во-вторых, функционирование научной школы происходит путем преодоления противоречий, связанных с объективным процессом непрерывной смены поколений ученых исследователей, территориальной и профессиональной мобильностью [7, с. 29].

В основном, определение НПШ происходит по формальным признакам, на которые ссылаются авторы большинства работ по данной проблеме. Однако НПШ определяется не только внешними факторами, но и внутренним климатом, в основе которого ведется борьба «с имитацией научной деятельности, освобождение от внутреннего балласта» [7, с. 28].

В основе современного процесса стабилизации регионального историко-педагогического пространства некоторые исследователи видят в создании «дочерних» научных школ, развивающихся в провинции (географической) благодаря научному ученичеству. В той и другой научной школе разделяющая их линия проходит, «прежде всего, по объекту исследования, не затрагивая предметность и методологию» [19, с. 19].

Региональная научно-педагогическая школа, как мы считаем, не может быть моноцикличной, как исключительный созидатель определенной практики приобретения и хранения научного знания. Непременной ее составляющей является передача навыков и практики интеллектуального мышления в любых науках, сочетая таким образом познавательный, тематический и инструментальный аппарат, например, исторической науки с ее педагогическими приемами.

Обращаясь к современным концепциям научной школы, мы исходим из положений, выдвинутых проф. Г.П. Мягковым, обобщившим современные трактовки понятия «школа». Согласимся с формулировкой Г.П. Мягкова, «что «школа» — это, в первую очередь, «неформальное объединение» [6, с. 111]. Если учесть профессиональную направленность именно исторической школы, то сошлемся на А.Я. Гуревича, который считал, что ее суть составляет «овладение ремеслом историка» [2, с. 125]. В наши дни привлекает пристальное внимание проблема не только собственно констатации явления той или иной исследовательской школы, но ее как вида коллективной деятельности, с которой также связаны проблемы «индивидуальной и коллективной идентичности, соотношения истории и памяти» [11, с. 59].

Основные направления исследований научно-педагогических школ связаны не только с личностью основоположника, но и с их дисциплинарной направленностью. Определив свое концептуальное «кредо», отметим, что в

нашей статье использованы как обозначенные ниже исследования, так и источники, которые сравнительно недавно получили официальный статус «устной истории», «или истории из первых рук» [16]. Инструментарий устной истории позволяет, с точки зрения историков, значительно расширить диапазон возможных исследовательских задач в рамках локальной истории [15].

Сложившаяся практика коммемораций положила традицию изучения и трансляции опыта разных деятелей мировой и отечественной исторической науки [12]. Историческая память, как старейшая форма самоидентификации и самопрезентации общества любых эпох, сохраняется в наступивший век быстрой смены средств и способов коммуникации. Более того, представители истории как науки, достаточно оптимистично смотрят на этот, казалось бы, анахронизм. И более того, по словам Пьера Нора «мы живем в эпоху всемирного торжества памяти» [9, с.20].

Воспоминания о различных этапах развития в XX в. и начале XXI в. нашей страны позволяют устной истории формировать важную источниковую основу будущих исследований. В воспоминаниях о своей жизни ярко проявляются те ее стороны, которые не фиксируют другие источники. Сугубо личный характер устной истории дает возможность выявить самоидентификацию как отдельного человека, так и коллектива, к которому он принадлежит [15].

В нашей статье использованы опубликованные [10] и устные личные воспоминания коллег первого поколения научно-педагогической школы историко-английского факультета: Т.А. Леоновой (к. и. н., доцент), Г.Т. Обыденновой (д. и. н., профессор), М.Г. Балоновой (ст. преподаватель). Еще не написанная биография историко-английского факультета БГПИ, в настоящее время представлена публикациями, основанными преимущественно на коммеморации жизненного и творческого пути двух ректоров БГПИ Рустема Гумеровича Кузеева [3, 8] и Эдуарда Шайхулловича Хамитова [1].

Идея создания историко-английского факультета в интересах деятельности малокомплектных школ принадлежала Рустему Гумеровичу Кузееву. К ее реализации был привлечен уже тогда известный ученый, этнограф, один из руководителей БФ АН СССР Раиль Гумерович Кузеев. В течение первого десятилетия сформировалось поколение молодых преподавателей первопроходцев, получивших основы исторического и филологического Высшего образования в разных университетах и институтах СССР: МГУ им. М.В. Ломоносова – Т.А. Леонова, М.Б. Ямалов; МГПИ – Н.Н. Чернова, А.А. Евдокимова, Л.Е. Шевченко; в Ленинграде (ЛГПИ – В.Б. Кузнецов); в Казани (КГУ – Г.Т. Обыденнова); в Уфе (БГУ – Н.М. Имашева, А.Х. Хуснутдинов, Т.Г. Миролубова; БГПИ – М.Г. Балонова, Р.Б. Арсланова).

Особенностью подготовки, что во многом способствовало нашей идентификации, был интеллектуальный и патриотический потенциал наших преподавателей. Конец 60-х – 70-е годы XX в. – время, когда ещё активно преподавали во всех вузах СССР профессора и доценты довоенного и военного поколения Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Это были состоявшиеся люди, имеющие за плечами фронтовое прошлое, многие из них завершили прерванную учебу за короткий после военный период. Желание и

умение свои мысли и проекты претворять в жизнь – отличительная черта профессуры и преподавателей высшей школы, воспитавших послевоенное поколение студентов 60-70 х годов. Мы их застали, к нашему счастью.

Так, кафедру Средних веков, по которой специализировалась Т.А. Леонова, в МГУ возглавлял проф. Сергей Данилович Сказкин (1890-1973), служивший в гражданском ополчении, защищая Москву. По окончании Великой Отечественной войны пришли с фронта и преподавали профессора Александр Рафаилович Корсунский (1914-1980), Юрий Михайлович Сапрыкин (1913-1998), а также их современницы Евгения Владимировна Гутнова (1914-1992), Зинаида Владимировна Удальцова (1918-1987), их ученики: Лидия Михайловна Брагина (1930-2021), Нина Александровна Хачатурян (1931-2020), Вячеслав Викторович Самаркин (1933-1977).

Легендарное поколение преподавателей, у которых повезло учиться Г.Т. Обыденновой – это Аркадий Семенович Шофман (1913–1993). Обладая блестящей филологической и исторической подготовкой, с 1948 заведовал кафедрой всеобщей истории КГУ [4, с. 8]. Евгений Прокофьевич Бусыгин (1914-2008), профессиональный музыкант, историк. По окончании Великой Отечественной войны возглавил научно-исследовательскую школу этнографии КГУ [14]. Наставник поколений археологической школы КГУ проф. Альфред Хасанович Халиков (1924-1994).

Школа приобщения к истории в БГУ также находилась в руках прекрасных преподавателей с фронтовой закалкой, как выпускник Ярославского университета Рудольф Александрович Маслов (1925-1996). Его ученики в полном смысле этого слова продолжали его научную и учебную практику, как Н.А. Бессилин (БГУ) и А.А. Евдокимова уже в БГПИ. Плеяду прекрасных преподавателей по Новейшей истории подготовил закончивший МГУ Вячеслав Станиславович Эйсымонт (1912-1978) [18, с. 246]. По воспоминаниям доцента Л.Е. Шевченко он «одним своим присутствием создавал атмосферу важности, значительности дела, которому мы служим» [10, с. 69]. Наконец, ровесник Р.Г. Кузеева и фронтовик Яков Васильевич Зайцев (1923-1994), возглавлявший с 1973 г. кафедру всеобщей истории БГУ.

Генератором энергии формирующейся научно-педагогической школы являлся ректор БГПИ Рустем Гумерович Кузеев [3: 8; 13]. Имея за плечами тяжелый опыт фронтовых боев, он был не просто администратором, а примером ученого и учителя, который совершенно очевидно и искренне любил студентов, уважал их мнение и позицию. «Не ошибусь, что нас он этому тоже научил, при этом не поучая и не навязывая своего мнения. Он был наставником, умеющим слушать и слышать своих подчиненных» [5, с.134].

Характерной особенностью обучения студентов исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, по воспоминаниям Т.А. Леоновой, была полная личная ответственность за собственное посещение занятий и успеваемость. Имея право выбора специализации при отсутствии на истфаке «нажима» на студента, Т.А. Леонова специализировалась по кафедре истории Средних веков. Каждая из более чем десяти кафедр истфака МГУ имела свою программу специализации, которая отвечала требованиям подготовки специалиста именно

избранной предметной сферы от археологии до новейшей истории. Исторический факультет МГУ включал также искусствоведческое отделение, которое было благом для студентов – историков, слушавшим общие и факультативные курсы по истории мировой и русской культуры. Только с течением времени пришло осознание того, какую огромную роль сыграла заложенная в МГУ традиция самоконтроля и самоорганизации в становлении рабочей обстановки теперь уже на историко-английском факультете БГПИ. Эта традиция прививалась также и преподавателями по истории СССР, прошедшими обучение в БГУ, а затем в аспирантуре МГУ им. М.В. Ломоносова, защитившими не только кандидатские, но и позднее докторские диссертации: Евгений Кадырович Миннибаев и Марат Барыевич Ямалов.

Одной из особенностей казанской археологической школы, которую прошла профессор Г.Т. Обыденнова, было тесное сотрудничество вуза с Академией наук, сотрудники-археологи которой вели преподавательскую деятельность в Казанском университете. Развитие практических навыков студентов приобреталось в совместных экспедициях действующего археологического кружка с сотрудниками Академии наук: разведки, ведение полевой документации, камеральная обработка. Очень активной была студенческая жизнь Казанского университета. Реализовывалась масса студенческих проектов от «Ленинской сходки» до Булгарской и Билярской экспедиций. Эту атмосферу, как вспоминает проф. Г.Т. Обыденнова, хотелось привнести на наш историко-английский факультет БГПИ.

Основной костяк преподавателей на историко-английском факультете составили выпускники прежде всего истфака и инфака БГУ. Среди первых, участников и организаторов становления историко-английского факультета были Надежда Николаевна Чернова, Валерий Борисович Кузнецов, Лидия Евгеньевна Шевченко, Ангелина Алексеевна Евдокимова. Подчеркнем, что каждый преподаватель, безусловно, был личностью, получившей основы межличностных и корпоративно-научных взаимоотношений первоначально в БГУ, затем в аспирантуре других вузов. Их наставником с первого курса была доцент Татьяна Федоровна Пиленкова, преподаватель и исследователь античности. С лета 1969 по 1983 год она руководила археологической практикой студентов-историков, проходившей на раскопках античного Пантикапея в г. Керчь. Участником, а затем и продолжателем этой практики уже на базе БГПИ стала доцент Н.Н. Чернова.

Учеба в вузе – это нелегкий праздник приобщения к знаниям. Очень важно, чтобы этот процесс находился в руках опытных и любящих свое ремесло преподавателей. Созданный одним из первых в БГПИ факультет иностранных языков не был обделен в этом плане. Многие преподаватели, по словам М.Г. Балоновой, были яркими личностями, запомнившимися студентам на долгие годы. Такой была первый декан факультета иностранных языков Александра Ивановна Фролова, получившая возможность побывать в послевоенные годы в США, прекрасный знаток особенностей американского варианта английского языка. Дмитрий Николаевич Картунов, работавший в Индии, в БГПИ вёл занятия по прессе. И, конечно, совершенно необыкновенный человек, с

необычной судьбой – Михаил Викторович Лоренс. Он родился в Китае и жил там до 11 лет, когда вернулся в СССР с родителями, говорил на четырёх языках. Выучку у таких преподавателей факультета иностранных языков прошли наши первые преподаватели английского языка, работавшие на созданной кафедре английского языка историко-английского факультета: Марина Григорьевна Балонова, Лариса Александровна Воронова, Роза Бариевна Арсланова. Как считает М.Г. Балонова: «Нам повезло в том, что наши преподаватели были не просто знающими и опытными, но и очень интересными людьми, которые дали нам много не только в профессиональном плане, но и в человеческом».

После серии защит кандидатских диссертаций с начала 80-х гг. XX в. у каждого преподавателя историко-английского факультета появились авторские спецкурсы. Был создан сквозной спецкурс, ориентированный на запросы школ «Мыслители прошлого об обществе и человеке» [9].

Все преподаватели историко-английского факультета были Личностями с индивидуальным почерком. Но было общее, что передавалось каждому студенту в виде неписанных норм и правил, которыми отличалась научно-педагогическая школа историко-английского факультета БГПИ.

Преимственность в наставничестве преподавания особенно ярко проявлялась в практике ведения семинарских занятий, а именно: научение тому, что сейчас получило бы наименование «критическое мышление» столь необходимое и безусловное в работе историка не только над литературой исследовательского характера. Важнее всего умение работать с текстами ушедших лет, что особенно важно для всеобщей истории: практика прочтения и интерпретации источников от древних текстов, изображений к документам недавнего времени, использование контекста, вплоть до его интуитивного прочувствования. И самое главное – насколько единодушно эта практика присутствовала в работе преподавателей с учетом того насколько разнообразным становится современный контекст существования научно-образовательных объединений, в котором, на мой взгляд, может раствориться это пока еще существующее понятие НПШ.

Именно преподаватели историки и филологи сформировали ту уникальную атмосферу научно-педагогической школы, как интеллектуального сообщества историко-английского факультета, отличающегося яркостью, качеством преподавания, креативности и харизматичности, что произошло благодаря синтезу традиций интеллектуальных сообществ Отечественных образовательных школ (МГУ, МГПИ, КГУ, БГУ), в стенах которых они выросли, а также в результате собственных творческих новаций, соответствовавших реалиям и потребностям времени. Можно воспользоваться словами Р.Г. Кузеева для характеристики таких коллективов НПШ, как «Созидающие островки» [13, с. 68].

Уход из нашей преподавательской практики научного контекста разрушает основу НПШ, как бы мы не стремились к проверке выводов и текстов публикаций с помощью антиплагиата и даже его «выравнивания» с помощью искусственного интеллекта. Существующие в настоящее время риски

разрушения региональных НПШ минимизируются, если обозначить междисциплинарное содержание их работы с возможным решением о ее организации в форме вне кафедральной деятельности лабораторий и центров, опыт создания которых имеется в уфимских вузах.

В заключение подчеркнем, что с наступлением XXI в. «историческая память» в историографии стала рассматриваться, с одной стороны, становится не только одним из каналов передачи опыта и сведений, но и важным фактором, «обеспечивающим идентификацию и консолидацию профессиональных и других социальных групп» [12, с. 13].

Литература

1. Аминов Т.М. Э.Ш. Хамитов – ректор, педагог и подвижник образования. Уфа: ООО «ПечатникЪ», 2003. 168 с.
2. Гуревич А.Я. Подводя итоги. // Одиссей. Человек в истории. 2000. М.: Наука, 2000. С.125-138 с.
3. Личность в зеркале эпохи: научное и педагогическое наследие Рустема Гумеровича Кузеева: сборник материалов Всероссийского круглого стола, посвященного 100-летию Р.Г. Кузеева (г. Уфа, 23 марта 2023 г.) / отв. редактор Р.З. Алмаев. Уфа: Изд. БГПУ, 2023. 140 с.
4. Кащеев В.И. Историк А.С. Шофман и его научное окружение // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 4 – 5. С. 7-26.
5. Леонова Т.А. Размышления о принципах трех «К» Рустема Кузеева в контексте современного исторического познания // Личность в зеркале эпохи: научное и педагогическое наследие Рустема Гумеровича Кузеева: сборник материалов Всероссийского круглого стола, посвященного 100-летию Р.Г. Кузеева. Уфа: Изд. БГПУ, 2023. С.132-136.
6. Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке. Опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во КГУ, 2000. 298 с.
7. Насибуллин Р.Т. Научная школа как социальное явление (на примере социологической научной школы Башкортостана) // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Серия: Социально гуманитарные науки. 2024. № 1. С. 6-31.
8. Наука жизни и жизнь в науке. Памяти профессора Рустема Гумеровича Кузеева. Уфа: Информреклама, 2003. 126 с.
9. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999, с. 17-50.
10. Путь в истории. Сб. ст. / Под ред. Т.А. Леоновой. Уфа: Изд-во БГПУ, 2003. 88 с.
11. Репина Л.П. «Может ли история обойтись без теории?»: вечные вопросы и поиски новаций в историографии // Историки в поисках перспектив. Коллективная монография / Под общ. ред. З.А. Чеканцевой. М.: Аквилон, 2019. С. 32-86.

12. Репина Л.П. Историческая память и нарративы национальной идентичности: «практика истории на службе памяти» // Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография. М.: Аквилон, 2020. С. 9-36.

13. Рустем Кузеев (Кузеев Р.Г.). Испытание временем. Воспоминания профессора к юбилею института. Уфа, 1992.

14. Столярова Г.Р. Первый этнограф Волги (к 95-летию со дня рождения профессора Е.П. Бусыгина) // Краеведческие среды Национального музея Республики Татарстан. Материалы заседания 17 декабря 2008 г. Казань, 2009. С. 36-41.

15. Стрекалова Е.Н. «Устная история» в контексте новой локальной истории // Устная история. захватчиков [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newlocalhistory.com/node/17> (дата обращения: 17.04.2025).

16. Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. / Пер. с англ. М.: Мир, 2000. 296 с.

17. Чуркина Н.И. Коммуникация как основа деятельности региональных научно-педагогических школ // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор М.Н. Никонова. Омск, 2018. С. 7-13.

18. Эйсымонт В.В. Письма с фронта // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: Воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны / Сост.: С.И. Антонова и др.; предисл. В.П. Богданова. М.: Весь Мир, 2009. С. 246-255.

19. Юдина Н.П. Традиции научной школы как фактор стабилизации историко-педагогического пространства // Образовательные системы и среды: историко-педагогический дискурс в начале XXI века. Сб. н. тр. Международной научно-практической конференции РАО. Вологда, 2022. С. 17-22.

© Леонова Т.А., 2025

СЕКЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

УДК 94(47).08

Л.В. Стафеева
учитель истории
Россия, Чита, Забайкальский краевой-лицей интернат

L.V. Stafeeva
History Teacher
Russia, Chita, Transbaikal Regional Boarding School

ОСОБЕННОСТИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИТАЙСКИХ ИММИГРАНТОВ В ЗАБАЙКАЛЬЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

FEATURES OF THE LABOR ACTIVITY OF CHINESE IMMIGRANTS IN TRANSBAIKALIA AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES

Аннотация. В статье представлены некоторые аспекты трудовой деятельности китайской диаспоры в Забайкалье на рубеже XIX – XX вв, включая работу на золотых приисках и Забайкальской железной дороге китайских иммигрантов в Забайкалье. Рассмотрены действия властей по регулированию трудовой миграции из Китая. Приведенные в статье факты представлены на основе работы с фондами Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК).

Abstract. The article presents some aspects of the labor activity of the Chinese diaspora in Transbaikalia at the turn of the 19th – 20th centuries, including work on gold mines and the Trans-Baikal railway of Chinese immigrants in Transbaikalia. The actions of the authorities to regulate labor migration from China are considered. The facts presented in the article are based on work with the funds of the State Archive of the Trans-Baikal Territory (GAZK).

Ключевые слова: китайская диаспора, Забайкалье на рубеже XIX – XX вв., трудовая деятельность, Военный губернатор Забайкальской области

Keywords: Chinese Diaspora, Transbaikalia at the Turn of the XIX–XX Centuries, Labor Activity, Military Governor of the Transbaikal Region

История китайской общины в России начинается с середины XIX в., а ключевыми событиями, которые способствовали ее появлению – Айгунский и Пекинский договоры. На русских землях выделялось два района с постоянным китайским населением: Зазейский по Амуру и Южно-Уссурийский в долине реки Суйфун. В результате подписания Айгунского и Пекинского договоров на территории Российской империи появилось китайское население двух категорий – зазейские маньчжуры, управлявшиеся из Китая, и китайцы и маньчжуры в Уссурийском крае, численность и система управления которых оставалась некоторое время неясной [7, с. 68].

С установлением российской власти в Приморье многие китайцы покинули Россию. Оставшиеся и вновь прибывшие уже не смогли образовать территорий компактного расселения, но существовали отдельные районы в городах и селах. Начальный период формирования системы управления китайским населением на Дальнем Востоке (конец 50-х – конец 70 гг. XIX в.) характеризуется

знакомством и формированием определенного отношения со стороны русской администрации к этой категории населения, а также появлением первых проектов управления китайцами, большей частью так и оставшихся на бумаге.

В мае 1876 г. дано разрешение налагать на китайцев штрафы за нарушение табачного устава, в июле того же года «было велено преследовать уличенных в промысле хищническим золотом». В мае 1879 г. введено обложение пошлинами и сборами наравне с русскими подданными китайцев за право торговли далее 50 верстного расстояния от границы. В рапорте от 21 октября 1878 г. на имя председателя Государственного Совета генерал-губернатором Восточной Сибири П.А. Фредериксом изложена идея обложения китайцев податью. Суть предложений сводилась к введению небольшого налога (от 50 коп. до 1 руб.), уплачиваемого каждым работником в возрасте от 18 до 60 в течение первых 5 лет [7, с. 101].

В конце XIX – начале XX вв. приток иммигрантов из Китая на российскую территорию резко увеличился в том числе вследствие строительства Транссибирской магистрали. В указанный временной период приоритетным направлением для китайских иммигрантов стало российское Приморье. Что касается забайкальского региона (включавшего в себя нынешнюю республику Бурятию), то иммигранты прибывали из Маньчжурии, Владивостока и Благовещенска [2, л. 18].

В Забайкалье не существовало районов компактного расселения китайцев. Большинство прибывших сюда иммигрантов находилось в крае временно, занимаясь сезонными промыслами. В городах и селах они образовывали отдельные районы. Китайская диаспора едва ли не 100% состояла из мужчин трудоспособного возраста. В Забайкальских деревнях и станицах китайцы занимались мелочной торговлей «в разнос», огородничеством, работали в наем у зажиточных крестьян, занимались распиловкой леса, пилкой дров, кладкой печей, большинство из них являлось чернорабочими. Часть китайских рабочих была задействована на работах при сооружении Забайкальской железной дороги и дальнейшей ее эксплуатации, многие трудились на фабриках, заводах, золотых приисках. Китайцы приезжали в Забайкалье исключительно в поисках работы и, скопив определенную сумму, уезжали на родину. Отдельные из них, разбогатев, предпочитали осесть в Забайкалье, некоторые женились на русских женщинах, принимали православие и российское подданство. Как писал исследователь А. Ларин в статье «Желтый вопрос», опубликованной в журнале «Родина», отметил, что существуют основания для утверждения о том, что сверхдешёвый труд китайцев в начале XX века оказался буквально спасением для находившейся в кризисе российской промышленности [6, с. 66-67].

Мощным стимулом к быстрому развитию экономики региона послужило строительство Транссибирской железной дороги, начатое в 90-е гг. XIX в. Железная дорога надежно связала Дальний Восток с европейской Россией, способствуя его вхождению в общероссийский рынок. Возросла потребность в строительных материалах, что стимулировало развитие местной промышленности и торговли [7, с. 161-163].

Немало китайцев работало на Забайкальской железной дороге, золотых приисках. Первоначально дальневосточная золотопромышленность была монополизирована Кабинетом Его Императорского Величества, но с 1863 г разрешается частная золотодобыча в Забайкалье, а с 1865 г допускается этот вид деятельности и в Амурской области. В силу малонаселённости края, отсутствия необходимого количества рабочих рук, местная администрация рассматривала потенциальную возможность привлечения к золотодобыче китайских рабочих [7, с. 182-183].

В июне 1865 г. генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков направил в Министерство финансов представление о разрешении на привлечение к работам китайских старателей. В докладе было отмечено, что «... что подобная мера может принести значительную пользу как потому, что она будет служить верным обеспечением на случай чрезмерного повышения заработной платы, так и потому, что рабочее население из китайцев отличается вообще трудолюбием, спокойствием и особым тщанием в производстве подобных золотому промыслу работ». С таким обоснованием согласилось и Министерство иностранных дел. [7, с. 182-183].

В июле 1865 г. в утвержденном Александром II положении Комитета Министров о разрешении частного золотого промысла в Амурской и Приморской областях такая деятельность была обусловлена в том числе и требованием, «чтобы в найме рабочих из иностранцев золотопромышленники ограничивались одними китайцами». Другие иностранцы также допускались на прииски в качестве рабочих, но по «отдельным, каждый раз испрашиваемым разрешениям» Восточно-Сибирского генерал-губернатора. [7, с. 182-183].

Но все же, учет китайских рабочих на золотых приисках Забайкалья был крайне труден, многие владельцы и управляющие приисков не передавали сведения. Например, заведующий Приаргунскими отрядными промыслами сообщал, что на 1 сентября 1900 г. на золотом промысле на реке Архипов работало шестеро китайцев [1, л. 1].

Следует отметить, что труд китайских рабочих имел и нелицеприятную сторону. В частности, комиссия Горного департамента, рассматривавшая использование китайского труда в сфере золотодобычи, отметила среди его негативных последствий хищническую эксплуатацию россыпей, вытеснение с приисков русских рабочих, которым оставалось только уходить в тайгу на нелегальное старательство, утайку и скупку золота, которое тайно «уплывало» в Китай. [6, с. 66-67].

В целом, окончание русско-японской войны, по итогам которой Россия потерпела поражение, изменило взгляды властей на существование китайской общины на российской территории. Как писал исследователь А.Г. Ларин: «В политической элите и обществе появилась обеспокоенность тем, чтобы, наплыв китайцев не привел к потере контроля над восточными окраинами страны. К тому же, среди китайской общины в Приамурье стали широко распространяться представления о том, что именно они являются хозяевами края, а эти представления при наличии определённых обстоятельств могли бы прижиться среди китайской общины и в Забайкалье» [6, с. 66-67].

Российский революционер Л.Г. Дейч, живший в это время в Благовещенске отмечал «... в среде малокультурных слоёв нашего населения китайцы и маньчжуры не пользовались особо симпатией, низшие слои видели в них представителей чуждой национальности, упорно избегающей слиться с русской... Кроме того, в них русские рабочие видели опасных для себя конкурентов...» [5, с. 54-55].

Вопрос о роли так называемого «желтого труда» обсуждался на самом высоком уровне. По постановлению Совета Министров от февраля 1913 г. было создано Межведомственное Совещание по делам Дальнего Востока под руководством шталмейстера Н.Л. Гондатти. На заседании 9 апреля 1913 г. обсуждались вопросы, связанные с изданием общего иммиграционного закона для областей Дальнего Востока, а также с запрещением иностранцам пребывать в районе Амурской железной дороги. Отмечалась острая необходимость в иммиграционном законе, т.к. «наплыв иноземцев недопустим не только по экономическим обоснованиям, но по политическим». Совещание постановило поручить МВД подготовку законопроекта о запрещении нахождения иностранных подданных в указанном районе. Проект был подготовлен и представлен членам совещания. Согласно документу, иностранные подданные не имели права прибывать в район, тяготеющий к Амурской железной дороге, определяемый территорией площади, ограниченной рр. Шилкой, Амуром и линией, идущей на 50 верст выше от полосы дороги в пределах Забайкальской, Амурской и Приморской областями [7, с. 282-283].

Присутствие иностранцев допускалось только при наличии специального разрешения, выданного русскими властями. За организацию «привоза или эмиграции» иностранных подданных устанавливался солидный штраф – 500 руб. плюс по 50 руб. за каждого человека.

Как уже было сказано выше, основными промыслами китайцев в Забайкалье являлись огородничество, торговля и «черные» работы. В сведениях о китайцах, проживающих в колонии Чита-Вокзал за 1912 г.: 7 чел. – арендовали 37½ десятин земли; 250 чел. – кирпичники; 100 чел. – чернорабочие; 100 чел. – торговцы мелочью; 150 чел. – занимаются огородничеством, из них 10 женщин. Следует особо отметить то, что больше на территории края китайских женщин, по официальным данным полиции и Забайкальского областного статистического комитета, не проживало [2, л. 18].

Возраст китайских иммигрантов был от 20 до 40 лет. По сведениям о китайцах, проживающих во второй части г. Читы за 1912 г., из 211 чел. лишь пятеро были старше 50-ти лет. Часто китайские торговцы привозили с собой в качестве рассыльных мальчиков в возрасте 11–14 лет. [2, л. 18].

Отдельные состоятельные китайцы имели свои подряды (рубка леса, выделка кирпича и т.д.), арендованную землю, являлись домовладельцами, сдающими в аренду жилье своим соотечественникам [1, л. 1]. По данным за 1912 г., в Чите в собственности у китайцев было 203 сажени земли, в аренде у частных лиц китайцев (включая корейцев) – 178 десяти земли. Многие из осевших в Забайкалье китайцев являлись состоятельными людьми. Свой капитал они наживали на торговых операциях, эксплуатации земли [2, л. 18].

Для властей сохранение золота и золотого запаса в любом виде в пределах Российской империи являлось делом государственной важности, особенно в условиях военного времени – в период Первой мировой войны. Приказом Военного Губернатора Забайкальской области А. И. Кияшко от 10 октября 1915 г. № 8024 предписывающем уездным начальникам, полицмейстерам, горным исправникам и приставам Нерчинского горного округа установить самый тщательный контроль с целью задержания похищенного золота с приисков, утекающего с китайскими рабочими в Китай. [3, л. 306].

Силовые структуры обязывались иметь виду последовавшее со стороны министра финансов 26 июня 1915 г. распоряжение «О воспрещении по обстоятельствам военного времени вывоза по всем границам империи золота: шлифованного, в слитках, в монетах, в изделиях всякого рода. К этому присовокупляю, что сохранение золота в пределах России и борьба с утечкой за границу должна считаться делом государственной важности...» [3, л. 306].

Война требовала колоссальных расходов, в связи с этим правительство признало золотодобычу отраслью, работавшей на оборону. Вопрос об условиях применения «желтого труда» требовал скорейшего решения. 23 августа 1916 г. Совет министров обсудил, а 15 сентября 1916 г. император рассмотрел вопрос о допущении китайцев на работы в горнопромышленные предприятия Восточно-Сибирской горной области. Согласно этому документу китайцам, разрешалось работать на золотых промыслах в Восточно-Сибирской горной области, за исключением 25-верстной полосы вдоль Сибирской магистрали и на расстоянии менее 50 верст от укрепленных пунктов [7, с. 282-283].

Они должны иметь визированные национальные паспорта, при переходе русской границы за регистрацию национального паспорта требовалось уплатить 30 копеек; для выборки годового билета, стоимостью 5 руб. 10 коп., со дня перехода границы предоставлялась трехмесячная отсрочка; проезд по территории России разрешался в сопровождении доверенного лица по проходным свидетельствам. С началом Первой мировой войны в Забайкалье были отмечены случаи хождения китайских скупщиков сырья по населенным пунктам области с целью покупки у крестьян лома меди, а также материалов, используемых военным ведомством, причём имелись основания предполагать, что всё покупаемое, тайным путём переправляется в Китай. Военным Губернатором Забайкальской области был издан приказ от 13 ноября 1915 г. № 7677, предписывающий при обнаружении у китайцев скупленного ими лома меди отбирать таковой, с донесением о каждом таком случае военному губернатору или вице-губернатору [4, л. 312].

Литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 19. ОП. 1. Д. 210. л. 1
2. ГАЗК. Ф. 26. ОП. 1. Д. 393. л. 18.
3. ГАЗК. Ф. 26. ОП. 1. Д. 439. л. 306.
4. ГАЗК. Ф. 26. ОП. 1. Д. 439. л. 312.
5. Дацышен В.Г. Уссурийские купцы // «Родина» 1995. № 2. С. 54-55.

6. Ларин А.Г. Желтый вопрос // «Родина» 1999. № 1. С. 66-72.

7. Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на Юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – нач. XX вв.). Владивосток. Издательство Дальневосточного университета. 2004. 372 с.

© Стафеева Л.В., 2025

УДК 94(47).084

М.Г. Зубаиров

к. и. н., доцент

Россия, Уфа

M.G. Zubairov

c. of h. s., associate professor

Russia, Ufa

ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ АВТОНОМНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ 1924 ГОДА

DRAFT CONSTITUTION OF THE AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC OF THE VOLGA GERMANS OF 1924

Аннотация. В статье рассматривается проект конституции республики Немцев Поволжья – первого Основного Закона среди автономных Республик в составе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, показаны особенности данного документа, связанные с советским опытом государственного строительства и решения национального вопроса.

Abstract. The article examines the draft constitution of the Republic of Volga Germans, the first Basic Law among the autonomous Republics within the Russian Soviet Federative Socialist Republic, and shows the features of this document related to the experience of Soviet experience in state-building and solving the national question.

Ключевые слова: Автономная Социалистическая Советская Республика Немцев Поволжья, Конституция, структура государственной власти и управления.

Keywords: Autonomous Socialist Soviet Republic of Volga Germans, Constitution, structure of state power and administration

В сложной обстановке периода Гражданской войны руководство советского государства продолжало уделять большое внимание национальному вопросу. 19 октября 1918 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР принял Декрет «О немецких колониях Поволжья». В вводной части документа отмечалось: «В целях укрепления борьбы за социальное освобождение немецких рабочих и немецкой бедноты Поволжья...в согласии с единодушно высказанными пожеланиями I съезда Советов Депутатов немецких колоний Поволжья» и указывалось, что «Местности, заселенные немцами-колонистами Поволжья...образовывают...областное объединение с характером трудовой коммуны» [2].

На основе данного решения, в конце ноября 1918 г. II съезд Советов немецких колоний образовал первую в РСФСР национально-территориальную

автономию – Трудовую коммуну немцев-колонистов Поволжья» [5, с. 874]. На её основе была создана 19 декабря 1923 г. Автономная Социалистическая Советская Республика Немцев Поволжья (АССРНП – М.З.). Территория республики составляла 28,8 тыс. кв. км, население – 527042 человека [5, с. 874].

В начале декабря 1924 г. третья сессия Центрального Исполнительного Комитета АССРНП 1-го созыва утвердила проект Конституции Республики. 5 января 1925 г. по инициативе Заместителя Председателя ЦИКа и Председателя СНК В. Курца и секретаря ЦИКа В. Зандберга проект Конституции был направлен Центральным Исполнительным Комитетам 11 автономных республик РСФСР. В частности, в секретариат Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики он поступил 12 января 1925 года [1, л. 2]. В 2023 г. автор данной статьи обнаружил этот документ в Башкирском центральном государственном архиве.

Конституция состояла из 4 разделов, разделенные на 15 глав, 23 – три части и 314 – статей [1, л. 2]. Следовательно, она по количеству статей более чем в три раза превышала Конституцию РСФСР 1918 г. (90 статей) [4, с. 3-47] и более чем в два раза Конституцию СССР 1924 г. (146 статей) [43, с. 218-254].

Первая глава – «Структура Автономной Социалистической Советской Республики Немцев Поволжья» – содержит положение о том, что «аппарат Государственной власти АССРНП организуется из местных советов, их съездов и Исполнительных Комитетов и Съезда Советов АССРНП [1, ст. 2].

Совет Народных Комиссаров (СНК) автономии должен был включать в себя 11 Народных Комиссариатов: Внутренних Дел, Юстиции, Просвещения, Здравоохранения, Финансов, Земледелия, Труда, Социального Обеспечения, Рабоче-Крестьянской Инспекции, Внутренней торговли, Центральный Совет Народного хозяйства [1, ст. 3]. Предполагалось при СНК учредить управления: Центральное Статистическое, Центральное Архивное и Государственное Политическое. А для координации действий Наркоматов и Управлений образовывалась Государственная Плановая Комиссия (Госплан), «действовавшая на основании особого «Положения» [1, ст. 7-9].

Вторая глава, которая касалась разграничения полномочий в федеративном государстве («О взаимоотношениях АССРНП с РСФСР и СССР в области законодательства и управления»), очертила полномочия наркоматов: общесоюзных, объединенных и автономных.

Наркоматы СССР (Путей Сообщения, Почт и Телеграфов, Военного), расположенных на территории АССРНП «подчиняются непосредственно вышестоящим органам этих Наркоматов» [1, ст. 12]. В целях консолидации финансовой и хозяйственной деятельности РСФСР и АССРНП создавались объединенные наркоматы. К ним относились следующие наркоматы АССРНП: Финансов, Труда, Рабоче-Крестьянской Инспекции, Внутренней торговли, Центральный Совет Народного хозяйства, а также Управления: Центральное статистическое, Центральное Архивное, Главное Политическое. Они подчинялись одноименным Наркоматам и Управления РСФСР, которые проводили «свои плановые задания через Совнарком АССРНП» [1, ст. 12, 13].

По отношению к руководящим кадрам правительственных учреждений и предприятий, не входящих в состав Наркоматов и Управлений АССРНП (за исключением органов Красной Армии), законодатель установил принцип двойного подчинения. Так, уполномоченные общесоюзных Наркоматов назначаются и смещаются соответствующими Наркоматами СССР. Правительство АССРНП имело только «право выдвижения кандидатов, а равно мотивированного отвода при назначении и протеста при смещении. Разногласия, могущие возникнуть, разрешаются ЦИКом СССР по представлению ВЦИКа» [1, ст. 15]. Таким образом, отдавалось предпочтение Наркоматам и Управлениям СССР.

Руководители объединенных Наркоматов и Управлений РСФСР и АССРНП «избираются и отзываются Правительством АССРНП, причем подлежащим Наркоматам и Управлениям РСФСР принадлежит право мотивированного отвода при избрании и протеста при отзыве. Разногласия, могущие возникнуть, подлежат окончательному разрешению ВЦИКа. «Об избрании Правительством АССРНП Наркомов Автономных Наркоматов АССРНП сообщается для сведения одноименным Наркоматам РСФСР» [1, ст. 16].

Далее Законодатель предполагает и обосновывает причины отказа в исполнении решений вышестоящих органов. Статья 20 устанавливает: «Распоряжения общесоюзных и объединенных наркоматов СССР и РСФСР могут быть приостанавливаемы только специальными постановлениями Правительства АССРНП в следующих случаях: когда немедленное проведение их в жизнь грозит непосредственным и тяжелым расстройством хозяйственной или политической жизни АССРНП. У данной статьи были два Примечания. Первое о том, что «Распоряжение по мобилизации органов Наркомвоена не могут быть приостановлены ни в каких случаях». Второе – «О приостановлении распоряжений телеграфно уведомляется ВЦИК, Совнарком РСФСР или СССР» [1, ст. 20].

Характер взаимоотношений СНК АССРНП с необъединенными наркоматами поставлен в более жесткие рамки. Так согласно 27 статье: «Декреты, постановления и распоряжения Правительства РСФСР и СССР, изданные по линии общесоюзных и объединенных наркоматов СССР и РСФСР, принимаются к исполнению органами власти АССРНП» [1, ст. 27]. Но следующая 28 статья разделяет вопросы, входящие в компетенцию наркоматов АССРНП, на две категории по степени важности: «1) вопросы, регулирование коих производится централизованно аппаратом одноименных наркоматов РСФСР и 2) вопросы, решения коих, в порядке управления, производится непосредственно аппаратом автономных Наркоматов АССРНП» [1, ст. 28]. К тому же, примечание № 2 к этой статье указывает, что «распоряжения Наркоматов РСФСР (необъединенных) проводятся на территории АССРНП с визы Совнаркома АССРНП» [1, ст. 28].

Сфера работы необъединенных наркоматов заметно сужается требованием 29 статьи: «Правительству АССРНП принадлежит право приостанавливать действие на территории АССРНП всех вообще распоряжений необъединенных Наркоматов РСФСР, имеющих обязательный для АССРНП характер, в силу ст.

28-й настоящей Конституции, при несоответствии их местным условиям, с уведомлением подлежащего Наркомата РСФСР» [1, ст. 29].

В главе IV проекта Конституции «О государственных языках АССРНП» было определено, что в качестве государственного будут использоваться три языка: немецкий, русский и украинский.

Между тем нужно подчеркнуть, что ни в Конституции РСФСР 1918 г., ни в Конституции СССР 1924 г. не выделяется государственный язык. Но следует отметить, что в Российской империи был государственный язык. Так «Основные государственные законы 1906 года» установили: «Русский язык есть язык общегосударственный и обязателен в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях. Употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях определяется особыми законами» [4, с. 9].

Конституция СССР 1924 г. применила термин «общеупотребительный» язык. Статья 34 указывала: «Декреты и постановления Центрального Исполнительного Комитета, его Президиума и Совета Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик печатаются на языках общеупотребительных в союзных республиках (русский, украинский, белорусский, грузинский, армянский, тюрко-татарский)» [5, с. 226].

Рассмотрим содержание 36 статьи Конституции АССРНП. «Немецкий, русский, украинские языки являются равноправными на территории АССРНП. Во всех территориальных частях Республики делопроизводство ведется на языке большинства населения каждой такой части (кантона, города, села» [1, ст. 36].

Немцев в АССРНП насчитывалось 379630 человек (66,42 процента от всех жителей), русских – 116561 (20,39%), украинцев – 68561 человек (11,99%). Следовательно, немцы имели преобладающее большинство по числу людей в сравнении с русскими и украинцами. Поэтому цель 36 статьи, провозгласившая равенство трех наций по языку, направлена на укрепление дружбы между народами, живущими в АССРНП. А для закрепления демократизма во взаимоотношениях между начальствующими и подчиненными органами государственной власти устанавливается правило: «Переписка вышестоящих административных единиц с нижестоящими ведется на языке, принятом для делопроизводства последних» [1, ст. 36].

Как Конституции РСФСР 1918 г. и СССР 1924 г., так и Конституция АССРНП не разделяли государственную власть на законодательную и исполнительную. Поэтому съезд Советов АССРНП, его ЦИК, Президиум ЦИК, СНК являлись законодательными, исполнительными, распорядительными и контролирующими органами.

Организации власти в АССРНП как в центре, так и на местах посвящены 246 статей Конституции. В них подробно регламентируются права и обязанности как высших органов власти, так и низших, компетенции пленарных заседаний ЦИК и его Президиума, СНК, разграничение функций Президиума ЦИК и СНК, кантонных съездов Советов и соответствующих Президиумов, городских и сельских Советов, даже между их депутатами.

Немецкая дотошность и педантичность, к сожалению, не привела перехода количества статей к росту качества Конституции, то есть основного закона государства прямого действия, обладающего высшей юридической силой. Проект Конституции АССРНП оброс бездной предписаний, задач и обязательств. Конечно, детальное описание работы органов власти, отделов, комиссий и секций Советов и депутатов всех уровней является объективной необходимостью. Но они разрабатываются на уровне законов и иных нормативных правовых актов местного законодательства.

Активное и пассивное избирательное право, которому посвящен III Раздел Конституции, в основном повторяет соответствующий раздел Конституции РСФСР 1918 г. Избирательное право было всеобщим для трудящихся граждан обоего пола, достигших 18 лет, независимо от вероисповедования, национальной оседлости. Избирательных прав были лишены лица, живущие не на трудовые доходы (проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества), использующие наемный труд для получения прибыли, монахи и духовные служители церквей и религиозных культов, агенты и служащие бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, члены царствовавшего в России дома, душевнобольные, умалишенные, состоящие под опекой, осужденные [см 4, с. 44].

Проект Конституции АССРНП, исходя из реалий НЭП, начавшейся в 1921 г., ввел некоторые новеллы. Так, пункт «а» 168 статьи уточняет: «Из лиц, прибегавших к наемному труду, нетрудовому доходу или торговле, Республиканская Избирательная Комиссия может допускать к участию в выборах лишь тех, которые представят удостоверения от фабрично-заводских комитетов, месткомов или сельских обществ, по принадлежности, о том, что данное лицо в настоящее время не эксплуатирует чужого труда, живет на средства, добываемые его личным трудом, и вполне доказало свою лояльность к Советской власти» [1, ст. 168а].

Также в примечаниях к этой статье указывается, что «лица, занимающиеся сельским хозяйством и пользующиеся наемным трудом в порядке ст.ст. 39-41 Земельного кодекса РСФСР...», получающие проценты с вкладов в трудовых сберегательных кассах и облигаций государственных и коммунальных займов избирательного права не лишаются...» [1, ст. 168а].

Следующая статья (168б), исходя из опыта кассовой борьбы в годы гражданской войны, дополняет, по сравнению с Конституцией РСФСР 1918 г., перечень лиц, лишенных избирательного права. К ним относятся: высшие чиновники контрреволюционных правительств (Колчака, Деникина и других), прокуроры, судьи, члены главного тюремного управления министерства юстиции. Но мелкие чиновники, доказавшие своей деятельностью лояльность Советской власти, обретают избирательное право [1, см.: ст. 168б].

В главе II Раздела IV проекта установлены основы избирательной система и производства выборов. Городские жители пяти городов прямыми выборами создавали городские Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, а сельское население пятисот пятьдесят одного селения – двести восемьдесят шесть сельских Советов крестьянских депутатов.

Равенство голосов проявлялось в том, что каждый гражданин имел один голос. Но горожане имели преимущество перед сельчанами по нормам представительства от числа населения на одного депутата.

Советы депутатов образовались на следующих основаниях: в городах с населением более 10000 человек – 1 депутат на каждые 200 избирателей; в селениях – 1 депутат на каждые 2000 жителей [4, см.: ст. 234, 236].

Учитывая, что в городах за основу представительства бралось количество избирателей, а в селениях – численность жителей (избирателей всегда меньше жителей), то неравенство определяется в пропорции не один к десяти, а в меньшем соотношении.

Контраст был разительный по сравнению с выборами в IV Государственную думу Российской империи двенадцатилетней давности (выборы были 15 ноября 1912 г.). «Положение о выборах в Государственную думу» от 3 июня 1907 года установило, что «...в земледельческой курии один выборщик избирался от 230 человек (ранее от 2 тысяч). Городская курия была разделена на две категории: в первой (состоятельные граждане) один выборщик избирался от 1 тысячи избирателей, а во второй – от 15 тысяч. До этого в единой городской курии один выборщик избирался от 7 тысяч избирателей. Крестьянская курия посылала одного выборщика от 60 тысяч (ранее от 30 тысяч), а рабочая – от 125 тысяч избирателей (ранее от 90 тысяч)» [5, с. 284]. Следовательно, один голос помещика равнялся 4 голосам буржуазии, 260 крестьянам и 550 голосам рабочих.

Организацией выборов в горсоветы АССРНП руководит Избирательная комиссия. Она формирует общие списки избирателей из представляемых списков партийными и профессиональными организациями, группами избирателей из рабочих и служащих, работающих на предприятиях города, а также воинскими частями.

Граждане, занимающиеся домашним хозяйством и не принимающие участия в выборах на предприятиях и учреждениях, включаются в отдельный список, размещающийся на видных местах для всеобщего обозрения. За сутки до выборов эти избиратели для входа в избирательное собрание получают именные билеты, которыми и голосуют [1, см.: ст. 273-275].

Особое внимание уделяется крестьянам, живущим оседло в городах, не обрабатывающие земли вне городской черты. Они объединяются в сельские Советы и выбирают своих представителей в Горсовет из расчета 1 депутат на 2000 городских крестьян. Избранные депутаты «...пользуются в Горсовете правом решающего голоса в вопросах благоустройства, народного образования, здравоохранения, а равно и в вопросах местного налогового обложения, поскольку последним затрагивается крестьянское население города» [1, ст. 234].

Выборы депутатов производятся на собраниях из избирателей в 3-5-дневный срок. Представитель Избирательной Комиссии открывает собрание, затем избирается его председатель и заместитель. Собрание считается легитимным при любом числе присутствующих. Об итогах выборов составляется протокол с указанием даты собрания, числа присутствующих, фамилии избранных

депутатов и кандидатов в депутаты и количества полученных каждым из них голосов [1, см.: 276, 278].

Аналогичные процессы планируются в проекте Конституции АССРНП и при выборах в сельские Советы крестьянских депутатов. Но нужно заметить, что работы было больше, ибо в 92000 дворах сельских поселений проживало 473843 человека.

Выборы на кантонные съезды Советов и на съезд Советов АССРНП были непрямыми и многоступенчатыми. Например, «Кантонный съезд составляется из представителей советов, имеющих на территории кантона, в том числе и от кантонного города, по расчету: от сельских советов 1 депутата на 1000 жителей, от советов городов и фабричных поселков, а также от советов фабрик и заводов, стоящих вне поселений – по 1 делегату на 100 избирателей» [1, ст. 169].

Съезд Советов АССРНП формировался из депутатов от кантонных съездов «1 депутат на 5000 жителей, от советов городов, поселков, фабрик и заводов – 1 депутат на 500 избирателей, но не свыше 300 депутатов на всю АССРНП» [1, ст. 37]. При этом законодатель предупреждал, что «передача голоса на Съезде Советов АССРНП одним депутатом другому не допускается» [1, ст. 43].

Таковы принципиальные положения проекта Конституции АССРНП. Осуществлялась также работа по созданию конституций и в других автономных республиках РСФСР и СССР. Например, в Башкирской Автономной Советской Социалистической Республике, Татарской Автономной Советской Социалистической Республике. Но эти проекты конституций не были утверждены ЦИК РСФСР. Была утверждена высшим органом Украинской Советской Социалистической Республики только Конституция Молдавской АССР, и поэтому она стала Основным Законом [3, см.: с. 176].

Таким образом, рассмотренный проект Конституции Автономной Социалистической Советской Республики Немцев Поволжья, хотя и не был утвержден ВЦИК РСФСР, представляет собой интересный пример советского опыта государственного строительства, решения национального вопроса в условиях глубоких общественно-политических трансформаций.

Литература

1. Национальный архив Республики Башкортостан. Проект Конституции Автономной Социалистической Советской Республики немцев Поволжья. Фонд Р-394, опись 2, дело 410, 20 л.

2. Декрет Совета Народных Комиссаров. О немецких колониях Поволжья. 19 октября 1918 года [Электронный ресурс]. <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/348737-dekret-soveta-narodnyh-komissarov-o-nemetskih-kolonyah-povolzhya-19-oktyabrya-1918-goda> (дата обращения: 15.04.2025).

3. История Советского государства и права. Кн.1. Становление советского государства и права (1917-1920 гг.) М., Издательство «Наука», 1966. 607 с.

3. Отечественное законодательство XI-XX веков. Ч. II. Пособие для семинаров / Под ред. О.И. Чистякова. М., 1999. 352 с.

4. Советский энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 1600 с.

5. Очерки по истории выборов и избирательного права / Аникеев А.С., Веденеев Ю.А., Зайцев И.В., Колобаева Н.Д., и др.; под ред.: Богодарова Н.А., Веденеев Ю.А. М., Калуга: Изд-во Фонда «Символ», 1997. 388 с.

© Зубаиров М.Г., 2025

УДК 94(73)"1929/1939"

Д.В. Петрова
ассистент
Россия, г. Уфа, УУНиТ

D.V. Petrova
assistant
Russia, Ufa, UUST

ОТОБРАЖЕНИЕ «ВЕЛИКОЙ ДЕПРЕССИИ» В США В АМЕРИКАНСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ 1930-Х ГГ.

THE DEPICTION OF THE «GREAT DEPRESSION» IN THE UNITED STATES IN THE AMERICAN CINEMA OF THE 1930S.

Аннотация. В данной статье предпринята попытка рассмотреть киноленты периода Великой депрессии в США и охарактеризовать отражение различных сторон социальной жизни страны американским кинематографом, выявить и исследовать его характерные особенности.

Abstract. This article attempts to examine films from the Great Depression period in the United States and characterize the reflection of various aspects of the country's social life by American cinema, to identify and explore its characteristic features..

Ключевые слова: США, Великая депрессия, американский кинематограф, Голливуд.

Keywords: USA, Great Depression, American cinema, Hollywood.

Период «Великой депрессии» в США является переломным временем в истории страны. Кризис оказал глубокое воздействие на индустрию развлечений [11, 1.с. 310-315.], привел к появлению ряда новых явлений в этой сфере [2], изменил американский кинематограф. Это время можно назвать последним временем свободы для кинематографа. В конце 1920-х – начале 1930 гг. голливудское кино резко изменило свое представление о границах допустимого. Место девушек флаппер заняли героини с сомнительным прошлым, а героями времени стали гангстеры с хищными оскалами, рэкетиры и продажные копы [1].

С конца 1920-х гг. проблема преступности в стране была одной из ключевых. В это время преступные группировки становятся более видимыми и влиятельными [7]. Принятие «сухого закона» привело к множеству подпольных баров и казино, которые содержали мафиози, получившие в США название «гангстеры» [3]. Часто они скрывались под вывесками прачечных и мелких магазинов. Доходы от подпольного бизнеса приносили миллионы долларов, что

позволяло им иметь друзей из числа крупных бизнесменов и высокопоставленных чиновников. Полиция не трогала их, так как, в основном, получала от них определенные проценты.

Начавшаяся безработица, из-за которой начался голод, нищета и отсутствие хоть какого-то заработка привели к тому, что на улицах городов стали появляться преступные банды, промышлявшие грабежами магазинов, угонами машин и ограблениями банков.

Мафиози и криминальные банды предоставляли кинематографистам богатый материал [3]. Их лидеры стали популярным сюжетом для голливудских фильмов. Такие фильмы как «Лицо со шрамом» («Scarface», реж. Говард Хоукс, 1932) [8] и «Ревущие двадцатые» («The Roaring Twenties», реж. Рауль Уолш, 1939) [12] отображали проблемы гангстеризма, который процветал в период «Великой депрессии» в США.

Помимо гангстеров в картинах можно увидеть полицейских, которые показаны продажными, они не против обогатиться за счет взяток. «Слуги закона» представляются зрителю такими же преступниками, как и гангстеры. Люди, которые должны защищать простой народ, легко могут предать и продать его. В отличие от слуг закона гангстеры честны в своих целях, они не скрывают своего истинного лица, не пытаются быть хорошими.

В гангстерских фильмах Америка эпохи «сухого закона» и периода «Великой депрессии» представляется зрителю как город греха, в котором в единое целое сплетены безнравственность, жестокость и отсутствие сочувствия к обычным людям. Но в тоже время, в данных картинах, зрителю дается выбор жить бедно, но по закону, либо вступить на преступную тропу и разбогатеть. Можно сказать, что данные фильмы являются, как бы, предупреждением для общества. В них хорошо показан итог, который непременно ждет всех тех, кто решится нарушить закон и пойти по неверному пути.

Помимо гангстерских фильмов, были и другие жанры, в которых раскрывались острые проблемы общества, с которыми столкнулись рядовые американцы с началом «Великой депрессии». Многие из данных картин были запрещены правительством, так как в них слишком открыто показывалась реальная обстановка в стране в то время.

Такие фильмы, как «Черная ярость» («Black Fury», реж. Майкл Кертиц, 1935) [13], «Новые времена» («Modern Times», реж. Чарли Чаплин, 1936) [9] и «Гроздь гнева» («The Grapes of Wrath», реж. Джона Форд, 1940) [4], раскрывают зрителю проблемы трудовых отношений между владельцами крупных компаний и рядовыми рабочими, проблемы неэффективности работы традиционных профсоюзов, проблемы дискриминации иммигрантов, чьи права были ограничены, а также, проблемы фермерских хозяйств, которые наблюдались в данный период. Многие из этих фильмов были основаны на реальных событиях, в их сюжетах главные герои испытывали на себе все тяготы жизни данного времени. Они передают ту атмосферу безысходности, которая наблюдалась в стране, охваченной «Великой депрессией». Но, помимо реальной обстановки, концовка данных фильмов дает зрителю надежду на то,

что страна обязательно выйдет из затянувшегося кризиса и восстановит свое былое величие.

Проблемы страны не замедлили американский кинематограф, наоборот, он начал развиваться. На экранах кинотеатров появился новый жанр мелодрама. В основу сюжета ложилась история любви кого-нибудь из героев. В отличие от драм, их сюжет был легким к восприятию, а присутствие моментов, которые вызывали улыбку и смех, были необходимы для зрителей в тяжелый период. События, происходившие в стране, находили отражения в картинах, но были сглажены, а сам фильм заканчивался хэппи-эндом. Это условие было обязательным.

К жанру мелодрама, относились такие киноленты, как «Золотоискательницы» («Gold Diggers», реж. Мервин ЛеРой, 1933) [5]. Сюжет рассказывал о судьбе танцовщиц с Бродвея. В нем присутствовали отсылки к реальностям «Великой депрессии», но они были сглажены и сдвинуты на задний план. Сюжет картины продуманный и не скучный, в нем хорошо сочетаются юмор и музыка. На первый план выходят улыбки и уверенность в том, что все их попытки устроится на работу, обязательно, закончатся успехом. Как итог, фильм заканчивается типичным хэппи-эндом, и главные герои устраиваются на работу, их жизнь налаживается.

Еще один фильм, который относится к жанру музыкальная комедия является «Парад в огнях рампы» («Footlight Parade», реж. Ллойд Бэйкон, 1933) [10]. Действие музыкальной комедии разворачивается на подмостках Бродвея, в Нью-Йорке. В отличие от предыдущего фильма, в этом фильме сюжет рассказывает нам историю режиссера Честера Кента, который работал над популярным в то время танцевально-музыкальным жанром мюзик-холл (варьете). Из-за падения фондового рынка он теряет крупную сумму денег, а вдобавок, приход звукового кино вытесняет варьете и оставляет режиссера без работы. Но главный герой не сдается и в один из дней решает осуществить пришедшую ему идею об организации сети актерских бригад. Преодолев все трудности над осуществлением задуманного, главный герой заключает крупный контракт. Его театр приобретает мировую популярность и начинает гастролировать по всему миру. Как и «Золотоискательницы» данный фильм заканчивается хэппи-эндом.

Анализ кинофильмов 1930-х гг., которые отображали события «Великой депрессии» в США, дает возможность сделать вывод о том, что в американском кинематографе «Великая депрессия» отображалась в разных жанрах. Одни фильмы показывали социальные проблемы той жестокой реальности, которые вынуждены были переживать американцы. Сюжет этих фильмов тяжелый, держит в напряжении и мрачная тональность, которая присутствует в картинах, только усиливает эти ощущения.

В других – события «Великой депрессии» тоже отображены, но они отходят на второй план из-за легкого сюжета, в котором нет тяжести момента, переживаемого страной. Главные герои смеются и улыбаются, тяжесть кризиса сильно сглажена. Зрители может даже не понять о какой масштабной катастрофе, произошедшей в истории США, идет речь.

Во времена «Великой депрессии» фильмы стали своеобразным лекарством от отчаяния и жестокой реальности. В этом помогал Голливуд. Люди ходили в кинотеатры ради того, чтобы хотя бы на некоторое время забыть о проблемах, которые были в стране.

Литература

1. Город грехов – Голливуд в эпоху Великой депрессии. URL: <https://seance.ru/articles/pre-code/>. (дата обращения: 10.05.2024).

2. Грибовская В.О., Тухватуллин Р.Р. Американская мечта и супергерой в комикс-культуре золотого века // Манускрипт. 2021. Том 14. Выпуск 1. С. 85-90

3. Жанровое исследование: Гангстерское кино (1920-1930 гг.) on Deziign. URL: <https://deziign.com/tag/7ce6ac737374a24a1267606c6e1a0d?page1&tab7ce6ac737374a24a1267606c6e1a0d> (дата обращения: 10.05.2024).

4. «Гроздь гнева» («The Grapes of Wrath», реж. Джон Форд, 1940). URL: <https://rutube.ru/video/7165fba3ac78b2f93b943f90890bef5/>. Режим доступа: открытый.

5. «Золотоискательницы» («Gold Diggers», реж. Мервин ЛеРой, 1933). URL: https://vk.com/video-39165340_456241661. – Режим доступа: открытый.

6. Как роман «Унесенные ветром» помог американцам выбраться из Великой депрессии. URL: https://dzen.ru/a/XZr5MQJ6FQCy_yYJ. (дата обращения: 17.05.2024).

7. Криминальный круг: Эволюция гангстерского кино и образа мафиози на большом экране Furfur. URL: <http://www.furfur.me/furfur/culture/culture/160253-gangster-movies>. (дата обращения: 10.05.2024).

8. «Лицо со шрамом» («Scarface», реж. Говард Хоукс, 1932). URL: <https://yandex.ru/video/preview/3130971198676267770>. Режим доступа: открытый.

9. «Новые времена» («Modern Times», реж. Чарли Чаплин, 1936). URL: https://vk.com/video-36362131_456240857. – Режим доступа: открытый.

10. «Парад в огнях рампы» («Footlight Parade», реж. Ллойд Бэйкон, 1933). URL: <https://twitter.yandex.com.tr/video/preview/6449947264469718944?noreask=1>. Режим доступа: открытый.

11. Петрова Д.В. Развитие индустрии развлечений в США в период «Великой депрессии» // Мир Евразии: от древности к современности: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (23 марта 2023 г., Уфа) / отв. ред. Р.Р. Тухватуллин. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 347 с.

12. «Ревущие двадцатые» («The Roaring Twenties», реж. Рауль Уолш, 1939). URL: https://www.youtube.com/watch?v=F5WoChBcXFk&ab_channel=MaksymDu%C5%84czyk. – Режим доступа: открытый.

13. «Черная ярость» («Black Fury», реж. Майкл Кертис, 1935). URL: <https://ok.ru/video/27274513092>. – Режим доступа: открытый.

© Петрова Д.В., 2025

ШКОЛЫ БАССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 ГГ.)

SCHOOLS OF BASHKIRIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

Аннотация. В статье рассматривается деятельность общих образовательных учреждений Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны. На основе архивных данных, отчетов, докладов анализируется состояние школьной сети, меры по обеспечению учебного процесса в условиях военного времени, материально-техническое положение школ, вопросы охвата образованием, подготовка педагогических кадров, влияние эвакуации и мобилизации на учебный процесс. Особое внимание уделено мерам по улучшению качества обучения, обеспечению учащихся питанием, одеждой и обувью, а также внедрению новых образовательных стандартов. Использованы материалы из фондов Национального архива РБ, включая фонд № П-122, описи № 24 и № 25.

Abstract. This article examines the operation of educational institutions in the Bashkir ASSR during the Great Patriotic War. Based on archival data, reports, and statistics, it analyzes the condition of the school network, measures to ensure the educational process under wartime conditions, the material and technical state of schools, coverage of compulsory education, teacher training, and the impact of evacuation and mobilization. Particular attention is paid to improving the quality of education, providing students with food, clothing, and footwear, and introducing new educational standards. The study uses materials from the archives of the Republic of Bashkortostan, particularly from Fund No. P-122, Inventories Nos. 24 and 25.

Ключевые слова: Башкирия, Великая Отечественная война, школьное образование, педагогические кадры, эвакуация.

Keywords: Bashkiria, Great Patriotic War, school education, teaching staff, evacuation.

Великая Отечественная война (1941–1945 гг.) стала тяжёлым испытанием для всех сфер жизни советского общества, включая систему образования. Несмотря на трудности военного времени, школьная сеть продолжала функционировать, адаптируясь к новым условиям. БАССР стала важным тыловым регионом, где велась активная работа по сохранению и развитию системы образования.

Цель настоящей статьи — проанализировать состояние и развитие школьного образования в БАССР в годы войны, выявить основные трудности, успехи и особенности функционирования школ в этот период. В качестве источников использованы фонды Национального архива Республики Башкортостан, содержащие отчёты, справки, докладные записки, статистику и постановления органов власти.

К началу войны в Башкирии функционировало 4747 школ, включая 3547 начальных, 910 семилетних и 286 средних школ [4, д. 431, л. 91]. Эта система обеспечивала относительно устойчивый охват детей школьного возраста обучением. Тем не менее, уже в довоенный период ощущалась нехватка квалифицированных кадров, особенно в сельских районах, а также неравномерность распределения школ по регионам и национальным группам. В 130 из 911 семилетних и в 28 из 295 средних школ преподавание велось на башкирском языке [4, д. 431, л. 91]. Сеть учебных заведений в целом развивалась, несмотря на напряжённую политическую и социальную обстановку. В рамках довоенной образовательной политики продолжалась реализация сталинского закона о всеобщем и повышении требований к качеству преподавания.

Условия военного времени вызвали масштабные изменения в организации учебного процесса. В период с 1941 по 1945 гг. количество школ в республике увеличилось с 4747 до 4981 [4, д. 431, л. 57]. Особенно выросло число начальных школ, в то время как число средних несколько сократилось. Это объясняется реорганизацией школьной сети в пользу доступного начального образования, а также нехваткой кадров и помещений для среднего звена.

Охват начальным обучением в республике также вырос: если в 1941–1942 учебном году он составлял 92,8%, в 1943–1944 – 94,4%, а в 1944–1945 достиг 98,4% [4, д. 431, л. 57, 91]. Однако по-прежнему сохранялся высокий уровень отсева, особенно в старших классах, где он достигал 24,6 [4, д. 431, л. 57, 91]. Многие дети выбывали из школ из-за отсутствия одежды, обуви, болезней, необходимости помогать семье или работать. В 1944–1945 учебном году из школ выбыли 57,8 тыс. учащихся. 16 тыс. из них – из-за отсутствия обуви и одежды [4, д. 495, л. 63]. Материальная помощь семьям с детьми оказывалась через местные исполкомы и школы. Семьям помогали с питанием, одеждой, школьными принадлежностями. Более 42 тыс. детей получили поддержку, преимущественно – дети фронтовиков. Свыше 130 тыс. учащихся были обеспечены питанием [4, д. 495, л. 15].

Война привела к острому дефициту помещений, отопления, учебников, освещения и школьных принадлежностей. Здания школ использовались под госпитали, эвакуированные учреждения и заводы. В Уфе, например, в 1944–1945 учебном году только 3 школы работали в одну смену, 5 – в 4 смены, 24 – в три, 9 – в две смены [4, д. 431, л. 96]. План капитального ремонта школьных зданий по состоянию на 1 августа 1944 г. был выполнен лишь на 33,9%, а план заготовки топлива – на 69,3% по республике [4, д. 492, л. 63]. Часто занятия срывались из-за отсутствия дров и плохого освещения. В школах практиковалось самостоятельное изготовление учебно-наглядных пособий и тетрадей. Были созданы пришкольные участки, продукция которых использовалась для организации горячих завтраков и поддержки семей учащихся.

Военная мобилизация создала острую нехватку педагогических кадров. В 1944–1945 учебном году не хватало 1375 учителей, особенно в сельской местности [4, д. 431, л. 95]. Для компенсации этой нехватки активно

развивалось заочное обучение. Работали 15 заочных отделений, в которых обучались свыше 7 тыс. студентов-заочников [5, д. 370, л. 183]. В 1943–1944 учебном году только 31,3% учителей средних школ имели высшее и незаконченное высшее образование, в семилетних школах этот показатель составлял около 10% [4, д. 431, л. 94].

Создание школ рабочей и сельской молодежи стало важной задачей в условиях военного времени, когда значительная часть молодого населения уже была вовлечена в производственные процессы, труд в сельском хозяйстве или мобилизована на оборонные предприятия.

В 1944 г. в БАССР функционировала 31 школа рабочей молодежи, где обучалось свыше 4 тыс. человек [4, д. 494, л. 4]. Эти учреждения позволяли молодым людям, занятым на производстве, получить среднее общее образование в вечернее время. Обучение велось в условиях острого дефицита помещений, учебников и педагогов. Большинство учащихся работали по 10–12 часов в сутки, что негативно сказывалось на посещаемости и успеваемости. Занятия зачастую проходили в непригодных помещениях, без отопления и освещения.

Нередки были случаи, когда администрация предприятий препятствовала посещению вечерних занятий, вплоть до судебных разбирательств по вопросам освобождения от работы. Плохая организация, отсутствие надлежащего контроля со стороны органов народного образования, а также тяжёлые бытовые условия стали причинами закрытия 27 школ рабочей молодежи и отсева 1644 учащихся к 1 апреля 1945 г. [4, д. 494, л. 26].

Образование сельской молодежи велось в основном в форме вечерних школ. Учащиеся из деревень также сталкивались с серьёзными трудностями: занятия проводились в условиях нехватки керосина, дров, одежды и освещения. В то же время интерес к обучению сохранялся, особенно среди девушек. Женщины составляли значительную часть контингента вечерних школ, что свидетельствует о растущем стремлении к образованию даже в условиях военного времени.

В некоторых районах применялась практика обучения с помощью сельских консультационных пунктов. Однако их охват был ограничен. В целом эффективность образования работающих и сельской молодежи зависела от поддержки местных властей, материальной базы и дисциплины учащихся.

В 1944 г. было принято постановление СНК СССР «О мероприятиях по улучшению качества обучения в школе». В школы внедрялись следующие нововведения - раздельное обучение мальчиков и девочек, пятибалльная система оценивания, учреждение золотых и серебряных медалей, обязательное обучение детей с семилетнего возраста [3, с. 312].

Школы в условиях войны стали важными центрами патриотического воспитания. В учебный процесс были введены занятия по начальной военной подготовке, чтение литературы о подвигах бойцов, организация патриотических митингов, лекций и встреч с фронтовиками. Организовывались школьные кружки оборонного направления, такие как стрелковые, санитарные, противогазовые. Активное участие школьников наблюдалось в сборе средств

на нужды фронта: более 6 миллионов рублей было собрано учащимися Башкирии на танковую колонну и авиаэскадрилью. В 1943 г. в сельхозработах участвовало около 312 тысяч школьников [4, д. 495, л. 72]. Они помогали колхозам в уборке урожая, уходе за посевами, заготовке топлива.

Кроме материальной помощи, учащиеся направляли фронтовикам письма, открытки, посылки. Такие действия воспитывали у детей чувство сопричастности к общенародной борьбе против врага. Большое значение уделялось культурно-воспитательной работе: в школах проводились литературные чтения, концерты, утренники, посвящённые героям войны. Учителя и старшеклассники читали лекции в клубах, выступали с докладами на производстве.

Школа в годы войны во многом заменила семью — отцы были на фронте, матери на производстве. Учитель становился для ребёнка не только наставником, но и моральным ориентиром. Формировалась особая атмосфера солидарности, ответственности и трудового подвига.

Таким образом, патриотическое воспитание школьников в годы Великой Отечественной войны в Башкирии приобрело всесторонний, комплексный характер, охватывая учебный процесс, внеурочную и общественную деятельность, что способствовало становлению гражданских и нравственных качеств у подрастающего поколения.

Несмотря на военные трудности, школьная система БАССР демонстрировала устойчивость и способность к развитию. Выросло число школ, увеличился охват учащихся. Однако сохранялись объективные проблемы с количеством и качеством педагогических кадров, материальным обеспечением образовательных учреждений, нехваткой помещений. Школьное образование в годы Великой Отечественной войны в Башкирии выполняло важную роль — не только образовательную, но и патриотическую, мобилизационную, воспитательную. Этот опыт представляет историческую ценность для педагогической и управленческой науки.

Литература

1. Аитов Г.Ш. Народное образование Башкортостана в годы войны. Уфа: БашГУ, 1985.
2. Башкирия в годы Великой Отечественной войны: Сборник документов / Сост. Т.Х. Ахмадиев и др. Уфа: Китап, 1995.
3. В штабах Победы. 1941–1945: документы / отв. ред. В.П. Наумов. В 5 кн. Кн. 4: 1944. «Освободить народы Европы». М.: Науч.-полит. кн., 2020.
4. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 122., Оп. 24., Д. 431.
5. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 122. Оп. 25.
6. Мустафин А.Х. Учителя Башкирии в годы войны. Уфа: Учпедгиз, 1975.
7. История Башкортостана. XX век: в 2 т. / Под ред. М.М. Сагитова. Уфа: Китап, 2002.

© Габбасова К.Р., 2025

Е.В. Полякова
к. филол. н., доцент, УУНиТ,
Россия, г. Уфа, Россия

E.V. Polyakova
c. of philol. s., associate professor
Russia, Ufa, UUST

**ВОЕННАЯ ЛЕКСИКА ПЕРИОДА 1941–1945 ГОДОВ:
ОТРАЖЕНИЕ РЕАЛИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

**MILITARY VOCABULARY OF THE PERIOD 1941–1945: REFLECTION OF
THE REALITIES OF THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Аннотация. В статье рассматривается роль военной лексики как отражения истории и культуры народа, особое внимание уделяется влиянию Великой Отечественной войны на формирование и использование специфических терминов и выражений в русском языке.

Abstract. The article examines military vocabulary as a reflection of historical experience and cultural heritage, with particular attention to the impact of the Great Patriotic War on the formation of linguistic features.

Ключевые слова: военная лексика, Великая Отечественная война, язык и война

Keywords: military vocabulary, Great Patriotic War, language and war

Язык, выступая в качестве основного средства передачи и хранения информации, занимает центральное место в процессе познания окружающей действительности и существенно влияет на формирование научных концепций и развитие человеческого общества в целом. Особое положение в языке науки занимает лексика военной сферы, которая обусловлена воздействием социальной среды, функционированием языка в различных общественных слоях и профессиональных группах. Военная лексика времён Великой Отечественной войны представляет особую ценность для понимания духа эпохи, исторической памяти народов СССР и современной языковой культуры [1, с. 219-233]. Этот пласт языка формировался в условиях острого противостояния, постоянных боев и ежедневных трудностей фронтового быта, глубоко отражал восприятие реальности солдатами и гражданским населением.

Наиболее важной характеристикой военной лексики является её высокая степень стандартизованности, что связано с необходимостью быстрой и однозначной передачи информации в критически важные моменты, минимизацией вероятности недопонимания и ошибок. Отчасти это объясняет тот факт, почему такая лексика часто воспринимается как жёсткий, консервативный корпус лексических единиц, слабо подверженный изменениям.

Основными источниками появления расширения корпуса военной лексики выступают следующие: 1) профессиональная деятельность: регулярное употребление терминов и концептуализация новых видов оружия, технологий, методов ведения боя порождает постоянный поток нововведений; 2) акронимизация и сокращение: использование аббревиатур и акронимов,

заменяющих длинные полные наименования для оперативной передачи сообщений; 3) создание эвфемизмов: процесс эвфемизации присущ любому языку, однако в военной сфере он проявляется особенно сильно, поскольку требует смягчения жестких формулировок и понятий.

Военная лексика включает термины и выражения, активно используемые военнослужащими всех родов войск, командованием и простыми гражданами, живущими в условиях войны. Рассмотрим основные группы терминов, характеризующих эпоху.

В первую группу терминов входит лексика, употребляемая всеми участниками конфликта независимо от рода войск: атака, оборона, штурм, окружение, контратака; полк, дивизия, бригада, армия, корпус; офицеры, солдаты, красноармейцы, партизаны; боеприпасы, артиллерия, миномёты, автомат, ружьё, граната. Эта группа выражала повседневное общение военнослужащих и населения, передавая смысл основных понятий ведения боя и структуры армии.

Другая группа связана непосредственно с вооружением, техникой и видами оружия: танк, самолёт, пулемёт, бомба; истребитель, бомбардировщик, ракета; винтовка, патрон, обмундирование. Эти термины быстро вошли в широкий оборот благодаря распространению новых видов вооружения и тактическим новшествам, таким как применение авиации и танков.

Важную группу составляют слова, закрепившиеся именно в годы войны и впоследствии ставшие историческими памятниками языка: фортификация, траншея, переправа, разведчик, связист; взвод, рота, батальон, комендант, штаб; операция, маневр, задание, приказ. Такие слова фиксировали специфические условия организации фронта, особенности планирования операций и командования войсками.

Особенностью военного времени 1941-1945 годов стала широкая вовлеченность простых людей в военные события. Это нашло отражение в пословицах, крылатых словах и выражениях: Ни шагу назад! За Родину, за Сталина! Родина-мать зовёт! Такие лозунги, широко применяемые пропагандой и народом, стали неотъемлемой частью сознания фронтовиков и гражданских лиц.

Среди важных процессов военного времени выделяются ускоренное распространение военной терминологии среди гражданского населения и формирование устойчивых сочетаний и оборотов речи, подчёркивающих драматизм ситуации (без вести пропавший, герои-фронтовики, дети войны) [5].

Высоким уровнем концентрации специализированной военной лексики отличаются произведения литераторов-фронтовиков – это обусловлено непосредственным участием авторов в боевых действиях либо стремлением максимально точно передать реалии фронтовой жизни. Такая лексика выполняет важнейшую экспрессивно-информационную функцию, позволяя читателю погрузиться в обстановку военного времени, наглядно представить детали военной службы, взаимодействия солдат, стратегию боевых операций. Включение большого количества

профессиональных терминов создаёт дополнительную глубину и документальность повествования, усиливая чувство подлинности описываемых событий.

Война сопровождает человечество на протяжении всей его истории, и в любую эпоху находились писатели и поэты, которые создавали художественные произведения, посвящённые этому сложному и трагичному опыту [2]. В своих трудах авторы неизменно обращались к специальной военной лексике, которая помогала точно описать реалии военного времени, боевые действия, технические устройства и повседневную жизнь солдат. Эта специфическая терминология служила мощным инструментом для передачи истинного облика войны, глубоких человеческих переживаний [3; 4].

Таким образом, исследование военной лексики открывает широкие перспективы для междисциплинарных исследований, объединяющих филологические науки с историческими дисциплинами. Исследуемый в статье вид лексики уникален своей способностью передавать исторические реалии эпохи, служить индикатором изменений общественного сознания.

Литература

1. История России: учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Р.Р. Хадимуллина, Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 318 с.
2. Мустафина Р.Д. Концепция героя-воина в творчестве Назара Наджми / Р.Д. Мустафина // Актуальные проблемы национальных литератур России: художественные поиски XX – начала XXI века: материалы конференции, Уфа, 12 апреля 2018 года. Уфа: Башкирский государственный университет, 2018. С. 181-182.
3. Калямова Р.И. Концепция подвига в "Повести о настоящем человеке" Б.Н. Полевого // Духовные ценности и нравственный опыт цивилизаций в контексте XXI века: материалы V Международной научно-практической конференции. – Уфа: Уфимский государственный нефтяной технический университет, 2024. – С. 128-131.
4. Перечнева Д.С. Последствия влияния войны на эмоциональное состояние человека (на примере произведений Э.М. Ремарка) // Духовные ценности и нравственный опыт цивилизаций в контексте XXI века: материалы V Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов. – Уфа: Уфимский государственный нефтяной технический университет, 2024. – С. 189-193.
5. Полякова Е.В. Военная терминология как зеркало эпохи: историко-лингвистический взгляд // Великая отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретация, уроки прошлого: материалы Международной научно-практической конференции. – Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025. – С. 230-233.

© Полякова Е.В., 2025

Е.М. Савельев
аспирант БГПУ им. М. Акмуллы, г. Уфа
Научный руководитель – д. и. н., профессор Ш.Р. Зайнетдинов

E.M. Savelyev
postgraduate student of M. Akmulla BSPU, Ufa
Scientific supervisor – d. of h. s., Professor Sh.R. Zainetdinov

УРБАНИЗАЦИЯ В БАШКИРСКОЙ АССР В 60-80 ГОДЫ XX ВЕКА: МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

URBANISATION IN THE BASHKIR ASSR IN THE 60-80S OF THE XX CENTURY: A REVIEW OF SOME METHODOLOGICAL APPROACHES IN THE HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

Аннотация. В статье рассмотрены несколько наиболее значимых подходов в историографии проблемы урбанизации Башкирской АССР в период с начала 60-ых годов до конца 80-ых годов XX века. Рассмотрены социологические и этнические подходы регионального характера. Уделено внимание некоторым крупнейшим общесоюзным теориям, разработанным в указанный период.

Abstract. The article considers several most significant approaches in the historiography of the problem of urbanization of the Bashkir ASSR in the period from the early 60s to the late 80s of the XX century. Sociological and ethnic approaches of regional character are considered. Attention is paid to some of the largest all-union theories developed during this period.

Ключевые слова: урбанизация, Башкирия, социологические концепции, социальная структура, этносоциологические теории.

Keywords: urbanisation, Bashkiria, sociological concepts, social structure, ethno-sociological theories.

Актуальность исследований методологии процесса урбанизации обусловлена продолжающимся стремительным развитием города как центра экономического и социально-культурной сферы. Города на современном этапе развития общества – это основа большинства фундаментальных изменений в среде человеческого социума. В связи с этим изучение концепций и методологических подходов при изучении вопросов урбанизации выходит на первый план, т.к. при конструировании новейших концепций в области современной урбанизационной практики невозможно без рассмотрения предшествующей научно-теоретической базы.

Цель работы – выявление основных подходов и парадигм, характерных для исследований урбанизационных процессов в Башкирской АССР в период с 1960-х по 1980 гг.

Прежде всего, следует рассмотреть основные концепции урбанизации, сложившиеся в период 1960-1980 гг. Как отмечает И.Н. Стась, разработка теоретических основ городского расселения до 1960 гг. находилась в вялотекущем состоянии. Гуманитарная школа «синтетического подхода», разработанную Н.П. Анциферовым и И.М. Гревсом, была на время предана забвению из-за идеологизации науки [17, с. 7]. Вновь к рассмотрению города вернулись к началу 1960 гг. В этот период продолжил формироваться основной

практический механизм советской урбанизации, который был тесно связан с социалистической индустриализацией. Город рассматривался как место размещения промышленных предприятий, которые должны были обслуживать сельские мигранты из окрестных сел и деревень. Как справедливо отметил А.С. Сенявский, советский город буквально «втягивал» выходцев из сельской местности, которые, в свою очередь, «выталкивались» из оной неудовлетворительными условиями жизни [15, с. 150].

В указанные года сложилось три основные концепции: теория групповых систем населенных мест (ГСНМ) (А.В. Кочетков, В.Г. Давидович, Ф.М. Листенгурт, А.Г. Вишневский, Ю.Л. Пивоваров) [13, с. 139]; концепция «единой системы расселения» (Н.Т. Агафонов, С.Б. Лавров, Б.С. Хорев.) [1], теория опорного каркаса территориальной структуры расселения (Г.М. Лаппо) [11]. В основе всех трех теоретических подходов лежит принцип совершенствования и планирования систем расселения. В последующем, каждая из указанных систем нашла свое отражение в «Генеральной схемы расселения СССР» – базового документа, регулирующего основные варианты расселения на территории Союза. В первой версии Генеральной схемы расселения (1975) на основе проведенных работ было выделено 62 крупных групповых системы (с «центрами людности» 500 тыс. чел. и выше), 169 средних групповых систем (с центрами от 100 тыс. до 500 тыс. жителей) и более 300 малых групповых систем (50-100 тыс.) [12, с. 391].

В рамках исторической урбанистики А.С. Сенявским был актуализирован модернизационный подход к изучению исторических процесса развития российского общества. Согласно этому подходу, урбанизация была неразрывно связана с основными циклами в развитии промышленности или фундаментальных сдвигов обществе в целом (например, отмена крепостного права, промышленный переворот в России 30-е–70-е гг. XIX в, модернизационный скачок 1930 гг. и т.д.). На 1960-1980 гг. приходится продолжающаяся индустриализация, которая обнажила все негативные черты, присущие командно-административной системы: повышенная концентрация населения в городе, экологические проблемы и др. [14, с. 261].

Региональные исследования также внесли неоценимый вклад в развитие методологии отечественной урбанистики не только в рамках собственного масштаба, но и смогли проецировать свой опыт на все последующие работы, касающиеся истории советской урбанизации.

Основоположник социологической школы в Башкирской АССР Н.А. Аитов разработал концепцию социального планирования, суть которой изложена во многих его работах [2] [3] [16], однако наиболее четко она представлена в капитальной монографии «Город. Население. Трудовые ресурсы». Сама концепция базируется на нескольких основополагающих принципах:

- 1) обеспечении соответствия различных социальных сфер жизни друг другу;
- 2) подход к решению возникающих социальных трудностей и проблем с точки зрения общенародных интересов;
- 3) разработка планов экономического и социального развития города в качестве средства активного воздействия на окружающую действительность;

4) опосредованное воздействие (через изменение внешней среды) на человека;

5) принцип приоритезации целей («выбор основного звена»);

6) выделения трех уровней планов – «плана-директивы», отвечающего за базовые цели и задачи, присущие планированию города («развитие экономики и соцкультбыта»), «плана-прогноза», ориентировочные показатели («развитие физподготовки, повышения успеваемости в школе»), «плана-тенденции», выделение примерной тенденции развития отдельной сферы проектирования, к решению которой следует стремиться («тенденция на снижение преступности без указания конкретного процента») [7, с. 118-123].

Данный подход позволяет взглянуть на процесс градообразования и урбанизации под углом комплексного развития даже в рамках современных социальных технологий. Основа методологии социолога – обращение к личности, её социокультурному потенциалу в контексте проживания в городе. Такой подход значительно обогащает методологическую базу проблемы урбанизации в стране, особенно её региональный аспект.

О недооценки значения учёта интересов отдельно взятой личности в условиях сложившейся в СССР административно-командной системы пишет и Ш.Р. Зайнетдинов. В своей монографии автор также применяет комплексный подход при анализе социальной структуры Башкирской АССР. Автор отмечает взаимосвязь культурно-технического уровня различных социальных групп и их социальной активности [8, с. 38]. При оценке влияния экономических изменений на социальную структуру, автор рассматривает развитие тяжелой индустрии как ключевой фактор формирования новых социальных групп и изменения роли существующих классов [8, с. 79]. Также в указанной монографии отмечены и негативные моменты в ходе урбанизационных процессов в республике. В основном, они связаны с неконтролируемым оттоком сельского населения в города. Это создавало серьёзные проблемы как для города, так и для села. Так, в большинстве городов, основанных в БАССР в промежуток времени с 1960 по 1988 гг., рост объемов промышленности превышал соответствующие показатели роста производительности труда. Тем самым, происходил отток населения из сел в города неоправданно высокими темпами [8, с. 22].

Немаловажную роль в рассмотрении урбанизации через этносоциологические теории сыграли работы М.Д. Киекбаева и Р.Р. Галлямова. Исследование М.Д. Киекбаева базируется на различных сторонах этносоциологии: лингвистике, культуре и психологии. Автор рассматривает городских башкир с точки зрения их социальной стратификации, социально-профессиональной структуры, образовательного уровня и других социальных характеристик. Центральное место в методологии исследования занимает концепция урбанизации как всеохватывающего процесса, влияющего на различные аспекты жизни этноса. Автором отмечается, что «урбанизация универсализирует связи и отношения между людьми, объективно способствуя разрушению национальной обособленности, нивелируя этнокультурную специфику различных групп городского населения». В свою очередь город

рассматривается как «катализатор развития этноса, активно влияющий на его важнейшие характеристики» [9, с. 6]. Особенностью методологического подхода Р.Р. Галлямова является отход от статичного понимания этноса к анализу динамических, процессуальных характеристик этнического развития, что особенно проявляется в условиях городской среды [6, с. 8]. В данном контексте, под «динамическими» и «процессуальными» характеристиками автором понимаются особенности формирования многоязычия и аккультурации в городах между различными этносами.

Рабочий класс в условиях города подробно исследован Р.Г. Кузеевым. Автор рассматривает изменения, происходившие в структуре рабочего класса с конца 1950 до 1970 гг., через призму совершенствования индустриального потенциала республики. При этом Р.Г. Кузеев отмечает неразрывную связь между ростом производительности труда и культурно-техническим уровнем рабочего. Тем самым рабочий класс рассматривается Р.Г. Кузеевым через принцип системного взаимодействия человеческого капитала и технического прогресса [10, с.8].

На основе гендерной теории социального конструирования гендера (Е.А. Здравомысловой, А.А. Темкина, Л.Н. Пушкарева) построены исследования Г.Ф. Ахметовой. Согласно данной теории, основным фактором, определяющим поведение башкирских женщин в различных сферах жизнедеятельности, являются «культурные составляющие пола» или тендерный дисплей (полоролевые нормы, полоролевые установки и полоролевая идентичность) [4, с. 6]. Процесс социальной адаптации башкирской женщины к условиям городской среды рассмотрен автором через призму работ этнологов Л.А. Анохиной, М.Н. Шмелевой, которые разделяют население городов по определенным признакам на несколько социально-бытовых групп [5, с. 12]. Автором рассматриваются процессы адаптации башкирской женщины с периода активной урбанизации башкир – 1970 г. до конца 1980 г. [5, с. 59].

Таким образом, исследования урбанизационных процессов 1960-1980 гг. Башкирской АССР отличаются своей комплексной методологической базой, основу которых составляют формационный и модернизационный подходы. При рассмотрении специфичных сторон этнодемографических аспектов проблемы применяются узкоспециализированные теории гендерной идентичности. Однако, наиболее обыденными (однако, не всегда объективным) для понимания всех первопричин и последствий урбанизации являются подходы, при которых развитие города неразрывно увязывается с развитием промышленности, что подкрепляется соответствующей статистической информацией, почерпнутой, к примеру, из всесоюзных переписей населения.

Литература

1. Агафонов Н.Т., Лавров С.Б., Хорев Б.С. О некоторых ошибочных концепциях в урбанистике [Электронный ресурс]. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2013/0551/archiv01.php> (дата обращения: 13.04.2025)

2. Аитов Н.А. Горизонты города: об опыте социального планирования городов // Наш современник. 1972, № 6, С. 92-103.
3. Аитов Н.А. Планирование социального развития городов (Нефтекамска и Стерлитамака) // Плановое хозяйство, 1973, № 6. С. 143-146.
4. Ахметова Г.Ф. Современная башкирка в городах Зауралья Республики Башкортостан: этносоциальные и этнокультурные процессы: автореф. дис ... дис. канд. ист. наук. Уфа, 2000. 23 с.
5. Ахметова Г.Ф. Башкирская женщина и современный город: конфликт или гармония? Учебное пособие. Уфа: РИО РУНМЦ ГКН РБ, 2001. 205 с.
6. Галлямов Р.Р. Многонациональный город: этносоциологические очерки / Р.Р. Галлямов. Уфа, 1996. 200 с.
7. Город. Население. Трудовые ресурсы / Н.А. Аитов, Б.И. Говако, Ф.А. Игебаева. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1982. 141 с.
8. Зайнетдинов Ш. Р. Социальная структура Башкирской АССР (60–80-е годы). М.: Наука, 1990. 112 с.
9. Киекбаев М.Д. Башкиры в городах Башкортостана: история и современность (опыт историко-этнографического и этносоциологического исследования). Уфа: Нур-Полиграфиздат, 1998. 212 с.
10. Кузеев Р.Г. Формирование и развитие советского рабочего класса Башкирской АССР. Ч. II. Рабочий класс Башкирии в завершающий этап социалистического строительства и в период развитого социализма (1951-1975 гг.). Уфа: Башкирское книжное издательство, 1975. 360 с.
11. Лаппо Г.М. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/polka/gold_fund02.html (дата обращения: 12.04.2025).
12. Меерович М.Г. Базовые постулаты советской урбанизации // «Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли российской федерации в 2016 году Сборник научных трудов РААСН. Сер. «Научные труды РААСН» Том 1. Российская академия архитектуры и строительных наук. Москва, 2017. С. 388-397.
13. Пивоваров Ю.Л. Современная урбанизация Основные тенденции расселения. Москва, Издательство «Статистика», 1976. 191 с.
14. Сенявский А.С. Российский город в 1960-е–80-е годы / Отв. ред. В.П. Дмитренко. М.: Институт российской истории РАН, 1995. 264 с.
15. Сенявский А.С. Урбанизационный процесс в СССР в экономическом измерении: структурные и институциональные аспекты // Вопросы теоретической экономики. 2019. № 2. С. 147-161.
16. Советский город: социальная структура / Руководитель авт. кол. Н.А. Аитов. М.: Мысль, 1988. 286 с.
17. Стась И.Н. Урбанизация Ханты-Мансийского автономного округа в период нефтегазового освоения: 1960-е – начало 1990-х гг.: автореф... дис. канд. ист. наук. Томск, 2014. 29 с.

© Савельев Е.М., 2025

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ЯДЕРНАЯ ПОЛИТИКА» В МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУКЕ

EVOLUTION OF THE CONCEPT OF "NUCLEAR POLICY" IN INTERNATIONAL SCIENCE

Аннотация. Статья анализирует трансформацию понятия «ядерная политика» в международной научной мысли с середины XX века до начала XXI века. Рассматриваются этапы развития от стратегического сдерживания к включению правовых, экологических, технологических и морально-нормативных аспектов.

Abstract. The article analyzes the transformation of the concept of "nuclear policy" in international scientific thought from the mid-20th century to the early 21st century. It examines the stages of development from strategic deterrence to the inclusion of legal, environmental, technological, and moral-normative aspects.

Ключевые слова: ядерная политика, стратегическое сдерживание, международная безопасность, нераспространение, нормативные аспекты

Keywords: nuclear policy, strategic deterrence, international security, non-proliferation, normative aspects

Понятие «ядерная политика» на протяжении второй половины XX и начала XXI века прошло значительную трансформацию, отражающую как динамику развития международных отношений, так и изменения в теоретических парадигмах политической науки и истории. Исходно «ядерная политика» (nuclear policy) рассматривалась как прерогатива исключительно государств, обладающих ядерным оружием, и связывалась, прежде всего, с военными стратегиями сдерживания и ответного удара.

Формирование основ современной ядерной политики началось в период Холодной войны, когда ключевыми акторами выступали Соединенные Штаты Америки и Советский Союз. Их взаимодействие легло в основу концепции взаимного гарантированного уничтожения (mutually assured destruction), разработанной на базе теории стратегического сдерживания. Классические работы Т. Шеллинга [12], Г. Киссинджера [4] и Б. Броди [3] заложили основы концептуализации ядерного оружия, как не только средства войны, но и инструмента дипломатии, позволяющего влиять на международные отношения через угрозу применения.

С развитием институциональной базы международной безопасности, прежде всего с подписанием Договора о нераспространении ядерного оружия [15] в 1968 г., и развитием институтов международной безопасности ядерная политика начала включать в себя не только вопросы военного

планирования и сдерживания противника, но и вопросы международной безопасности: контроля над вооружениями, нераспространения ядерного оружия, поддержку развития мирных ядерно-энергетических программ. Работа В. Бута, Дж. Симонса и Л. Снелла [12] стала поворотной точкой, обозначив переход от милитаристской трактовки к пониманию ядерной политики как системы взаимодействий между ядерными и неядерными странами.

В советской и российской научной традиции также предпринимались попытки осмысления ядерной политики. Среди них можно выделить С.М. Рогова [8], А.А. Кокошина [5], А.И. Антонова [1], а также других авторов [6], занимавшихся вопросами стратегической стабильности, контроля над вооружениями и политико-дипломатических подходов к ядерной безопасности.

С окончанием холодной войны и началом постбиполярной эпохи изменились и предметные акценты ядерной политики. В числе новых факторов оказались распад СССР и денуклеаризация Украины, Беларуси и Казахстана; появление новых ядерных держав (Индия, Пакистан, КНДР); развитие ядерно-энергетической программы Ирана; рост угрозы ядерного терроризма.

Эти изменения обусловили расширение сферы исследования. Так ядерная политика стала рассматриваться как совокупность действий не только ядерных, но и неядерных государств [11].

В современной историографии вырабатываются подходы к понятию «ядерная политика» как совокупности стратегий и внешнеполитических решений государства, направленных на достижение национальных целей в условиях существования ядерного оружия в мировой системе. Подчеркивается, что, даже не обладая ядерным оружием, государство может вести активную ядерную политику, например, выступая инициатором международных соглашений, развивая ядерно-энергетические программы в мирных целях, участвуя в региональных безъядерных инициативах. В этом контексте особое значение приобретают работы Н. Тэнненвальд [9], Дж. Перковича [14], а также современных российских авторов: А.Г. Арбатова [2], В.А. Орлова [7], М.И. Ульянова [10].

Следует отметить, что в современной международной науке прослеживаются три основные линии эволюции термина «ядерная политика». Это, прежде всего, расширение субъектности: от анализа политики исключительно ядерных держав к включению неядерных государств, а также международных организаций и неправительственных акторов. Во-вторых, смещение фокуса: от исключительно военных и стратегических аспектов — к правовым, этическим, экологическим, гуманитарным, технологическим и дипломатическим проблемам. Наконец, трансформация норм: появление и распространение концепций «norm entrepreneurship», «nuclear taboo», «глобального ядерного этического консенсуса».

Таким образом, современное понимание ядерной политики выходит за рамки прежнего узкого стратегического смысла. Оно включает в себя

широкий спектр процессов, охватывающих исторические, правовые, дипломатические и нормативные измерения, и, следовательно, требует междисциплинарного подхода к анализу. Ядерная политика перестала быть прерогативой лишь ядерных держав.

Литература

1. Антонов А.И. Контроль над ядерными вооружениями как фактор обеспечения национальной и международной безопасности: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М.: ИМЭМО РАН, 2012.
2. Арбатов А.Г. Ядерное сдерживание и ядерное разоружение: смена парадигм? // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 4. С. 5-18.
3. Броди Б. Стратегия в ядерный век. М.: Воениздат, 1965.
4. Киссинджер Г. Ядерное оружие и внешняя политика. М.: Международные отношения, 2000.
5. Кокошин А.А. В поисках выхода: военно-политические аспекты международной безопасности. М.: Политиздат, 1989.
6. Новая ядерная девятка? Оценка угроз распространения ядерного оружия в мире. Доклад. Издание 2-е (исправленное и дополненное) / Ред. В.А. Орлов, С.Д. Семенов. М.: ПИР-Пресс, 2023.
7. Орлов В.А. Россия и международный режим нераспространения: новые вызовы и перспективы // Международная жизнь. 2021. № 8. С. 90-103.
8. Многосторонняя система ядерного контроля и нераспространения: новые подходы к стратегической стабильности в XXI столетии / В.И. Есин, С.М. Рогов, П.С. Золотарёв. М.: Институт США и Канады РАН, 2006. 176 с.
9. Тэнненвальд Н. Ядерное табу: моральные ограничения на использование ядерного оружия. М.: Международные отношения, 2011. 456 с.
10. Ульянов М.И. Международно-правовой режим нераспространения ядерного оружия: современное состояние и перспективы развития // Международное право и международные организации. 2019. № 3. С. 41-54.
11. Полякова Е.В. Военная терминология как зеркало эпохи: историко-лингвистический взгляд // Великая отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретация, уроки прошлого: мат-лы Международной научно-практической конференции. – Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025. – С. 230-233.
12. Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М.: Логос, 2002.
13. Booth V., Simons J., Snell L. Nuclear Policy: From Strategy to Governance. M.: Progress, 1988.
14. Perkovich G. India's Nuclear Bomb: The Impact on Global Proliferation. Berkeley: University of California Press, 1999. 432 p
15. Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT). URL: <https://www.un.org/disarmament/wmd/nuclear/npt/text/> (дата обращения: 09.05.2025)

© Хайрtdинов В.И., 2025

УДК 902/904

А.М. Ахметова
студент УУНиТ, г. Уфа

Научный руководитель – д. и. н, доцент Р.О. Багаутдинов

A.M. Akhmetova
student, UUST, Ufa

Scientific supervisor – d. of h. s., associate professor, R.O. Bagautdinov

КАПОВА ПЕЩЕРА КАК УНИКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК ЮЖНОГО УРАЛА

KAPOVA CAVE AS A UNIQUE MONUMENT OF THE SOUTHERN URALS

Аннотация. В статье рассматривается история изучения Каповой пещеры, начиная с первых научных экспедиций до современных исследований. Рассмотрены археологические находки, найденные на территории памятника, и особенности Каповой пещеры, подтверждающие её уникальность, затрагивается вопрос сохранности исторического памятника и актуальности исследований на его территории.

Abstract. The article examines the history of Kapova Cave exploration, from the first scientific expeditions to modern research. The archaeological finds found on the territory of the monument and the features of the Kapova Cave, confirming its uniqueness, are considered, the issue of the preservation of the historical monument and the relevance of research on its territory is touched upon.

Ключевые слова: археология, палеолит, Капова пещера, Шульган-Таш, наскальная живопись, сохранность культурного наследия.

Keywords: archaeology, Paleolithic, Kapova cave, Shulgan-Tash, cave painting, preservation of cultural heritage.

Поздний период палеолита характеризуется зарождением искусства. Это одна из его самых ярких примет. В этот период люди научились запечатлевать образы животных в скульптуре и в живописи: наиболее известные памятники этого явления находятся в Европе (например, пещера Альтамира в Испании, пещеры Ласко и Фон-де-Гом во Франции). Но древние художники оставили нам замечательные картины и на территории Южного Урала. Самый знаменитый памятник этому – Капова пещера [4, с. 28].

Капова пещера находится на территории Бурзянского района республики Башкортостан, в заповеднике «Шульган-Таш», в Южном склоне горы Сарыкусан, на правом берегу реки Белой. Пещера представляет собой систему залов, галерей и коридоров, расположенных минимум на трех гипсометрических уровнях, нижний из которых занят рекой Подземный Шульган [8, с. 153].

Исследования на территории данного памятника проводятся довольно давно. Впервые Капову пещеру описал Петр Иванович Рычков, первый ученый-исследователь Южного Урала. Несмотря на то, что выводы Рычкова были

далеки от тех данных, которые известны про Капову пещеру сегодня, его вклад в дальнейшее исследование археологического памятника был очень важен.

В том числе, Петр Иванович выдвинул теорию об искусственном происхождении пещеры, считая её оборонительным сооружением, построенным людьми. А также исследователь провёл первое этнографическое исследование, связанное с Каповой пещерой. Он записал несколько местных мифов о народах, живших под землёй, в частности, миф о легендарном происхождении башкирской породы лошадей [11].

Поворотный момент в изучении пещеры произошел в 50-х годах XX века, когда наскальные рисунки, покрытые известковым налетом, обнаружил во время работы в пещере зоолог Александр Владимирович Рюмин.

Научные исследования и реставрация древней живописи начались в 1961 г. под руководством Отто Николаевича Бадера и продолжаются в настоящее время коллективом Южно-Уральской археологической экспедиции МГУ под руководством Владислава Сергеевича Житенева (с 2008 г.). На сегодняшний день известно, что в пещере находится около 173 рисунков или их реликтов [9], но относительно хорошо сохранилось лишь около тридцати, среди них встречаются рисунки размером от 44 до 112 см. Наиболее интересные изображения – фигуры мамонтов, носорога, рыбы, бизона и лошади. Они нарисованы ярко-красной охрой, как и большинство изображений в пещере. Но встречаются и более редкие рисунки, выполненные углем. Кроме животных, на стенах пещеры древние люди изобразили антропоморфные фигуры, а также более сложные для интерпретации знаки.

Уникальной находкой стало изображение двугорбого верблюда. Его открыли в ноябре 2017 г. в рамках реставрационных работ на панно «Лошади и знаки» в зале Хаоса Каповой пещеры [6]. Рисунок выполнен красной охрой и частично оконтурен черной линией, нанесённой древесным углём. По мнению В.С. Житенева, уникальность находки в том, что изображение верблюда не имеет аналогов в изобразительных комплексах пещер Франции и Испании, однако похожие рисунки встречаются в Игнатьевской пещере, расположенной на территории современной Челябинской области. Это, в частности, подтверждает теорию о Волжско-Каспийском направлении связей людей, организовавших святилище в Каповой пещере. [13].

Во время научных экспедиций О.Н. Бадера здесь были проведены и раскопки, в результате которых под вековыми завалами камней открылся культурный слой позднего палеолита, что подтвердило датировку памятника. В результате исследований, было установлено, что люди в пещере не жили, а только приходили во время праздников или перед охотой, для совершения различных ритуальных действий [14]. Однако на сегодняшний день появились исследования, дополняющие этот вывод.

В частности, В.С. Житенев в своих работах отмечает, что палеолитические пещеры – в том числе и Капова пещера – это не только святилища, места для проведения обрядов, но и крупные центры для сбора охотников-собирателей для решения, например, социальных вопросов.

Житенев указывает, что «одним из наиболее важных вопросов при изучении подобных археологически комплексов является разделение следов деятельности человека на ритуальные (в широком смысле – символические) практики и на хозяйственно-бытовые, связанные в ряде случаев с обеспечением ритуальных практик» [5]. Таким образом можно предположить, что в Каповой пещере периодически происходили сборы, возможно, сезонные, большого коллектива, состоявшего из отдельных групп охотников-собирателей.

При этом весьма вероятно, что разные помещения пещеры имели разное значение, поскольку артефакты, найденные во время раскопок, иллюстрируют «все признаки разнообразных занятий, связанных как с хозяйственно-бытовыми, так и с символическими практиками» [5].

Владислав Сергеевич также указывает, что и само появление святилища в каповой пещере в данный промежуток времени не случайно. Поскольку в этот период происходил этап максимального оледенения, и, как следствие, потоки миграции двигались из Европы в сторону Урала [5]. Это объясняет и похожесть рисунков на стенах Каповой пещеры и памятников наскальной живописи в Европе.

Уникальным является положение памятника [12]. Если смотреть на карту мира, то пещера расположена практически в его центре, то есть на пересечении возможных древних путей.

Рисунок 1. Расположение Каповой пещеры на карте мира

Еще одной уникальной особенностью пещеры является нахождение в культурных слоях памятника, наряду с палеолитическим пластом, пласта бронзового века. А.К. Солодейников отмечает, что дает возможность соотнесения Каповой пещеры не только с памятниками позднего палеолита, но и с культурами более поздних периодов [12].

Интерес исследователей к изучению Каповой пещеры связан в том числе и с тем, что несмотря на то, что в Каповой пещере сосредоточено большое количество наскальных рисунков, ученые не отрицают тот факт, что под кальцитовыми корами на стенах пещеры еще могут находиться неизученные рисунки [12].

Вместе с этим, беспокойство вызывает сохранность рисунков в Каповой пещере. Это связано как с естественными причинами (климатические и

микроклиматические условия), так и с широкой известностью и доступностью пещеры на протяжении последних двухсот лет [12]. В частности, особенную нагрузку на пещеру создает туристическая активность. Для минимизации негативных воздействий на пещеру применяются различные меры, включая ограничение числа посетителей, создание регламентированных туристических маршрутов, регулярный мониторинг состояния пещеры и разработку научно обоснованных стратегий охраны памятника [3]. Кроме этого, в 2012 г. Правительство Республики Башкортостан предложило включить Капову пещеру в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Победителей, попавших в список, определяют на 47-й сессии Комитета ЮНЕСКО, которая пройдет в июле 2025 г. [10].

Для сохранения исторической значимости памятника, в двух километрах от входа в пещеру, был создан Историко-культурный музей-заповедник Шульган-Таш. Его открытие состоялось 9 июня 2022 г. Это научно-исследовательский и просветительский музей, созданный специально для изучения и сохранения палеолитических наскальных изображений пещеры Шульган-Таш [3]. В процессе открытия комплекса была проведена масштабная работа, которая включала в себя несколько государственных историко-культурных экспертиз, а также исследования в лабораториях Австрии, Великобритании и США. На сегодняшний день Историко-культурный комплекс Шульган-Таш представляет собой масштабную современную экспозицию, которая состоит из семи тематических блоков и рассказывает о событиях от «Большого взрыва» до каменного века, а также историю изучения Каповой пещеры археологами, палеонтологами, спелеологами и другими специалистами [3].

Таким образом, Капова пещера, расположенная на территории Южного Урала, является действительно уникальным памятником мирового уровня, который привлекает внимание не только ученых разных областей, но также является объектом внимания руководства Республики Башкортостан, интереса общественности. Изучение пещеры длится уже более 200 лет, и до сих пор является актуальным, поскольку ученые совершают новые находки и отмечают, что пещера не изучена до конца. Анализ материалов, найденных во время научных экспедиций, позволяет не только изучить культуру позднего палеолита, но и сделать выводы о социальной, политической и культурной жизни древнего общества.

Литература

1. Бадер О.Н. Палеолитические рисунки Каповой пещеры (Шульган-Таш) на Южном Урале // Советская археология. 1963. № 1. С. 125-134.
2. Бадер О.Н. Каповая пещера. М., 1965. 48 с.
3. Историко-культурный музей-заповедник Шульган-Таш URL: https://shulgantash.ru/about_the_museum (дата обращения 03.04.2025).
4. История России: учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Р.Р. Хадимуллина, Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 318 с.
5. Житенев В.С. Капова пещера – верхнепалеолитическое пещерное святилище с настенными изображениями: автореф. на соиск. ученой степ.

Доктора исторических наук: 07.00.06 – археология. М., 2017. 67 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/kapova-peshchera-verkhnepaleoliticheskoe-peshchernoe-svyatilishche-s-nastennymi-izobrazheniy/read> (дата обращения 30.03.2025).

6. Житенёв В.С. Капова пещера – палеолитическое подземное святилище / Отв. ред. Н.Б. Леонова. М.: Индрик, 2018. 296 с.

7. Житенев В.С., Червяцова О.Я. Проблемы сохранности палеолитического изображения верблюда в Каповой пещере // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 1. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31816 (дата обращения 08.04.2025).

8. Котов В.Г. Палеолитическое святилище в пещере Шульган-таш (Каповой) и мифология южного Урала // Проблемы первобытной культуры. 2001. С. 54-79.

9. Ляхницкий Ю.С. Рисунки и знаки пещеры Шульган-таш (Каповой). Уфа: Китап, 2013. 286 с.

10. Пещера Шульган-Таш из Башкирии может стать всемирным наследием ЮНЕСКО. URL: <https://ufa.mk.ru/social/2025/02/15/peshhera-shulgantash-iz-bashkirii-mozhet-stat-vsemirnym-naslediem-yunesko.html> (дата обращения 03.04.2025).

11. Рычков П.И. Описание пещеры, находящейся в Оренбургской губернии при реке Белой (1760 г.). URL: <https://uraloved.ru/richkov-opisanie-kapovoy-pesheri> (дата обращения 01.04.2025).

12. Солодейников А.К. Чем замечательна Капова пещера / Проблемы истории, филологии, культуры. 2019. №2. С. 69-83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chem-zamechatelna-kapova-peschera/viewer> (дата обращения 01.04.2025).

13. Учёные нашли верхнепалеолитическое изображение верблюда в пещере на Урале. URL: <https://festivalnauki.ru/media/articles/interesno-o-nauke/uchyenyenashli-verkhnepaleoliticheskoe-izobrazhenie-verblyuda-v-peshchere-na-urale/> (дата обращения 08.04.2025).

14. Экспедиция О.Н. Бадера в Каповой пещере. URL: <https://archaeolog.ru/about/history/expeditions-1943-1970/19601978-gg--ekspeditsiya-on-badera-v-kapovoy-peschere> (дата обращения 31.03.2025).

© Ахметова А.М., 2025

ОПЫТ ОПИСАНИЯ ОРНАМЕНТА СОСУДОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА ИЗ СТАРО-ЯППАРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА В РАМКАХ ИСТОРИКО- КУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА

THE EXPERIENCE OF DESCRIBING THE ORNAMENT OF BRONZE AGE VESSELS FROM THE STARO-YAPPAROVSKY BURIAL GROUND IN THE FRAMEWORK OF A HISTORICAL AND CULTURAL APPROACH

Аннотация. В данной статье рассматривается стилистика орнаментации на трех сосудах из могильника Старо-Яппарово. Описаны элементы, мотивы и композиция, а также предполагаемый способ нанесения орнамента. Характеристика декора сосудов производилась с использованием историко-культурного подхода.

Annotation. This article examines the stylistic features of the ornamentation on three vessels from the Staro-Yapparovo burial ground. It describes the elements, motifs, composition, and the intended method of applying the decoration. The author uses a historical and cultural approach to characterize the decoration of these vessels.

Ключевые слова: Южный Урал, бронзовый век, орнаментация, керамика, элемент, мотив, композиция

Keywords: Southern Urals, Bronze Age, ornamentation, ceramics, element, motif, composition

Орнаментация на сосудах – важный источник в изучении межкультурных контактов, так как керамика – одна из наиболее массовых категорий археологических находок, а орнамент – чутко реагирует на изменение культурной ситуации [4, с. 50]. На керамике легко прослеживается взаимовлияние культур. Орнамент реагирует на возникновение культурных контактов между разными группами населения.

Орнамент служил одним из важнейших средств передачи культурной информации. Например, в изображении могла быть отражена текущая бытовая информация о числе убитых животных, удачной охоте и т.п. или социальная информация об истории коллектива и его тотемных предках [3, с. 55]. Но все же наиболее важна информация этнокультурного характера о принадлежности человека к тому или иному роду и племени. Имеет место культурная идентификация – противопоставление разных этнических групп друг другу по принципу «мы – они», «свой – чужие» [4, с. 60].

Декор сосудов также является системой культурных традиций. В основе их формирования лежат два основополагающих принципа. Первый принцип – подражательности (обучение учителем ученика); второй – устойчивости (характерно для доиндустриального общества, где передача любых правил,

действий и навыков труда происходит в рамках культурно-родственных человеческих коллективов).

Традиционный облик декора сохраняется значительно дольше, чем знания человека о его семантическом смысле, так как мы видим орнамент на сосудах в форме абстрактных изображений.

Представляется целесообразным изучать орнамент на сосудах для выявления степени культурного взаимовлияния контактирующих друг с другом культурных общностей на основе статистических данных. Для этого необходимо создавать базы данных с описанием орнаментальной стилистики различных культурных групп древнего населения [2, с. 30-33]. В рамках данной цели в работе сделано описание трех сосудов срубно-алакульского типа из курганов у деревни Старо-Яппарово на реке Дёме. Памятник был открыт в 1962 г. разведочным отрядом Башкирского государственного университета под руководством Г.И. Матвеевой. Работа над могильником производилась археологической экспедицией университета в 1973 г. Курганная группа расположена на террасе правого берега р. Дёмы, состоит из семи насыпей округлой формы, диаметром 16-20 м, высотой 0,2-0,5 м [1, с. 118]. Рамки охватывают в основном период существования срубной и алакульской культурно-исторических общностей (период их существования – вторая четверть II тыс. до н.э. – конец третьей четверти II тыс. до н.э.) [3, с. 4]. Подробно проблем взаимодействия срубных и алакульских культурных общностей исследует Н.Г. Рутто в своей работе «Срубно-алакульские связи на Южном Урале».

Сосуд из погребения № 3, кургана № 4. Могильная яма прямоугольной формы простой конструкции. На дне покоился скелет взрослого человека в скорченном положении, на левом боку, ориентированный головой на север [1, с. 130]. Помимо рассматриваемого сосуда в погребении рядом со скелетом находился еще один, сделанный более тщательно и изящно. Один из сосудов расположен возле согнутых локтей погребенного, другой – на расстоянии около полуметра спереди от головы.

В глиняном тесте данного сосуда найдена примесь шамота. Снаружи горшок заглажен, внутри видна штриховка от заглаживания.

Элемент. Способ орнаментации – штампование. Инструмент – гребенчатый штамп. Его можно назвать среднегребенчатым, так как отпечатки от зубцов частые и небольшого размера, шириной 2 мм.

Элемент используется в трех мотивах. Вероятнее всего, они наносились одним и тем же инструментом.

Узоры. Зафиксировано два узора. 1. Представлен чередой параллельных линий, ориентированных вправо. Визуально они складываются, в совокупности с нижним мотивом, в ряд равнобедренных треугольников с отсутствующей правой стороной. Наш глаз достраивает ее отсутствие, так как штрихи идут на убыль: 40мм → 30мм → 25мм → 20мм. В основном 4-5 штрихов, наклоненных под 50°-60°.

2. Заштрихованный треугольник без основания, вершиной вниз. Основанием служит прямая линия от верхнего мотива. Треугольник вытянут (стороны

длиннее основания. Правая сторона короче, чем левая, угол наклона у нее меньше. Длина и угол наклона правой стороны – 35мм и 100°, левой – 50мм и 45°.), вершина отклонена влево. Стороны при основании пересекаются. Штрихи ориентированы вправо. Их количество – 3-4 штриха, а длина варьируется от 30мм до 40мм.

Мотивы. Фиксируется 3 мотива, горизонтально ориентированных относительно плоскости дна. Описание мотивов идет от верха сосуда

1. Простой мотив из узоров №1. У одного из «треугольников» наклон штрихов и их длина разнятся, так как, видимо, мастерица не рассчитала размеры узоров, и заполнила пробел длинными элементами вместо коротких. Также выбивается один “треугольник”, у которого правая сторона есть. Поскольку неровный узор стоит перед ним, вероятно с достроенного треугольника начинался мотив.

2. Сложный мотив из элементов. Представлен зигзагом, заключенным между двумя параллельными линиями. Длина сторон зигзагов – 15мм, а их наклон – 45°.

3. Простой мотив из узоров №2. В мотиве один из «треугольников» нанесен специфически. Левая сторона начата, но не продолжена оставшейся частью узора (штрихи и другая сторона), а начата заново еще раз, но уже нарушив однородность и симметрию узора. Также сильно уменьшился угол наклона – 15°-20°. Выбивающийся узор расположен под нестандартным узором из первого мотива.

Композиция. Первый мотив нанесен на зону плеча и заходит сверху на зону шеи. Второй мотив проходит по ребру между туловом и плечом. Если прокручивать сосуд, то заметно, что он идет под наклоном вниз, а местами даже «проваливается». Третий – по верхней половине тулова и местами заходит на нижнюю половину.

Сосуд из погребения № 3, кургана № 2. Могильная яма прямоугольной формы. С северной, западной и южной сторон могила имеет ступеньку высотой 0,35 м от дна. На дне лежит скелет взрослого человека в сильно скорченном положении, на левом боку, головой на север [1, с. 120]. В данном погребении найден один сосуд – тот, что будет описан ниже. Он расположен у лица погребенного. Поверхность данного сосуда хорошо заглажена. Цвет сосуда светло-серый, в глиняном тесте найдена растительная примесь.

Элемент. Способ орнаментации – штампование. Фиксируется 1 элемент – гладкий штамп. Инструментов выступал штамп шириной 2 мм.

Для первого и третьего мотивов инструментом выступает крупногребенчатый штамп, состоящий из двух ячеек. Длина каждой из них – 5-7мм, ширина – 2мм.

Узоры. Фиксируется один узор, представленный оттисками гладкого штампа, наклоненными вправо и влево. Образует ромбы. Длина сторон сильно разнится – от 10мм до 30мм.

Мотивы. Фиксируется 3 мотива, горизонтально ориентированных относительно плоскости дна. Описание мотивов идет от верха сосуда.

1. Простой мотив из элементов. Элемент представляет собой отрезок длиной 10-15мм, шириной – 2мм, поделенный посередине. Ширина деления – 1мм. Отрезки наклонены вправо под углом в 35°. Расстояние между отрезками – 5-10мм. Наклон и расстояние одинаковы практически на протяжении всего мотива, отклонения незначительны и не нарушают композицию.

2. Сложный мотив из элементов. Ромбический мотив из отпечатков штампа в один ряд. Ромбы расположены тупыми углами вверх и вниз. Сами ромбы неаккуратны: разный наклон сторон, сами стороны могут пересекаться, соприкасаться или вообще не пересекаться. В верхних углах ромбов больше всего не соприкасающихся сторон, в нижних – пересекающихся. Соприкасающихся сторон одинаковое количество.

Ромбы «съезжают» в стороны и вытягиваются. Их высота варьируется в пределах 15-35 мм, ширина – 20-40 мм. Количественно больше маленьких ромбов, чем больших.

На одной из сторон сосуда количество рядов ромбического мотива увеличивается до трех. Возникает образ «сеточки». Высота этого участка – 35 мм, длина – 90 мм. На этой же стороне отрезки 1 мотива становятся короче – по 10 мм.

3. Простой мотив из элементов. Элемент тот же, что и в первом мотиве, только с другим углом наклона в 90°. Отклонение в стороны незначительные. Расстояние между отрезками – 5-20 мм. На отрезке с «сеточкой» расстояние уменьшается – 5-7 мм. Мотив расположен на редуцированной зоне плеча, сползает на зону тулова сосуда.

Композиция. Первый мотив опоясывает шею сосуда. Второй мотив расположен на шее сосуда и заходит на редуцированную зону плеча.

Сосуд из погребения № 5, кургана № 3.

Элемент. Способ орнаментации – штампование. Инструмент – шнур. Шнур скручен из нитей. Под микроскопом видны отпечатки волокон. Ширина отпечатка нити – 3 мм. Длина участка нити в шнуре 6-7 мм.

Элемент используется в двух мотивах. В одном длина отпечатка шнура – 40-45 мм. Во втором – 20 мм.

Мотивы. Фиксируется 2 мотива, горизонтально ориентированных относительно плоскости дна. Описание мотивов идет от верха сосуда.

1. Сложный мотив из элементов. Представлен двумя подвидами элементов. Первый подвид – отпечатки шнура длиной 40-45 мм, с наклоном в правую сторону на 45°, второй – те же отпечатки с наклоном влево. Мотив представляет собой двойной зигзаг. Верхние углы зигзагов сомкнуты. Нижние – сомкнуты только у верхнего. У нижнего зигзага элементы упираются в нижний мотив и не смыкаются. Визуально мотив, в сочетании с нижним, представляется рядом равнобедренных треугольников с двойными боковыми сторонами. Видно, что данный мотив не идеален. На одной стороне мастер наносил орнамент ровно, аккуратно, одинаково, но при повороте сосуда треугольники «плывут», разъезжаются, а в двух местах линия в треугольнике не продублирована.

2. Простой мотив из элементов. Элементы мотива – отпечатки шнура в виде отрезков длиной 20 мм, наклоненных вправо на 45°. Мотив создан путем повторения элементов. Расстояние между элементами – 10 мм. Визуально мотив представляется широкой прямой линией, опоясывающей сосуд. Как уже упоминалось эту линию можно визуализировать в качестве основания для равнобедренных треугольников, образованных с первым мотивом.

Композиция. Первый мотив нанесен на зону шеи и заходит на редуцированную зону плеча. Вторым нанесен на ребро между туловом и плечом. Что было нанесено раньше? Скорее всего, наносились сначала треугольники, а потом пунктир. Так как при переходе пунктира в левую сторону треугольника наложений этих элементов друг на друга нет. И в таком случае это та же сторона треугольника, просто длиннее, чем все остальные. Если бы первым наносился пунктир, то треугольники на него, наверное, «налезли». А еще пунктир как будто огибает треугольники, то есть пунктир не являлся осью, линейкой, по которой равнялся бы первый мотив.

Судя по преобладающему расположению элементов в мотивах, предполагалось нанесение первого только в зоне шеи, а второго – на плечо.

Центральная и придонная зоны тулова неорнаментированы.

В рассмотренных сосудах присутствуют различия в характеристиках на всех уровнях: от элемента до композиции, а также в способе орнаментации и инструменте нанесения орнамента. Встречаются среднегребенчатый, гладкий и веревочный штампы. И все же прослеживается общий тренд как, например, линейность элементов, геометризм и использование прямых линий для разграничения зон орнамента.

Литература

1. Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф. Курганы срубной культуры у деревни Старо-Яппарово на р. Дёме. ВГПУ, 1978.
2. История России: учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Р.Р. Хадимуллина, Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 318 с.
3. Рутто Н.Г. Срубно-алакульские связи на Южном Урале. РАН Уфимский научный центр. Уфа: Изд-во Гилем, 2003. 211 с.
4. Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. РАН Институт Археологии. М.: ИА РАН, 2017. 316 с.

© Комарова Н.В., 2025

М.А. Имамутдинов
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – д. и. н., профессор Б.А. Азнабаев

M.A. Imamutdinov
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – d. of h. s., professor B.A. Aznabaev

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ БАШКИРСКИХ ВОССТАНИЙ (ТИПИЗАЦИЯ И ИСТОРИКО-ПРОБЛЕМНЫЙ АНАЛИЗ)

PRE-REVOLUTIONARY HISTORIOGRAPHY OF THE BASHKIR UPRISINGS (TYPIFICATION AND HISTORICAL-PROBLEMATIC ANALYSIS)

Аннотация. Статья посвящена анализу дореволюционной (XVIII - начало XX вв.) историографии башкирских восстаний. Автор предлагает новую типологию, основанную на стратегиях объяснения причин восстаний дореволюционными историками. Выделяются два основных типа: «ориенталистский» и «контекстуальный». На основе анализа работ ключевых авторов (П.И. Рычков, С.М. Соловьев, Р.Г. Игнатьев, А.И. Добромыслов и др.) прослеживается смена доминирующего подхода, которая объясняется процессами демократизации и профессионализации исторической науки в Российской империи.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the pre-revolutionary (XVIII - early XX centuries) historiography of the Bashkir uprisings. The author proposes a new typology based on strategies used by pre-revolutionary historians to explain the causes of uprisings. Two main types are distinguished: "orientalist" and "contextual". Based on the analysis of the works of key authors (P.I. Rychkov, S.M. Solovyov, R.G. Ignatiev, A.I. Dobromyslov, etc.), a change in the dominant approach is traced, which is explained by the processes of democratization and professionalization of historical science in the Russian Empire.

Ключевые слова: историография, башкирские восстания, ориентализм, контекстуализм, причины восстаний, историческая наука.

Keywords: historiography, Bashkir uprisings, orientalism, contextualism, causes of uprisings, historical science.

В нынешний момент развития историографии башкирских восстаний наибольшей актуальностью обладают работы, предпринимающие попытку обобщить и классифицировать большой пласт литературы. Например, коллективная статья В.А. Иванова, А. И. Картунова, О.А. Иванова [10]. представляет собой анализ исторических дискурсов и идеологий в каждый период развития исторической мысли о башкирском восстании 1735-40 гг. Авторы стремятся показать, как доминирующая идеология (монархическая, марксистско-ленинская, современная национальная) определяла характер и содержание исторических дискурсов об этом событии. Статья последовательно рассматривает работы различных историков, выявляя изменения в трактовках причин, движущих сил, характера и значения восстания в зависимости от идеологического контекста эпохи.

В монографии Б.А. Азнабаева проводится типизация современной историографии на 4 группы: эссенциалистская, ностальгическая, антиколониальная и феодально-сепаратистская. Первая группа настаивает на том, что причинами восстаний была непоколебимая вражда оседлого или кочевого населения. Вторая группа считает, что башкиры стремились вернуть власть чингизидов. Третья – в борьбе против колониализма. Четвертая, наиболее экзотическая, представляет исторический феномен, как феодальный сепаратизм. В свою очередь сам автор представляет свою интерпретацию – политико-теологическую [2].

Такие попытки классификации и типизации, как нам представляется, являются несправедливыми по отношению к дореволюционной историографии, поскольку они не раскрывают полностью всего «дискурсивного поля» того периода. Называть государственнической историографию всего временного промежутка между 1759 и 1917 гг. – означает упрощение и излишнее обобщение. В работах И.Г. Акманова мы можем обнаружить большее разнообразие в исторической мысли того времени, хотя его анализ страдает оценочной дихотомией, что также недостаточно раскрывает суть историописания [3].

В первую очередь мы должны задаться вопросом, по какому принципу мы проводим демаркацию между группами исторических работ. Наиболее плодотворным для исследования будет поиск тех стратегий объяснений, которые предпринимают дореволюционные авторы, чтобы объяснить причины восстания. То, какие историк выделяет причины, станет для нас основой для типизации. Если обратиться к текстам, то мы найдем два типа объяснения: ориентализм и контекстуализм. Первый более ранний, начинающийся с работ Рычкова (с 1759 г.), и до 1870 гг., второй – с 1880 до 1917 г.

Ориенталистский тип можно охарактеризовать на основе того как автор объясняет причины восстания: башкиры восстали из-за своего вольного духа, дикости и нецивилизованности [18, с. 690-696]. Автор данного типа объяснения старается представить башкир, как неизменяемое, обобщенное и неполноценное общество. Он пытается оправдать действия правительства, губернатора или иных лиц, представив их как цивилизаторская миссия. В историографии уже принято интерпретировать работы П.И. Рычкова с точки зрения ориентализма [1]. Например, автор пишет: «...они, яко от природы непостоянный народ, получа довольство во всем от многих пожалованных им угодий... в коротком времени так усилились, и в такую вольность пришли, что многия предерзости чинить отважились, а наконец явным уже образом бунтовали» [17, с. 57].

Далее за ним повторяют многие авторы первой половины XIX в. Например, И.В. Жуковский причину восстаний видит в «противлении благому намерению Императрицы» [8, с. 20]. И.Л. Дебу считает, что башкирские восстания произошли из-за «духа народа не образованного, дикого и привыкшего к врожденной склонности действовать самопроизвольно» [4, с. 206]. Долгое время после П.И. Рычкова не было необходимости в описании Оренбургской губернии, к началу XIX века такая потребность возросла (этим объясняется

долгое отсутствие работ после «Топографии»). Однако в период кантонной системы ориенталистский дискурс по отношению башкирским восстаниям усилился, а сам фактический материал историописания оставался тем же.

Середина того же века наиболее интересна. Ориентализм также доминирует в объяснениях о причинах восстания. В.М. Черемшанский видит причины восстания в страхе потери «своей дикой свободы» башкирами [21]. С.М. Соловьев объясняет башкирские восстания вечной борьбой леса и степи, магометанской и христианской веры [12]. Такая дихотомия является очередным проявлением ориентализма. Однако стоит учесть, что историк стал первым, кто процитировал челобитные башкир, в которых они объясняют мотивы своего восстания. В ответ на это Н.Н. Фирсов добавляет, что верить этим челобитным невозможно [21, с. 113].

Дальнейшее развитие историографии можно назвать контекстуальным. Х. Уайт определяет контекстуализм, как способ объяснения событий в рамках «контекста»: «Почему они [события] произошли..., должно быть объяснено посредством открытия их специфических отношений с другими событиями, произошедшими в окружающем их историческом пространстве» [20, с. 33]. В нашем случае вместо события существует скорее историческое явление. Начиная с 1880-ых гг. такой тип объяснения причин башкирского восстания становится доминирующим.

Первым автором «контекстуалистом» мы можем назвать Р.Г. Игнатьева, который пытался объяснить восстание тем, что башкиры были недовольны расселением русских и жестокостью местной администрации: «они не хотят и слышать о дьяках и воеводах, управление которых тяжело и жестоко, но что готовы быть всегда данниками русского белого царя, живя по-старому свободно» [11, с. 20]. Сам Р.Г. Игнатьев описывает действия Кириллова сатирически, критикуя за незнание региона и недооценку «башкирского» фактора. Также башкир он не представляет для читателя в обобщенном виде, хотя и называет восставших шайками. В целом, это говорит о далеком от ориентализма дискурсе Игнатьева.

Г.В. Перетяткович объясняет восстания инородцев в целом «обращением тех в христианство..., вымогательствами и притеснениями» [14, с. 341]. Хотя и приписывает прежде: «может быть объяснено не исключительно силою в них противоестественных инстинктов». А в течение всей книги упоминаются башкирские восстания, как фактор, негативно повлиявший на русских поселенцев. Далее ценным автором является А.И. Добромыслов, который также характеризует причины из контекста «Недовольство башкир новыми русскими поселенцами и разного рода новыми пошлинами, злоупотребления администрации и насилия воевод – вот те главные причины, которые вызвали башкирские бунты...» [6, с. 16] Многие другие авторы следуют за А.И. Добромысловым [7, 9].

Также существует одно исключение, связанное с работами о киргиз-кайсаках [13]. Это работа А.И. Левшина, где причины башкирского восстания 1735-40 гг. находят и в окружении башкир русскими крепостями, и в духе вольности башкир. Эта концепция основана на работе П.И. Рычкова, которого

автор фактически пересказывает. У Петра Ивановича мы находим объяснение бунта в том, что башкиры боялись пресечения их преступной вольности.

Таким образом у нас существует два типа объяснения. Одно исходит из свойств башкир, другое – из контекста, других «смежных» исторических явлений. Мы можем построить график (рис. 1), где будут представлены работы: по вертикали – кол-во страниц, по горизонтали – годы их изданий. Как мы видим, существует три «взлета» темы башкирских восстаний: первая связана с именем П.И. Рычкова и произошла в середине XVIII в., вторая – в конце первой трети XIX в., третья, наиболее длительная, – это сер. XIX – нач. XX вв. Мы видим четкое разделение на два типа в 1875-1880 гг.

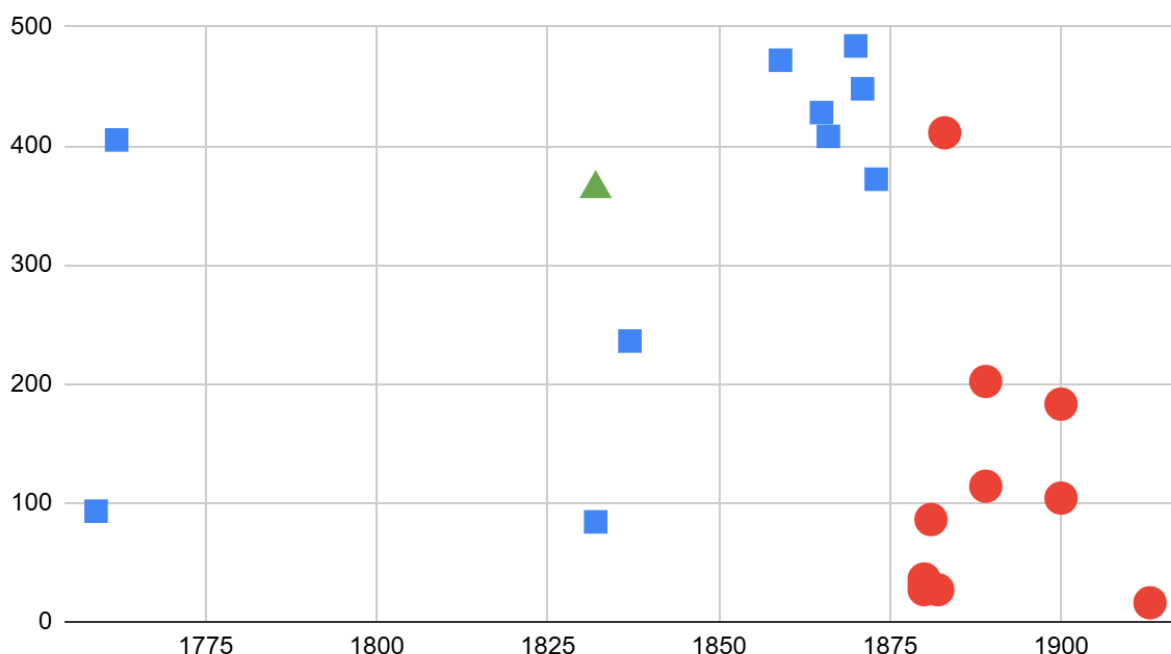

Рисунок 2. По вертикали – количество страниц, по горизонтали – годы издания работ. Синий квадрат – ориентализм, красный круг – контекстуализм, зеленый треугольник – другое.

Нам следует задаться следующим вопросом: почему произошла такая резкая перемена в исторической мысли и переход к контекстуальному типу? На вопрос о причинах существования ориенталистского типа мы можем ответить уже из его определения – попытка оправдать действия условного «Запада». Вопрос же резкого перехода к контекстуализму стоит открытым. Как нам кажется, главными причинами этого перехода являются демократизация и профессионализация исторической науки в тот период. Более ориенталистская концепция не была состоятельна в вопросах причинности башкирских восстаний. Иронично, но мы можем найти авторов таких как В.Н. Витевский или В.А. Ефремов [7, 9], которые пишут о «бремени цивилизатора», и при этом на вопрос о причинах не могут ответить, как прежде, они отвечают из контекста. То есть, в условиях относительного плюрализма мнений, открытия

множества источников и профессионализации исторической науки в Российской империи в целом, ориентализм к 1880 гг. стал не состоятелен.

Литература

1. Азнабаев Б.А. Юго-Восточная политика России середины XVIII в. В свете ориенталистского дискурса // Российский гуманитарный журнал. 2014. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yugo-vostochnaya-politika-rossii-serediny-xviii-v-v-svete-orientalistского-diskursa-1> (дата обращения: 16.04.2025).
2. Азнабаев Б.А. Национальная политика правительства Петра I на юго-востоке России. Уфа: Книга-принт, 2022. 320 с.
3. Акманов И.Г. Историография башкирского восстания 1735–1736 годов / И.Г. Акманов, И.К. Имангалин // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17, № 1(1). С. 734-736.
4. Дебу И.Л. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии М.: Унив. тип., 1837. 224 с.
5. Дмитриев А.А. Вып. 8. К истории зауральской торговли: Пермская старина Башкирия при начале русской колонизации Пермь: Типография Н-ков П.Ф. Каменского, 1900. 183 с.
6. Добросмыслов А.И. Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 г. Оренбург: Типо-лит. Ф.Б. Сачкова, 1900. 104 с.
7. Ефремов В.А. Из истории Уфимского края. Уфимский край в первой половине XVIII века // Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа: Электр. Типо-лит. Т-ва Ф.Г. Соловьев и Ко, 1913. №7-8. С. 236-252.
8. Жуковский И.В. Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края, расположенных хронологически с 1246 по 1832 год, чиновником, состоящим при оренбургском военном губернаторе по особым поручениям И. Жуковским. Оренбург.: в типографии Н. Греча, 1832. 76 с.
9. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань: Типолитография В. М. Ключникова, 1889. 176 с.
10. Иванов В.А. Идеология как механизм формирования исторического дискурса (на примере историографии башкирского восстания 1735–1740 гг.) / В. А. Иванов, А. И. Картунов, А. О. Иванов // Bylye Gody. 2022. Т. 17, № 4. С. 1605-1617. DOI: 10.13187/bg.2022.4.1605. [Электронный ресурс]. URL: <https://bg.cherkasgu.press> (дата обращения: 16.04.2025).
11. Игнатьев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / составитель М.И. Роднов. Т. VII: 1880-1881 годы. Уфа, 2013. 407 с.
12. История России с древнейших времён (Соловьёв). Том XX. Глава IV. [Электронный ресурс]. URL: <https://inlnk.ru/ZZBeye> (дата обращения: 16.04.2025).
13. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб.: Тип. Карла Крайя, Ч. 2: 1832. 333 с.
14. Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века. Одесса: тип. П.А. Зеленого (б. Г. Ульриха), 1882. 399 с.

15.Ремезов Н.В. Землевладение в Уфимской губернии: краткий исторический обзор образования, дробления и распределения поземельной собственности в Уфимской губернии. М.: Феория, 2009. 144 с.

16.Рычков П.И. История оренбургская (1730-1750). Оренбург: Оренбургский губ. стат. ком, 1896. 93 с.

17.Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург: Оренбург. отд. Рус. геогр. о-ва, 1887. 406 с.

18.Саид Э. Культура и империализм / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Владимиръ Даль, 2012. 736 с.

19.Таблица ориентализма и контекстуализма. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.google.com/spreadsheets/d/14-GTo4UYX3kJo_NfHXoklXS2sxQherC1g2jPTBw9iho/edit?usp=sharing (дата обращения: 16.04.2025).

20.Уайт Х. Историческое воображение в Европе XIX века; [пер. с англ. Под ред. Е.Г. Трубиной, В.В. Харитонова]. М.-Екб: Кабинетный ученый, 2023. 528 с.

21.Фирсов Н.А. Иностранное население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель. Казань, 1870. 448 с.

22.Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях Уфа: изд. иждивением Учен. ком. М-ва гос. имуществ, 1859. 472 с.

© Имамутдинов М.А., 2025

УДК 94(470.57)"18/19": 81'373.21(470.57)

Д.В. Лебедев

студент УУНиТ, г. Уфа

Научный руководитель – к. и. н., доцент Р.Н. Рахимов

D.V. Lebedev

student, UUST, Ufa

Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor R. N. Rakhimov

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДАННЫХ УРБАНОНИМИКИ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ УФИМСКОГО ВНУТРЕННЕГО ГАРНИЗОННОГО БАТАЛЬОНА)

THE USE OF URBANONYMIC DATA IN HISTORICAL RESEARCH (USING THE EXAMPLE OF THE UFA INTERNAL GARRISON BATTALION)

Аннотация. В статье рассматривается след, который оставил Уфимский внутренний гарнизонный батальон, дислоцировавшаяся в Уфе на постоянной основе более века, оставил в топонимике города. Показаны места, связанные с историей этой военной части.

Abstract. The article examines the footprint that the Ufa internal garrison battalion, which has been stationed in Ufa on a permanent basis for more than a century, has left in the toponymy of the city. Places related to the history of this military unit are shown.

Ключевые слова: урбанонимика, Уфимский внутренний гарнизонный батальон, казармы, улица Лагерная, парк имени Ивана Якутова, Солдатская слобода.

Keywords: Urbanonymy, Ufa internal garrison battalion, barracks, Lagernaya Street, Ivan Yakutov Park, Soldatskaya Sloboda.

Уфимский внутренний гарнизонный батальон — воинская часть, дислоцировавшаяся в Уфе на постоянной основе более века. Созданный в 1804 г. как Уфимский гарнизонный батальон, он представлял собой полувоенное формирование. Его основные обязанности включали обеспечение «гарнизонной и караульной службы» [1], а также сопровождение этапиремых заключённых.

Как видно, это была обычная провинциальная гарнизонная часть. Поэтому, «почти до конца XIX в. вся история батальона отображалась больше на его многочисленных переименованиях» [2, с. 160]. Был он и «Оренбургским линейным №16», и «Оренбургским линейным №10», и «Уфимским губернским», и «Уфимским местным», и «Уфимским резервным (кадровым)», пока с 11 марта 1899 г. не получил название «243-го Златоустовского пехотного батальона».

С тех времен в городе осталось немало мест, связанных с историей этой военной части. Во-первых, сохранился сам казарменный комплекс, находящийся по адресу Карла Маркса 55/1. О военном прошлом нашего города также говорят такие топонимические названия, как «Солдатское озеро» в парке Якутова и «Лагерная улица» [3, с. 80] в Ленинском районе. Были еще Солдатская слобода — ныне район между улицами Добролюбова и Волочаевской, Казарменная улица (ныне улица Красина) и Лагерная гора.

Начать стоит с изучения истории самого казарменного комплекса. То место, где они стоят, ранее называлось Александровской площадью. Старт началу строительства в этом районе дал визит Александра I в Уфу в 1824 г., состоявшийся в рамках его путешествия по стране. 18 сентября 1824 г. он собственноручно заложил первый камень в фундамент возводимого на горе храма «в память Святого Благоверного князя Александра Невского» [4, с. 160]. Тогда же Царю пришла в голову мысль заложить здесь казармы Уфимского гарнизона.

Ансамбль Казарм внутренней стражи объединяет пять строений и кирпичную ограду, протянувшуюся вдоль улицы Гоголя. Четыре из них образуют симметричные пары: их архитектурную ось задаёт линия, идущая от прежней Александровской церкви (сегодня — здание Дома профсоюзов). Возникла новая улица, названная Казарменной, которая, в продолжение оси симметрии, разделила два корпуса казарм. Помимо двух основных зданий, на Казарменной улице появились два более скромных по габаритам вспомогательных корпуса, выстроенных симметрично и зеркально отражающих друг друга. Пятый корпус, двухэтажное здание котельной, занимает обособленное положение в северной части казарменной территории, выделяясь своей удалённостью от основных строений. В то же время возвели кирпичную стену со встроенными конюшнями и въездными воротами. Площадь, где

находились храм и казармы, имела два названия – Александровская и «Казарменная» [5].

Корпуса казарм свободно размещены в пределах квартала, фасадами обращённые к трём улицам: Александровской (современная Карла Маркса), Казарменной (ныне Красина) и Гоголевской (сегодня — Гоголя).

Далее следует отметить два места с однотипными названиями, а именно о Лагерной горе и Лагерной улице. Лагерная гора расположена над железнодорожным вокзалом, в зоне спуска из центра Уфы к Нижегородке. Её территория охватывает участок у улицы Карла Маркса и начала бульвара Ибрагимова, а также примыкает к Казачьему спуску. По склону горы идёт узкая Лагерная улица. Ранее рядом находилась большая Лагерная площадь, заключенная между улицами Лагерной и Проломной. Все эти места (Лагерная гора, Лагерная улица и Лагерная площадь), а также находящееся неподалёку, в парке имени И. Якутова, Солдатское озеро назывались и называются так по одной причине: с середины XIX в. на этом месте располагались летние лагеря уфимского гарнизона. Здесь же находилось и «место сбора рекрутов перед посадкой на поезда» [6, с. 64].

Особо следует сказать о Солдатском озере и парке имени Ивана Якутова в целом. Как уже было сказано, озеро получило такое название в связи с тем, что в том районе находились летние лагеря уфимского гарнизона, а на берегах озера располагались Солдатские огороды.

С парком имени И. Якутова куда более интересная ситуация, так как его расположение и его современное название так или иначе связаны с историей уфимского гарнизонного батальона. Идея создания парка впервые была поднята в 1903 г. Поводом послужила инициатива члена уездного комитета и полицмейстера Г.Г. Бухартовского. Осмотрев территорию бывшего военного лагеря в Уфе, где тогда проходили народные гуляния, он предложил перенести их на новое место – площадь между садом Иоанно-Предтеченской церкви и Солдатским озером, посчитав её более подходящей для массовых мероприятий. Согласно его предложению, территория могла быть озеленена быстрорастущими деревьями без серьёзных сложностей и при скромном бюджете. Чернозёмная почва с обилием грунтовых вод создавала идеальные условия для формирования полноценного парка за короткий срок.

Одобрив идею Бухартовского, Уездный комитет обратился к губернатору с инициативой внести на обсуждение Думы план организации парка в обозначенной локации. В результате Дума санкционировала выделение участка между Иоанно-Предтеченской церковью и Солдатским озером для реализации проекта. В 1904 г. уездный комитет утвердил план создания парка. Для координации работ была сформирована исполнительная комиссия, в состав которой вошли члены комитета: Г.Г. Бухартовский, Лебедев, Лосинский, Удалов и секретарь Герасимов.

Исполнительная комиссия передала подрядчику работы по возведению ограды и другим плотничным задачам, стартовавшим в апреле. Уже к началу июля весь участок был обнесён готовой оградой. К этому же сроку завершили разметку главных аллей, огороженных лёгкими заборами: часть изгороди взяли

с прежней площадки гуляний, остальную изготовили специально. Музыкальную эстраду переместили в парк, вдоль аллей установили скамейки, а также провели предварительное выравнивание территории, в частности, аллей. «За все перечисленные работы подрядчику уплачено 1 200 руб.» [7, с. 199]. Председатель комиссии Г. Бухартовский лично контролировал ход работ. По мере заготовления материала и исполнения работ, осмотр их производился «6 и 25 мая, 8 и 28 июня и 9 июля исполнительной комиссией в полном ее составе» [7, с. 199].

На заседании 28 августа председатель исполнительной комиссии предложил уездному комитету создать в новом парке оранжерею и парники. Их эксплуатацию планировали передать частному предпринимателю, включив в договор обязательства по высадке деревьев и уходу за ними.

Уездный комитет, одобрив в целом идею создания оранжереи и парников, делегировал исполнительной комиссии право самостоятельно выбрать подрядчика для их эксплуатации. Для привлечения заинтересованных лиц комиссия разместила объявление в «Уфимских Губернских Ведомостях», предлагая предпринимателям взять на себя обустройство и обслуживание объектов. Об условиях сдачи аренды предоставлено было справляться в канцелярии уездного комитета.

Исполнительная комиссия получила заявки от нескольких предпринимателей, готовых взять на себя эксплуатацию оранжереи и парников в парке. Однако на заседании 31 августа, обсудив предложения, комиссия пришла к выводу, что претенденты не предоставили достаточных гарантий выполнения установленных требований. В связи с этим было решено временно отказаться от сотрудничества с частными лицами и начать посадку деревьев силами самой комиссии, используя хозяйственный метод. Эта работа была поручена садовнику Томкевичу, принявшему на себя эту обязанность безвозмездно. В помощь ему был приглашен уездный брандмейстер Маныгин. На него возложили контроль за финансированием посадок, а также организацию работ: найм рабочих, подготовку посадочных ям и закупку опорных кольев. В качестве основного вида деревьев выбрали тополя из-за их быстрого роста. Часть саженцев заказали в Пензенском училище садоводства. Отдельное внимание уделили водоснабжению парка. Комиссия поручила председателю согласовать подключение к центральному водопроводу и добиться в городской думе утверждения бесплатной подачи воды для полива.

К середине сентября подготовительные работы для посадки деревьев были практически завершены: выкопаны лунки, доставлены саженцы и опорные колья. 16 сентября состоялась торжественная церемония с молебном, посвящённая началу озеленения. К началу октября все деревья высадили. По периметру парка, вдоль боковых аллей, разместили тополя. Центральные аллеи – продольную и поперечную – также засадили тополями, а на небольших дорожках высадили берёзы и липы.

«Расход по устройству парка за 1904 г. выразился всего в сумме 1801 руб. 08 коп, а именно: а) устройство ограды с трех внешних сторон (восточной, северной и западной), легкой изгороди всех боковых и центральных аллей и

больших скамей в них, а также нивелировка их обошлись в 1200 руб.; 2) устройство колодца – 15 руб.; 3) приобретение саженцев, кольев и наем рабочих – 533 руб. 41 коп. и 4) содержание сторожа в парке – 52 руб. 67 коп.» [7, с. 202].

Таким образом, парк был разбит на территории, когда-то отведенной под проживание солдат уфимского гарнизона. Изначально он назывался «Сад общества трезвости», а в парк имени И. Якутова его переименовали в 1918 г. Дело в том, что имя Ивана Якутова также связано с историей уфимского гарнизонного батальона. Иван Степанович Якутов – революционер и председатель первого Уфимского Совета рабочих депутатов, основанного в декабре 1905 г., – пользовался огромным авторитетом среди городских рабочих и мещан. Он жил недалеко от парка и регулярно проходил через него по пути на работу в железнодорожные мастерские Уфы. В 1907 г. он был казнен в Уфимской тюрьме за организацию в декабре 1905 г. вооруженного столкновения «между рабочими Уфимских железнодорожных мастерских и правительственными войсками гарнизона города» [8, с. 210].

Далее речь пойдет о Солдатской слободе (ныне это район улиц Волочаевской, Чернышевского, Коммунистической, Новомостовой и Мингажева). Она образовалась в Уфе ещё до появления уфимского гарнизонного батальона, а именно в 1708 г., с формированием пешей роты гарнизона, как «особое место» [9, с. 46] для расселения солдат этой роты. Ныне солдатская слобода существует под названием улицы Добролюбова.

Таким образом, можно увидеть, что Уфимский внутренний гарнизонный батальон оставил след в топонимике Уфы. Эти урбанонимические данные можно привлекать не только для изучения истории этой военной, но и военную историю города, а также историю взаимодействия горожан с солдатами.

Литература

1. Синенко С. Уфимский гарнизон – Уфа от А до Я // Посреди России. [Электронный ресурс] URL: https://posredi.ru/enc_u_ufimskiy_garnizon.html?ysclid=m9sd7851yd391467363 (дата обращения: 27.04.2025).
2. Шушпанов С. Очаковцы. Из истории уфимского гарнизона // Бельские просторы: Проза. Поэзия. Публицистика: Общественно-политический и литературно-художественный журнал. №12. 2000. С. 160-163.
3. Справочная книга города Уфы. С приложением плана. Составленная чинами Уфимской городской полиции. 2-е изд. Уфа, 1908. VIII, 223 с.
4. Егоров П.В. Казармы внутренней стражи // Уфа: страницы истории / Сост. М. В. Агеева. Уфа: Китап, 2006. С. 194-197.
5. Уфимская топонимика // Региональный энциклопедический портал «Башкортостан». [Электронный ресурс]. URL: <https://bashenc.online/ru/articles/91345/> (дата обращения: 27.04.2025).
6. Хабибов Л.Г. Оронимия г. Уфа и его окрестностей / Хабибов Л.Г., Каримов С. Г. // Образование: традиции и инновации. №1(32). 2021. С. 61-70.

7. Маслова А. «Народный» парк в Уфе // Уфа: страницы истории / Сост. М.В. Агеева. Уфа: Китап, 2006. С. 197-202.

8. Нигматуллина И.В. Старая Уфа. Историко-краеведческий очерк. 2-е изд., перераб. Уфа: Белая река, 2007. 224 с.

9. Игнатъев Руф. Местоположение г. Уфы до начала XIX столетия // Уфа: страницы истории. Книга вторая / Сост. М.В. Агеева. Уфа: Инеш, 2014. С. 38-49.

© Лебедев Д.В., 2025

УДК 94(47).073

И.Ф. Закирзянов

студент УУНиТ, г. Уфа

Научный руководитель – д. и. н., профессор Р.Б. Шайхисламов

I.F. Zakirzyanov

student, UUST, Ufa

Scientific supervisor – d. of h. s., professor R. B. Shaikhislamov

ЭПИДЕМИЯ ХОЛЕРЫ НА ТЕРРИТОРИИ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ 1829-1831 ГОДОВ И ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ЕЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

THE CHOLERA EPIDEMIC IN THE ORENBURG PROVINCE IN 1829-1831 AND THE MAIN FACTORS OF ITS SPREAD

Аннотация. В данном исследовании рассмотрены основные факторы и причины распространения пандемии холеры на территории Оренбургской губернии, методы борьбы с этой болезнью и ход эпидемии 1829-1831 гг. в регионе.

Abstract. This study examines the main factors and causes of the spread of the cholera pandemic in the Orenburg province, methods of combating this disease and the course of the 1829-1831 epidemic in the region.

Ключевые слова: холера, эпидемия, карантин, Оренбургская губерния, юго-восточный фронт. XIX век.

Keywords: cholera, epidemic, quarantine, Orenburg province, southeastern frontier, The 19th century.

На протяжении всего исторического пути человечества среди основных факторов, имеющих дестабилизирующую и разрушительную силу по отношению к здоровью, выделялись эпидемии. В истории холеры традиционно выделяют несколько волн вспышек в первой половине XIX в. Первая эпидемическая волна охватывает период с 1817 г. по 1823 г. Вторая датируется 1826-1831 гг. На территории Российской империи Азиатская холера впервые была замечена в Астрахани в 1823 г., однако, благодаря своевременно принятым мерам удалось избежать масштабного распространения заболевания. Первая серьезная вспышка эпидемии, пришедшая через казахские степи, началась в 1829 г. на территории Оренбургской губернии и распространилась по Российской империи, а затем перешла в Европейские страны. Опыт оренбургских врачей, которые первыми в стране встретили пандемию 1829-

1931 г., стал одной из основ при принятии противоэпидемических мер и борьбе с холерой по всей стране.

В начале XIX в. Оренбургская губерния представляла собой юго-восточный фронт Российской империи. При этом, местная администрация решало несколько важных задач. Во-первых, охрана юго-восточных рубежей государства. Во-вторых, установление торгово-экономических связей с восточноазиатскими государствами. Контакты с азиатской степью и меновая торговля, основу которой составлял скот, увеличивали вероятность передачи опасных инфекционных заболеваний и возникновения эпидемии и эпизоотии в этом крае. Именно с торговыми караванами холера перекинулась на Южный Урал, а меновой двор стал одним из центров распространения заболевания [8, с. 14].

В зимний период 1828-1829 гг. в Оренбург доходили слухи из Индии, Китая, Монголии Афганистана о загадочной болезни, приводящей к летальному исходу. Летом 1829 г. власти стали систематически собирать сведения об этой неизвестной «повальной болезни». На основе информации, полученных от опрошенных караванщиков, штаб-лекарь Отдельного Оренбургского корпуса Пятницкий пришел к заключению, что это холера [7, с. 78].

Большим заблуждением было то, что врачи отказывались считать холеру заразной болезнью. Медицинские работники не только оказывали помощь больным, но и одновременно задавались вопросами о причинах появления и распространения холеры. Дискуссии о том, заразна холера или нет, не привели к однозначным ответам, однако врачи поддерживали необходимость карантинных мероприятий. Стоит отметить, до 1883 г. врачи и исследователи не знали путей передачи холеры, следовательно, не существовало на тот момент и мер по борьбе с ней. Поэтому долгое время заразительность холеры не признавали ни врачи, ни центральные и местные власти [5, с. 145].

Почти во всех караванах, пребывавших в губернию летом 1829 г., были больные холерой. Но торговцы, не желая нести экономические убытки, активно скрывали больных [4, с. 60].

Местная администрация, не имея специальных указов по борьбе с новой болезнью, стала проводить противоэпидемические мероприятия. Это стало одним из факторов снижения темпа распространения холеры.

П.К. Эссен после проведения совещания с врачами принял меры для противодействия распространению холеры, но они оказались запоздалыми. Первые среднеазиатские караваны смогли пройти таможенную и товары поступили на продажу.

В первый месяц осени 1829 г. началась эпидемия. За первый год она быстро перекинулась в города и уезды губернии. В уездных городах, таких как Челябинск, Бирск, Стерлитамак и т.д. также фиксировались зараженные. Азиатская холера продолжала удерживать свои позиции вплоть до 1833 г., несмотря на принимаемые меры.

4 октября был созван совет при военном губернаторе. Согласно постановлению, предписывалось прекратить сношения с населенными пунктами, где фиксировались зараженные. Ввод в действие Карантинного

устава оставался за местными властями. Через два дня после совета Оренбург обнесли карантинной цепью. Привлекали к борьбе с эпидемией и иррегулярные войска. Карантинную цепь также протянули от Оренбурга до Илецка. Торговля со странами Средней Азии была приостановлена на время, сношения со степью прекращались.

К концу 1829 г. эпидемия пошла на спад. Всего за этот период в Оренбургской губернии холерой заразились 3590 человек, умерло – 865. Пандемия 1829 г. почти не затронула другие губернии Российской империи, однако новая волна эпидемии началась в 1830 г. и распространилась вглубь империи [1, с. 15].

Методы лечения, к которым прибегали врачи для лечения холеры, оставались относительно примитивными. В основном врачи использовали кровопускание, опийное шафрановое масло. Сукно обмачивали белым вином и покрывали этим материалом тело зараженного. Если недомогания у больного проходили, то после этого следовало дать пациенту магнезию или касторовое масло для лучшего очищения кишечника. В случаях, если симптомы напоминали Азиатскую холеру, но врачи не могли это точно определить, старались применять то же лечение, что и для больных холерой. Особенно ценилось кровопускание, поэтому к лечению больных привлекали не только профессиональных врачей, но и тех, кто умел делать кровопускание. [5, с. 153].

На то время «чумные правила» были единственно проверенными методами борьбы с эпидемиями. Для борьбы во время пандемии 1829-1831 гг. на территории Оренбургской губернии были предприняты карантинные меры [6, с. 66].

Распространение эпидемии холеры по Российской империи заставило власти 29 августа 1830 г. создать Центральную комиссию по борьбе с эпидемией. Она создавалась для координации действий всех местных противоэпидемических органов. Во главе комиссии находился граф А.А. Закревский – глава министерства внутренних дел. Основной задачей комиссии являлось сдерживание распространения заболевания путем принятия трактатов и карантинных мероприятий. Таким образом, в пределах губернии строились новые или выделялись уже существующие специальные помещения для размещения обсервационных пунктов. В таких пунктах дезинфицировали людей, товары, корреспонденцию, посылки [6, с. 21].

В губернии устанавливались пикеты, кордоны и караулы, которые содержались посредством иррегулярных войск – казаками, башкирами, калмыками, а также в некоторых местах земской полицией. В некоторых случаях привлекали само местное население, для которых это являлось своего рода натуральной повинностью.

Циркуляр «Об учреждении в пораженных эпидемией губерниях губернских и уездных комитетов по борьбе с холерой» предписывал зараженные уезды разделять на кварталы. Из числа отставных чиновников или местных дворян за каждым кварталом закреплялся смотритель, который контролировал исполнение постановлений, изданных комитетом. Также в обязанности смотрителя входили контроль за злоупотреблениями требований Карантинного

устава. Во время вспышек пандемии были приняты меры по встрече торговых групп. Караваны брались под охрану и на специальных местах – стоянках проходили трехнедельную обсервацию. Товары окуривали хлором [8, с. 17].

Трупы умерших складывали в деревянные ящики и свозили к городскому кладбищу. Умерших от холеры обязательно посыпали гашеной известью.

Также важным фактором быстрого распространения холеры не только в Оренбургской губернии, но и в целом в Российской империи стал низкий санитарно-гигиенический уровень населения. В свои исследования М.М. Кенигсберг отмечал, что население Оренбурга, образованное преимущественно из мещанства и крестьянства с примесью инородцев, находится на низком уровне развития. Таким образом, антисанитария и пренебрежение личной гигиены приводили к эпидемиям [5, с. 57].

Санитарно-эпидемиологическое состояние Оренбургской губернии характеризуется также низким уровнем, особенно в городах. Например, в г. Оренбурге нечистоты вывозились нерегулярно, отхожие места вычищались в городе очень редко. Помойные ямы либо вовсе отсутствовали, либо были плохо обустроены. В период дождей или весеннего паводка все нечистоты города стекали в реку Урал и колодцы. Водопровод, построенный в 1830 г. не справлялся с потребностями населения и не имел изначально фильтра. Поэтому населению приходилось искать дополнительные источники воды [5, с. 54].

Значительное влияние на распространение заболеваний оказывал относительно суровый, континентальный климат Оренбургского края. Лето обычно в крае было знойным, особенно на юге, где температура достигала иногда 40-50 градусов. Зимы также отличались своей суровостью. Часто температура воздуха опускалась ниже 30 градусов по Цельсию и держалась так на протяжении долгого времени.

В ходе эпидемии в Оренбургской губернии с 1829-1831 гг. холерой заразилось примерно 31 тыс. человек, из них болезнь унесла жизни 11,6 тыс. людей. По всей России болезнью заразились около 538 тысяч, из них умерли 235,5 тыс. Эпидемия 1829-1831 гг. оказалась лишь первой для Оренбургской губернии. Вспышки продолжались и в последующие годы. Например, более суровой по своим масштабам стала эпидемия 1848 г. [1, с. 46].

Следует отметить и положительные факторы борьбы с холерой. В Оренбургской губернии после появления заболевания был введен в действие Карантинный устав. Само население было милитаризовано и представляли собой военное-служилое сословия и подчинялись дисциплине, что помогло избежать холерных бунтов в Оренбургской губернии. Военный губернатор Оренбургской губернии обладал неограниченными полномочиями. [8, с. 17].

Таким образом, Оренбургская губерния стала первым регионом, принявшим на себя удар масштабной эпидемии холеры 1829-1831 гг. Из-за малоизвестности заболевания, многие постановления оказывались запоздалыми и спонтанными. Поэтому применялись «чумные правила», которые являлись единственными проверенными мерами в борьбе с эпидемиями. Освоение территории Оренбуржья вело к постепенному появлению и медицинских

институтов в это крае, но уровень медицинского обеспечения оставалась в первой половине XIX в. здесь низкой.

Одними из главных факторов, способствующих распространению холеры на территории Оренбургской губернии, стали торговля и соседство со среднеазиатскими странами. Оренбургский край являлся основным торгово-караванным путем. Большое влияние на быстрое распространение заболевания оказал кадровый дефицит медицинских работников.

Переселения, низкий санитарно-гигиенический уровень населения, антисанитария в городах губернии, суровый климат Оренбургского края также оказали влияние на быстрое распространение азиатской холеры по всей территории Оренбургской губернии.

Литература

1. Абдуллин В.М. Эпидемия холеры 1829-1831 гг. на Южном Урале / В.М. Абдуллин, В.В. Шаповалова // Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2022. Т. 2, №2 (37). С. 12-16. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/epidemiya-holery-1829-1831-gg-na-yuzhnom-urale/viewer> (дата обращения: 16.04.2025).
2. Васильев К.Г. История эпидемий в России. / К.Г. Васильев, А.Е. Сегал. М.: Государственное издательство медицинской литературы. 1960. 397 с.
3. Кильмаматов Р.Р., Шаяхметов Ф.Ф. Этносоциальные особенности хозяйства служилых мишарей Южного Урала в XVII–XIX веках // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 1(56). С. 96-104.
4. Ляшенко И.Э. Из истории борьбы с холерой в Оренбургском крае (к 175-летию первой эпидемии холеры в Оренбурге) / И.Э. Ляшенко, В.И. Желтова, М.В. Скачков // Эпидемиология и вакцинопрофилактика. 2005. №1 (20). С. 59-60. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-borby-s-holeroi-v-orenburgskom-krae-k-175-letiyu-pervoy-epidemii-holery-v-orenburge/viewer> (дата обращения: 16.04.2025).
5. Мифтеева Д.М. Развитие системы здравоохранения в Оренбургском крае в дореформенный период (конец XVIII – середина XIX в.): дис. ... канд. ист. Наук: 07.00.02 / Д.М. Мифтеева. Оренбург, 2019. 235 с.
6. Попов А.В. Холера 1829-33 годов в Оренбургском крае / А.В. Попов. Оренбург: Электро-паровая типо-литография т-ва «Каримов, Хусаинов и Ко». 1910. 361 с.
7. Рахимов Р.Н. История тептярских конных полков: монография / Р.Н. Рахимов. Уфа: Китап, 2022. 167 с.
8. Рахимов Р.Н. Между чумой и холерой: иррегулярные войска Оренбургского края в борьбе с эпидемиями первой трети XIX в. // Уральский исторический вестник. 2021. № 1 (70). С. 14–20. [Электронный ресурс]. URL: https://reenactor.ru/ARH/PDF/Rahimov_15.pdf (дата обращения: 16.04.2025).

© Закирзянов И.Ф., 2025

А. В. Архипова
студент УУНиТ, Уфа

Научный руководитель – к. и. н., доцент Н.М. Калмантаев

A. V. Arkhipova
student, UUST, Ufa

Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor N.M. Kalmantaev

НОВЫЕ АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ М.Е. ПРИЕМЫШЕВА

NEW ARCHIVAL SOURCES ABOUT THE LIFE AND WORK OF M.E. PRIEMYSHEV

Аннотация. В настоящей статье рассмотрена биография русского архитектора Михаила Емельяновича Приёмывшева. Поставлен вопрос о причастности архитектора к строительству Свято-Софийского храма в селе Ира. Проведен анализ различных источников, находящиеся в Российском государственном архиве литературы и искусства и Центральном государственном архиве ГА города Москвы.

Abstract. The article examines the biography of the Russian architect Mikhail Yemelyanovich Priemyshev. The question was raised about the architect's involvement in the construction of St. Sophia's Church in the village of Ira. The analysis of various sources located in the Russian State Archive of Literature and Art and the Central State Archive of the city of Moscow is carried out.

Ключевые слова: Приёмывшев Михаил Емельянович, архитектурная школа XIX–XX вв., Свято-Софийского храм, село Ира.

Keywords: Mikhail Yemelyanovich Priemyshev, architectural school of the XIX–XX centuries, St. Sophia Church, Ira village. .

В настоящее время в открытых источниках материалов о жизни и творчестве Михаила Емельяновича Приёмывшева (1869-?) находятся достаточно мало. Некоторую ограниченную информацию возможно найти лишь на определённых сайтах или в статьях, косвенно связанных с творчеством Приёмывшева [4, с. 153-196]. Введение новых архивных источников касающейся жизни архитектора, может внести вклад в дальнейшее изучение его биографии и деятельности научными исследователями.

В настоящий момент уже известно, что русский и советский архитектор М. Е. Приёмывшев был представителем архитектурной школы XIX–XX вв. неорусского стиля. Первоначальное образование им было получено в Строгановском училище технического рисования. Учитывая, что в данное учебное заведение принимали с 12 лет, а Михаил Емельянович родился в 1869 г., вероятно он проходил там обучение в 1880-1890 гг. Дальнейшее образование им было получено в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, которое закончил в 1893 г. Потом он работал помощником Фёдора Осиповича Шехтеля, который являлся архитектором, представителем стиля модерн в европейском и русском зодчестве. Также Михаил Емельянович был помощником Виктора Михайловича Васнецова. Он помогал ему проектировать дом в неорусском стиле [6, с. 28-29].

Основные постройки Приёмывшева, как правило, локализованы в пределах современной Московской области, например, дом-музей В.М. Васнецова, доходные дома на Никольской улице, на Луковом переулке, особняк купца Г. И. Корякина, Никольская церковь в селе Ангелово [17].

Самостоятельная работа им была начата в 1906 г., когда им был сделан проект Свято-Никольского храма в с. Ангелово. В дальнейшем им были спроектированы, преимущественно, доходные дома в Москве, которые сочетают элементы модерна и классицизма.

В советское время им была продолжена архитектурная практика. Примерами его работ являются жилой дом кооператива «Творчество», построенный в 1926 г. (в дальнейшем дом был реконструирован под руководством Дмитрия Дмитриевича Булгакова), а также автобусный парк находящейся на Большой Ордынке. Судьба Михаила Емельяновича после 1940 гг. остается неизвестной.

Одним из спорных моментов его биографии является причастность Приёмывшева к строительству Свято-Софийский храма в селе Ира. Автором уже поднимался данный вопрос в статье «Свято-Софийский Храм в селе Ира: к вопросу об атрибуции архитектурного памятника» [2]. Приёмывшев действительно посещал Башкирию в данный период и имел возможность построить данный храм [1, с. 183–188]. Судя по воспоминаниям современников, именно Приёмывшева чаще всего называют создателем данного храма.

Архитектурный облик Свято-Софийского храма в Ире имеет многие черты, которые очень сильно роднят его с другими работами Приёмывшева и одновременно делают его чрезвычайно любопытным визуальным источником для исторических исследований. В первую очередь, образцы «кирпичного» стиля в регионе исторически отличаются большей целостностью, чем образцы чистого неорусского [3, с. 86–89].

За 10 лет до открытия прихода в селе Ира (ныне в составе городской округа Кумертау, Республика Башкортостан), примерно в 1906 г. М.Е. Приёмывшев приступил к созданию церкви Николая Чудотворца (или Никольской церкви, как она чаще называется в путеводителях) в селе Ангелово Красногорского района Московской области.

Первым архивным источником в данной работе является личное дело Михаила Емельяновича, которое находится в Российском государственном архиве литературы и искусства. В нём содержится прошение на поступление в Училище живописи, ваяния и зодчества. Согласно прошению, Михаилом Емельяновичем было приложено свидетельство Строгановского училища технического рисования. Данный документ датируется 8 января 1893 г. [9].

Необходимо отметить, что в данном деле присутствует свидетельство о явке к исполнению воинской повинности Приёмывшева. Согласно ему, он был освобождён от военной службы бессрочно в связи с освидетельствованием, которое признало его неспособным к несению службы. Данный документ был выдан Московским городским по воинской повинности присутствием 24 ноября 1890 г. [10]. Это может свидетельствовать о том, что Михаил Емельянович обладал плохим здоровьем, вследствие чего, в частности, не

принимал участие в Первой мировой войне. В документе Приёмывшев обозначается как Московский цеховой поваренного цеха. Также в свидетельстве присутствует адрес - Остоженка, 1-ый Ушаковский переулок, дом Кашина.

Важно отметить, что цеховые – это ремесленники, которые официально занимались тем или иным ремеслом и записанные в ремесленные цеха – особые профессионально-сословные организации [5]. Цеховой поваренного цеха, в данном случае, является тем ремесленником, который принадлежал к профессиональному объединению, занимавшемуся приготовлением пищи.

В Российском государственном архиве литературы и искусства находится прошение о помещении в число учеников Строгановского центрального училища технического рисования – Николая Емельяновича Приёмывшева. Вероятнее всего он приходился братом Михаила Емельяновича. Прошение было написано их матерью, Елизаветой Васильевной Приёмывшевой [8]. На родственные связи указывают принадлежность к цеху. А именно «дано сие Московскому цеховому поваренного цеха Николаю Емельянову Приёмывшеву, вследствие прошения отца его – цехового того же цеха Емельяна Иванова Приёмывшева...». Как было указано выше, Михаил Емельянович также указывается как «цеховой поваренного цеха».

Еще одним важным источником для указания на родственные связи Приёмывшева является исповедные ведомости Церкви Успенской на Остоженке за 1871–1878 гг. [11], в которой указывается московский цеховой – Емельян Иванович Приёмывшев, жена – Елизавета Васильева и дети – Николай и Михаил 13 и 9 лет. Этим же составом они записаны в исповедальной ведомости за 1880 - 1889 гг. [12]. Таким образом, из вышеизложенного материала мы можем прийти к выводу, что данные люди приходятся архитектору родственниками.

Архивные источники, касающиеся Приёмывшева, также находятся в ЦГА Москвы, фонд № 2126, опись №2, дело №70, стр. 137 в метрической книге Церкви Божией Матери Гребневской на Лубянской площади [15], в графе «кто были поручители» можно найти информацию о том, что Михаил Емельянович был поручителем у неких крестьян – Алексея Евстафьевича и Елизаветы Яковлевны. Данная запись датируется 1906 г.

Информация об архитекторе Михаиле Емельяновиче Приёмывшеве присутствует в метрических книгах Москвы, а именно – Церкви Трифоновской в Напрудной [14], а также в книге брачных обысков, Церкви Духосошественской у Пречитенских ворот [13]. Необходимо заметить, что все представленные источники касаются исключительно пределов Москвы, в которой жил Приёмывшев. В данных источниках Михаил Емельянович значится как «архитектор», «московский цеховой архитектор», «московский цеховой».

В русской адресной и справочной книге, в графе «архитекторы г. Москвы» можно найти информацию о прижизненном телефоне и адресе Приёмывшева - Смоленский рынок, Николо-Щеповский перекресток [7].

Таким образом, благодаря архивным документам касающихся жизни и творчества Михаила Емельяновича Приёмывшева, мы можем ввести некоторую ясность в его биографию. Такой информацией может являться его

прижизненный адрес, его знакомые (исходя из метрических книг), а также состояние его здоровья. Также немаловажным аспектом его деятельности является участие в строительстве Свято-Софийский храма в селе Ира, Башкортостан.

Литература

1. Алферов Н.С. Зодчие старого Урала Текст. / Н. С. Алферов. Свердловск: Свердловск, кн. изд-во, 1960.
2. Архипова А.В. Святософийский храм в селе Ира: к вопросу об атрибуции архитектурного памятника // Борьба народов СССР против фашизма и нацизма: современная рефлексия Второй мировой войны: сб. мат. Всерос. науч.-практ. конф. (30 ноября 2023 г., Уфа), посвящ. 100-летию со дня рожд. проф., историка-германиста, педагог., ветерана Вел. Отеч. войны Я.В. Зайцева / отв. ред. Р.Р. Тухватуллин; Уфим. ун-т науки и технологий. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2024. 144 с.
3. Мочалова М.П. На полуденную сторону: о народных традициях в южноуральском зодчестве Текст. / М.П. Мочалова. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1978.
4. Скоробогачёва Е. Русский Север в творчестве В. М. Васнецова и художников его круга. Москва: Человек и культура, 2013.
5. Беловинский Л.В. Мещанство и цеховые // Беловинский Л.В. Жизнь русского обывателя: От дворца до острога. М.: Кучково поле, 2014. С. 352–376.
6. Зодчие Москвы времени эклектики, модерна и неоклассицизма (1830-е – 1917 годы): илл. биогр. словарь / Гос. науч.-исслед. музей архитектуры им. А.В.Щусева и др. М.: КРАБик, 1998. 320 с.
7. Национальная электронная библиотека, «Вся Россия»: Рус. адрес. и справ. кн. ф-к, з-дов, торг.-пром. и администрации: Адрес-календарь, «Вся Россия»: Рус. адрес. и справ. кн. ф-к, з-дов, торг.-пром. и администрации: Адрес-календарь на 1912 год: Год изд. 8, стр. 382
8. РГАЛИ. Ф. 677 Д. 7196
9. РГАЛИ. Ф. 680. Д. 1264 Л.1
10. РГАЛИ. Ф. 680. Д. 1264 Л.3
11. ЦГА Москвы, фонд №2125, опись №1, дело №1819
12. ЦГА Москвы, фонд №2125, опись №1, дело №1820
13. ЦГА Москвы, фонд №2125, опись №3, дело №130, стр. 100
14. ЦГА Москвы, фонд №2126, опись №2, дело №251, стр. 412
15. ЦГА Москвы, фонд №2126, опись №2, дело №70, стр. 137
16. История России: учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Р.Р. Хадимуллина, Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 318 с.
17. История храма // Храм Святителя Николая Чудотворца в селе Ангелово: [официальный сайт]. – Электрон. дан. [Электронный ресурс]. URL: <https://nikolangelovo.cerkov.ru/> (дата обращения: 22.04.2025).

© Архипова А.В., 2025

А.Р. Абдулова
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – д. и. н., доцент Р.О. Багаутдинов

A.R. Abdulova
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – d. of h. s., associate professor R.O. Bagautdinov

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ГОЛОДА В БАШКОРТОСТАНЕ В 1920-Е ГГ.

RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE STUDY OF THE PROBLEM OF HUNGER IN BASHKORTOSTAN IN THE 1920S.

Аннотация. Статья посвящена анализу отечественной историографии проблемы голода в Башкортостане 1920-х годов. Рассматриваются основные этапы изучения данной темы в советский и постсоветский периоды. Особое внимание уделяется влиянию идеологических факторов на интерпретацию причин и последствий голода, а также современным тенденциям в исследовании этой проблемы. Автор выявляет пробелы в историографии и предлагает направления для дальнейших исследований.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the domestic historiography of the problem of famine in Bashkortostan of the 1920s. The main stages of studying this topic in the Soviet and post-Soviet periods are considered. Special attention is paid to the influence of ideological factors on the interpretation of the causes and consequences of famine, as well as current trends in the study of this problem. The author identifies gaps in historiography and suggests directions for further research.

Ключевые слова: голод в Башкортостане, голод 1920-х гг., засуха, Поволжье, историография, аграрная политика.

Keywords: famine in Bashkortostan, famine of the 1920s, drought, Volga region, historiography, agrarian policy.

Проблема изучения голода 1920 гг. остается одной из дискуссионных в отечественной историографии. Актуальность данной работы заключается в отсутствии исследований, посвященных изучению отечественной историографии голода 1920 гг. в пределах границ Башкортостана.

В советской историографии проблема голода 1920 гг. в целом на территории Поволжья слабо освещалась. Отдельного внимания голоду в Башкортостане не уделялось, регион лишь иногда упоминался в контексте полного изучения голода в СССР как явления. Первые работы [10], которые были посвящены голоду 1920 гг. начали появляться с 1970 гг.

М.Н. Покровский в статье «Советская глава нашей истории» [9] пишет, что причинами голодной катастрофы является засуха и Гражданская война. Также автор акцентирует внимание на том, что именно белые стали виновниками разрухи страны и в последствии голодной катастрофы [9, с. 378-379].

Причинами голода, как пишет Ю.А. Поляков, в своей книге «1921-й: победа над голодом» стали засуха и «мировой империализм». Поляков продолжает большевистскую трактовку, которая объясняет причину голода «природным

катаклизмом» [10]. Работа имеет очевидно марксистско-ленинскую направленность.

В таком же ключе Е.М. Хенкин написал «Очерки истории борьбы Советского государства с голодом (1921–1922)» [15]. Причиной голода Е.М. Хенкин выделил отсталость сельского хозяйства России. Автор высказывает утверждение, что «белая эмиграция» под видом помощи вела антисоветскую деятельность, а церковь никакого существенного вклада в борьбу с голодом не внесла. В заключении, автор приходит к выводу, что в борьбе с голодом задачи советского правительства успешно выполнялись, явно фальсифицируя объективное положение дел.

Характеризуя советский период изучения темы можно сделать вывод, что проблема голода практически не поднималась в научном сообществе. Основными причинами голода авторы выделяли: отсталость сельского хозяйства, последствия войны и засуха. Деятельность зарубежных организаций, участвовавших в ликвидации последствий катастрофы не описана, либо описана поверхностно и в исключительно в негативном ключе.

В историографии постсоветского периода появилось множество работ, посвященных изучению голода в Башкортостане 1920 гг. Историки начали поднимать вопросы иностранной гуманитарной помощи и влияния Советской власти на возникновение голодной катастрофы. Также рассматривается проблема влияния голода непосредственно на демографию башкирского народа.

Б.Х. Юлдашбаев в своей монографии «Новейшая история Башкортостана» [16] выделяет, что помощь Советского правительства в лице «Башкиропомощи» и «Башпомгола» была направлена не столько на спасение населения, сколько на оказание пропагандистского влияния и подавление выступлений против советской власти [16, с. 112].

В диссертации Д.В. Каракулова «Голод 1921–1922 гг. на Урале» [4] также затрагивается голод в Башкортостане. Автор видит виновниками событий не только большевиков, осуществлявших политику «военного коммунизма». Исследователь считает, что виновно было в том числе царское правительство, «консервировавшее вековую отсталость сельского хозяйства» [4, с. 166].

А.Б. Зарипов в своей работе «Юго-восточный Башкортостан, 1917-1922 гг.» [3] изучил голод в юго-восточной части Башкортостана, который пострадал в наибольшей степени. Последствия для этого региона Башкортостана, где сосредотачивалась основная часть башкирского населения, оказались наиболее тяжелыми. Автор приходит к заключению, что голод в 1920 гг. в юго-восточном Башкортостане, носил специально организованный характер [3, 166-167].

с. Одним из основополагающих трудов по теме является «История Башкортостана. XX век. Т. 2.» под редакцией И.Г. Акманова [2], который сводит причины голода к совокупности таких факторов как – засуха, разрушение производительных сил в результате Мировой и Гражданской войн, а также продовольственной политике большевистского правительства [2, с. 196-197].

В.А. Лабузов, изучая влияние продразверсток на экономическое состояние Урала, приходит к заключению, что продразверстка 1919-1921 гг. нанесла значительный ущерб сельскому хозяйству региона и стала чертой, которая подвела население к голодной катастрофе [7, с. 47].

Также трудом, в котором с разных сторон рассматривается голод в Башкортостане является «История башкирского народа: Т.V.» под ред. М.М. Кульшарипова [6]. Автор, помимо приведенных выше причин, связывает голод с причинами другого характера. Он приходит к выводам, что на масштаб голодной катастрофы, в том числе, повлияла нерасторопность местных властей и недооценка масштабов бедствия со стороны центральных советских учреждений [6, с. 230].

Отдельного внимания требует вопрос изучения темы иностранной гуманитарной помощи в историографии.

В.Т. Макаров и В.С. Христофоров в их статье, на основании архивных документов, пытаются осмыслить деятельность АРА в России. Авторы задаются вопросом, являлась ли АРА благотворительной бескорыстной организацией, или использовала помощь как предлог для своих политических целей. [8, с. 230-243].

Т.С. Космачева изучила деятельность европейских общественных организаций на Южном Урале во время голода [5, с. 79-83]. Автор отмечает, что основная помощь была оказана организациями, которые были объединены под руководством Ф. Нансена. В первую очередь, организации оказывали помощь детям. Автор приходит к выводу, что в результате работы общественных организаций, на территории Южного Урала были спасены тысячи жизней, которые находились на грани голодной смерти.

Также среди российских историков, занимающихся изучением деятельности Американской администрации помощи, необходимо выделить Н.В. Усманова. Н.В. Усманов является автором целого ряда работ, проливающих свет на различные аспекты деятельности АРА в Башкортостане.

Интерес представляет монография Н.В. Усманова «Американская администрация помощи на Урале (1921-1923 гг.)» [12]. Автор считает, что основной причиной голода была засуха. По его мнению, усугубили ситуацию первая мировая и гражданская войны. Продразверстка также внесла определенный вклад в расширение масштабов бедствия. Н.В. Усманов выделяет, что в трагедии был виновен царский режим, не желавший в свое время решать проблему защиты почв, белогвардейское правительство, а также страны запада, «организовавшие блокаду молодого Советского государства». Ухудшило положение антисоветское движение и бандитизм [12, с. 31-32].

Н.В. Усманов изучил деятельность органов государственной безопасности на территории Урала во время работы Американской администрации помощи. Он отмечает, что «чекисты Урала» предоставляли защиту от угрозы расхищения имущества Американской администрации помощи, а также проводили эффективную работу по надзору за АРА, чтобы не допустить с ее стороны антисоветской деятельности. Каких-либо действий иностранцев, выходящих за рамки благотворительной работы, ими зафиксировано не было,

как пишет автор работы [14, с. 422]. Усманов проанализировал, какую поддержку оказывала советская власть АРА, и сделал заключение, что благотворительная организация действовала в обстановке существенной поддержки со стороны властей Советской России [13, с. 9].

Вопрос изучения положения детей в период голода в Башкортостане в 1920-е гг. также требует особого внимания.

Р.Р. Абдрахманов, рассматривая деятельность детских домов Башкирии в 1917–1928 гг., отметил, что голод 1921-1922 гг. вынудил массу беспризорных детей бежать из татаро-башкирских деревень в Уфу, Стерлитамак и другие города региона, где «помголы» организовывали детские дома. Автор заключает, что большую роль в организации помощи сыграли партийные и государственные органы БАССР и Уфимской губернии, профсоюзы, общественные организации [1, с. 42-43].

Изучением вопроса здоровья детей в Башкирии в 1920 гг. занималась Р.Н. Сулейманова, которая подчеркнула, что в условиях распространения инфекционных заболеваний, голод 1921-1922 гг. значительно усугубил масштабы детской смертности [11, с. 14].

В постсоветский период появилось множество работ, проливающих свет на проблему голода в Башкортостане. Основную часть научных работ составляют статьи, освещается голод также в коллективных монографиях, посвященных в целом истории края. Отдельные монографии, посвященные голоду этого периода на территории всего Башкортостана, отсутствуют. Некоторые авторы посвящали свои работы лишь отдельным аспектам темы голода. В этот период авторы стали поднимать вопросы, которые в советской историографии ранее не затрагивались.

Таким образом, советский период изучения проблемы голода в 1920 гг. характеризуется небольшим количеством работ, основная часть из которых стала появляться лишь с 1970 гг. Работы имеют марксистско-ленинскую направленность, тема голода на территории Башкортостана упоминается в контексте изучения голода в целом. Авторы видят причинами бедствия природный катаклизм, отсталость сельского хозяйства, последствия войн и действия «белых».

В постсоветский период проблема голода стала обсуждаться активнее в научном сообществе. Авторы начали изучать тему оказания иностранной гуманитарной помощи, в особенности действий АРА в Башкортостане. Среди ученых встал вопрос о состоянии башкирского населения, которое из-за особенностей ведения хозяйства и действий карательных отрядов оказалось в условиях голода на грани вымирания. Засуха – как основная причина голодной катастрофы стала оспариваться. Авторы по большей части сходятся во мнении, что повлияла на масштаб голодного бедствия совокупность факторов, но основной причиной стала политика властей, которая также оказала значительное влияние на возникновение голода в последующие годы.

Литература

1. Абдрахманов Р.Р. Детские дома и приюты на территории Башкирии в 1917-1928 годах // Вестник Челябинского государственного университета, 2009. № 41. С. 41-44.
2. Акманов И.Г. (ред.) Т. 2: История Башкортостана. XX век / Сост. И.Г. Акманов, С.Ф. Касимов. Уфа: Китап, 2006. 600 с.
3. Зарипов А.Б. Юго-восточный Башкортостан, 1917-1922 гг. / А.Б. Зарипов – Уфа: БГУ, 2001. 212 с.
4. Каракулов Д.В. Голод 1921–1922 годов на Урале: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Д.В. Каракулов. Екатеринбург, 2000. 204 с.
5. Космачёва Т.С. Деятельность европейских общественных организаций на Южном Урале во время голода 1921–1922 гг. // Вестник Челябинского государственного университета, 2009. №12. С. 79-83.
6. Кульшарипов М. М. История башкирского народа: в VII т. / гл. ред. М.М. Кульшарипов. Уфа: Гилем, 2010. Т. V. 468 с.
7. Лабузов В.А. Влияние гражданской войны и продразвёрсток 1919-1921 гг. на экономическое состояние крестьянских хозяйств Южного Урала // Уральский исторический вестник, 2008. № 2 (19). С. 40-47.
8. Макаров В.Г., Христофоров В.С. Новые данные о деятельности Американской администрации помощи (АРА) в России // Новая и новейшая история, 2006. № 5. С. 230-243.
9. Покровский М.Н. Октябрьская революция Сб. статей 1917–1927. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1929. 424 с.
10. Поляков Ю.А. 1921-й: победа над голодом / Ю.А. Поляков. Москва: Политиздат, 1975. 112 с.
11. Сулейманова Р.Н. Охрана здоровья детей в Башкирии в 1920-е годы: поиск путей решения проблемы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки, 2022. № 3 С. 13-23.
12. Усманов Н.В. Американская администрация помощи на Урале (1921-1923 гг.): Монография / Н.В. Усманов; Мин-во образования и науки РФ, БашГУ Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. 302 с.
13. Усманов Н.В. О поддержке деятельности организации АРА властями Советской России (1921-1923 гг.) // Власть, 2009. № 3 С. 1-9.
14. Усманов Н.В. Чекисты Урала и Американская администрация помощи (1921–1923) // Новейшая история России, 2020. № 2 С. 414-425.
15. Хенкин Е.М. Очерки истории борьбы советского государства с голодом (1921-1922) / Е.М. Хенкин. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та., 1988. 176 с.
16. Юлдашбаев Б.Х. Новейшая история Башкортостана, Уфа: Китап, 1995. 286 с.

© Абдулова А.Р., 2025

Э. А. Ибрагимова
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Ю. С. Усова

E. A. Ibragimova
student, UUST, Ufa
Scientific advisor – c. of h. s., associate professor Yu. S. Usova

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В РАБОТАХ И.С. ШМЕЛЕВА

THE SECOND WORLD WAR IN THE WORKS OF I. S. SHMELEV

Аннотация. В статье рассмотрен взгляд известного российского писателя И.С. Шмелёва на Вторую мировую войну. Были проанализированы источники личного происхождения, которые подробно раскрывают ценностные ориентиры писателя. Показаны субъективные причины поддержки коллаборационистского курса Шмёлевым, и его попытка отмежеваться от выдвинутых тезисов в годы Второй мировой войны.

Abstract. The article examines the view of the famous Russian writer I.S. Shmelev on the Second World War. The sources of personal origin were analyzed, which reveal in detail the values of the writer. The subjective reasons for Shmelev's support of the collaborationist course and his attempt to dissociate himself from the theses put forward during the Second World War are shown.

Ключевые слова: И.С. Шмелев, коллаборационизм, русская эмиграция, Вторая мировая война, непримиримость.

Keywords: I.S. Shmelev, collaboration, Russian emigration, World War II, intransigence.

В этом году мы отмечаем знаменательную дату в истории нашей страны. Восемьдесят лет назад СССР и союзники одержали победу над странами Оси, тем самым ликвидировав угрозу гегемонии фашизма и нацизма в мире [3, с. 236]. Много сказано о героизме и подвигах народов СССР [4, с. 219-225], немало также исписано страниц о предательстве в эти страшные годы войны. Вторая мировая война стала действительно трагичным сюжетом в истории и русской эмиграции, оторванной волей-неволей после революций и гражданской войны от своей страны.

В то время, как одни русские эмигранты пошли на борьбу с фашизмом и нацизмом [1, с.37], другие стали чествовать «поход против большевизма». Одна из газет русского, эмигрантского коллаборационизма, «Парижский вестник» одобряла нападение Третьего Рейха на СССР. В статье «Год войны» коллаборационисты с сожалением констатировали, что внутри советской власти разлад не произошёл. И надежда остается только на германскую военную силу [7, с. 1].

Надо отметить, что эмигранты-коллаборационисты рассчитывали на то, что после победы Германии над СССР, они вернутся в Россию и восстановят дореволюционные ценности. Роковой ошибкой этих людей стала манившая идея того, что, в сущности, борьба Германии идет не против России, а против большевизма. Вслед за одним из ведущих историков русской эмиграции, общественной мысли России, М.А. Колеровым мы признаем, что центральная тема русской эмиграции – выживание России [5]. Причем эта тема была

актуальна для либеральной, монархической, и левой эмигрантской интеллигенции. В контексте проблемы «выживания России» мы рассмотрим и отношение И.С. Шмелёва ко Второй мировой войне.

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что до сих пор проблема службы врагу во время военных конфликтов остра, ставятся вопросы мотивации такого нравственного падения. Одним из деятелей русской эмиграции поддерживающий нацистов был И.С. Шмелев. В представленной статье мы рассмотрим взгляд И.С. Шмелева на Вторую мировую войну.

Иван Шмелев один из тех писателей, который поддержал Февральскую революцию, однако приход большевиков кардинально меняет его точку зрения. Чтобы спастись от большевизма в годы гражданской войны он уезжает в Крым [8]. В 1920 г. в ходе красного террора погибает его сын Сергей. Смерть сына и в целом политика большевиков в Крыму усилила антисоветизм Шмелева, что отражалась в его сочинениях, писатель перешел на непримиримые позиции. Он никогда не забывал о своем сыне. Вера Бунина писала в своем дневнике 27 июля 1923 г., что Шмелев на вечерней прогулке опять вспоминал своего сына и плакал. Писатель винил себя в том, что не сберег его [2, с. 112-113].

Наиболее ценный источник, подтверждающий коллаборационизм Шмелева - его переписка с О.А. Бредиус-Субботиной в 1939-1945 гг. В октябре 1939 г., когда уже было образовано на оккупированной территории Польши Генерал-губернаторство, в своем письме Шмелёв признавался, что русские эмигранты - люди с тяжелой судьбой, которые вынуждены были оставить Россию из-за насильственной, захватнической власти. Какого-то сочувствия полякам Шмелев не выражал [12]. Он и дальше поддерживал непримиримость, как ценностный принцип своего противостояния большевизму.

В переписке с Субботиной он высказывался, что в поступательном победном движении Германии он усматривает высший промысел, что немцы ведут очистительную миссию России против большевизма. Он писал, что чувствовал, скорое, важное событие. По его мнению, «грядет благая весть, поэтому не выключил радио». Благая весть по словам И.С. Шмелева – это нападение Германии на СССР в 2 часа 30 мин [12, с. 46]. В августе 1941 г., пока Красная Армия оказывала ожесточенное сопротивление немецким дивизиям, Шмелев все также проводил ложную параллель между Россией и СССР. Ему грезило, что нужно сохранить Россию и убить СССР. Шмелев, наверняка ослепленный горем от смерти своего сына в Крыму, демонстративно проигнорировал все захватнические планы немцев, из которых не делалось сколь-нибудь серьезного секрета для общественности.

У Шмелева был весьма «оригинальный» взгляд на проблему советских оstarбайтеров. По его мнению, русские люди, угнанные на работу в Германию, по своей воле, или по насильственному стечению обстоятельств – есть герои, ведь они помогают сломить большевизм [13, с. 8].

Если Шмелев рассматривал противостояние Рейха и СССР как закономерный результат политики уничтожения ужасного большевизма, то не стоит думать, что Шмелев испытывал какой-либо пиетет к союзникам. В письме от 19 февраля 1942 г. Субботиной он признавался, что мечтает вместе с

ней поучаствовать в бомбардировке англичан на немецком самолете, побывать под огнем английских пулеметов [12, с. 516].

И.С. Шмелев сотрудничал с упомянутым журналом «Парижский вестник». В первом номере от 14 июня 1942 г., анонсировалась вечерняя встреча с писателем И.С. Шмелёвым [6]. В 8 номере вышла его статья «17 дней русского инвалида» [7]. В ней Шмелев, довольно нейтрально ставил проблему роковых военных событий. Он упоминал религиозные мероприятия, которые проводились среди эмигрантов. Шмелев просил поддерживать русских людей, явно имея в виду тех, кто сражается против Красной Армии.

Из публицистических произведений Шмелева стоит отметить, что в апреле 1940 г., когда войска Германии еще не вошли во Францию, Шмелев выпустил вполне себе ностальгическую и восторженную повесть «Рубеж». Эта повесть - воспоминание о его поездке на Псковщину, и о тоске по России. Рубеж для Шмелева в этой повести – то, что разделяет его и Россию, которую он нарекает «мертвой страной». Тем не менее, повесть пронизана патриотизмом, как его понимал сам автор [14].

В характере Шмелева показательно то, что он считал своим долгом как «ущеловешего» рассказать и привлечь внимание мирового общества к произошедшей с Россией трагедией. Отсюда и его бурная публицистическая жизнь по приезду в Париж. Выступления на вечерах и переписки с видными людьми в сфере культуры (Томас Манн, Зинаида Гиппиус, Иван Бунин). Шмелев также опубликовал в «Парижском вестнике» свой рассказ «От обезьяны» и главу из эпопеи «Солнце мертвых». Эти два рассказа говорят о человеке, о его абсурдности жизни, о войнах, о его выборе и, в целом, о XX в. «Голос свести». Как раз из-за того, что Шмелев публиковался в «Парижском вестнике», его обвинили в коллаборационизме в 1944 г. и в 1946 г.

Уже позже 31 мая 1947 г. Шмелев в газете «Русская мысль» опубликовал письмо под названием «Необходимое письмо» где пытался всячески оправдываться, что он не поддерживал фашистов и что фашистом никогда не был [11, с. 296]. Он писал в этом письме, что шел на жертву ради того, чтобы показать настоящую Россию т. к. немцы часто искажали подлинный лик России [15]. Все последующие письма, начиная с 1945 г. и до самой смерти Ивана Шмелева – это одни лишь оправдания самого себя, что он является истинным защитником и «патриотом» своей страны. Шмелев оказался тем человеком, которому тяжело принять ту реальную сторону своей жизни, где он поддержал Третий Рейх. Друзья, которые его поддерживали уже умерли, а Иван Ильин с кем он переписывался долгое время, оставался единственным человеком, который его поддерживал, но он был далеко. Возраст давал о себе знать, как и подорванное здоровье. Не в самом лучшем настроении Иван Шмелев покинул Париж и переехал в Швейцарию, где проводил все свое свободное время в благотворительных мероприятиях и встречах с волонтерами. Но его душа не лежала теперь к Европе, ему хотелось уехать или в Америку, или в Канаду, но ему въезд туда был запрещен, как человеку, обвиненному в коллаборационизме. Он вынужденно остался в Париже. Его старость проходила в нищете и нужде. 24 июня 1950 г. Шмелев поехал посмотреть Покровский

монастырь неподалеку от Парижа, но по прибытию туда у него произошел сердечный приступ, и он скончался.

По результатам анализа переписки И. С. Шмелёва, можно сказать, что он яростно ненавидел Советский Союз. С одной стороны, его можно попытаться понять – его сына убили красные в Крыму. С другой стороны, открыто желать своему народу поражения и тем самым «свободы» от режима путем убийств, бомбардировок, геноцида со стороны немецкой армии - это предательство. Иван Сергеевич Шмелев – это тот человек, о котором складывается два противоположных мнения. Искренне любящий русскую веру и русский быт писатель. Его красивый и богатый, ничем не похожий на других писателей слог, делает его в глазах читателей искренне любящим свою Родину человеком. Но все же есть другая сторона И.С. Шмелева, чье мнение по поводу Второй мировой войны оказалось грубо ошибочным, кто не хотел принимать свои прошлые ошибки, из-за чего сам очень сильно страдал. Ему много лет приходилось оправдываться за свою работу в пронемецкой газете «Парижский Вестник», которая висела на нем как позорный ярлык.

Литература:

1. Будницкий О.В. Другая Россия: исследования по истории русской эмиграции. М: Новое литературное обозрение, 2023. 629 с.
2. Бунин И.В. Устами Буниных. Т. 2., 2005. 431 с.
3. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.
4. История России: учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Р.Р. Хадимуллина, Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 318 с.
5. Колеров М.А. Введение в идейную историю русской эмиграции (1917-1991). Калининград: Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2024 (Санкт-Петербург). 413 с.
6. Парижский вестник №1 от 14.06.1942 г. 4 с.
7. Парижский вестник №2 от 22.06.1942 г. 4 с.
8. Парижский вестник №8 от 1942 г. 8 с.
9. Русские писатели. Биобиблиографический словарь. Том 2. М–Я. Под редакцией П. А. Николаева. М., «Просвещение», 1990. С. 415-417.
10. Солнцева Н.М. Иван Шмелев. Жизнь и творчество: жизнеописание. Москва: Эллис Лак, 2007. 510 с.
11. Фирсов С.Л. «Если мы хотим России»: восприятие России в эмигрантской публицистике Ивана Шмелёва // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. Том 21. Вып. 4. Часть 1. СПб.: Изд-во РХГА, 2020. 344 с.
12. Шмелев И.С. Роман в письмах. Т. 1: 1939-1942. М.: РОССПЭН, 2003. 757 с.
13. Шмелев И.С. Роман в письмах. Т. 2: 1939-1942. М.: РОССПЭН, 2005. 855 с.

14.Шмелев И.С. Рубеж. Париж. 1940г. [Электронный ресурс] Шмелев Иван Сергеевич. Публицистический сайт. Режим доступа: <http://shmelev.lit-info.ru/shmelev/vospominaniya/rubezh.htm?ysclid=m9tii4r3g68960886> (дата обращения: 15.04.2025).

15.Шмелев. И.С. Газета «Русская мысль». Париж.1947 31 мая. № 7. С. 3.

© Ибрагимова Э.А., 2025

УДК 93/94

И.Р. Габбасов

студент УУНиТ, г. Уфа

Научный руководитель – к. и. н., доцент А.О. Целищев

I.R. Gabbasov

student, UUST, Ufa

Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor A.O. Tselishev

СОЗДАНИЕ КЛАДБИЩ И ЗАХОРОНЕНИЙ ВОИНОВ РККА В СОВЕТСКОЙ ЗОНЕ ОККУПАЦИИ АВСТРИИ В 1945-1955 ГГ.

CREATION OF CEMETERIES AND BURIALS OF RED ARMY SOLDIERS IN THE SOVIET OCCUPATION ZONE OF AUSTRIA IN 1945-1955

Аннотация. В статье рассматривается процесс создания и укрупнения воинских захоронений на территории советской зоны оккупации в Австрии. Проводится анализ приказов и документов Центральной группировки войск, что позволяет упорядочить хронологию событий и выявить определенный порядок выполнения работ.

Abstract. The article examines the process of creating and enlarging military graves on the territory of the Soviet occupation zone in Austria. The orders and documents of the Central Group of Troops are being analyzed, which makes it possible to organize the chronology of events and identify a specific order of work.

Ключевые слова: Центральная Группировка Войск, воинские захоронения, Австрия, перезахоронения.

Keywords: Central Group of Troops, military burials, Austria, reburials.

Прошло практически 80 лет с момента завершения самой кровопролитной войны в истории. Советский Союз ценой колоссального напряжения сил и огромных жертв отстоял не только свое право на существование, а также сыграл ключевую роль в освобождении Европы от ига нацизма [7, с. 225-226].

Солдаты Красной Армии внесли решающий вклад в дело освобождение Австрии от нацизма. Памятник героям Красной армии на площади Шварценбергплац в Вене, памятники и обелиски на советских воинских кладбищах в Австрии наглядно напоминают о подвиге воинов-освободителей. На процесс создания воинских кладбищ и захоронений на австрийской территории оказали воздействие специфичные проблемы послевоенного времени, связанные с тяжелым положением в экономике, политическим переустройством Австрии, демографическими проблемами, необходимостью взаимодействия с администрациями стран победителей в зонах оккупации,

сжатыми сроками исполнения соответствующих приказов. Тем не менее, поставленные цели по строительству и капитальному оборудованию кладбищ были достигнуты, а хронологию событий можно разделить на несколько этапов.

К концу Великой Отечественной Войны порядок персонального учета безвозвратных потерь, а также Порядок погребения погибших военнослужащих офицерского, сержантского и рядового состава регламентировался согласно Приказа Народного Комиссариата Обороны СССР № 023 от 14 февраля 1944 г. «Наставление по учету личного состава Красной Армии» [12]. Интенсивный наступательный характер действий Красной Армии внес свои особенности в процесс захоронения военнослужащих. Исследователи констатируют, что «многие могилы оборудовались в спешке, захоронения проводили в палисадниках частных домов, огородах и на католических кладбищах. Не успевая за наступающими войсками, команды осуществляли сбор тел погибших несвоевременно» [11, с. 64].

Переход государственной границы СССР внес свои особенности в действия Красной Армии, в том числе в дело погребения погибших военнослужащих. Исследователь Любецкий пришел к выводу, что «по мере наступления наших войск, и освобождения Европы, по мере гибели советских солдат на территории зарубежных стран, возник вопрос о правилах погребения за границей. Любые действия за пределами границ СССР рассматривались сквозь призму политики» [10, с. 26].

Кроме политических мотивов, командование войск было заинтересовано в возможности погребения тел погибших генералов, лиц старшего офицерского состава и Героев Советского Союза на территории СССР. Современный историк Е.А. Обернихин полагал, что «командование волновал не только политический аспект создания захоронений на территории поверженного врага, но и высказывались сомнения в сохранении могил воинов Красной армии за рубежом» [11, с. 68]. Несмотря на вышесказанное, перевозка большого количества тел погибших на родину осуществить было невозможно ввиду значительных финансовых затрат, необходимости специализированного транспорта, сложностями логистики, отсутствием людских резервов для выполнения работ.

После завершения фазы активных боев и освобождения Австрии в воинских частях и соединениях активизировалась работа по поиску и учету захоронений, систематизации и приведения в надлежащий вид могил погибших военнослужащих согласно требованиям приказа Народного Комиссариата Обороны СССР № 023. Согласно директиве Ставки Верховного Главнокомандования № 11096 от 29 мая 1945 г. 1-й Украинский фронт переименован в Центральную Группу Войск (далее – ЦГВ), ее командующим назначен маршал И.С. Конев, а место дислокации определено территорией Чехословакии, Венгрии и Австрией по границе соприкосновения с союзниками [15]. С этого момента процесс поиска захоронений, создания, укрупнения и сохранения воинских кладбищ на территории Австрии проводились войсками ЦГВ.

Практически сразу после освобождения территории Австрии были начаты работы по поиску и перезахоронению тел погибших солдат, которые проводились по инициативе командиров воинских частей, без приказов со стороны вышестоящих военных структур. В воинских частях и соединениях формируются поисковые команды, в задачу которых ставится сплошная проверка Советской зоны оккупации в Австрии и последующее перезахоронение из одиночных могил на организованные воинские кладбища. Исследователь воинских захоронений А.А. Акоефф пишет о том, что «работа по эксгумации и переносу останков началась еще летом 1945 г. практически на всей территории Восточной и Центральной Европы, однако велась она по инициативе командиров воинских частей» [1, с. 128].

15.10.1945 г. в войска поступает приказ Главнокомандующего ЦГВ № 0160 «О перезахоронении останков погибших военнослужащих и капитальному оборудованию кладбищ». Приказ привлекает к себе внимание тем, что это «первое послевоенное официальное решение, касавшееся судьбы воинских захоронений. Данный приказ касался только территории дислокации войск ЦГВ» [1, с. 128]. Это решение отражало стремление советского командования к организации достойного почета павшим, что было особенно актуально в условиях послевоенной Европы, где многие захоронения имели хаотичный характер создания и расположения.

Стоит подчеркнуть, что Командование ЦГВ ставило задачу оборудования кладбищ и создание памятников в соответствии с определенными типовыми планами. Приказ содержит приложения и инструкции по оборудованию кладбищ, эскизы памятников и примерные планы сооружения кладбищ. В приказе содержатся указания о необходимости перезахоронения генералов, полковников и Героев Советского Союза на центральное армейское офицерское кладбище в г. Вена [16]. Таким образом, становится явным стремление увековечить подвиг Советского солдата и сохранить память о вкладе Красной Армии в освобождении Европы от фашизма.

После окончания Великой Отечественной Войны создание и забота о состоянии воинских захоронений становится важной задачей для Советского Союза, как внутри страны, так и за рубежом. Государственная политика в стремлении сохранения памяти о павших героях, отдавших свои жизни ради победы, нашла отражение в ряде важных документов, принятых правительством страны. В первую очередь это постановление Совета Народных Комиссаров СССР № 405-165 от 18 февраля 1946 г. «О благоустройстве могил воинов Красной Армии и партизан, погибших в боях Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., и о надзоре за их состоянием» [3].

Приказ Министерства вооруженных сил СССР № 04 от 25 апреля 1946 г. [4] требовал от всех органов военного управления серьезного подхода к работам по обустройству советских воинских захоронений за границей. Это означало, что заботу о памятниках павшим бойцам следовало проявлять не только внутри страны, но и за ее пределами. Воинские кладбища должны были стать символами героизма и стойкости советского народа, а также напоминанием будущим поколениям о том, какой ценой была достигнута победа.

В апреле 1946 г. в войска поступает приказ штаба ЦГВ «О порядке проверки исполнения приказа Главкома ЦГВ № 0160» [17]. Проверяющие команды формируются из представителей штаба ЦГВ и представителей воинской части или комендатуры, на которую возложена обязанности по оборудованию кладбищ на местах. В ходе данных проверок основными задачами было установить:

1. Какие кладбища оборудованы в соответствии с приказом,
 2. На каких кладбищах завершение работ возможно силами воинских частей,
 3. Где требуется дополнительное привлечение сил и средства,
 4. Где работы по капитальному оборудованию кладбищ не выполнялись вовсе.
5. Кроме этого, перед проверяющими ставились задачи по проверке текстов и надписей, принятию мер по их сохранности.

Эти проверки продолжились до конца 1946 г. Результаты проверок по каждому воинскому кладбищу отражены в форме актов и собраны в два тома дел организационного отдела штаба ЦГВ [18].

Изначально работами по поиску, перезахоронению и организации кладбищ занимаются воинские части дислоцированные на местах. Начиная с 22 ноября 1946 г., по приказу Главкома ЦГВ №0251 [19] обязанности по строительству и оборудованию кладбищ возлагаются на военные комендатуры.

Для реализации поставленных задач и решения проблемных ситуаций комендатурам выделяется соответствующее финансирование, устанавливается порядок оплаты счетов. Кроме этого, для решения вопроса дефицита специалистов и трудовых резервов им дается право заключать договора с местными фирмами на проведение инженерных, геодезических, землеустроительных работ, а также возможность нанимать рабочих из числа местных жителей. На комендатуры накладывается обязанность проведения проверок качества строительных материалов и приведённых работ, проверок всех надписей на наличие ошибок, пропусков и искажений для своевременного исправления.

После завершения основных работ по дооборудованию воинских захоронений (кладбищ), торжественного открытия памятников представители советской военной администрации передавали функции по содержанию и уходу за местами погребения советских солдат и офицеров представителям местных администраций. Передача обязанностей по уходу за воинскими захоронениями происходила поэтапно, начиная с приемки основных строительных и ремонтных работ представителями комендатуры. После этого на местные администрации налагалась обязанность по сохранению и уходу за кладбищами и памятниками. Е.А. Обернихин отметил, что «после завершения работ по оборудованию могил и проведению мероприятия по открытию памятника воинское захоронение (кладбище) документально передавалось по акту местным органам власти» [11, с. 132].

Акты в основном представляли из себя стандартизированные бланки, содержащие информацию о расположении кладбища, его подробное описание с указанием количества индивидуальных и братских могил, информацию о

наличии памятников и обелисков, текущее состояние и список погребенных военнослужащих. В некоторых случаях акты писались от руки с занесением в них всей необходимой информации. Акт составлялся на двух языках, русском и немецком, и подписывался начальником комендатуры, с одной стороны, и бургомистром с другой. Один экземпляр оставался у бургомистра, а другой направлялся в штаб ЦГВ, в отдел организационного учета и комплектования.

Процесс оборудования и передачи воинских захоронений представителями военных комендатур местным органам власти продолжался до момента их расформирования. Так, военные комендатуры в Советской зоне оккупации Австрии были расформированы согласно директиве от 11 марта 1947 г. № 09473 [20]. Было очевидным, что «военные комендатуры не смогли в течение двух лет своей деятельности охватить все разрозненные военные захоронения и завершить в полном объеме организацию и проведение работ по капитальному строительству воинских кладбищ, т. к. от местного населения постоянно поступала информация об одиночных и братских могилах, которые не были учтены советским командованием» [11, с. 145].

Руководство страны не стало образовывать новой структуры в группировках войск, располагавшихся в Европе. Заместитель министра Вооруженных сил СССР Маршал Советского Союза А. М. Василевский и заместитель министра иностранных дел СССР В. А. Зорин подписали 17 августа 1948 г. совместное циркулярное письмо № 1937/дпу [5]. В данном документе были распределены обязанности по контролю состояния, приведению в порядок и передаче властям мест захоронения советских воинов. Эти задачи возлагались на представителей уполномоченного Совета министров Союза ССР по делам репатриации и на военных атташе СССР.

Историк В.Ю. Кулагина полагает, что «первоначально перед Управлением по репатриации стояли две задачи: организация розыска и отправки в СССР советских граждан и отправка на Родину граждан стран-союзников СССР и нейтральных государств, оказавшихся на территории, занятой советскими войсками. Позже на Управление были возложены и другие задачи, в том числе репатриация из СССР немецких, японских и других военнопленных, а также выявление и благоустройство мест захоронения советских граждан за границей» [9, с. 760].

Советские репатриационные миссии действовали до 1949 г. В 1949-1951 гг. в условиях «холодной войны» советские репатриационные миссии были выдворены сначала из англо-американских зон оккупации Германии (1949 г.), а затем и Австрии (1951 г.) [2, с. 95].

Управление уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации в своем итоговом докладе отчиталось, что к ноябрю 1952 г. «все могилы воинов и советских граждан, учтенные в странах народной демократии, ГДР и в Советской зоне оккупации Австрии, хорошо благоустроены» [6], а военные атташе продолжили деятельность по надзору за состоянием кладбищ и памятников советским воинам.

А.Ю. Соклаков указывает, что «еще одним межгосударственным договором первого послевоенного десятилетия, в котором было уделено особое внимание

сохранности воинских захоронений, стал подписанный 15.05.1955 г. Союзными и Соединенными Державами, с одной стороны, и Австрией с другой стороны, Государственный договор о восстановлении независимой и демократической Австрии» [14].

После подписания Государственного договора о восстановлении независимой и демократической Австрии от 15 мая 1955 г., согласно пунктам 1 и 2 статьи 19 Австрия обязуется уважать, охранять и поддерживать на австрийской территории могилы воинов, военнопленных и принудительно привезенных в Австрию граждан Союзных Держав, а равно и иных Объединенных Наций, находившихся в состоянии войны с Германией, памятники и эмблемы на этих могилах, а равно памятники военной славы армий, сражавшихся на территории Австрии против гитлеровской Германии

В результате проведенной сплошной проверки советской зоны оккупации Австрии к ноябрю 1947 г. было обнаружено 974 пункта погребения, учтено 15287 погибших военнослужащих и организовано их перезахоронение на 151 воинском кладбище. Параллельно с этим было организовано 9 кладбищ в английской зоне оккупации, куда перезахоронены останки 1500 погибших военнослужащих, и велась работа по строительству еще 7 кладбищ, и перезахоронению останков порядка 10000 военнослужащих. Кроме этого, в ходе проверок были обнаружены массовые захоронения советских военнослужащих, оказавшихся в плену. Руководство ЦГВ признавало, что эти цифры не окончательные: «количество фактически погибших и похороненных на территории Австрии советских военнослужащих, значительно больше приведенных выше цифр» [21].

Согласно «Книге памяти», опубликованной в Вене, «вплоть до окончания войны в мае 1945 г. в Австрию прибыло почти 400.000 красноармейцев, из которых 26.000 больше никогда не увидели своей Родины: все они стали жертвами боев последних полутора месяцев. Еще от 40.000 до 60.000 советских военнопленных и гражданских лиц, угнанных из оккупированных фашистами областей СССР, умерли в годы войны на территории современной Австрии, до сих пор покоятся в австрийской земле» [13, с. 7].

По данным официальной статистики на сегодняшний день в австрийской земле покоятся 26 006 воинов Красной армии, погибших во время освобождения территории Австрии [8, с. 280].

Высокий темп наступления, отсутствие единого организационного центра, ограниченность в людских резервах и времени не позволили проводить процедуру захоронения с соблюдением всех требований «Наставления по учету личного состава Красной Армии» по ходу наступления Красной Армии в Австрии. Единый механизм организации, регулирования и проверки работ по поиску трупов и одиночных могил, организации и укрупнения кладбищ стал возможен после формирования ЦГВ. Эти обязанности были возложены сначала на воинские части по месту дислокации, затем на военные комендатуры, а с августа 1948 г. на уполномоченных Совета министров ССР по делам репатриации. По мере завершения работ кладбища передавались на попечение местным властям, а с 1955 г. Австрия взяла на себя обязательства по

сохранению и уходу за захоронениями солдат Красной Армии, а военные атташе встали на контроль выполнения межгосударственных договоренностей.

Литература

1. Акоефф А.А. Воинские захоронения. История вопроса. Примеры использования алгоритма при составлении списка захоронения // Альманах ГенЭкспо. 2021. № 2. С. 127-135.
2. Брюханов А. Вот как это было. О работе миссии по репатриации советских граждан. М.: Госполитиздат. 1958. 208 с.
3. ГАРФ. Ф. 4. Оп. 11. Д. 87. Л. 51.
4. ГАРФ. Ф. 4. Оп. 11. Д. 87. Л. 47.
5. ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 604. Л. 7.
6. ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 886. Л. 84, 89, 90, 91—91об.
7. История России: учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Р.Р. Хадимуллина, Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 318 с.
8. Кривошеев Г.Ф., Андронников В.М., Буриков Д.П. и др. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь М.: Вече, 2010. С. 488.
9. Кулагина В.Ю. Создание и основные направления деятельности органов репатриации в СССР в годы второй мировой войны // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. №27. С. 759-763.
10. Любецкий А.Е. Захоронение Красноармейцев в годы Великой Отечественной Войны: правовые нормы и практика // Гуманитарно-педагогические исследования. 2022. № 3. С. 21-27.
11. Обернихин Е.А. Увековечивание памяти о Советских воинах, погибших при освобождении европейских стран от нацизма в годы Великой Отечественной Войны (1944 – 1991 гг.): Дис. ...канд. ист. наук. М., 2021. 297 с.
12. РГВА Ф. 4. Оп. 11. Д. 77. Л. 43.
13. Сиксль П., Бахтер В., Ситько Г. Советские граждане, погибшие в Австрии в годы Второй мировой войны и места их захоронения: Книга памяти. Вена: Грац, 2010. 988 с.
14. Соклаков А.Ю. Международное гуманитарное право: из истории правовой регламентации статуса воинских захоронений за пределами Отечества. // Наука. Общество. Оборона. Москва. № 4, 2019.
15. ЦАМО Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 213. Л. 129 – 132.
16. ЦАМО Ф. 275. Оп. 312464с. Д. 48. Л. 35-39.
17. ЦАМО Ф. 275. Оп. 312464с. Д. 48. Л. 3-4.
18. ЦАМО Ф. 275. Оп. 312464с. Д. 53. Т. 1. Т. 2.
19. ЦАМО Ф. 275. Оп. 312464с. Д. 48. Л. 38-41.
20. ЦАМО Ф. 275. Оп. 295844. Д. 13. Л. 37, 37 об.
21. ЦАМО Ф. 275. Оп. 295844с. Д. 91, Л. 189.

© Габбасов И.Р., 2025

З.Ф. Гилимова

студент УУНиТ, г. Уфа

Научный руководитель – к. и. н., доцент Н.М. Калмантаев

Р.Ш. Гильмутдинова

студент УУНиТ, г. Уфа

Научный руководитель – д. филос. н., профессор Р.Х. Лукманова

Z.F. Gilimova

student, UUST, Ufa

Scientific supervisor – c. hist. s., associate professor N.M. Kalmantaev

R.Sh. Gilmutdinova

student, UUST, Ufa

Scientific supervisor – d. of philos. s., professor R. Kh. Lukmanova

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ОБРАЗЫ ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЁВА И САЛАВАТА ЮЛАЕВА В СОВЕТСКОЙ ЖИВОПИСИ

CONSTRUCTING HISTORICAL MEMORY: IMAGES OF YEMELYAN PUGACHEV AND SALAVAT YULAEV IN SOVIET PAINTING

Аннотация. Статья посвящена анализу художественных картин, на которых представлены образы Емельяна Пугачева и Салавата Юлаева. Авторами проведено исследование того, как образы народных бунтарей XVIII в. были переосмыслены в контексте марксистской историографии. Особое внимание уделено наиболее часто встречающимся цветам, символике и функции этих образов в советском искусстве.

Abstract. The article is devoted to the analysis of paintings, which present the images of Yemelyan Pugachev and Salavat Yulaev. The authors conducted a study of how the images of the popular rebels of the 18th century were rethought in Marxist historiography. Particular attention is paid to the most frequently encountered colors, symbolism and functions of these images in Soviet art.

Ключевые слова: Емельян Пугачев, Салават Юлаев, советская живопись, крестьянское восстание, национальный герой.

Key words: Emelyan Pugachev, Salavat Yulaev, Soviet painting, peasant uprising, national hero.

В советской историографии восстания XVIII вв. во многом рассматривались как предпосылки революционной борьбы пролетариата. С учетом того, что восстание под предводительством Емельяна Пугачева 1773-1775 гг. является одним из крупнейших и по территории распространения, и по количеству повстанцев [4, с. 130-131], особое место в советской пропаганде занимают Емельян Пугачев и Салават Юлаев.

Изменения в восприятии лидеров восстания 1773-1775 гг. произошли тогда, когда советское руководство осознало необходимость создания образов национальных героев, поиска противников царизма в истории Российского государства. Одним из наиболее успешно «работающих» инструментов в этом случае были кинофильмы, которые снимались в СССР по госзаказу. Таковыми

были фильм «Емельян Пугачев» и «Салават Юлаев», во многом из которых и формировался визуальный образ предводителей восстания [8, с. 521-531].

Пугачев до революции и прихода к власти большевиков представлялся в литературных произведениях как кровавый мятежник, либо как трагический персонаж (как у А.С. Пушкина). В советский период преобладали положительные оценки деятельности Пугачева как в некотором роде стоявшего у истоков революционного движения в России, что способствовало формированию в большей степени позитивного его образа как олицетворения стихийного протеста населения против внедряемых извне изменений в обществе, воплотившегося в идее «народного бунта» [5, с. 345-347].

С Салаватом Юлаевым дело обстояло чуть иначе. Если по официальной трактовке он был также разбойником и злодеем, а в народной памяти сохранялся как национальный герой, то в СССР он стал символом интернациональной классовой борьбы [10, с. 14-15].

Целью статьи является исследование процесса конструирования памяти о Емельяне Пугачеве и Салавате Юлаеве, а также анализ художественных приемов, которые были использованы для их героизации.

Для исследования были выбраны четыре наиболее известные картины, на которых представлены и Емельян Пугачев, и Салават Юлаев.

На картине П.Я. Гаврилова «Салават Юлаев в штабе Пугачева», 1951 г. [2] имеется некая иерархия между предводителями восстания, поскольку Емельян Пугачев, по всей видимости, сидит во главе стола, вокруг которого объединяются повстанцы. Салават Юлаев же изображен в момент принятия решения. Освещение, которое подобрал художник, акцентирует внимание на лица главных героев. Емельян Пугачев одет, как и на многих других художественных изображениях, в выделяющий его красный кафтан, тогда как одежда Салавата Юлаева сочетает воинские и традиционные башкирские элементы. Отсутствуют намеки на жестокость восстания, а больший акцент сделан на единство русских и башкир в борьбе против общего врага. В целом, в картине преобладают теплые, землистые тона с акцентами красного.

Далее рассмотрим картину М.И. Авилова «Рабочие Урала помогают Пугачеву и Салавату Юлаеву». Картина построена как многофигурная сцена [1]. Центральное место на ней занимают Емельян Пугачев и Салават Юлаев, которые принимают помощь от рабочих Урала. Цветовая палитра картины достаточно любопытна: Авилов использует контраст между темными, землистыми тонами, в которых выполнены изображения повстанцев, и более светлыми, теплыми оттенками, характеризующими рабочих. Так, автор демонстрирует, что именно рабочие несут «свет» освобождения в стихийное крестьянское восстание. В левой части картины художник помещает группу рабочих, передающих оружие повстанцам – эта деталь особенно важна, так как подчеркивает главную мысль произведения: преемственность революционной борьбы от крестьянских восстаний к рабочему движению. Сама по себе картина соответствует духу соцреализма. Тщательно проработаны детали, имеется некоторая плакатная прямолинейность при проработке образов.

Следующая картина – «Салават Юлаев и Емельян Пугачев» А.М. Кудрявцева, на которой изображены непосредственно предводители восстания [7]. Повторяется сюжет с одеждой героев: Пугачева выделяет его красная одежда, тогда как Юлаев представлен в башкирском облачении, что подчеркивает его национальную идентичность. При этом оба предводителя восстания показаны наравне. Соцреалистическую героизацию подтверждает динамичность фигур, создается ощущение движения. На заднем плане прослеживаются пейзажи Урала, а также огромное количество восставших, что подчеркивает масштаб восстания. Говоря об идеологической интерпретации, нужно сказать, что она подчеркивает межнациональную солидарность между русскими и башкирами. Образы, представленные на этой картине, лишены трагизма, акцент сделан на героизме и единстве [9, с. 181].

На родине Салавата Юлаева построен музей, посвященный башкирскому герою. Там представлена диорама «Сражение отрядов Е.И. Пугачева и С. Юлаева против корпуса И.И. Михельсона около д. Киги у реки Ай 3 июня 1774 г.» [3]. Действительно, сражение около д. Киги в 1774 г. было одним из ключевых в период восстания Пугачева [6, с.121-123]. В целом, изображение условно можно разделить на три плана: передний план – река Ай, средний план – боевые действия и задний – уральские пейзажи. Здесь не выделены специально фигуры Салавата Юлаева или Емельяна Пугачева.

В целом, можно отметить следующие общие черты в этих картинах. В первую очередь, это идеологическая трактовка истории. Е. Пугачев и С. Юлаев представлены как предшественники революции, а повстанцы как объединенный народный фронт против царизма. Особое внимание уделяется союзу русского и башкирского народов. Советская историография и пропаганда активно использовали образы Емельяна Пугачева и Салавата Юлаева как героев для обоснования революционной борьбы. Произошла трансформация восприятия этих исторических фигур: из «разбойников» и «мятежников» они превратились в символы народного протеста и интернациональной классовой борьбы. Таким образом, в советский период успешно использовались исторические фигуры Е. Пугачева и С. Юлаева для укрепления идеологии и создания образов героев, борющихся за свободу и справедливость.

Литература

1. Авилов М.И. Рабочие Урала помогают Пугачеву и Салавату Юлаеву. Советский плакат. Издательство «Просвещение», 1972. [Электронный ресурс]. URL: <https://emelyan.ru/pamjat/istoricheskie-kartiny-posvjashhennye-pugachevskomu-vosstaniju> (дата обращения: 03.04.2025).
2. Гаврилов П.Я. Салават Юлаев в штабе Пугачева, 1951 год. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.goskatalog.ru/portal/#/collections?id=3856235> (дата обращения: 01.04.2025).
3. Диорама «Сражение отрядов Е.И. Пугачева и С. Юлаева против корпуса И.И. Михельсона около д. Киги у реки Ай 3 июня 1774 г.». [Электронный ресурс]. URL: <https://kulturarb.ru/ru/muzei/muzej-salavata-yulaeva-s-maloyaz-salavatskogo-rajona> (дата обращения: 05.04.2025).

4. История России: учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Р.Р. Хадимуллина, Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 318 с.
5. Касьянова К. Особенности русского национального характера. М.: Молодая гвардия, 1993. 353 с.
6. Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. Сборник документов / Сост. Р.В. Овчинников, И.М. Гвоздикова, А.П. Николаенко. Уфа, 1975. 492 с.
7. Кудрявцев А.М. Салават Юлаев и Емельян Пугачев, 1976. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.goskatalog.ru/portal/#/collections?id=9752842> (дата обращения: 04.04.2025).
8. Ломакин А.В. Национальная героика на экране: историческая тема в кинематографе второй половины 1930-х гг. и конструирование советского патриотизма / А.В. Ломакин // Ноябрьские историко-архивные чтения – 2022 г. Материалы Международной научно-практической конференции «Объект и проблемное поле гуманитарных исследований миграционных и национальных процессов в истории Советского Союза. К 100-летию создания СССР» (Пермь, 7–8 декабря 2022 г.): сборник / под ред. С.В. Неганова, А.В. Черных, С.И. Корниенко. Пермь, 2023. 752 с.
9. Северюхин Д.Я. Социалистический реализм в изобразительном искусстве СССР. Взгляд из XXI века // Научные труды Санкт-Петербургской академии художеств. Вып. 70. Сохранение культурного наследия. 2024. С.173-187.
10. Сидоров В. В. Слово о Салавате: Ист.-краевед. очерки / Виктор Сидоров. Уфа: Гилем, 2004. 167 с.

© Гилимова З.Ф., Гильмутдинова Р.Ш., 2025

СЕКЦИЯ «ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ»

УДК 94(32)

Ахмед Гамаль Эль-Сайед Мунир
студент УУНиТ, Уфа

Научный руководитель – к. и. н., доцент Ю.С. Усова

Ahmed Gamal El-Sayed Mounir
student, UUST, Ufa

Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor Yu. S. Usova

ТОРГОВЫЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЕГИПТОМ И ЭФИОПИЕЙ ВО ВРЕМЯ ПРАВЛЕНИЯ ЦАРИЦЫ ХАТШЕПСУТ (1479-1458 ГГ. ДО Н.Э.)

TRADE, POLITICAL, AND ECONOMIC RELATIONS BETWEEN EGYPT AND ETHIOPIA DURING THE REIGN OF QUEEN HATSHEPSUT (1479-1458 BCE)

Аннотация. Представленная статья посвящена истории развития Древнего Египта в период правления женщины-фараона Хатшепсут. В данной статье автор приходит к выводу, что период ее правления был одним из самых стабильных в истории Древнего Египта.

Abstract. The presented article is devoted to the history of the development of Ancient Egypt during the reign of the female pharaoh Hatshepsut. In this article, the author comes to the conclusion that her period of reign was one of the most stable in the history of Ancient Egypt.

Ключевые слова: Египет, царица Хатшепсут, международные отношения, внутренняя политика

Keywords: Egypt, queen Hatshepsut, international relations, internal policy

Introduction and historical context. Queen Hatshepsut, one of ancient Egypt's most renowned female pharaohs, ruled during the 18th Dynasty of the New Kingdom [1]. Her reign marked a period of prosperity, architectural innovation, and expansive trade networks [2]. While the term «Ethiopia» in antiquity (known as Kush or Nubia in Egyptian texts) referred broadly to regions south of Egypt, including parts of modern-day Sudan and Eritrea, interactions with the Horn of Africa—particularly the Land of Punt—were pivotal to Egypt's economy [3]. This document explores Egypt's trade, political, and economic ties with the regions corresponding to modern Ethiopia during Hatshepsut's reign.

Hatshepsut's famous expedition to Punt, immortalized in reliefs at her mortuary temple at Deir el-Bahri, underscores the significance of these connections. Punt, often identified with coastal regions of the Horn of Africa (including Eritrea, Somalia, and possibly Ethiopia), served as a critical source of luxury goods [4]. These exchanges were not merely commercial but also diplomatic, reflecting Hatshepsut's strategic governance.

Trade Relations. The most well-documented interaction between Egypt and the Horn of Africa during Hatshepsut's reign was the expedition to Punt. According to

temple inscriptions, Egyptian envoys sailed southward along the Red Sea, returning with shiploads of gold, ivory, ebony, live myrrh trees, incense, exotic animals (like baboons), and aromatic resins. These goods were vital for religious rituals, temple construction, and elite consumption.

The reliefs at Deir el-Bahri depict Puntite leaders, including Queen Ati, exchanging goods with Egyptians, suggesting a reciprocal trade relationship. Myrrh and frankincense from Punt were especially prized for use in temples and embalming practices. While Punt's exact location remains debated, scholars like Dimitri Meeks argue it lay near the Eritrean-Ethiopian coast, highlighting Ethiopia's indirect role in this network.

Egypt exported grain, linen, and manufactured goods (e.g., jewelry, tools) to Punt, fostering economic interdependence. This trade solidified Egypt's access to African resources while enhancing Punt's regional influence.

Political Dynamics. Hatshepsut's reign prioritized diplomacy over military conquest. Her expedition to Punt, framed as a divine mission endorsed by the god Amun, reinforced her legitimacy as a ruler chosen by the gods. The Punt reliefs emphasize peaceful exchange, with Egyptian envoys presenting gifts (e.g., weapons, utensils) to Puntite chiefs. This suggests a relationship built on mutual respect rather than subjugation [5].

However, Egypt's historical dominance over Nubia (modern northern Sudan) also shaped regional politics. While Hatshepsut's focus was on Punt, her predecessors had established forts in Nubia to control gold mines and trade routes. These forts likely facilitated safe passage for goods from deeper in Africa, including Ethiopia's hinterlands. Indirectly, Egypt's political control over Nubia ensured the flow of Ethiopian resources into its economy.

Economic Implications. The Punt expedition had profound economic impacts. The influx of luxury goods enriched Egypt's temples and elites, while myrrh and incense production became central to religious practices. Hatshepsut's reign saw the construction of monumental architecture (e.g., her temple at Deir el-Bahri), funded by trade wealth.

For Punt, access to Egyptian goods likely stimulated local economies. The exchange may have spurred urbanization and specialization in resin harvesting [6]. Additionally, Egyptian demand for African products encouraged intermediaries in Nubia and the Ethiopian highlands to engage in long-distance trade, creating a network that outlasted Hatshepsut's reign.

Notably, the absence of military conflict during these exchanges suggests that both parties prioritized economic gain over territorial expansion. This model of "soft power" diplomacy became a hallmark of Hatshepsut's rule.

Notably, the absence of military conflict during these exchanges suggests that both parties prioritized economic gain over territorial expansion. This model of "soft power" diplomacy became a hallmark of Hatshepsut's rule.

Conclusion and Legacy. Queen Hatshepsut's reign marked a golden age of Egyptian trade with the Horn of Africa. While direct contact with modern Ethiopia remains debated, the Land of Punt's resources—integral to Egypt's religious and economic life—underscore the interconnectedness of Northeast Africa [7]. These ties

laid the groundwork for future interactions between Egypt and the Ethiopian highlands, particularly during the later Kingdom of Aksum.

Hatshepsut's legacy as a ruler who prioritized trade and diplomacy over warfare highlights the sophistication of ancient African economies. Her expeditions not only enriched Egypt but also elevated the status of African partners in the Mediterranean world.

Sources

1. История России: Учебное пособие / Н.А. Бессилин, Ю.А. Иликеева, Е.А. Круглов [и др.]. Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2023. 318 с.
2. Усова Ю.С. Особенности преподавания дисциплины «История России» иностранным студентам УУНиТ / Ю.С. Усова // Уфа университетская: тренды развития науки и технологий в новейшей России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 20–21 октября 2023 года. Уфа: ООО «Книга-Принт», 2023. С. 155-160.
3. Kenneth A. The Land of Punt // The Archaeology of Africa. ed. by Th. Shaw et al.. London: Routledge, 1993, pp. 587-608.
4. Redford D.B. Egypt, Canaan, and Israel in Ancient Times. Princeton: Princeton University Press, 1993. 512 p.
5. Shaw I. The Oxford History of Ancient Egypt. Oxford: Oxford University Press, 2003. 544 p.
6. Tyldesley J. Hatshepsut: The Female Pharaoh. London: Penguin Books, 304 p.
© Мунир А.Г.Э., 2025

УДК-94(38).02

П.В Жуков

студент РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург
Научный руководитель – д. и. н., доцент М.Ю. Лаптева

P.V. Zhukov

student, RSPU n. a. A.I. Herzen, St. Petersburg
Scientific supervisor – d. of h. s., associate professor M.Y. Lapteva

СПАРТАНСКИЙ ЦАРЬ ДЕМАРАТ: ФАКТОРЫ И РИСКИ ЛЕГИТИМНОСТИ

SPARTAN KING DEMARATUS: FACTORS AND RISKS OF LEGITIMACY

Аннотация. В статье рассматривается история делигитимации спартанского царя Демарата, совокупность факторов, которые привели к его бегству в Персию. Затрагиваются такие вопросы как особенности института царской власти в Спарте, влияние Дельфийского оракула на принятие политических решений, противоречия между личными амбициями спартанских царей, с одной стороны, и традиционными институтами, религиозно-политическими традициями – с другой. Делается вывод о решающей роли дельфийской пифии в бегстве Демарата.

Abstract. The article examines the history of the delegitimization of the Spartan king Demaratus, the combination of factors that led to his flight to Persia. It touches upon such issues as the peculiarities of the institution of royal power in Sparta, the influence of the Delphic oracle on political decision-making, the contradictions between the personal ambitions of the Spartan kings, on the one hand, and traditional institutions, religious and political traditions, on the other. It concludes that the Delphic Pythia played a decisive role in Demaratus' flight.

Ключевые слова: Спарта, Демарат, Дельфы, Греко-Персидские отношения.

Keywords: Sparta, Demaratus, Delphi, Greco-Persian relations

Рубеж VI–V вв. до н.э. является переломным моментом в истории греческой цивилизации. К концу VI в. до н.э. полностью формируются греческие полисы, ведущими из которых стали Спарта и Афины. В Спарте сложилась олигархия 30 геронтов и пяти эфоров, в Афинах основы демократического устройства были заложены реформами Солона, но с 560 г. до н.э. до 510 г. до н.э. Афины жили под властью тиранов. Большую роль в политических событиях Греции архаического периода начинает играть богатейшее жречество оракула Аполлона в Дельфах, которое становится самостоятельной политической силой. Кроме того, в это время усилился натиск Ахеменидской державы, чья завоевательная политика начинает угрожать безопасности независимых полисов Греции.

В этом сплетении политических факторов большое значение приобретают отдельные честолубивые личности, в числе которых – спартанский царь Демарат. Прежде всего необходимо учитывать, специфику политического устройства Спарты. Одной из особенностей политической организации Спарты была двойная царская власть, власть одновременно и равноправно правивших царей из двух династий Еврипонтидов и Агиадов.

Другими авторитетными органами власти была герусия (совет старейшин), в которую входили оба царя, а также народное собрание, которое не имело законодательной инициативы и находилось под контролем старейшин [7, с. 21–22]. Отдельно стоял ежегодно избираемый эфорат. Это была коллегия из пяти человек, которые в числе многих своих полномочий контролировали царей и даже имели право отдавать их под суд и снимать с должности. [3, с. 25]

Жители Эллады считали спартанцев самыми благочестивыми среди всех эллинов. Почти все важные решения, в том числе и юридического характера, в Спарте решались через оракулов и предсказателей. Особые отношения еще времен ранней архаики сложились между жителями Лакедемона и оракулом Аполлона в Дельфах. Структура оракула в Дельфах состояла из двух ступеней. Девушка жрица (пифия) изрекала в экстазе предсказание, которое затем толковала и облекала, часто в стихотворную форму, коллегия окружавших ее жрецов, которые и управляли работой святилища [4, с. 104–106]. Спартанские цари жертвовали в дельфийский храм после каждого похода богатые дары в одну десятую от добычи. [2, IX, 81] Дельфийское жречество, таким образом, понимало институт сильной царской власти, как важнейший источник своего постоянного дохода.

Демарат, сын Аристона из рода Еврипонтидов, получил классическое воспитание спартанского юноши, а около 515 г. до н.э. стал соправителем царя

Клеомена из рода Агиадов [6, с. 497–498]. В 510 г. до н.э. Клеомен, провел военный поход против афинского тирана Гиппия [5, с. 25–26]. Поводом послужили ответы пифии, подкупленной богатым афинским родом Алкмеонидов, политических противников тирана. Долгое время пифия отвечала на любой вопрос спартанцев требованием изгнать тиранов из Аттики. Это было для глубоко верующих жителей Лакедемона веской причиной начать войну, которая закончилась изгнанием из Афин тирана Гиппия, сына первого афинского тирана Писистрата [2, V, 63, 65].

После этих событий Алкмеонид Клисфен взял власть в Афинах и при поддержке демократических слоев совершенно игнорировал желания Клеомена, который главной целью ставил вхождение Афин в Пелопоннесский союз. Клеомен пытался поддержать противника Клисфена Исагора (с которым находился в ксенических связях) и сделать его тираном. Под предлогом борьбы с «Килоновой скверной» в Афины зашел спартанский отряд [1, 20]. Однако предприятие провалилось, сторонники Исагора были казнены, и царю пришлось вернуться в Спарту [2, V, 72]. Амбициозный Клеомен посчитал себя оскорбленным и решил еще раз попытаться поставить в Афинах Исагора силой. Демарат, соправитель Клеомена, вместе с ним возглавил ополчение Пелопоннесского союза и в 506 г. до н.э. вторгся в Аттику, однако до сражения дело не дошло [5, с. 27–29]. Сначала союзник Спарты, Коринф, поняв намерения Клеомена, повернул домой, затем Демарат, по свидетельству Геродота вместе со своим отрядом, покинул ополчение, что рассорило соправителей, поход закончился полным провалом. В ярости от предательства Клеомен продвигает в Спарте закон о запрете отправлять в поход одновременно обоих правителей [2, V, 74, 75].

С чем же связан этот внезапный конфликт двух соправителей? Следует отметить, что по спартанской традиции цари равноправны, но в этом случае мог сыграть роль личностный фактор. Клеомен был властолюбив и считал себя более искушенным в военных и политических делах, чем Демарат. Клеомен, к тому же, был старше Демарата. После того как коринфяне покинули ополчение Пелопоннесского союза, Демарат понял, что это идеальный момент для того, чтобы уменьшить авторитет Клеомена как военного лидера. Такой развал армии в присутствии союзников должен был разрушить репутацию Клеомена как военачальника, что позволило бы Демарату выйти из его тени. До этого военного похода мы не видим ни одного упоминания о самостоятельной деятельности Демарата, а лишь о личных инициативах Клеомена. Можно сказать, что причиной конфликта двух царей стало желание Демарата освободиться от влияния соправителя и вести независимую внешнюю политику. Это подтверждается законом о запрете одновременного похода двух царей, что было явно выгодно именно властолюбивому Клеомену, и отдаляло от власти более молодого царя.

Конфликт продолжал нарастать. Клеомен в 491 г. до н.э. направился к острову Эгина, чтобы взять в плен руководителей местной персофильской партии [5 с. 31–33]. Демарат находился в ксенических отношениях с Криосом, лидером персофилов на Эгине. Царь смог через друга агитировать жителей

острова на борьбу с Клеоменом и уже второй раз разрушить его амбициозные планы [2, VI, 50].

После такого открытого вмешательства Демарата в планы Клеомена, он задумал лишить трона Демарата. Клеомен решил заменить законного царя его троюродным братом Левтихидом, который сам был в вражде с Демаратом. Демарат украл его невесту Перкалу, дочь эфора Хилона, и сам женился на ней. Клеомен стал распространять слух о незаконном происхождении Демарата. Здесь полезна была поддержка Левтихида, который и стал официальным обвинителем своего родственника в герусии в том, что Демарат не сын Аристона. Кроме того, в подтверждение слов Левтихида выступили некоторые эфоры, которые были свидетелями сомнений Аристона [2, VI, 65].

Однако несмотря на все старания, герусия и народное собрание Спарты не решались вынести вердикт Демарату и обратились за советом к оракулу бога Аполлона в Дельфах. Именно здесь сыграл фактор зависимости Дельфов от даров царей Лакедемона. Как свидетельствует Геродот, Клеомен сумел привлечь на свою сторону Кобона, влиятельного человека в Дельфах, а он в свою очередь убедил Периаллу, прорицательницу, дать ответ, угодный Клеомену. Тогда Пифия изрекла: Демарат не сын Аристона [2, VI, 66].

Почему в этом конфликте дельфийские жрецы выбрали именно сторону царя Клеомена? Дело в том, что у нас нет ни одного доказательства того, что Демарат, приносил дары жрецам Дельф в отличие от Клеомена, который был известным военачальником и регулярно отправлял в Дельфы серебро. Кроме того, современной науке известно, что род Агиаидов, являясь более древним, первым из двух царских семей наладил контакт с дельфийским оракулом, что и способствовало тому, что жречество встало на сторону царя из этого рода [8, с. 86]. Однако следует отметить, что подкуп пифии не был нормой для верующих эллинов и каждый из участников этого заговора был, по убеждению Геродота, наказан [2, VI, 66, 75].

Таким образом, Демарат в 491 г. до н.э. был лишен царского титула и утвержден на должность в коллегию эфоров [5, с. 36]. Какое-то время он даже продолжал попытки борьбы за власть, но его авторитет был окончательно уничтожен оракулом [2, VI, 67]. После окончания исполнения этой должности в 490 г. до н.э. он, под предлогом поездки к Дельфийскому оракулу, едет в Элиду, а затем в Закинф. Однако Клеомен отправляет за своим бывшим соправителем погоню, в Закинфе спартанцы берут в плен сторонников Демарата, но жители Закинфа прячут бывшего царя Спарты [2, VI, 70].

После Закифа Демарат, имея знакомых персофилов таких как Криос с Эгины, переправляется в Персию, где скорее всего благодаря тем же связям получает при дворе Дария должность военного советника, на что указывает Геродот [2, VI, 70]. Вероятно, несмотря на малый военный опыт Демарата, сыграло роль его спартанское воспитание, что отличало его от других персов и греческих союзников. Кроме того, у него в Спарте была слава олимпийского победителя, что также придавало ему авторитет [2, VI, 70]. Это подтверждается деятельностью царя во время похода Ксеркса в 480 г. до н.э. После битвы при Фермопилах Ксеркс вызывает Демарата и советуется с ним о тактике борьбы

против спартанцев. Демарат, хорошо знакомый с географией родины, предлагает захватить остров Кифела у берегов Лаконики, чтобы тем самым постоянно угрожать вторжению в Спарту с моря. Однако командующий флотилий, брат Ксеркса Ахемен, отговорил Ксеркса от идеи Демарата и этот план был отвергнут, но сам факт обращения персидского правителя за советом к бывшему спартанскому царю, говорит о его положении при дворе на должности военного советника [2, VII, 234–237].

После походов Демарат получил в государстве Ахеменидов богатые земли для кормления. В Персии как в многонациональном государстве была традиция ставить правителями территории представителей местной национальности. Так Демарат получил в управление заселенный греками Пергам, Тефранию, Галисарний в Миссии [6, с. 197]. Там, властвуя как персидский наместник, Демарат скончался.

Подводя итог можно сказать, что между Лакедемоном и дельфийским оракулом еще с периода архаики сложились тесные взаимоотношения, благодаря которым спартанские цари отправляли богатые дары жрецам, а те в ответ поддерживали первых. Кроме того, можно с уверенностью утверждать, что конфликт между Клеоменом и Демаратом был спровоцирован личной неприязнью и попыткой Демарата освободиться от зависимости от старшего по возрасту и более искушенного в интригах соправителя. Не имея достаточного авторитета у жречества в Дельфах, он проиграл соперничество и был вынужден бежать в Персию, где его навыки стали полезны при дворе Ахеменидов на должности военного советника. Таким образом, можно сказать, что благодаря оракулу Аполлона в Дельфах жизнь Демарата полностью изменилась, и при наличии контактов со сторонниками Персии, собственному авторитету и по случайному стечению обстоятельств, он смог получить если не такую же как в Спарте, то более почетную и прибыльную должность в державе Ахеменидов.

Литература

1. Аристотель. Афинская полития / Пер. В.С. Радцига. М.: Государственное социально-экономическое издание, 1936. 266 с.
2. Геродот. История в девяти книгах / Пер. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. 600 с.
3. Дарвин А.Л. Спартанские цари и эфоры: сосуществование и взаимодействие двух государственных институтов // Ученые записки петрозаводского государственного университета. 2019. № 6. С. 22–29.
4. Кулишова О.В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.). СПб.: Гуманитарная Академия, 2001. 432 с.
5. Печатнова Л.Г. Древняя Спарта и ее герои. М.: Ломоносовъ, 2016. 288 с.
6. Печатнова Л.Г. История Спарты периода архаики и классики. СПб.: Гуманитарная академия, 2001. 510 с.
7. Печатнова Л.Г. Выбор геронтов в Спарте // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. № 6. С. 21–28.

8. Печатнова Л.Г. Религиозный фактор в политике спартанских царей // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2022. № 1. С. 75-91.

© Жуков П.В., 2025

УДК 930.85

В.А. Бешлей

студент УУНиТ, г. Уфа

Научный руководитель – к. и. н., доцент Ю.С. Усова

V. A. Beshley

student, UUST, Ufa

Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor Yu. S. Usova

СРАВНЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ И СКАНДИНАВСКИХ МИФОВ

COMPARISON OF SLAVIC AND SCANDINAVIAN MYTHS

Аннотация. Данная работа представляет собой сравнительное исследование мифов восточных славян и скандинавов. На основе анализа культур выявляются ключевые сходства и различия двух культур.

Abstract. This work is a comparative study of the myths of the eastern Slavs and the Scandinavians. Based on the analysis of cultures, the key similarities and differences between the two cultures are revealed.

Ключевые слова: славянские мифы, скандинавская мифология, древнерусское государство, варяги, божества.

Keywords: Slavic myths, Scandinavian mythology, Ancient Russian state, Varangians, deities

Вопрос о месте и роли мифа в пространстве культуры принадлежит к числу приоритетных культурологических вопросов XXI в. Исследуется структура мифа, его генезис, функционирование в социуме, когнитивность, возможности мифотворчества в современном мире. Выясняется, что мифология далеко не исчерпала себя и, вероятно, еще долго будет стимулировать творческую активность литераторов и музыкантов, художников и скульпторов, деятелей театра и кино, мастеров архитектуры и прикладного искусства.

Актуальность избранной темы объясняется тем, что культура – многогранное понятие, которое включает в себя все достижения человечества, накопленные и передаваемые из поколения в поколение. То есть, это совокупность материальных и духовных ценностей, традиций, норм, обычаев, верований. В верхнем каменном веке произошло рождение современного человека и искусства. Мифы – это не просто предания давно живших на Земле народов, это первая форма существования культуры в истории человечества, механизм передачи социального опыта.

В последнее время интенсивно идет процесс исчезновения не только самих мифологических образов, но и знаний о них у современной молодежи. Представляется весьма актуальным показать укорененность элементов античной (как общеевропейской) и славянской (как национальной) мифологий во всей совокупности русской художественной культуры [7].

Если вопрос в выборе данной темы поставить именно в аспекте сравнении славянской и скандинавской мифологии как культуры разных этносов, то это объясняется тем, что очень важно знать историю своей страны. Но так как у древних славян были взаимодействия с скандинавскими народами, многие специалисты данной области это подтверждают, очень важно сделать такой анализ [4].

Древнегерманская мифология делится на две части – мифологию континентальных германцев и мифологию северных стран, которой как раз является скандинавская. Германцы, живущие на континенте, подверглись влиянию своих ближайших соседей – римлян и кельтов, и христианизация Европы затронула их одними из первых. Именно поэтому чистая древняя мифология в своем первоизданном виде сохранилась у северных племен, которые в силу географического расположения были, как и кельты, населявшие острова Британии и Ирландии, ограждены от сильного влияния других культур, вели замкнутую жизнь и поздно перешли к христианству. Исландия, в которой лучше всего сохранились языческие верования, была христианизирована только в 1000 г. Древние скандинавские верования с приходом христианства не искоренялись бесследно, а постепенно переходили в легенды и сказки. Точно неизвестно, кто сохранял все эти мифы, так как в древнегерманских племенах жречество было развито слабо или отсутствовало, а основную роль играли вожди [6].

Скандинавская мифология дошла до нашего времени благодаря двум литературным источникам – «Старшей» и «Младшей Эдде». «Старшая Эдда» была составлена в Исландии в XIII в. и найдена в 1643 г. епископом Бриньолвом Свейнссоном, она содержит в себе песни о богах, героях, происхождении вселенной. «Младшей Эддой» называют сборник, составленный исландским поэтом и ученым Снорри Стурлусуном, в котором в прозе рассказывается о поэтическом искусстве скальдов и пересказываются, объясняются и цитируются сюжеты «Старшей Эдды».

Осью мира является дерево Иггдрасиль – ясень, держащий небесный свод, и на котором располагается девять миров. Под ним ежедневно собирается совет богов. Все миры противопоставляются: Асгард – Хельхейму, Лёсальвхейм – Свартальфахейму и т.п. Но девятый мир – Мидгард – никому не противопоставлен, так как находится в самом центре древа.

Скандинавские боги поделены на две группы: Асы и Ваны. Отличий между ними сильных нет. Известно, что Ваны умели колдовать и отвечали за все природные силы, а Асы больше покровительствовали людям, войне, власти и мудрости [5].

К сожалению, не представляется возможным погрузиться в славянскую мифологию также глубоко, как в скандинавскую. В том же понимании как у греков, у славян развитой мифологии не было. К моменту принятия христианства общество было на уровне развития племенных союзов. До наших дней не сохранилось чётких свидетельств о развитости письменности в дохристианскую эпоху. Славянские верования были чем-то вроде шаманизма или анимизма. Это помогало объяснить людям, почему дует ветер, светит

солнце и т.д. Без развитого государства не было нужды развивать данные представления.

Это не говорит о том, что славяне были дикарями. Такой путь прошли и греки, и египтяне в свое время.

Единственная информация в летописях, которая как-то упоминает языческие мифы, демонизирована. Христианство – единственный верный путь.

Есть теории, что у славян, как и у викингов, было мировое древо. И что славяне видели мир в виде брака неба и земли. Но ни одна из этих догадок не подтверждается.

У олицетворяемых природных сил была своя иерархия, во главе которой стояли боги. Во главе славянских богов стоял аналог германо-скандинавского Тора – громовержец Перун. Он описывался как воин с серебряной головой и золотыми усами, что наделяло его и мудростью, и мужественностью. Тоже был покровителем воинов, в неугодных людей метал стрелами и молниями, что очень часто встречается в индоевропейских религиях.

В 980 г. князь Владимир пытался установить пантеон во главе с Перуном. Это была первая и последняя попытка централизовать власть в языческом веровании [3, с. 61].

Идолы Перуну ставились на самых высоких холмах, а второй по значимости был Велес (Волос). Не совсем ясно, один или два это персонажа из-за разности источников. Велес противопоставлялся Перуну, был богом подземного царства и иногда представляется как змей, но при этом он покровительствовал все остальной Руси.

Третья по значимости была богиня мать – Мокошь, которая вобрала женские атрибуты (длинные волосы, домашнее хозяйство). Вероятно, она была женой Перуна, отсюда и брак неба и земли.

Были и роженицы, они ткали нити судьбы, от длины которой зависела человеческая жизнь. Бог Род покровительствовал всему роду и семье. Этим богам приносили бескровные жертвы в виде хлеба, мёда и сыра. Такой ритуал до сих пор частично сохраняется [1].

Разобрав каждую мифологию по отдельности и сделав обзор, можно выделить сходства: Космогонические мифы. И там, и там мир создается из хаоса, присутствует много разных миров, мировое дерева; Аналогии с богами: Перун/Тор, Сварог/Один, Велес/Фрейр, Чернобог/Хель. Мифические существа также похожи между собой: демоны/великаны, леший/альвы, водяной/никс. В обоих пантеонах присутствуют мотивы о добре и зле, о похищении девушки, о создании огня.

Несмотря на множество приведенных сходств, заметны и существенные различия. В отличие от скандинавского иерархизированного пантеона с четкой структурой, славянские мифы такой системы не имеют. Конечно, Боги отвечают за конкретные сферы жизни и природы, но их значимость могла варьироваться в зависимости от региона и времени.

Женские славянские божества играют значительную роль, в отличие от скандинавских, которые зачастую просто представлены как жёны богов или сопутствующие им существа.

У скандинавов смерть – трагичное явление, души в Хельхейме проходят суровые испытания, а у славян же это просто естественный переход в мир мертвых (Навь), куда души уходят по своей судьбе.

Для славян природа играла более значимую роль, поэтому через мифы показывали ей своё глубокое уважение. Скандинавы тоже ценили её, но больше показывалась через взаимодействия с великанами.

И наконец, славянская мифология в большей степени опирается на устное творчество и народные сказки. Именно поэтому не так много сохранено до наших дней отечественных мифов. Они не были закреплены письменно (как, например, мифы Древней Греции и Рима), разные семья и поколения могли немного видоизменять какие-то нюансы в своих рассказах. Также, Древнерусской государство достаточно молодое, относительно быстро приняло христианство и искоренило языческие верования. Чего нельзя сказать о Скандинавии. Различных мифологических источников сохранилось гораздо больше, зафиксированы в письменных источниках («Эльда», «Сага о Вёльсунгах»). А что касается принятия веры, то крестились они не охотно и достаточно поздно – в 965 г.

Таким образом можно сделать следующие выводы. Славяне и скандинавы принадлежат к индоевропейской языковой семье, и их мифологии восходят к протоиндоевропейской мифологии, существовавшей в глубокой древности. В результате многие мотивы, боги и мифологические существа имеют схожие корни и аналоги в обеих мифологических системах. Также, как уже упоминалось, холодный климат с суровой также оказывал на мировоззрение и мышление людей, а данные географические особенности присутствовали и у скандинавов, и у славян. Были сходны и социальные структуры: как правило это патриархальное общество с развитой системой родовых отношений. Не стоит забывать, что оба народа контактировали между собой, будь то торговля и военный поход. Даже первую династию Древней Руси возглавил Рюрик, который был варягом [2, с. 73]. Присутствуют и общие архетипы, которые свойственны и другим народам (мифы о создании мира, загробной жизни, о борьбе со злом и т.п.).

Подытоживая, стоит сказать, что изучение этих мифологических систем позволяет нам лучше понять историю и культуру славянских и скандинавских народов. Их образы и сюжеты продолжают влиять на современную культуру и искусство, напоминая нам о богатом и увлекательном наследии наших предков.

Литература

1. Антонова М.В. Античная и славянская мифология в контексте русской культуры XVIII-XIX веков / тема диссертации и автореферата по ВАК РФ 24.00.01, 2000. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/antichnaya-i-slavyanskaya-mifologiya-v-kontekste-russkoi-kultury-xviii-xix-vekov> (дата обращения: 16.04.2025).

2. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.
3. История России: учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Р.Р. Хадимуллина, Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 318 с.
4. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... Контуры русско-варяжского культурного взаимодействия. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. 192 с.
5. Мамонтова А.Д. Компаративность скандинавской и славянской мифологии. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komparativnost-skandinavskoy-i-slavyanskoy-mifologii> (дата обращения: 16.04.2025).
6. Фетисова Д.С., Трофимов М.П. Образ Локи в скандинавской мифологии // Журнал Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Studis historica juvenum. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-loki-v-skandinavskoy-mifologii> (дата обращения: 16.04.2025).
7. Хусаинова С.С. Роль скандинавской мифологии в формировании национальной идентичности [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-skandinavskoy-mifologii-v-formirovanii-natsionalnoy-identichnosti> (дата обращения: 16.04.2025).

© Бешлей В.А., 2025

УДК 94(04)''04/14''

Э.Р. Кульмухаметова
студент УУНиТ, г. Уфа
Д.А. Михайлов
студент УУНиТ, г. Уфа

Научный руководитель – к. и. н., доцент Н.А. Бессилин

E.R. Kulmukhametova
student, UUST, Ufa
D.A. Mikhailov
student, UUST, Ufa

Scientificsupervisor – c. of h. s., associate professor N.A. Bessilin

БОРЬБА С АРАБСКОЙ ЭКСПАНСИЕЙ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ

THE STRUGGLE AGAINST ARAB EXPANSION IN EARLY MEDIEVAL EUROPE

Аннотация. В статье автор, анализируя источники по истории вестготской Испании, Арабского Халифата и Франкского государства, рассматривает события двух важнейших сражений в истории противостояния европейцев и арабов: битву при Гвадалете 711 г. и

битву при Пуатье 732 г. Автор сравнивает их между собой и указывает на историческое значение каждой.

Abstract. In the article, the author, analyzing sources on the history of Visigothic Spain, the Arab Caliphate and the Frankish state, examines the events of two major battles in the history of the confrontation between Europeans and Arabs: the Battle of Guadalete in 711 and the Battle of Poitiers in 732. The author compares them and points out the historical significance of each.

Ключевые слова: хроника, арабы, франки, вестготы, битва, Карл Мартелл.

Keywords: chronicle, Arabs, Franks, Visigoths, battle, Charles Martel.

Образование Арабского Халифата, положившее начало череде великих мусульманских завоеваний, стало важнейшим событием эпохи раннего средневековья. Установив власть на Аравийском полуострове, арабы двинулись в Азию, Европу и Африку, где ими были захвачены гигантские территории. Укрепившись на североафриканском побережье в начале VIII в., они решились на то, чтобы расширить свои владения за счет самых отдаленных уголков северо-запада. В 711 г. объединенное войско арабов и мавров высадилось на Пиренейском полуострове.

Самые ранние сведения об арабском вторжении в Испанию представлены в Мозарабской хронике 754 г. В ней повествуется о том, как в 711 г. вестготский король Родерик, пришедший к власти в результате мятежа, собрал войско и направил его против арабо-мавританской армии, во главе которой стоял Тарик ибн Зийад. Короля подвела разобщенность в рядах собственного войска, в результате чего «жалким образом» он потерял не только родину, но и собственную жизнь [2]. В историю данное сражение вошло под названием «Битва при Гвадалете».

Об авторе Мозарабской хроники исследователи знают лишь то, что он являлся христианином, проживавшим в Толедо [6, с. 222]. В своем повествовании о битве он, в первую очередь, указывает на внутренние несовершенства в армии испанцев, которые, в итоге, и сгубили их. В отличие от него, Ахмед ибн Мохаммед аль-Маккари спустя 900 лет не ограничится описанием пороков вестготской армии и особое внимание уделит достоинствам арабо-мавританского войска.

Аль-Маккари, живший на рубеже XVI-XVII вв. гораздо подробнее описывает события 711 г. В своем труде «История мусульманских династий в Испании» он выделяет следующие причины похода на территорию будущего Аль-Андалуса: междоусобную войну, раздирающую Пиренеи и приход к власти Мусы Ибн Носсейра в Африке [1]. Внутренние раздоры ослабили противника, а новый наместник, подчинивший врагов в окрестных землях, решился на серьезный шаг – распространить влияние мусульман на другой континент.

И латиноязычный автор, и арабский историк делают особый акцент на позорной неудаче Родерика, который не смог достойно организовать свою могучую армию. Аль-Маккари пишет, что как только Родерик, восседавший на троне, увидел отлично вооруженное войско арабов и мавров, впал в состояние панического ужаса, закричав: «Во имя мессии! Это те самые люди, которых я видел нарисованными в свитке, найденном в толедской усадьбе», а потом был

убит Тариком ударом в голову, так и оставшись сидеть под шелковым навесом [1]. Достоверность описанного проверить невозможно, однако историки сходятся на том, что Родерик действительно был убит в начале битвы, а его войско бежало.

Источники показывают, насколько разобщены были в то время жители Пиренейского полуострова. Например, Илиан, законный правитель вестготского королевства, в стремлении отомстить Родерику за то, что тот обесчестил его дочь и захватил престол, лично обратился к Мусе с просьбой двинуться на Андалусию, прельщая того рассказами о богатствах страны и слабости ее жителей, измученных долгими раздорами [1].

С поражения при Гвадалете 711 г. отсчитывается почти восьмивековой период властвования арабов в Испании. Их следующим крупным столкновением с европейцами станет битва при Пуатье 732 г., также известная как битва при Туре. На этот раз противостоять натиску захватчиков придется франкам [4, с. 64].

После разгрома вестготов арабы довольно быстро захватили остальную часть Пиренейского полуострова. Теперь они пытались закрепиться в Галлии, в основном, путем переговоров с полунезависимыми от франков местными правителями. Лишь почувствовав достаточную уверенность, они двинулись дальше на север, где столкнулись с войском Карла Мартелла [3, с. 116].

Хроники описывают, как побежденный Карлом герцог Аквитании, желая отомстить обидчику, обращается за помощью к сарацинам: «...стал искать помощи от принцепса Карла и народа франков у коварного народа сарацин...Сжигая церкви, избивая жителей, они достигли Пуатье, где предали огню базилику св. Илария. Какое горе говорить об этом!» [6, с. 255]. А вот, что написано в более поздних летописях: «Когда герцог Эд увидел, что разбит и унижен принцепсом Карлом... заключил союз с сарацинами Испании и позвал их к себе на подмогу против Карла и христианства. Тогда сарацины выступили... с женами и детьми и всем имуществом... как будто должны были с этих пор поселиться во Франции». Таким образом, действия аквитанского герцога Эда стали одной из причин битвы.

Ход сражения при Пуатье подробно описан в той же Мозарабской хронике. Под командованием Карла, искусного военачальника, армия осуществила нападение «в лоб», что положило начало семидневному противостоянию с переменным успехом, «оба лагеря были не уверены в исходе битвы...». В ходе решающей схватки северяне проявили небывалую отвагу: «...как стена, стояли невозмутимо...и их мечи пронзали арабов», в результате чего Абд-ар-Рахман, предводитель мусульман, пал в бою [6, с. 257]. На следующее утро, по сообщению анонима, готовясь к новой битве, франки послали разведчиков в лагерь сарацин, но обнаружили лишь пустые палатки. Сведения, предоставленные автором Мозарабской хроники, имеют особую ценность в связи с тем, что он в полной мере не принадлежал ни к одной из враждующих сторон во франко-арабском конфликте.

Хроника Кордовского анонима – не единственный источник, описывающий битву. Вот, что о ней пишут продолжатели Фредегара: «Принцепс смело и

воинственно повел свое войско и напал на них. С помощью Христовой он опрокинул их шатры и обрушился на них, чтобы окончить битву избиением. Он умертвил их короля, разбил и уничтожил их» [6, с. 255]. Похожие данные представлены в хронике Фонтанеля IX в.: «...Карл выстроил свою армию у города Пуатье и бесстрашно обрушился на них, призвав в помощь Христа. Он истребил всех сарацин до последнего вместе с королем» [6, с. 256]. Одним из самых подробных источников является хроника Сен-Дени: «Во имя Господа нашего он побил множество врагов христианской веры: в этой битве он убил 385000 сарацин и их короля по имени Абдираман... Чудеснее всего было то, что он в этой битве потерял только 1500 своих воинов. Он взял все шатры врагов и все их снаряжение и завладел всем, что у них было. Этот подвиг позволил ему забрать у церкви десятину, чтобы одарить своих всадников...» [6, с. 258].

Похожим образом победителя описывает арабский историк Абд аль-Хакам, только победителем он называет Абд-ар-Рахмана. В этом источнике предводитель арабов предстает как добродетельный человек, благородно отправившийся воевать с врагами Испании в самые отдаленные земли. По сообщениям Абд аль-Хакама, Абд-ар-Рахман разгромил вражескую армию и затем одарил сопровождавших его воинов богатыми трофеями.

Франкские источники почти единодушно указывают на то, что войско сарацин вместе с их предводителем потерпело сокрушительное поражение от рук Карла. В Большой французской хронике, или хронике Сен-Дени XI-XV вв., указывается конкретная цифра, поверженных сарацин, правда, сильно завышенная. Особенно в франкских источниках подчеркиваются антихристианские стремления захватчиков и роль Карла в освобождении франкской земли, как благословлённого богом на эту миссию. В Продолжателях Фредегара описывается как Карл обрушивается на лагерь арабов, убивает предводителя и одерживает верх, что не совсем соотносится с информацией, излагаемой латиноязычным автором. Вполне допустимо, что это связано с тем, что заслуги франков в их собственных трудах преувеличены, хотя нельзя исключать, что северные авторы теснее связанные с событиями 732 г., обладали более достоверной информацией о произошедшем.

Таким образом, мы видим, как сильно отличаются сведения, приводимые разными летописцами и историками в разное время.

В целом, сравнивая две битвы, состоявшиеся с промежутком в 21 год, мы находим в них как общие черты, так и различия. Главным сходством является то, что почву для обоих сражений подготовили внутренние распри европейцев. Однако хорошо организованная армия франков под предводительством искусного главнокомандующего сумела нанести поражение войску сарацин, чего сделать не удалось раздираемой противоречиями испанской армии. Также необходимо учитывать, что за 20 лет, прошедших с момента появления арабов в Европе, франки успели по достоинству оценить серьезность угрозы, нависающей над ними, благодаря чему сумели организовать достойное сопротивление захватчикам. Подобного нельзя сказать о вестготам, вовремя не осознававших, насколько серьезной силой были южные завоеватели, за что поплатились собственной свободой [5, с. 25].

Битва при Гвадалете положила начало периоду мусульманского господства на Пиренеях. Приход арабов оказал большое влияние на историю и культуру испанцев. Испания станет одной из культурных столиц средневековья. Мусульманское влияние наложит свой отпечаток на архитектуру, литературу, философию Аль-Андалуса [5, с. 14]. Необходимо отметить, что арабы не обращали жителей захваченной территории в ислам насильно, но христианские подданные облагались дополнительным налогом и занимали приниженное положение, в связи с чем многие из них сами становились мусульманами, что, однако не решало проблему их невысокого социального статуса [5, с. 18].

Битва при Пуатье важна тем, что победа франков сыграла большую роль в остановке арабского натиска. Условия, в которых были бы вынуждены жить франки под властью сарацин, коренным образом изменили бы дальнейший ход развития европейской истории, как это случилось с в Испании. С другой стороны, необходимо понимать, что арабы осознавали, как сложно будет удерживать столь отдаленные территории, так как Халифат являлся хрупким государственным образованием. Это так же являлось одним из факторов, сдерживающим их стремления по завоеванию королевства франков.

Некоторые исследователи пытаются приравнять влияние хазаро-арабских столкновений влиянию битвы при Пуатье. Хазаро-арабские войны шли, примерно, в то же время, но на другом конце Европы. Сторонники этой точки зрения полагают, что хазарское сопротивление являлось аналогом франкскому, что, однако, не соответствует истине, так как хазары не смогли столь же эффективно отразить натиск мусульман, а отказ от продвижения глубже в Восточную Европу был сделан арабами добровольно. Таким образом, битву при Пуатье полноправно можно назвать уникальным явлением мировой истории.

Источники показывают, что процесс борьбы с захватчиками был трудным, а его исход оставался неясным в течение десятилетий. Первой неумелой попыткой остановить арабскую экспансию стала битва при Гвадалете 711 г., закончившаяся сокрушительным поражением вестготов. Однако итог следующей битвы был совершенно иным. Победа франкского войска в сражении при Пуатье 732 г. во многом определила судьбу европейской цивилизации.

Литература

1. Ахмед ибн Мохаммед аль-Маккари. История мусульманских династий в Испании // «Битва при Гвадалете». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vostlit.info/Texts/rus7/Makkari/text41.phtml> (дата обращения: 11.04.2025)
2. Мозарабская хроника 754 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vostlit.info/Texts/rus5/Mosarab/frametext.htm> (дата обращения: 11.04.2025)
3. История средних веков: в 2 т. Т. 1: Учебник / Под ред. С.П. Карпова. 5-е изд., М.: Изд-во Моск. ун-та: Наука, 2005. 681 с.

4. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Уфимский университет науки и технологий ; Н.А. Бессилин; Ю.А. Иликеева; Е.А. Круглов [и др.]; под редакцией Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.

5. Уотт У.М., Какиа П. Мусульманская Испания. Пер. С.И. Дунаевецкого. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976. 199 с.

6. Циркин Ю.Б. Античные и раннесредневековые источники по истории Испании. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ; Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. 360 с.

© Кульмухаметова Э. Р., Михайлов Д.А., 2025

УДК 94:355(620+569.1+569.4) “117”

Е.В. Розмысл

Магистрант ГрГУ им. Я. Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь

Научный руководитель – д. и. н., профессор А.Н. Нечухрин

E.V. Rozmysl

Master student, GRSU, Grodno, Republic of Belarus

Scientific supervisor – d. of h. s., professor A.N. Nechukhrin

ВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ САЛАДИНА 1170-Х ГГ.: БОРЬБА С КРЕСТОНОСЦАМИ

SALADIN'S MILITARY REFORMS OF THE 1170S: THE STRUGGLE AGAINST THE CRUSADERS

Аннотация. Опираясь на немногочисленные исследования и данные Баха-ад-Дина, рассматриваются военные преобразования египетского султана Саладина (1174–1193 гг.). Обращается внимание на изменение в комплектовании армии, причины её модернизации. Отмечена ставка на дисциплину и многочисленность конных подразделений Айюбидов, их разнообразие и вооружение, внедрение иктов, для формирования тяжелой конницы в противовес рыцарям. На примере столкновений с христианами показаны изменения характера войска Саладина.

Abstract. Based on a few studies and data from Baha al-Din, the military transformations of the Egyptian Sultan Saladin (1174-1193) are considered. Attention is drawn to the change in the army's recruitment and the reasons for its modernization. The emphasis was placed on the discipline and abundance of the Ayyubids cavalry units, their diversity and armament, and the introduction of tactics to form heavy cavalry as opposed to knights. The example of clashes with Christians shows the changing nature of Saladin's army.

Ключевые слова: Саладин, военная реформа, кавалерия Айюбидов, мамлюки, борьба с крестоносцами.

Keywords: Saladin, military reform, the Ayyubid cavalry, the Mamluks, the struggle against the Crusaders.

Завершив в 1174 г. борьбу за власть с наследниками Нур-ад-Дина, новый правитель Египта Юсуф Салах ад-Дин аль-Айюби, более известный как Саладин направил основной вектор своей внешней политики на борьбу с крестоносцами, что выразилось в модернизации вооруженных сил.

Традиционная мусульманская армия состояла из конных лучников и пехоты. Упор делался на кавалерию, которая в условиях пустыни изматывала врага стрелами, прежде чем вступить в бой. Изучив военные достижения мусульман, хронист Роберт Монах отмечал их преимущества – быстрая маневренность и отравленные стрелы. В тоже время они «не только не умеют сражаться мечами, но и к тому же избегают открытого боя, обращаясь в бегство» [7, с. 202–203, 207]. Первый крестовый поход (1096–1099 гг.) и неспособность мусульманских эмиров Сирии и Египта изгнать христиан с Леванта – прямое доказательство неэффективности исламской военной машины и адаптации латинян.

К сожалению, современники не уделяли большого внимания внутренней политике Саладина. Автобиограф Баха-ад-Дин сфокусировал внимание на внешних успехах правителя. Рассказывая про осаду в 1189 г. Акры, он писал: «султан лично вел армию в бой и принимал активное участие в сражениях; он всегда был в гуще схватки» [1, с. 105]. Этому предшествовали реформы армии.

Взяв власть, одним из первых мероприятий стал роспуск войск Фатимидов. К 1175 г. он распустил, изгнал из страны или ликвидировал большую часть прежних хозяев Египта и нелояльных к нему тюркских эмиров и туркменских отрядов, а собственность воинов и их икта конфискованы государством: в первую очередь это касалось негров и армян. Невероятно выросло число тюрок и курдов. Теперь из них комплектовалась новая постоянная армия, которая состояла из кавалерии. Командная система и внутренняя структура оставались на рудиментарном уровне, а система икта стала основой для содержания армии [3, с. 13–15], взяв за образец феодальную систему крестоносцев, на основе которой формировался класс рыцарей.

Важнейшей задачей было повышение эффективности армии, которая, хотя числом и превосходила крестоносную, уступала по боевым качествам, что продемонстрировала схватка с Балдуином Прокажённым. Баха-ад-Дин передает слова султана после катастрофы при Монжисаре 25 ноября 1177 г.: «Наши войска были приведены в боевой порядок, и враг шел в наступление, когда нашим людям пришлось в голову изменить позиции наших флангов, чтобы сзади были защищены холмом в окрестностях Рамлы. Пока воины перестраивались, франки атаковали и, по воле Аллаха, разгромили их» [1, с. 52].

Факт внезапного нападения во время перегруппировки войск (хотя на самом деле мусульмане разоряли окрестности), заставил уделить внимание дисциплине. Кроме этого, Саладин сделал ставку на личную преданность. С этой целью он отказался от услуг добровольцев джихада, т. н. газиев и перевел армию на профессиональную основу. Ядро войска составляли воины-курды – для них султан был родовым вождем. Большую часть армии представляли тюркские солдаты – потомки сельджуков. Тюркская кавалерия считалась одной из лучших в мире, была вооружена дальнобойными, сложносоставными луками длиной более метра. Но, быстрая и маневренная, при лобовом ударе она не могла выдержать натиск тяжелой рыцарской конницы, что не раз приводило мусульман к поражениям. Саладин прекрасно понимал, где самое уязвимое место в его войске, и для противодействия рыцарям создал специальный корпус мамлюков – тяжеловооруженных конников, которые при необходимости могли

биться и в пешем строю [5, с. 110]. Первое упоминание о конной гвардии султана относится к 1174 г., когда Саладин выделил своему брату для похода в Йемен 1000 всадников, включая войска своей гвардии – халка («круг»). [3, с. 14; 6, с. 463]. Все они были облачены в защитное вооружение, поверх носили желто-оранжевые шелковые туники [4, с. 101].

Упор делался на комплектацию профессиональными воинами [2, с. 18], что не мешало использовать тактику набегов «раззия». Только теперь этим занимались не монолитные армии смешанного состава, состоящие из пехоты и конницы, а элитные подразделения конных лучников-мамлюков или свободнорожденные турки и курды из семей потомственных военных, поддерживаемые вспомогательной конницей, использующие турецкую тактику быстрого маневра, рассредоточения и тревожащих набегов [2, с. 23–24; 9, с. 6].

Не менее важным было консолидирование этнического военного потенциала империи Айюбидов. Самую большую этническую группу в армии составляли турки, которые с начала XII в. доминировали в сирийских войсках. Вторыми по численности были курды, использовавшиеся в качестве конницы и лучников. Третьей – арабы, кочевники бедуины, составлявшие вспомогательную конницу, вооруженную саблями и копьями. Армия также включала местные войска: муттавях (фанатики-мусульмане), ахдат (городское ополчение) и раджалах (профессиональная пехота). Из числа этих разнообразных воинов рабы-мамлюки формировали элитные части телохранителей – аскари, которые ведали осадным оборудованием, арсеналами и другими жизненно важными аспектами. Крайне разнообразной была конница. Тавасхия – элитная тяжелая конница включала в себя и мамлюков, и свободнорожденных всадников. Сведенные в первоклассные полки, во время похода находившиеся непосредственно возле правителя, тавасхи несли военную службу в течение определенного времени. Аджнад, или территориальная конница, имела более низкий статус, а пехота ценилась еще ниже. Большинство воинов являлось лучниками и шло в бой с копьями и щитами [8, с. 21; 9, с. 6].

Самым важным отличием исламской армии от латинской являлось наличие иерархии командного состава и службы тылового обеспечения. Мусульмане много внимания уделяли хорошо налаженной связи: использовались почтовые голуби, гонцы, система сигнальных костров. Легковооруженные диверсионные отряды арабов-бедуинов были мастерами в организации засад: проникали на вражескую территорию, сея хаос и страх в стане врага. Тактика конницы Саладина была намного более гибкой, чем кавалерии христиан. Его всадники могли противостоять даже массовой атаке тяжеловооруженной рыцарской конницы. Тяжелая конница, использовавшаяся для нанесения главного удара, действовала практически так же, как и латинские рыцари, однако стрельба из лука с седла оставалась самой эффективной тактикой мусульманской кавалерии. На большом расстоянии стрелы поражали лошадей и пешеходов, что расстраивало вражеские ряды. С короткой дистанции стрелы, выпущенные из композитного лука, могли пробивать практически любую броню XII в. [9, с. 6–7]. В большинстве своем тяжелая конница

набиралась в районе Джазиры. Эта область лежала неподалеку от родины курдов [8, с. 16].

Таким образом, в составе армии имелись различные типы конницы: легкая и тяжелая, которые действовали в тесном взаимодействии. Конные лучники и арбалетчики (шуджан) действовали под прикрытием тяжелой конницы баттал. Их слаженные действия представляли собой дальнейшее развитие арабской тактики кар-вай-фар, состоявшей в повторяющихся атаках и отходах [8, с. 20]. Пехота иногда вообще не принимала участия в походе, так как считалась лишней, причем Саладин часто бросал свою кавалерию на пехоту противника [9, с. 7]. Проводились три стадии сражения: стрельба конных лучников, ближний бой с использованием копий, рукопашная схватка с участием тяжелой кавалерии мусульман [6, с. 529–530].

Что касается вооружения, то небольшая часть конницы Айюбидов несла тяжелую экипировку для ближнего боя. Кольчужная бармица покрыта шелком, кольчуга дополнена пластинчатым панцирем. Конь защищался от стрел двухслойными войлочными доспехами. Экипировка конницы была в значительной степени стандартизована. Немногие имели тяжелый пластинчатый панцирь, надетый поверх одежды, тогда как у большинства доспехи состояли из простой кольчуги. Некоторые кони несли доспехи, защищающие голову и круп. В отдельных случаях стрелки вместо луков использовали арбалеты. Меч воины держали по-ирански, положив указательный палец на перекрестье. Такой способ проник в Европу лишь спустя столетие. Копья воины могли держать несколькими возможными способами. Конные воины-кумахи имели кольчужную бармицу, закрывавшую лицо. Кумахам удавалось эффективно выводить из строя лошадей рыцарской конницы крестоносцев. Вооружение легкой конницы айюбидов было довольно разнообразным, хотя и не столь многочисленным, как у тяжелой конницы. Воины, называвшиеся джарида, несли лишь легкую экипировку. Их использовали для проведения стремительных набегов на территорию противника и обороны удаленных передовых постов. В составе отрядов джарида служили арабы, которые благодаря скорости и маневренности были весьма эффективны в устройстве засад на конвои противника [8, с. 16, 20, 21].

К моменту завершения модернизации армии и начала новой борьбы с крестоносцами, общая численность войска составила 8640 всадников: 6976 таваши и 1553 карагулама. Офицеры были представлены 111 эмирами. Постепенно завладев Сирией и ал-Джазирой, Саладин включил их аскары (воинские контингенты) в свое войско, добавив к ним ахдас, волонтеров и прочие вспомогательные формирования. Аскар Дамаска в сражении с франками 1178 г. включал менее 1000 всадников, 635 мамлюков-тюрок. Общая численность могла достигать 30000. На момент кончины армия включала 10000 всадников, 4000 таваши и 6000 мамлюков [3, с. 16–17, 19–20].

Несмотря на внушительные цифры, необходимо было удостовериться в гибкости войска, что и произошло в битве у ал-Фулу: «Он (Саладин) привел свое войско в боевой порядок, разделив его на центр и два фланга, правый и левый, и пошел навстречу врагу. Султан послал в атаку авангард, состоящий из

пяти сотен копейщиков, и они устроили великое побоище, и враг убил некоторых из них. Франки плотно сомкнули ряды, и их пехота защищала рыцарей, они не атаквали, но и не останавливались, а продолжали двигаться к вышеупомянутому источнику и там разбили свой лагерь. Султан остановился напротив них и пытался принудить их покинуть свою позицию и ввязаться в бой, насылая на них небольшие отряды. Поскольку султан не мог сдвинуть их с их места, он решил отойти, надеясь, что они его начнут преследовать и дадут возможность втянуть их в настоящее сражение... Он отправился в сторону ат-Тур и занял позицию у подножья горы. Франки начали движение на заре и отступили. Он преследовал их и тщетно пытался вызвать на бой, постоянно осыпая стрелами; преследовать их он продолжал до тех пор, пока они не сделали привал в ал-Фуле, возвращаясь в свою колонию» [1, с. 60–61].

Успех сражения показал, что нововведения первого правителя Айюбидов сделали его войско одним из самых боеспособных на Ближнем Востоке, что подтверждает победа при Хаттине [1, с. 76–77] и быстрое покорение большей части Иерусалимского королевства. Так, Баха-ад-Дин описывает взятие крепости Антарсус: «Султан подъехал вплотную к городу и дал приказ к началу штурма. Войска взялись за оружие и так яростно пошли на штурм, что вскоре городской гарнизон выбился из сил. Еще до того как были расставлены шатры, мусульмане поднялись на стены по приставным лестницам и взяли город штурмом» [1, с. 85]. Однако столкновение с новой тактикой Ричарда Львиное Сердце во время его марша от Акры к Яффе, поставила в ступор покорителя Иерусалима, из-за чего сарацины даже осуществляли тактику парфян, не будучи в состоянии прорвать строй христиан [4, с. 101]. Это было ошибкой: в решающий момент латники разгромили Саладина. Только нехватка сил крестоносцев не позволила им вернуть Иерусалим.

Таким образом, военные реформы основателя династии Айюбидов позволила ему адаптироваться под тактику христиан и навести порядок в армии, максимально используя военные возможности своего государства. Сделав упор на маневренную кавалерию и создав тяжёлую конницу из воинов-рабов мамлюков, опираясь на систему иктов, и объединив под своим скипетром ресурсы Леванта и Египта, Саладин смог отвоевать святой город и успешно вести борьбу с войском Третьего Крестового похода. Лишь неудача под Арсуфом поставила вопрос о длительности борьбы с неверными.

Литература

1. Баха ад-Дин. Саладин. Победитель крестоносцев. СПб.: «ДИЛЯ», 2009. 432 с.
2. Битва при Хаттине – 1187 г. / ред. В.И. Киселёв // Военно-исторический альманах «Новый солдат». Артемовск: «Книга», 2002. № 12. 52 с.
3. Гуринов Е.А., Нечитайлов М.В. Армия Саладина (1171–1193 гг.) // Воин. Военно-исторический журнал. № 15. С. 13-20.
4. Денисон Д.Т. История кавалерии. Вооружение, тактика, крупнейшие сражения. М.: Центрполиграф, 2014. 300 с.

5. Доманин А.А. Крестовые походы. Под сенью креста. М.: Центрполиграф, 2010. 190 с.
6. Кэрол Х. Крестовые походы. Взгляд с Востока: мусульманская перспектива. СПб.: «Издательство «ДИЛЯ», 2008. 672 с.
7. Лучицкая С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб.: Алетейя, 2001. 412 с.
8. Саладин и сарацины 1071–1291 / ред. В.И. Киселёв // Военно-исторический альманах «Новый солдат». Артемовск: «Книга», 2002. № 70. С. 16-21.
9. Хаттин – 1187 // 100 Битв, которые изменили мир. М.: ООО «Де Агостини». № 67. 2012. С. 6–7.

© Розмысл Е.В., 2025

УДК 94(410)"1154/1399"

Д.М. Суфиянова

студент УУНиТ, г. Уфа

Научный руководитель – к. и. н., доцент Н.А. Бессилин

D. M. Sufiyanova

student, UUST, Ufa

Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor N.A. Bessilin

ЧАСТНОЕ ПРОСТРАНСТВО В СРЕДНЕВЕКОВОМ АНГЛИЙСКОМ ГОРОДЕ: ГРАНИЦЫ, ОБЫЧАИ, ПРАВО

PRIVATE SPACE IN A MEDIEVAL ENGLISH CITY: BOUNDARIES, CUSTOMS, AND RIGHTS

Аннотация. Статья посвящена правовому регулированию частного пространства в английских средневековых городах. Работа выявляет сложную структуру взаимодействия частных интересов, коллективных требований и правовых механизмов, подчеркивая, что частное пространство в средневековом городе не было статичным, а являлось предметом постоянных споров, регламентации и судебного регулирования. Показано как суды способствовали формированию устойчивых границ и определению допустимого поведения в городском пространстве.

Abstract. The article is devoted to the legal regulation of private space in English medieval cities. The paper reveals the complex structure of the interaction of private interests, collective demands and legal mechanisms, pointing that private space in the medieval city was not static, but was the subject of constant contestation, regulation and judicial regulation. It shows how courts contributed to the formation of stable boundaries and the definition of acceptable behavior in urban space.

Ключевые слова: Средние века, Англия, городское пространство, частная собственность

Keywords: Middle Ages, England, urban space, private property

Все человеческие общества регулируют использование пространство, условно разделяя его на «частное» и «публичное», однако городские общества, в которых конкуренция за пространство особенно высока, испытывают особенно острую потребность в поиске способов контроля доступа в свои

владения, устанавливая границы [2, с. 45-46]. Средневековые города характеризуются противостоянием частного и публичного пространства: увеличивающееся население занимало все больше место, вторгаясь в общественное пространство и затрагивая общественные интересы, поэтому власти исполняя волю народа стремились ограничить свободу частных владельцев. По мере развития городского сообщества формировались практики, позволяющие упорядочить процесс разграничения пространства. Этим процедурам посвящена статья.

В качестве основного источника выбраны судебные решения, зафиксированные в годовых книгах первой четверти XIV в. (правление Эдварда I и Эдварда II). Их использование объясняется особенностями английской правовой системы. В этой стране не привилось широкой рецепции римского права, несмотря на его основательное изучение. На территории страны возобладало собственное национальное прецедентное право. Для вынесения вердикта достаточно было наличие прецедента, ссылаясь на который, судья всегда мог обосновать свое решение [1, с. 24]. В центре внимания оказались крупные английские города, где в условиях растущей экономики, существовала тенденция к регулированию пространства и к особой восприимчивости к любым нарушениям границ.

Следует отметить, что понимание «частного» в ту эпоху было более условным, менее индивидуалистичным и исключительным, каким представляется нам в современности. Горожане признавали одновременное сосуществование множества интересов в одном пространстве. Они приняли правовую базу, которая устанавливала и защищала эти интересы, даже если были готовы оспорить конкретные применения системы на практике [2, р. 558].

Основным документом для местного самоуправления и пространственной юрисдикцией являлась городская хартия, которая закрепляла привилегии и вольности горожан, проживающих внутри города и городских предместьях. Каждый горожанин мог, поскольку это было в его силах, делать улучшения в отношении возведения построек, лишь бы это не причиняло ущерб городу [8, р. 60]. Хартии фиксировали границы городской юрисдикции, часто совпадающие с физическими (стены, рвы), предусматривали автономное право на рынок и публичное пространство, устанавливали ограничения внешней власти, включая епископальную и шерифскую. Этот базовый механизм создавал структуру пространственного управления, где власть города распространялась не только на людей, но и на места – улицы, мосты, колодцы, рынки.

Городские уставы, постановления городских советов, уставы гильдий и иные распоряжения городских властей, также являлись частью нормативной базы, регулирующей не только состояние общественного пространства, но и частных владений, если оно угрожает горожанам.

Например, если пустующие в Килкенни дома, чьи владельцы живут за пределами города, не будут своевременно ремонтироваться, правитель и община имеют право наложить арест на все земли и арендную плату не выполняющих своих обязанностей владельцев, до тех пор, пока они не найдут

средства для ремонта упомянутых домов и их надлежащего строительства [8, р. 279].

В Герефорде если у кого-либо из горожан есть доходный дом, примыкающий к главной улице города или нависающий над ней, и он разрушен, что может представлять опасность для жителей, их детей или других лиц, въезжающих в город, особенно если король или его офицеры могут пройти по этой улице или, если она находится в каком-либо месте общего пользования, в таком случае здание должно быть отремонтировано владельцем в течение трех дней, а если они этого не сделают, здание будет снесено городским отрядом [8, р. 280].

Помимо писаного права, значительное место занимал обычай. В городе существовали неписанные нормы, регулирующие, например, право прохода через частную территорию, запрет на загромождение переулков, вынос мусора, ведение торговли в неположенных местах и др. Нормы обычного права фиксировались разными способами: в статутах, хартиях, судебных протоколах.

Суды играли ключевую роль в защите и определении границ частного пространства. Можно выделить наиболее часто встречающиеся иски: *trespass* – физическое нарушение частной территории и *nuisance* – неудобство, причиняемое соседями. Через судебные дела формировались и закреплялись нормы, регулирующие сосуществование в тесной городской среде.

Одним из самых ранних обычаев, зафиксированном в Ассизе о зданиях (*Assize of Building*) в конце XII в., является строительство общей стены, разделяющее пространство между собственниками на части. Стена предпочтительно должна была быть каменной, шириной в 3 фута и выше, и около 16 футов высотой.

В 1321 г. в Лондоне истец подал иск о *trespass* (нарушение владения), обвиняя ответчика в том, что он не поддерживает в надлежащем состоянии общую стену или не возводит ограждение. Однако суд отклонил этот иск, потому что требование истца касается не временного нарушения, а вопроса о правах собственности. Суд посчитал, что истец пытается навязать ответчику обязанность, которая ограничит его права на владение землей, а такие споры должны решаться не через иск о нарушении владения, а через специальный судебный приказ (*writ de curia claudenda*), который используется, для решения проблем, связанных с ограждениями [7].

Однако по мере уплотнения городской застройки в ходе судебных разбирательств был установлен принцип, по которому владение землей дает право собственности на воздушное пространство над ней и почву под ней. Никто не имел права на беспрепятственный вид на участок, который ему не принадлежал. Соседи не должны были наблюдать за собственностью и частной жизнью друг друга, а окна, которые позволяли это делать должны были быть затемнены.

В 1302 г. в Ладлоу истец требовал, чтобы ответчик закрыл 3 окна и 2 двери, которые тот открыл, причиняя неудобство (*nuisance*) владению истца. Суд отсылает к соответствующему этому делу прецеденту: «Восемь его окон и три его двери, которые он построил, наносят ущерб свободному владению в том же

городе. Это неправомерно, потому что дома сторон расположены вплотную, а окна и двери находятся напротив дома, и через эти окна возможно видеть частные дела, а через эти двери можно входить во двор, что причиняет вред владению. Истец многократно обращался к ответчику с просьбой их закрыть, но ответчик отказался и до сих пор не закрыл, что является неправомерным и причиняет ущерб». В обоих случаях суд встал на сторону истца [4].

В то же время устанавливалось право строить дом на своем участке и делать его настолько высоким, насколько пожелает, не учитывая интересы соседей. В 1326 г. истец подал иск о причинении неудобств, утверждая, что ответчик построил дом слишком близко к его дому и слишком высоким, из-за чего свет в дом истца перестал поступать, и он не мог работать так, как привык; истец не мог свободно передвигаться вокруг своего дома, чтобы отремонтировать его и бы вынужден идти обходным путем, чтобы войти в дом. Судья постановил, что доводы истца не основательны, так как застройка на собственном участке не является нарушением [5].

Если границы между частными владениями более-менее установлены, то границы между частным и общественным пространством остаются размытыми. Незаконное проникновение или посягательство путем расширения здания на уровне земли на общественную улицу было определенно запрещено. Однако наличие фасада вдоль красной линии предполагало использование публичного пространства в частных интересах: выливание дождевой воды на улицу из водосточков было допустимо, но утилизация любых других отходов запрещалась, владельцы магазинов вели свой бизнес торгуя с прохожими через окно, верхние этажи становились местом для наблюдения за торжествами.

Города как правило перекладывали бремя содержания улиц на своих жителей. Городские советы обязали жителей и владельцев магазинов содержать тротуар непосредственно перед своими домами и учреждениями. В отчетах совета эти приказы обычно сопровождаются календарным сроком исполнения и штрафом, который взимается за несоблюдение.

Королевская грамота Оксфорду 1305 г. призывает отремонтировать мостовые на улицах и переулках, убедить или если потребуется принудить горожан вымостить пространство перед своими владениями, очистить улицы и переулки от навоза и впредь поддерживать их в чистоте [8, р. 374]. Примечательно, что в грамоте указывается необходимость сохранения чистого воздуха для здоровья горожан и пребывающих студентов, поэтому было необходимо очистить улицы от нечистот. По этой же причине запрещалось топить сало и жир на открытом воздухе прямо на улице или в любом другом открытом месте.

Конфликт пространств виден на следующем примере. В 1306 г. в суде рассматривалось дело, в котором ответчик оштрафовал истца за неявку на манориальный суд и конфисковал лошадь у дверей дома истца. Истец утверждал, что его дверь выходит на главную улицу, а конфискация имущества на главной улице незаконна. Ответчик возразил, что в момент изъятия две ноги лошади находились внутри двери, а две – снаружи. Ответчик также заявил, что никто не может конфисковать имущество внутри дома, кроме случаев

взыскания долга короля, поскольку дом защищен законом (правило «дом человека – его крепость»). Ответчик не осмелился далее возражать, признав поражение [6].

Таким образом пространство английского средневекового представляет собой не просто физическую или социальную категорию, а сложный, юридически организованный феномен, подвергавшийся регулированию через систему норм, обычаев, прецедентов и институтов. Частное пространство не рассматривалось как абсолютная зона исключительного контроля владельца: оно было встроено в городскую среду, где интересы соседей, властей и общества влияли на допустимые формы пользования. Граница между частным и публичным была подвижной и корректировалась правовыми актами.

В конце стоит отметить, что пространство не всегда оставалось таким ценным товаром в английских городах. После эпидемии чумы в середине XIV в. даже в Лондоне были очаги реального запустения. Городской ландшафт изменился в пользу общественных пространств, которые расширились за счет запустевших жилищ. В то же время частные пространства стали еще более частными, в том смысле, что использование публичных форумов для подтверждения ее передачи сократилось. В XV в. наблюдается значительное сокращение числа зарегистрированных актов и завещаний, некоторые суды, занимающиеся имущественными спорами, перестали функционировать. Однако уже в Новое время борьба пространств нарастет с новой силой.

Литература

1. Баранов, В.Ф. Возникновение и развитие английского общего права в XII–XVII веках: дис. ... канд. юрид. наук / В.Ф. Баранов. М.: МГУ, 2012. 258 с.
2. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.
3. Harding V. Space, Property and Propriety in Urban England // The Journal of Interdisciplinary History. 2002. Vol. 32, no. 4. P. 549-69. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jstor.org/stable/3656145> (Accessed: 08.05.2025).
4. Nuisance from newly opened windows and doors // Boston University School of Law: [сайт]. 1302. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bu.edu/phpbin/lawyearbooks/display.php?id=1200> (дата обращения: 08.05.2025).
5. Nuisance: interference from neighboring construction // Boston University School of Law: [сайт]. 1326. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bu.edu/phpbin/lawyearbooks/display.php?id=5847> (дата обращения: 08.05.2025).
6. Replevin case concerning distraint at the doorway (1306) // Boston University School of Law: [сайт]. 1306. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bu.edu/phpbin/lawyearbooks/display.php?id=1930> (дата обращения: 08.05.2025).
7. Trespass for failure to repair wall (London Eyre) // Boston University School of Law: [сайт]. 1321. [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.bu.edu/phpbin/lawyearbooks/display.php?id=5144> (дата обращения: 08.05.2025).

8. Weinbaum, M. (ed.). *British Borough Charters, 1307–1660*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

© Суфиянова Д.М., 2025

УДК 94(410)"1399/1485"

А.М. Ахметова, Г.Ф. Кабирова
студенты УУНиТ, г. Уфа

Научный руководитель – к. и. н, доцент, Н.А. Бессилин

A.M. Akhmetova, G.F. Kabirova
students, UUST, Ufa

Scientific supervisor – c. of h. s., Associate Professor, N.A. Bessilin

ВОЙНА АЛОЙ И БЕЛОЙ РОЗЫ: РОЛЬ ЖЕНЩИН В КОНФЛИКТЕ

THE WARS OF THE ROSES: THE ROLE OF WOMEN IN THE CONFLICT

Аннотация. В статье рассматриваются роли Маргариты Анжуйской, Елизаветы Вудвилл и Маргариты Бофорт в Войне Алой и Белой розы. Как женщины наравне с мужчинами решали судьбу Англии. Их влияние на политическую ситуацию Англии в XV. Также рассмотрены предпосылки и последствия конфликта между Йорками и Ланкастерами.

Abstract. This article examines the roles of Margaret of Anjou, Elizabeth Woodville, and Margaret Beaufort in the Wars of the Roses. It explores how these women, on par with men, shaped the destiny of England. Their influence on the political situation in 15th-century England is analyzed. The preconditions and consequences of the conflict between the Houses of York and Lancaster are also considered.

Ключевые слова: Англия, Йорки, Ланкастеры, Алая и Белая роза, женщины, конфликт, война.

Keywords: England, Yorks, Lancasters, Red and White Rose, Women, Conflict, War.

Война Алой и Белой розы – такое поэтичное название даёт Дэвид Юм сериям различных сражений и конфликтов, происходивших в Англии с 1455 по 1485 гг. [1, с. 7]. Широкое распространение этот термин получил после публикации исторического романа «Анна Гейерштейнская» Вальтера Скотта. Такое драматичное название произошло из-за двух борющихся кланов – Ланкастеров и Йорков. Роза являлась изначально отличительной эмблемой на полях битв. На эмблеме Ланкастеров была изображена алая роза, а на эмблеме Йорков – белая роза. Изначально розу как символ начали использовать Йорки. В XIV в. этот символ был принят Эдмундом Ленгли, четвёртым сыном Эдуарда III. Ланкастеры же, в свою очередь, приняли Алую розу.

Ещё не оправившаяся после проигрыша в Столетней войне [5, с. 50], Англия вступает во внутреннюю борьбу. Где на протяжении трёх десятилетий будет наблюдать как потомки Эдуарда III борются за власть. С одной стороны, Ланкастеры во главе с королём Генрихом VI, с другой стороны Йорки во главе с Ричардом Йоркским. Именно с их конфликта и начнется «Война роз». По мнению российских авторов, «междоусобные войны подорвали мощь крупного

феодалного землевладения, привели к истреблению старой феодальной знати» [4, с. 356], что привело «к усилению централизованной власти в стране». Из-за того, что вся родовая аристократия принимавшая непосредственное участие, была уничтожена. Победивший в этом конфликте Генрих Тюдор считался узурпатором и для укрепления своих позиций на место «старой» аристократии ставит «новую». Король прекрасно понимал, какую огромную роль играют эти семьи. Сам являясь узурпатором, всеми силами пытался ограничить их власть.

Ричард в это время был отправлен в Ирландию в качестве вице-короля. По Англии прошёлся ряд восстаний, предводимых последователями Джона Кента. Оставалась угроза, что за восстанием стоит сам Ричард. Дабы уверить короля в своей преданности, Ричард покидает свой пост и незамедлительно прибывает в Лондон. Самовольно покинув пост, Ричард таким образом выказывает неповиновение королю. Назревала опасная обстановка в связи с отсутствием наследников у Генриха VI.

В октябре 1453 г. на свет появляется долгожданный наследник – Эдмунд. Надежды Йорка на престол рушатся. В связи с болезнью короля, Ричарда назначают регентом, однако после отступления приступа безумства Генриха VI, Ричарда отстраняют от должности. Более того, настраивают короля Ланкастеров против главы семейства Йорков.

Говоря о «Войне роз», нельзя не упомянуть о некоторых политически активных женщинах, которые весьма заметно влияли на ход войны. В первую очередь это относится к деятельности Маргариты Анжуйской, которая являлась племянницей французского короля Карла VII. Она, в возрасте 15 лет, вышла замуж за будущего английского короля Генриха VI. Для английского народа Маргарита Анжуйская – иностранка, честолюбивая, деятельная, пылкая [7, с. 432]. Сходное положение в Англии занимала и Екатерина Французская, вдова Генриха V, умершего в 1422 г. И Екатерина Французская, и Маргарита Анжуйская в Англии выглядели иностранками, говорящими на чужом языке и неспособными понять английского менталитета [6, с. 228].

Во время противостояния Алой и Белой розы Маргарита Анжуйская была предводительницей дома Ланкастеров. Именно она отослала Ричарда Йоркского в Ирландию из-за общественных настроений, благоприятных опасному сопернику. Предлогом для этого стало восстание в Ирландии – где, по мнению Маргариты, был необходим решительный губернатор [1, с. 39]. Растущее напряжение между сторонниками королевы и её противниками, среди которых были аристократы Невиллы и Йорки, предвещало дальнейшие конфликты и борьбу за власть в стране [2, с. 158].

После рождения сына Маргарита собрала вокруг себя надежных и влиятельных людей Англии. Стараясь защитить трон своего «безумного» мужа и сына Эдуарда, которого считали не сыном короля (т.е. бастардом). Экономическое состояние страны и положение Ланкастеров создавали шаткое положение для правящей династии.

В 1460 г. в битве при Уэйкфилде Маргарита вела войска против Ричарда Йорка. Битва закончилась победой войск Ланкастеров. Предводитель Йорков – Ричард погиб. Маргарита приказала надеть на его голову бумажную корону и

выставить на воротах замка. Королева смогла вернуть мужа, который был заключён в Тауэр после битвы при Сент-Олбансе. Победа в битве и смерть Ричарда не означала победу Ланкастеров в династической войне.

На следующий год в битве при Таутоне сын Ричарда Йоркского – Эдуард смог собрать сильную армию и разгромить силы Ланкастеров. В историю он войдёт как Эдуард IV.

После проигрыша битвы королеве Ланкастеров пришлось сначала бежать в Шотландию, затем во Францию. Королева с сыном на протяжении 7 лет жившие во Франции ничего не предпринимали. Однако случай вернуть утраченный трон мужа и отомстить Йоркам появился после конфликта Эдуарда IV с его приближенным, графом Уориком «делателем королей».

Конфликт произошел из-за того, что король заключил морганатический брак. В это время граф Уорик вёл переговоры с принцессами Франции. Ведь такой династический брак, должен был укрепить отношения с Францией. Тогда Уорик был отстранен и желал отомстить неблагодарному королю. Поддержку он нашел в лице Маргариты Анжуйской. Дабы укрепить их союз Уорик выдал свою дочь Изабеллу Невилл за сына Генриха и Маргариты – Эдуарда. К Маргарите и графу присоединились также братья Эдуарда IV, Ричард Глостер и Джордж Кларенс. Первый спустя время всё-таки остался верен своему королю. Но армия Ланкастеров уже была наготове и Эдуард не смог отбить их силы. Королем вновь провозгласили Генриха VI. Король Йорков был пленён своим некогда близким соратником. Граф держал его на протяжении месяца как своего пленника у себя во дворце.

Эдуарду IV удалось ускользнуть и собрать армию, верную ему. И уже в битве при Тьюксберри ему удалось вернуть свою корону и торжественно войти в Лондон. Король Ланкастеров оказался в Тауэре, который вскоре погиб при невыясненных обстоятельствах. Правление Эдуарда оказалось недолгим, и после его смерти воевали уже не «розы», а лепестки одной розы. Борьба теперь была между сыновьями и братьями умершего короля. С одной стороны, Эдуард V со своей матерью, и с другой – Ричард Глостер. Обманом захватив власть, Ричард занял трон. Эдуард и его брат были заключены в Тауэр и погибли при тайных обстоятельствах. Его мать, Елизавета Вудвилл, та самая, из-за которой поссорились Эдуард IV и «делатель королей», решила во что бы то ни стало свергнуть убийцу своих детей.

Елизавета Вудвилл была старшей дочерью Ричарда Риверса и Жакетты Люксембургской [2, с. 97]. В «Войне роз» её семья активно принимала участие на стороне Ланкастеров. После смерти своего мужа Джона Грея в битве при Сент-Олбансе была лишена имущества. Как и её мать, служила при дворе Маргариты Анжуйской. Согласно легенде, король Эдуард IV охотился в лесу Уиттлбери в Нортгемптоншире и наткнулся на Елизавету, которая ждала у дуба со своими двумя маленькими сыновьями [1, с. 97]. Молодой король был очарован Елизаветой и вскоре женился на ней. Это первый случай после завоевания норманнов, когда король женился на «простолюдинке». Этот брак и послужил поводом для ссоры Эдуарда и Уорика. Двор недолюбливал ее, да и к тому же семейство Вудвиллов стало ближе к царствующей семье, и Уорик

отошёл на второй план. Елизавета родила 12 детей, в том числе будущего короля Эдуарда V и королеву Елизавету Йоркскую. После смерти своих детей активно вела переписку с Маргаритой Бофорт, наследницей дома Ланкастеров. Чтобы укрепить притязания её сына на трон, выдала за него свою старшую дочь. Их союзу было суждено закончить кровопролитную войну, длившуюся 30 лет.

Маргарита Бофорт, как и упоминалось выше, была наследницей дома Ланкастеров. Бофорт произошло от названия замка Бофорт, где у любовницы Гонта и родился сын – Джон. Позже его мать стала женой герцога Ланкастерского. При Ричарде II парламент объявил Джона законным сыном и наследником герцога [3, с. 24]. Правда, парламент лишил их права наследования при Генрихе V. Маргарита после смерти своего отца была отдана на попечительство сначала Уильяму де ла Полю, затем единоутробным братьям короля Генриха VI, Эдмунду и Джасперу Тюдорам. За первого она вышла замуж и родила будущего короля Генриха VII. У историков до сих пор нет полного единодушия в следующем: Тюдоры, получившие всё благодаря Генриху VI – и титулы, и богатство, и общественный вес, в 50 гг. проводят много времени в обществе Ричарда Йоркского [3, с. 27]. После его смерти была выдана замуж за своего троюродного брата Генри Стаффорда. Своего сына она была вынуждена оставить брату своего первого мужа, Джасперу Тюдору. После битвы при Таутоне Джаспер бежал в Шотландию, не взяв с собой малолетнего Генриха, но вскоре же его забрал и увёз во Францию. Маргарита провела в разлуке с сыном 14 лет. Однако это расстояние не помешало Маргарите собрать сторонников и обеспечить сыну трон. Она была очень умной и проницательной женщиной, выбирая себе мужей, исходила из политических мотивов. Маргарита сначала была придворной дамой Елизаветы Вудвилл, затем жены Ричарда III – Анны Невилл, которая являлась дочерью небезызвестного графа Уорика. Маргарита и Елизавета преследовали одну цель – свергнуть короля Ричарда III. Первая – из чувства мести, другая – восстановление справедливости. Для обеспечения мира в Англии воинственные женщины решили женить своих детей.

После очередной битвы при Босворте Ричард был убит. Новым королём стал Генрих VII. Женитьба на Елизавете Йоркской обеспечила мир и дала новую династию, на эмблеме которой изображены две розы: Белая и Алая – символ объединения Англии.

Таким образом, название «Гражданская война двух Роз – Белой и Алой» было результатом двух непростых масштабных династических интриг и борьбы за власть между представителями двух ветвей: Ланкастеров и Йорков. В этом противостоянии особенно заметную роль сыграли женщины в лице Маргариты Анжуйской, Елизаветы Вудвилл, Маргариты Бофорт, сумевшие использовать все свои силы для достижения своих целей. Каждая из них пыталась защитить самое главное – своих детей. Удалось это только последней. Маргарита сумела не только защитить своего ребёнка, но и сделать его основателем новой династии королей Англии – Тюдоров.

Литература

1. Ashdown-Hill, John. Wars of the Roses / John Ashdown-Hill. Stroud: Amberley Publishing, 2015. 247 с.
2. Carpenter, Christine. The Wars of the Roses: politics and the constitution in England, c. 1437-1509 / Christine Carpenter. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 312 p.
3. Гриффитс, Р. А. Становление династии Тюдоров / Р. А. Гриффитс, Р. Томас. Ростов н/Д: Феникс, 1997. 320 с.
4. История государства и права зарубежных стран: учебник для вузов: в 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. О. А. Жидкова, Н. А. Крашенинниковой. 2-е изд., стер. М.: Норма, 2004. 624 с.
5. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.
5. Перруа, Э. Столетняя война / Э. Перруа; пер. М.Ю. Некрасов; ред. А.Ю. Карачинский. СПб.: Евразия, 2019. 462 с.
6. Штокмар, В. В. История Англии в Средние века / В. В. Штокмар. Санкт-Петербург: Алетейя, 2005. 203 с.

© Ахметова А.М., Кабирова Г.Ф., 2025

УДК 94/004.8

А.Р. Утяшева

студент УУНиТ, г. Уфа

Научный руководитель – к. и. н., доцент Н.А. Бессилин

A.R. Utasheva

student, UUST, Ufa

Scientific supervisor – c. of h. s., docent N.A. Bessilin

ОБРАЗ ГЕНРИХА VIII В ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ

THE IMAGE OF HENRY VIII IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию образа Генриха VIII средствами искусственного интеллекта, выявлению особенностей восприятия и интерпретаций личности короля в цифровую эпоху. Образ Генрих VIII стал символом власти эпохи Тюдоров, жестокости и интриг, а также объектом множества исследований и интерпретаций. Развитие технологий позволяет рассмотреть этот исторический персонаж сквозь призму современных методов анализа данных и машинного обучения.

Abstract. This article is devoted to the study of the image of Henry VIII by means of artificial intelligence, identifying the peculiarities of perception and interpretation of the personality of the king in the digital age. The image of Henry VIII has become a symbol of Tudor power, cruelty and intrigue, as well as the object of many studies and interpretations. The development of technology allows us to consider this historical figure through the prism of modern methods of data analysis and machine learning.

Ключевые слова: искусственный интеллект, Генрих VIII, виртуальные модели, паттерны, обработка естественного языка (NLP), визуализация данных, виртуальная реальность.

Keywords: Artificial intelligence, Henry VIII, virtual models, patterns, natural language processing (NLP), data visualization, virtual reality, monitoring.

Генрих VIII (1491-1547) стал королем Англии в 1509 г. и правил до своей смерти в 1547 г. Его правление запомнилось не только созданием англиканской церкви, но и множеством браков, политическими интригами и культурными достижениями [1, с. 36-37]. Генрих VIII стал символом абсолютной власти монарха и его образ продолжает вызывать интерес как у историков, так и у широкой публики. С развитием технологий искусственного интеллекта возникла возможность создания виртуальных моделей исторических личностей. Эти модели могут анализировать, интерпретировать и даже «воспроизводить» поведение исторических фигур на основе доступных данных. Использование искусственного интеллекта для изучения образа Генриха VIII предоставляет уникальную возможность углубленного анализа его личности, мотивов и влияния на общество. Искусственный интеллект открывает новые возможности для изучения исторических персонажей, позволяя анализировать тексты, визуальные образы и культурные артефакты с использованием алгоритмов машинного обучения [3, с. 224]. Генрих VIII представляет собой интересный объект исследования благодаря своей многогранности и значимости в истории Европы. Современные методы позволяют выявить скрытые закономерности и тенденции в восприятии короля среди различных аудиторий.

Для изучения образа Генриха VIII были использованы следующие подходы: анализ текста, когда алгоритмы обработки естественного языка позволили проанализировать литературные произведения, исторические хроники и научные труды, содержащие упоминания о короле. Методики векторизации слов и семантического анализа помогли определить ключевые характеристики, ассоциируемые с Генрихом VIII; визуальный анализ изображений, портретов и иконографии позволил исследовать визуальное представление короля в разные эпохи. Использование компьютерного зрения позволило автоматически классифицировать изображения и выявить изменения в образе Генриха VIII от Средневековья до современности; социальная сеть и медиа влияние - исследование влияния медиа на восприятие Генриха VIII включало анализ публикаций в социальных сетях, новостях и развлекательных ресурсах. Алгоритмы мониторинга социальных сетей и контент-анализа дали возможность оценить популярность и характер обсуждения фигуры короля в современном обществе.

Анализ текстов показал, что основными характеристиками Генриха VIII являются власть, жестокость, амбициозность и политическая ловкость. Эти черты подчеркиваются в большинстве произведений литературы и историографии. Искусственный интеллект помог выявить также менее очевидные аспекты, такие как влияние личных качеств короля на его правление и взаимоотношения с окружающими. Визуальный анализ подтвердил стереотипное восприятие Генриха VIII как мощного и величественного правителя. Однако современные художники часто используют символику и метафоричность, отражающие внутренние конфликты и сложности личности короля. Это свидетельствует о развитии художественного осмысления исторического персонажа.

Социальные сети демонстрируют интерес широкой аудитории к фигуре Генриха VIII, особенно в связи с тематическими сериалами и фильмами. Обсуждение в социальных сетях зачастую сосредоточено вокруг личной жизни короля, его браков и политических решений. Искусственный интеллект помогает отслеживать динамику изменений в восприятии Генриха VIII среди разных возрастных групп и регионов.

Современные технологии искусственного интеллекта предлагают новые возможности для анализа и представления исторических данных [1, с. 359]. Использование искусственного интеллекта для анализа текстов, изображений и других материалов о Генрихе VIII может привести к созданию уникальных цифровых моделей, которые могли бы «оживить» его образ. С помощью методов обработки естественного языка (NLP) и машинного обучения можно провести глубокий анализ исторических документов, выявляя ключевые темы и паттерны [4, с. 29]. NLP и анализ текстов системы искусственного интеллекта, использующие NLP, способны обрабатывать и анализировать большие объемы текстов за короткий срок. Например, можно проанализировать письма, мемуары и исторические хроники, связанные с Генрихом VIII, чтобы выявить основные тенденции в его репрезентации. Такой анализ может показать, как менялся общественный имидж Генриха на протяжении веков и как различные исторические контексты влияли на его восприятие.

Искусственный интеллект также может быть использован для создания нового контента, основанного на данных о Генрихе VIII. С помощью генеративных моделей, таких как GPT, можно создавать сценарии, где «Генрих VIII» становится основным героем. Этот подход позволяет рассматриваемой исторической фигуре оказаться в новых контекстах, взаимодействуя с другими персонажами и событиями, что может вызвать новые дискуссии о его влиянии на современный мир. Создание образа Генриха VIII с помощью искусственного интеллекта поднимает важные этические вопросы. Как мы интерпретируем исторические события и фигуры через призму современных технологий? Кто имеет право интерпретировать историческую реальность? Важно учитывать, что модели искусственного интеллекта могут нести в себе предвзятости, исходя из исходных данных, на которых они обучались. Это служит напоминанием о необходимости тщательного отбора данных и осознания потенциальных рисков при использовании искусственного интеллекта для анализа исторических персон [5, с. 19].

Образ Генриха VIII в искусственном интеллекте предоставляет богатый контекст для исследования как исторической, так и культурной значимости этой фигуры. Современные технологии позволяют нам заново осмыслить и пересмотреть его мотивы, решения и их последствия. Применение искусственного интеллекта в изучении исторических персонажей открывает новые горизонты в гуманитарных науках, подчеркивая важность междисциплинарного подхода. Однако эти инновации должны сопровождаться критическим осмыслением этических и социальных последствий, связанных с созданием новых образов на основе исторических данных.

Литература

1. Введение во всеобщую историю. Учебное пособие по дисциплине «История (История России, Всеобщая история)» для неисторических специальностей и направлений подготовки / отв. ред. Ф.Ф. Шаяхметов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. 188 с.
2. Тархов Д.А. Нейросетевые модели и алгоритмы. Справочник / Д.А. Тархов. М.: Радиотехника, 2018. 359 с.
3. Редько В.Г. Эволюция, нейронные сети, интеллект: Модели и концепции эволюционной кибернетики / В.Г. Редько. Москва: ИЛ, 2017. 224 с.
4. McCormack J.P., Wang, X. "Artificial Intelligence in Historical Analysis" Journal of Digital Humanities, Vol. 10, No. 2, 2022-29 с.
5. Jones M. The King's Book of Images. London: Routledge, 2017. 19 с.

© Утяшева А.Р., 2025

УДК 930.85

А.И. Сайфуллина

студент УУНиТ, г. Уфа

Научный руководитель – к. и. н., доцент Ю.С. Усова

A.I. Saifullina

student, UUST, Ufa

Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor Yu. S. Usova

«МЕНИНЫ» Д. ВЕЛАСКЕСА КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ИСПАНИИ

"LAS MENINAS" BY D. VELAZQUEZ AS AN OBJECT OF CULTURAL HERITAGE OF SPAIN

Аннотация. В статье анализируется знаменитая картина Диего Веласкеса «Менины» как многослойное произведение искусства, отражающее сложность творческого процесса и отношения между художником и зрителем. Рассматривается метафорическое значение зеркала, композиции и взгляда художника, обращенного к зрителю.

Abstract. The article analyzes the famous painting by Diego Velázquez "Las Meninas" as a multi-layered work of art, reflecting the complexity of the creative process and the relationship between the artist and the viewer. The metaphorical meaning of the mirror, composition and the artist's gaze directed at the viewer are considered.

Ключевые слова: Диего Веласкес, «Менины», Караваджо, искусство, испанское барокко
Keywords: Diego Velazquez, Las Meninas, Caravaggio, art, Spanish Baroque

XVII в. для Испании стал временем упадка и кризиса. После смерти Филиппа II в 1598 г., испанский трон перешел к менее способным правителям, таким как Филипп III, Филипп IV и Карл II. Их неэффективное управление и зависимость от фаворитов привели к коррупции и некомпетентности в управлении страной. Высокие налоги, инфляция (из-за притока серебра из колоний) и отток рабочей силы на войну подорвали производство. Испания все больше зависела от импорта товаров. В течение XVII в. Испания потеряла ряд

своих колоний, что подорвало ее экономическое могущество [3, с. 91]. Несмотря на общий упадок, XVII в. стал «золотым веком» испанской культуры. Литература, живопись и театр достигли своего апогея. Сервантес, Веласкес, Кальдерон – вот лишь некоторые имена, прославившие Испанию в этот период.

Самым крупным художником итальянского барокко был Микеланджело да Караваджо (1573–1610). Он дал начало мощному реалистическому течению в искусстве, которое обрело последователей во всей Западной Европе. Реалистические принципы Караваджо сделали его достойным наследником Возрождения, хотя он и ниспровергал классические традиции, восставая против академизма. Диего Веласкес и Караваджо – два титана живописи, оказавшие огромное влияние на развитие европейского искусства. Хотя они жили в разные периоды и никогда не встречались, творчество Караваджо оказало заметное влияние на молодого Веласкеса. Оба художника были приверженцами реалистичного изображения мира, отказываясь от идеализации, характерной для предыдущих эпох. Они изображали людей такими, какими видели их в жизни, со всеми их несовершенствами. Несмотря на влияние школы Караваджо, Веласкес выработал свой собственный неповторимый стиль. Его мазки более свободны и выразительны, а палитра более светлая и изысканная. Караваджо часто изображал религиозные сцены, в то время как Веласкес больше тяготел к портрету и историческому жанру [6, т.1, с. 836-338].

Современное искусство порой сложно понять зрителю. Однако все ли так просто было в работах великих мастеров? Разумеется, нет. Одним из величайших гениев «золотого века» испанского искусства – Д. Веласкес до сих пор остается загадочным автором работ, потрясших основы искусства XVII в. Именно поэтому важно и актуально вновь обратиться к осмыслению его работ.

Диего Веласкес является одним из самых таинственных художников среди великих европейских мастеров. Его жизнь в общественной сфере была открытой, так как он был придворным художником испанского короля Филиппа IV и создал много портретов аристократов своего времени. Но его личная жизнь и мотивы творчества остаются загадкой до сих пор.

Одним из самых известных произведений Веласкеса является картина «Менины», написанная в 1656 г. Это произведение и сегодня вызывает интерес и споры из-за своей сложной композиции и скрытых деталей. На картине изображен сам художник за работой над портретом королевской четы Испанской империи, которых мы видим отраженными в зеркале, их дочь – принцесса Маргарита, фрейлины и пес, а также придворный, стоящий в дверном проеме. В данной картине присутствует концепция «текста в тексте», которая указывает на своеобразное взаимодействие элементов внутри произведения искусства и скрытые смыслы, которые могут быть обнаружены при более глубоком изучении [2, с. 119-120].

В ходе работы над «Менинами» Веласкес создал удивительную систему восприятия, погружая зрителя в пространство картины и заставляя его стать не просто наблюдателем, но и активным участником происходящего. Это позволяет современным людям ощутить схожие стратегии воздействия,

используемые в современном искусстве, где зритель становится неотъемлемой частью произведения искусства.

Этот подход обретает особую актуальность в современном мире, где взаимодействие зрителя с произведением искусства принимает новые формы через дизайн, живопись, архитектуру, и становится ключевым элементом в профессиональной работе дизайнеров и художников. Разгадывание этой стратегии манипуляции зрителем становится важным навыком для специалистов, деятельность которых связана с искусством и дизайном.

На самой картине художник изображает группу персонажей, в том числе королевскую чету, и самого себя, создающего это произведение искусства. Он обращает свой взгляд в невидимую точку, в которой, по сути, находятся зрители. Этот прием создает ощущение, что художник обращается к каждому зрителю индивидуально, заставляя задуматься о том, как важна наша роль в восприятии произведения и искусства в целом.

Зеркало, находящееся в картине, играет ключевую роль, так как оно не отражает то, что видно внешнему наблюдателю, но подчеркивает идею «другого мира» или «другой реальности». В данном случае оно может символизировать границу между реальностью и искусством, между художником и зрителем.

Картина Веласкеса представляет собой не просто портрет, а своеобразный театральный спектакль, где персонажи вступают в контакт с зрителем, где присутствует двойственность между действующими лицами и теми, кто их видит. Эта игра света, тени, ракурсов создает впечатление живого события, которое разворачивается перед нами. Веласкес, как и Сервантес, играл с творческим процессом и своей ролью в нем. Подобно тому, как Сервантес в своем романе «Дон Кихоте» создал сложную структуру, где авторская история переплетается с вымыслом персонажей, Веласкес в своей картине «Менины» также размышлял о своем творчестве через метафору художественного процесса [4, с. 118-121].

В картинах Веласкеса, по аналогии с романом Сервантеса, присутствует игра с понятиями творчества, создания и отношения между автором и произведением. Такой подход позволяет погрузить зрителя в творческий мир художника, открыть для него те аспекты, которые скрыты за поверхностным изображением. В случае с Веласкесом, в его произведениях зритель может увидеть не только изображенные фигуры и сцены, но и самого художника, его мысли, сомнения и творческий процесс.

Идея самоотражения художника в своем творчестве, как описано в случае с картиной «Менины», позволяет по-новому воспринимать произведения искусства, видеть их не только как отражение реальности, но и как отражение внутреннего мира художника. Такая глубина и сложность подхода создает уникальный опыт для зрителя, позволяя ему заглянуть за кулисы художественного творчества и проникнуть в мир творца [2, с. 118-121].

Художнику приходится прерывать свое творчество, чтобы взглянуть на зрителя, аналогично терапевту необходимо одновременно наблюдать за пациентом и проявлять внимание к своим мыслям и рефлексиям.

Метафора художественного творчества отражает сложности психотерапевтической работы, где специалисту необходимо оставаться в постоянном контакте с пациентом, наблюдая за его поведением, мимикой, словами, одновременно глубоко анализируя и рефлектируя собственные мысли. Этот баланс между быть «здесь и сейчас» с пациентом и быть сосредоточенным внутри себя на анализе и рефлексии представляет собой вызов для психотерапевта, так же, как и для художника, чье внимание разделяется между созданием произведения и восприятием зрителя [5, с. 161-162].

В контексте картины «Менины» Диего Веласкеса представлена игра, где субъект-наблюдатель доверяет другим представлять его, что в конечном итоге может привести к потере своего собственного «Я» и проигрышу. Это подчеркивает сложность отношений между наблюдением, представлением и реальностью в художественной и терапевтической деятельности, где субъекты подвергаются игре репрезентаций, взглядов и отношений, порой лишаясь истинного понимания себя и окружающего мира.

Таким образом, картина «Менины» Веласкеса открывает перед зрителем возможность увидеть не только изображенный момент, но и войти во взаимодействие с произведением искусства, включаясь в него как непосредственный свидетель и соучастник творческого акта. Это одно из произведений, которые предлагают нам не просто смотреть на них, а исследовать, взаимодействовать и погружаться в мир искусства через призму символов, текстов и внутренних связей, заходя за пределы обычного восприятия.

Литература

1. Большакова А.С. «Помещение в бездну» как игра репрезентаций: мизанабим в картине Д. Веласкеса «Менины» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2023. № 3. С. 118-121. DOI 10.37882/2500-3682.2023.03.05
2. Душенко К.В. «Менины» Веласкеса: картина о картине // Культурология. № 3 (82), 2017. С. 118-121. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grigoriy-amenin-meniny-velaskesa-kartina-o-kartine/viewer> (дата обращения: 05.03.2025).
3. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.
4. Пастушкова Н.А. Автопортрет в зеркалах: Сервантес и Веласкес // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2017. С. 975-977. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtoportret-v-zerkalah-servantes-i-velaskes/viewer> (дата обращения: 02.04.2025)
5. Пстыга А. «Менины» Д. Веласкеса. Восприятие и современности // Материалы конференции молодых ученых (29 апр. 2008 г., Минск) / редкол.: Э.И. Зборовский [и др.]. Минск: ГИУСТ БГУ, 2008. С. 161-162. [Электронный

ресурс]. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/51260/1/Пстыга_Менины%20Диего%20Веласкеса.pdf (дата обращения: 05.04.2025)

6. Садохин А.П. История мировой культуры: учебное пособие / А.П. Садохин, Т.Г. Грушевицкая. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. Часть 1. 955 с. Режим доступа: по подписке. [Электронный ресурс]. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=428649> (дата обращения: 05.04.2025)

© Сайфуллина А.И., 2025

УДК 94(100)"17/18" + 339.5

Р.Б. Асанов

студент УУНиТ, Уфа

Научный руководитель – к. и. н, доцент, Ю. С. Усова

R. B. Asanov

Student, UUST, Ufa

Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor Y. S. Usova

ВЛИЯНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСТ-ИНДСКИХ КОМПАНИЙ НА РАЗВИТИЕ РАБОТОРГОВЛИ В XVII – XVIII ВВ.

THE INFLUENCE OF THE ACTIVITIES OF THE EAST INDIAN COMPANIES ON THE DEVELOPMENT OF THE SLAVE TRADE IN THE 17TH – 18TH CENTURIES

Аннотация. В статье рассматриваются экономические и политические механизмы, которые способствовали вовлечению британской и голландской Ост-Индских компаний в торговлю рабами. Особое внимание уделяется институционализации работорговли, ее роли в системе колониального капитализма и последствиям для колониальных регионов. Выявляется, как принудительный труд и экономическая эксплуатация обеспечивали финансовую мощь европейских монополий. Анализируется влияние работорговли на социальные и экономические процессы в Европе, Африке и Азии, а также последствия для глобальной экономики.

Abstract. The article examines the economic and political mechanisms that facilitated the involvement of the British and Dutch East India Companies in human trafficking. Special attention is given to the institutionalization of slavery, its role in colonial capitalism, and its consequences for colonial regions. The study reveals how forced labor and economic exploitation strengthened the financial power of European monopolies. The influence of the slave trade on social and economic processes in Europe, Africa, and Asia, as well as its impact on the global economy, is analyzed.

Ключевые слова: Ост-Индская компания, работорговля, колониальный капитализм, принудительный труд, колониализм, экономическая эксплуатация, мировая торговля.

Keywords: East India Company, slave trade, colonial capitalism, forced labor, colonialism, economic exploitation, global trade.

В XXI в. продолжается процесс деколонизации, а также переосмысление последствий деятельности европейцев в рамках процесса колонизации. Одной из страшнейших страниц колонизации Америки, является работорговля. Потомки бывших рабов проживают в современных государствах,

сформированных в Северной и Южной Америках. Они появились на свет не в тех регионах, где исконно проживали их далекие предки. Это формирует определенные проблемы с вопросами самоидентификации, а также интерес к истории и требование справедливой оценки прошлых злодеяний европейских капиталистов. Именно поэтому тема влияния деятельности Ост-Индских компаний на развитие работорговли является несомненно остроактуальной и сегодня.

Ост-Индские компании, это частные корпорации, обладавшие практически суверенными правами на управление заморскими территориями, стали мощным инструментом колониальной экспансии и сыграли ключевую роль в развитии глобальной торговли. Однако наряду с торговлей специями, чаем и другими товарами, Ост-Индские компании активно участвовали в работорговле – одном из самых темных явлений мировой истории.

Работорговля в этот период превратилась в системный процесс, обслуживавший не только плантации Америки, но и азиатские и африканские территории. Ост-Индские компании обеспечивали транспортировку рабов, создавали условия для их эксплуатации и извлекали экономическую выгоду из этого процесса. В современных исследованиях внимание все чаще уделяется влиянию таких корпораций на формирование глобальной капиталистической системы, что делает тему особенно актуальной в контексте переосмысления исторической ответственности за колониальную эксплуатацию.

Работорговля в XVII–XVIII вв. представляла собой неотъемлемую часть мировой экономики и была тесно связана с развитием колониальных империй. Она стала важным механизмом обеспечения европейских держав дешёвой рабочей силой, которая использовалась на плантациях, в рудниках, в строительстве и других сферах производства. Системность этого явления была обусловлена развитием капиталистических отношений и расширением сферы международной торговли, в которой основное место занимали Ост-Индские компании [1, с. 45].

Колонизация новых территорий сопровождалась внедрением жёсткой системы принудительного труда, без которого было невозможно поддерживать стабильность экономики колоний. Работорговля не ограничивалась только транспортировкой африканских рабов в Новый Свет, но также включала в себя эксплуатацию коренного населения Индии, Юго-Восточной Азии и островов Индийского океана. Формально эта практика могла маскироваться под систему контрактного найма, но фактически мало чем отличалась от рабства [2, с. 78]. Европейские монополии, обладая военной мощью и административными ресурсами, обеспечивали стабильные поставки рабочей силы, что способствовало укреплению их позиций в глобальной экономике.

Ост-Индские компании не только использовали рабский труд, но и создавали механизмы его институционализации. Они организовывали торговлю людьми, систематизировали численность рабочей силы и устанавливали нормы эксплуатации. В ряде регионов появились торговые фактории, где рабы являлись товаром наряду с пряностями, чаем и хлопком [3, с. 112].

Работоторговля была частью «треугольной торговли» между Европой, Африкой и Америкой. Ост-Индские компании не только перевозили рабов, но и снабжали колонии товарами, необходимыми для плантационной системы. Они расширяли торговые маршруты и контролировали финансовые операции, кредитование экспедиций и безопасность перевозок [6, с. 50].

Экономическая мощь Ост-Индских компаний базировалась на эксплуатации природных и человеческих ресурсов колоний. Британская и Голландская Ост-Индские компании, контролируя торговлю между Европой и Азией, устанавливали монополии на чай, шелк, специи и хлопок [5, с. 34]. Они вводили систему налогов и повинностей, превращая местное население в зависимых работников. Часто это перерастало в долговое рабство, особенно в Индии, на Цейлоне и в Индонезии [8, с. 91].

Монополии позволяли компаниям регулировать цены и разрушать местную промышленность. Британцы продавали индийский текстиль по завышенным ценам, снижая стоимость закупаемого сырья, что приводило к разорению ремесленников. Голландская Ост-Индская компания широко использовала принудительный труд для выращивания пряностей, устанавливая контроль над их мировым рынком [9, с. 120; 10, с. 67].

Милитаризация торговли стала важной частью экономической стратегии компаний. Они создавали армии и флоты, подавляли сопротивление местного населения и навязывали европейские законы, узаконивающие эксплуатацию [10, с. 67]. Так Ост-Индские компании превращались не только в коммерческие структуры, но и в политические образования с влиянием на колониальную политику.

Работоторговля была важным инструментом экономического господства. Британская Ост-Индская компания, обладая монополией на торговлю в Индии, Юго-Восточной Азии и Китае, обеспечивала поставки рабов на плантации, рудники и мануфактуры. Голландская Ост-Индская компания перевозила рабов из Африки в азиатские владения, где они работали на плантациях и в судостроении [3, с. 112; 6, с. 50].

Контроль над трудовыми ресурсами усиливал власть компаний в колониях. В регионах, таких как Ява и Цейлон, рабы трудились не только в сельском хозяйстве, но и в строительстве укреплений, что делало их эксплуатацию неотъемлемой частью политики [7, с. 34].

Несмотря на критику рабовладельческих практик в конце XVIII в., Ост-Индские компании продолжали использовать принудительный труд под видом наемного труда, условия которого оставались крайне тяжелыми [8, с. 91].

Работоторговля оказала влияние не только на колонии, но и на мировую экономику. Дешевый труд рабов обеспечил рост европейских экономик, стимулировал промышленность и торговлю. Однако он также привел к разрушению традиционных обществ, росту социальных конфликтов и усилению зависимости колоний [9, с. 120].

В Африке работоторговля способствовала депопуляции, разрушению экономик и межплеменным войнам. Колониальные администрации

поддерживали нестабильность, чтобы контролировать торговые пути и обеспечивать бесперебойные поставки рабов [10, с. 67].

В Европе доходы от работорговли финансировали войны, способствовали развитию банков и промышленности, но также формировали социальные неравенства, последствия которых ощущаются до сих пор. Экономическое процветание Великобритании и Голландии, основанное на эксплуатации, заложило основу будущих социальных и расовых конфликтов [10, с. 67].

Использование рабского труда позволило Ост-Индским компаниям занять лидирующие позиции в мировой торговле. Это привело к росту конкуренции между державами, войнам и усилению колониального контроля над зависимыми территориями [9, с. 120].

Работорговля способствовала экономическому возвышению Ост-Индских компаний, но также привела к глобальным социальным и экономическим изменениям, последствия которых до сих пор требуют переосмысления.

Историческая роль Ост-Индских компаний долгое время рассматривалась в контексте их вклада в развитие мировой торговли и экономических связей между Европой и Азией. Однако современные исследования все чаще акцентируют внимание на их имперской экспансии, системе неравноправного обмена и поддержке рабовладельческих практик [9, с. 120].

Особое внимание уделяется политическому влиянию этих корпораций. Их независимая внешняя политика, военные союзы и контроль над территориями фактически превращали их в государства внутри государств. Британская Ост-Индская компания, обладая собственной армией, вмешивалась во внутренние конфликты в Индии, манипулировала элитами и разрушала традиционные институты власти, усиливая экономическую эксплуатацию [10, с. 67].

В исторической памяти многих стран Ост-Индские компании ассоциируются с насильственной модернизацией, разрушением традиционной экономики и усилением зависимости от метрополии [5, с. 117-118]. В научных кругах активно обсуждается вопрос об их исторической ответственности, включая репарации, реституцию культурных ценностей и пересмотр их роли в образовательных программах [7, с. 120].

Современные исследования стремятся отказаться от европоцентричного взгляда на Ост-Индские компании. Если ранее их успехи воспринимались как достижения западного предпринимательства, то теперь подчеркивается их зависимость от эксплуатации колоний, принудительного труда и неравноправных торговых отношений. Это меняет восприятие истории глобализации, включая перспективу угнетенных народов [10, с. 67].

Таким образом, вместо традиционного взгляда на Ост-Индские компании как символ прогресса, современная историография переходит к критическому анализу их роли. Это важно не только в академической среде, но и в общественно-политических дискуссиях о колониальном наследии и его последствиях.

Исследование влияния Ост-Индских компаний на работорговлю в XVII–XVIII вв. показывает, что они были не просто коммерческими структурами, а мощными политико-экономическими институтами, формировавшими торговую

систему на выгодных для Европы условиях. Их деятельность способствовала укреплению капитализма, но также привела к эксплуатации человеческих ресурсов и разрушению традиционных экономик [4, с. 102-106].

Работоторговля была встроена в экономическую модель колоний, обеспечивая дешевую рабочую силу и создавая порочный круг зависимости. Местное население оказывалось бесправным производителем, в то время как Ост-Индские компании извлекали огромные прибыли [8, с. 91].

Основанная на монополиях, милитаризации торговли и принудительном труде, экономическая модель Ост-Индских компаний оказала долгосрочное влияние на мировую экономику. Их методы эксплуатации и управления территориями продолжают отражаться на современных процессах [9, с. 120].

Сегодня исторические исследования переосмысливают их роль, переходя от восхваления предпринимательского успеха к критическому анализу последствий их деятельности. Это подчеркивает необходимость дальнейшего изучения колониального наследия и его влияния на современные общества [10, с. 67].

В целом, Ост-Индские компании сыграли ключевую роль в глобальных процессах XVII–XVIII вв., но их деятельность была неразрывно связана с эксплуатацией, насилием и экономическим неравенством. Их наследие требует комплексного осмысления, учитывающего как экономические достижения, так и социальные издержки, что делает тему актуальной для современных исследований.

Литература

1. Васильев А.Г. Деньги, финансовые аферы и коррупция в Англии на рубеже XVII–XVIII вв. // Финансовая история Европы. 2020. № 1. С. 120-138. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dengi-finansovye-afery-i-korrupciya-v-anglii-na-rubezhe-xvii-xviii-vv> (дата обращения 26.02.2025).
2. Захаров С.В. Топология децентрализованной колонизации в деятельности Датской Ост-Индской компании // Вестник истории мировой торговли. 2021. № 3. С. 45-60. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/topologiya-detsentralizovannoy-kolonizatsii-v-deyatelnosti-datskoy-ost-indskoy-kompanii> (дата обращения 26.02.2025).
3. Иванов А.П. Ведущие финансовые династии Нидерландов и их роль в становлении и развитии капитализма // Экономическая история Западной Европы. 2019. № 2. С. 78-92. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/veduschie-finansovye-dinastii-niderlandov-i-ih-rol-v-stanovlenii-i-razviii-kapitalizma> (дата обращения 26.02.2025).
4. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.
5. История России: учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Р.Р. Хадимуллина, Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 318 с.
6. Кузнецов В.М. Экономика Голландии золотого века (XVI–XVII вв.) // Европейский исторический журнал. 2022. № 2. С. 34–47. [Электронный

ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-gollandii-zolotogo-veka-xvi-xvii-vv> (дата обращения 26.02.2025).

7. Петров Д.В. У. Далримпл о причинах возвышения Британской Ост-Индской компании (рецензия на книгу Dalrymple W. The Anarchy: The Relentless Rise of the East India Company) // Исторические исследования. 2020. № 4. С. 112–125. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/u-dalrimpl-o-prichinah-vozvysheniya-britanskoy-ost-indskoy-kompanii-rets-na-knigu-dalrymple-w-the-anarchy-the-relentless-rise-of> (дата обращения 26.02.2025).

8. Романов С.Ю. Торговые компании и распространение спекулятивных кризисов на биржевых рынках Европы в XVII–XVIII вв. // История и экономика. 2019. № 4. С. 67–83. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/torgovye-kompanii-i-rasprostranenie-spekulyativnyh-krizisov-puzyrey-na-birzhevyh-rynках-evropy-v-xvii-xviii-vv> (дата обращения 26.02.2025).

9. Смирнов Е.Л. Международная торговля и капиталовложения Великобритании XVIII века // Вопросы экономической истории. 2018. № 1. С. 50–67. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnaya-torgovlya-i-kapitalovlozheniya-velikobritanii-xviii-v> (дата обращения 26.02.2025).

10. Федоров Н.А. Власть денег и власть государства: обзор ряда английских памфлетов рубежа XVII–XVIII веков // Историческая наука и практика. 2021. № 3. С. 91–108. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vlast-deneg-i-vlast-gosudarstva-obzor-ryada-angliyskih-pamfletov-rubezha-xvii-xviii-vekov> (дата обращения 26.02.2025).

© Асанов Р.Б., 2025

УДК 9.94

Р.И. Сайфуллин

студент УУНТ, г. Уфа

Научный руководитель – к. и. н., доцент М.Н. Сулейманова

R.I. Saifullin

student, UUST, Ufa

Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor M.N. Suleimanova

«В КРАЮ ОХОТНИКОВ ЗА ГОЛОВАМИ» ЭДВАРДА КЕРТИСА: ПЕРВЫЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ФИЛЬМ

EDWARD CURTIS'S «IN THE LAND OF THE HEADHUNTERS»: THE FIRST ETHNOGRAPHIC FILM

Аннотация. В данной статье представлены результаты комплексного анализа этнографического фильма «В краю охотников за головами» производства Эдварда Кёртиса. Особое внимание уделяется контексту, в котором создавалось произведение, а также оценивается его влияние на жанр в целом. В рамках работы фильм анализируется на предмет этнографичности, дается оценка корректности именования фильма первым полноценным

этнографическим фильмом. Это исследование вносит свой вклад в понимание роли визуальных медиа в формировании представлений о культуре и обществе.

Abstract. This article presents the results of a comprehensive analysis of the ethnographic film «In the Land of Headhunters» produced by Edward Curtis. Particular attention is paid to the context in which the work was created, and its influence on the genre as a whole is assessed. The film is analyzed for its ethnographic character, and the correctness of naming the film the first full-fledged ethnographic film is assessed. This study contributes to the understanding of the role of visual media in shaping perceptions of culture and society.

Ключевые слова: кинематограф, Эдвард Кёртис, этнография, культура, исследования, племена.

Keywords: cinema, Edward Curtis, ethnography, culture, research, tribes.

Существует несколько определений этнографического фильма. Получившее наиболее широкое распространение в западной исследовательской среде определение гласит, что этнографический фильм – это неигровой фильм, снятый западными кинематографистами и посвященный незападным людям. Но данное определение не является универсальным. Наиболее содержательное и строгое определение этнографического фильма дано Аннетт Кун и Гаем Уэствеллом в Оксфордском словаре киноведения, так, согласно ему, под этнографическим фильмом понимают всю совокупность практик документального кино и визуальной антропологии, основанной на теориях, методах и лексике дисциплины антропологии, включая использование кинокамеры в качестве исследовательского инструмента для документирования целых или определяемых частей культур с методологической осведомленностью и точностью [4, с. 1]. В самом строгом смысле этнографическое кино представляет собой форму академического исследования, предназначенную для целевой аудитории ученых-антропологов, но важно и добавить, что многие визуальные произведения жанра были созданы и для более массовой аудитории. Наиболее подробно и в деталях проблемы с терминологией рассмотрены в статье «Определение этнографического кино» тайваньского профессора Керима Фридмана из Национального университета Донг Хва [2, с. 1-7]. В статье определение понимается через четыре аналитических измерения: дисциплинарный диалог, этнографические предметы, этнографические стили и методологические нормы. В статье Фридмана также отдельно защищается идея о том, что точное и универсальное определение действительно важно лишь в исключительных случаях, а дискуссии об универсальном определении среди этнографов продолжаются и по сей день еще с середины XX в.

Во всем, что касается изучения этнографического кино, понимание терминологии необходимо, поскольку, именно отталкиваясь от представления о термине строится предположение исследователя о том, какой из наиболее ранних этнографических фильмов можно назвать первым в своем жанре. В отечественных исследованиях этнографических фильмов автором первого этнографического фильма часто называют Роберта Флаэрти за его «Нанука с Севера». Но фильм Флаэрти был представлен в 1922 г., в то время как «В краю охотников за головами» Эдварда Кертиса был создан за восемь лет до

«Нанука». И это ещё без учета фильмов Уолтера Спенсера и Феликса Луи-Реньо, произведения которых, впрочем, скорее корректнее было бы отнести к протоэтнографическим фильмам [3, с. 19-39].

Эдвард Кертис родился в Висконсине в 1868 г., однако, когда он достиг школьного возраста, его семья переехала в придорожную деревушку, расположенную в округе Сер штата Миннесоты. Здесь с самодельной камерой и книгой-руководством он стал фотографом-самоучкой. В 1911 г. Кертис решил создать фильм о Кваквакуа'вакви – индейцах, более известных под названием Квакиутли. Его фильм, как и фотографии в целом, изображают индейцев в своеобразной манере: не так, как они выглядели во время съемок, а как выглядели бы во времена их родителей. Кертис был знаком с территорией, где проживали Квакиутли, и сделал сотни фотографий людей северо-западного побережья, вместе с собой он носил набор реквизитов и париков, чтобы сделать из индейца XX в. собственный романтический идеал индейца из славного прошлого его народа. Большая часть фильма была снята на Оленьем острове недалеко от Форт-Руперта в Британской Колумбии. Это был первый художественный фильм, снятый в Британской Колумбии, и старейший сохранившийся художественный фильм, снятый в Канаде. Премьера фильма состоялась в Нью-Йорке и Сиэтле в декабре 1914 г. Несмотря на высокую оценку критиков, фильм стал коммерческим провалом. Кертис потратил около 75000 долларов на создание фильма, но он заработал только 3269 долларов после года проката в кинотеатрах. Автор был настолько разочарован финансовыми показателями фильма, что продал все права на фильм Нью-Йоркскому музею естественной истории в 1919 г. Когда музей потерял подаренный Кёртисом материал, фильм считался утерянным до 1947 г. Единственный поврежденный, неполный отпечаток фильма был извлечен из мусорного контейнера коллекционером плёнки Хьюго Цайтером из Данвилла и передан в дар Чикагскому музею естественной истории в 1947 г. [12].

Вот лишь некоторая часть сюжета фильма: чтобы получить власть от духовных сил, Мотана, сын великого вождя племени, отправляется в бдение. Но несмотря на то, что закон племени запрещает ему думать о женщине во время поста, он всегда видит сны о Найде. Чтобы противостоять гневу духов, он должен пройти через более сильное испытание. Герой спит на острове мертвецов, затем охотится и убивает кита, впечатляя Найду. Однако по мере повествования выясняется, что Найда уже обещана Колдуну, и из-за этого начинается война между двумя фракциями внутри племени. Мотана и его отец Кенада решают избавить регион от охотников за головами. На своих огромных каноэ они нападают на деревню Колдуна и Яклусу. Голову колдуна они приносят, чтобы доказать его смерть тем, кто считал его бессмертным. Но Яклусу удается сбежать, и после свадьбы Мотаны и Найды Яклус нападает на деревню Мотаны и сжигает ее, а Найду уводят в плен. Далее, согласно сюжету фильма, Найда сбегает из плена, а Мотана бросает вызов водам бурлящего ущелья. В финале Яклус терпит поражение и тонет.

Фильм повествует зрителю об аспектах культуры, искусства и быта североамериканских индейцев Кваквакуа'вакви, проживающих на севере острова

Ванкувер в Канаде. Художественное оформление, церемониальные танцы, одежда, архитектура зданий и строительство землянки и военного каноэ по оценкам более поздних исследователей в полной мере отражали культуру Кваквака'вакви. Кертис не снимал европейцев, переодетых в индейцев, он снимал аутентичных Кваквака'вакви, что вообще было редкостью для американского кино того времени. И если бы не этот фильм, то многие сведения о быте этого малочисленного народа в начале XX века не дошли бы до наших дней.

Если ограничить описание кинокартины сказанным ранее, то незнакомый с фильмом любитель вероятно, сочтет его в полной мере достоверным визуальным источником по истории Кваквака'вакви. Похожее мнение, вероятно, разделит и зритель, впервые познакомившийся с данным фильмом, и не изучивший историю его создания. Здесь важно внимание к деталям, а также более глубокое погружение в историю создания фильма. Еще в 1911 г. Кертис снимал представителей Кваквака'вакви на камеру, и он потребовал, чтобы индейцы сняли с себя часы во время съемок. Другие аспекты фильма были основаны на традициях, передаваемых из уст в уста, или на аспектах соседних региональных культур. В фильме также точно показаны ритуалы Кваквака'вакви, которые в ту эпоху были запрещены канадским запретом на потлач, принятым в 1884 г. и отмененным только в 1951 г. Как отмечают продюсеры, руководившие столетней реставрацией фильма, самые сенсационные элементы фильма, в том числе такие как ритуал охоты за головами, колдовство и обращение с человеческими останками отражали гораздо более ранние практики, от которых индейцы к тому моменту уже давно отказались, но некоторые из которых стали центральными элементами картины Кертиса. А некоторые виды деятельности вообще никогда не были частью культуры этого индейского племени. Так, например, Кертис позаимствовал методы китобойного промысла у соседних племен в угоду зрелищности фильма [1, с. 37-39].

С поправкой на ранее отмеченные детали, корректно ли будет назвать данный фильм хорошим визуальным источником по истории Кваквака'вакви? С другой стороны, много ли сейчас вообще есть в наличии иных, более достоверных визуальных источников по истории Кваквака'вакви, а особенно о периоде начала XX века? Ответ на данный вопрос видится очевидным. Нельзя просто посмотреть этнографический фильм, особенно ранней эпохи, чтобы сделать верный вывод о его достоверности. Необходимо знать и понимать, где, когда, о ком снималось произведение, нужно ознакомиться с историей производства фильма, прочитать рецензии и отзывы, изучить биографию режиссера и продюсера, быть в контексте времени и места событий фильма, при возможности нужно сравнить фильм с иными доступными визуальными источниками по теме. И только тогда можно определить, корректно ли использовать конкретный этнографический фильм в качестве визуального источника по истории того или иного народа. Важно помнить и о том, что неточности характерны не для конкретного фильма Эдварда Кертиса, а для всех ранних западных этнографических фильмов в целом. Изобилие неточностей

характерно и для «Нанука с Севера» Роберта Флаэрти, и даже для некоторых более поздних произведений жанра. Ввиду этого мне видится корректным назвать «В краю охотников за головами» Эдварда Кертиса первым полноценным этнографическим фильмом. Из-за того, что фильм на долгое время оказался утрачен, его влияние на развитие жанра в свое время было ограниченным и в целом уступило «Нануку» Флаэрти. Но во времени Эдвард Кертис Роберта Флаэрти все же опередил.

Литература

1. Eagan, Daniel. (2010). America's film legacy: the authoritative guide to the landmark movies in the National Film Registry. National Film Preservation Board (U.S.). New York: Continuum. pp. 37-39.
2. Friedman, P. Defining Ethnographic Film. (2020).
3. Principles of Visual Anthropology. Paul Hockings, ed. World. Anthropology Series. The Hague: Mouton; Chicago: Aldine, 1975. 521 p.
4. Kuhn, A. & Westwell, G. (2012). "Ethnographic film." In A Dictionary of Film Studies. Oxford University Press. Retrieved 23 Dec. 2015.
5. MacDougall D. Ethnographic Film: Failure and Promise. Annual Review of Anthropology. 1978. pp. 405-425.
6. Ruby, J. The Death of Ethnographic Film. University of California Press. (1998).
7. Vannini, P. (Ed.). (2020). The Routledge International Handbook of Ethnographic Film and Video (1st ed.). Routledge. 380 p.
8. Александров Е.В. Визуальная антропология: приоритет этических принципов // Наука телевидения. 2019. С. 93-106
9. Данилко Е.С. Рец. на кн.: Илья Утехин. Что такое визуальная антропология: путеводитель по классике этнографического кино. СПб.: Порядок слов, 2018. № 45. С. 228-236.
10. Иващенко Т.С. Визуальная антропология в системе гуманитарного знания // Вестник угроведения. 2015. No3 (22). № 1. С. 63-67
11. Трушкина Е.Ю. Визуальная антропология: этапы становления и развития // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2011. № 1. С. 89-99
12. Эдвард Кёртис и его фильм «В краю охотников за головами» Индиансворлд. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.indiansworld.org/Articles/edvard-kyortis-i-ego-film-v-krayu-ohotnikov-za-golovami.html> (дата обращения: 20.01.2025).

© Сайфуллин Р.И., 2025

ФАШИСТСКИЕ ЦЕННОСТИ В МАНИФЕСТАХ ИТАЛЬЯНСКИХ ФУТУРИСТОВ

FASCIST VALUES IN THE MANIFESTOS OF ITALIAN FUTURISTS

Аннотация. В настоящей статье проводится сравнительный анализ лозунгов дофашистского, фашистского футуризма окружения Маринетти с фашистской программой эпохи «Ventennio». Показано общее и различное в восприятии вопросов внешней и внутренней политики, антропологии, религии, образования, и отношении к женскому вопросу. Критически рассмотрена оценка влияния футуризма на фашизм, показаны причины, по которым футуризм не стал основной формой выражения фашистской идеологии, хотя стремился стать доминирующей формой искусства.

Abstract. This article provides a comparative analysis of the slogans of the pre-fascist, fascist futurism of Marinetti's entourage with the fascist program of the "Venntenio" era. It shows common and different perceptions of issues of foreign and domestic policy, anthropology, religion, education, and attitudes to the women's issue. An assessment of the influence of Futurism on fascism is critically examined, and the reasons why futurism did not become the main form of expression of fascist ideology are shown, although it sought to become the dominant art form.

Ключевые слова: Ф.Т. Маринетти, фашизм, итальянский футуризм, милитаризм, национал-синдикализм.

Keywords: F.T. Marinetti, fascism, Italian futurism, militarism, national syndicalism.

Футуризм, как и фашизм, зародился в Италии – стране, которая чувствовала себя обманутой в Версальско-Вашингтонской системе международных отношений [19, с. 37]. Фашизм и футуризм объединяло и то, что оба предводителя этих радикальных движений были активными сторонниками участия Италии в войне в Первой мировой войне. Мы будем руководствоваться определением фашизма, данным британским социологом М. Манном: «Фашизм – это попытка создать трансцендентное национальное государство, при помощи парамилитаризма, проведя народ через чистки» (в случае итальянского варианта чистки, прежде всего, политические) [9, с. 28]. Компонентами фашистской идеологии выступают национализм, этатизм, трансцендентность, как желание превзойти политическую борьбу и построить новый порядок. Трансцендентность фашизма, Манн трактует как желание превзойти либеральную и коммунистическую дихотомию, одновременно отвергая консервативное представление о гармоническом обществе [9, с. 30].

Фашисты были устремлены вперед, что сближало их с футуризмом, который радикализировал идею прогресса, отвергая ее гуманистическое содержание. Ярко это проявляется в приверженности национал-синдикализму, идее, которая

черпает свое вдохновение из мифа всеобщей стачки Сореля. Но только в отличие от Сореля, национал-синдикалисты не были склонны к анархическим порывам, и стремились создать государство, правда лишенное фашистского милитаризма и пафоса абсолютизации государства как такового. Тем не менее, израильский историк З. Штернхель обоснованно доказывает определенное влияние национал-синдикализма на становление итальянского фашизма [21]. Сам Муссолини, как и другой идеолог фашизма итальянский философ-неогегельянец Дж. Джентиле, признавал важность Сореля во влиянии на молодых итальянцев [5; 7]. Но это не является основанием для дискредитации национал-синдикализма. Фашизм впитывал в себя элементы самых разных идеологий и философских школ.

Муссолини в интервью немецкому писателю Э. Людвигу признавал влияние Фридриха Ницше [29, p.15, 85]. Но в манифесте «Против профессоров» [18]. Маринетти отвергает ницшеанскую идею «сверхчеловека», однако, выдвигает свое видение нового человека, которому не чужд синдикализм. Тяга футуризма к национал-синдикализму не случайна, выше мы уже отметили, что отчасти влияние национал-синдикалистов на фашистский пафос отвергать неверно. В то же время показательна определенная самодостаточность футуризма от фашизма. В манифесте футуристов воспеваются героизм. Маринетти предлагает для развития чувства героизма и терпения к авантюрам в школах ввести предмет по противостоянию физическим рискам. Маринетти призывает отнять авторитет у стариков. Он признает, что прогрессу нужно еще больше трупов и крови.

Наиболее отчетливые милитаристские лозунги содержит манифест «Война – единственная гигиена мира» [2]. В нем Маринетти разграничивает футуристическое видение прогресса от модернистского. Маринетти отвергает анархизм. Гигиеной для мира признается им война. Анархистов он клеймит как трусов. Собрания анархистов, по мнению лидера футуристов, – жалкое зрелище. В фашистской Италии на юридическом уровне существовала уголовная ответственность за призывы к анархии или попытке ее осуществления [22]. Сам Муссолини еще до прихода к власти призывал соединить национализм с идеями синдикализма [27]. Эгалитаризм, идея самоуправления были ему чужды. Страсть воспевания нового человека близка фашистской теории. Человек, как для футуристов, так и для фашистов, должен быть готов к новым вызовам, чтобы выковать себя.

В послании английской общественности Муссолини декларировал, что фашисты выступили против старых идей, разрушающих Италию [28]. Фашизм был новым явлением в своей эпохе, который ставил далеко идущие цели по перевоспитанию человека [14, с. 20]. В программе футуристической политики [17] Маринетти призывает итальянцев воспеть войну и революцию. Италию поэт ставит выше свободы. По мнению Маринетти, нынешняя война – это самая прекрасная футуристская поэма, когда-либо созданная; именно футуризм обозначил вторжение войны в искусство.

Маринетти называл войну очистительной моралью, которая всегда готовит человека к новым испытаниям. По мнению поэта, только война умеет

обновлять, ускорять, заострять человеческий ум, разгружать и насыщать воздухом нервы, освобождать нас от будничной тяжести, придавать жизни тысячу оттенков и наделять умом дураков. «Война – единственный штурвал новой аэропланной жизни, которую мы готовим». В своей апологии войны Маринетти близок к позиции итальянских фашистов. Фашисты воспевали войну, как очистительную силу, как долг. В заповедях итальянским солдатам-гражданам, декларировалась идея жертвы за Дуче и государство [23]. В 1930 гг. идея экспансии и империализма актуальна как никогда в фашистском государстве. Как указывают Белоусов [1, с. 70], Манн [9, с. 169], костяк национально-фашистской партии составили ветераны войны. Дж. Боттаи – один из идеологов фашизма, открыто заявлял о желании возродить Римскую империю [4]. В газете «Gerarchia» Муссолини заявляет об универсалистском характере фашистского государства, о притязаниях на бывшее могущество Римской империи [28].

Манифест «Презрение к женщинам» [16] содержит не только идею интеллектуального превосходства над женщинами, но и критику парламентаризма. Маринетти поддерживает суфражисток лишь для того, чтобы они, легализовав себя на политической арене, «разрушили институт парламента своей болтовней». На раннем этапе движения фашизма, как указывает М. Манн, «чувствовался привкус феминизма» [9, с. 151]. Среди основателей фашистской партии на встрече в Сан-Сепульхро 5% от общего числа членов партии составляли девушки. Вспомогательные женские организации действовали всегда в годы «Ventennio». Фашистские идеологи почитали женщин как «матерей нации», «хранительниц домашнего очага». Это хорошо отражено в заповедях молодой итальянки [24]. Фашисты позволяли женщинам выходить на демонстрации, правительство выдавало субсидии матерям.

Христианскую религию футуристы признавали негодной, ибо она сдерживает потенциал человека. Итальянский историк Э. Джентиле отмечал, что фашизм некорректно называть «реакционным модернизмом». Скорее фашизм разработал именно свой, самодостаточный проект модернизма [5, с. 541]. Итальянские фашисты рассматривали христианскую религию как высшую ценность и в философских работах активно цитировали Святых отцов [15, с. 20] и признавали за католической церковью первенство на истину [15, с. 130]. Союз с церковью, закрепленный Латеранскими соглашениями 1929 г., не противоречил заданному курсу фашистов на построение нового порядка, с опорой на технический прогресс, и промышленное производство.

Футуристская политическая партия в своем манифесте [8] требует свободной и сильной Италии, не подвластной влиянию папства и иностранцев. Италия, призывает Маринетти, должна стать самостоятельной державой, при этом не похожей на прошлые опыты государственного строительства. Любопытны при сравнении фашизма и футуризма тезисы Маринетти об Италии как единственном повелителе и носителе революционной воли народа. В пролетариате нужно воспитывать патриотизм, полагал он. Футуристы в социальной программе декларировали борьбу с безграмотностью, и индустриализацию, а также последовательную социальную политику во всех

сферах. И главная задача: спортивное и военное воспитание на открытом воздухе, так называемые школы мужества и итальянского характера [8]. Футуристы предлагали запретить классические университеты.

Безусловно, фашизму чужда идея упразднения классических университетов. Один из идеологов режима Джентиле был министром образования, который активно реформировал систему высшей школы [10, с. 135-136]. Фашизм пользовался поддержкой среди интеллектуальных элит [26]. Манифест фашистских интеллектуалов выходит в год, когда фашизм окончательно монополизировал власть. Однако идея создания сильного здорового общества, воспитания мужества и декларация национальной революции для укрепления державы – это характерно для идей, в которых государственный патриотизм, жажда экспансии переплетаются с государственным социализмом.

Итальянский футуризм еще до прихода к власти Муссолини в октябре 1922 г. солидаризовался с фашизмом. 21 марта 1919 г. в Милане Муссолини собирает ветеранов войны, националистов. В этот день был создан «Союз борьбы», организация, которая стала предтечей Национальной фашистской партии [1, с. 70]. 15 апреля 1919 г. Маринетти лично возглавлял налет на редакцию газеты «Аванти!», которую прежде редактировал сам Муссолини. Дуче назвал акцию «первым реальным достижением фашистской революции», а в октябре 1922 г., во время «похода на Рим», футуристы шагали рядом с чернорубашечниками фашистских сквадр.

6 июня 1919 г. был опубликован «Манифест фашизма» за авторством Филиппо Томмазо Маринетти и премьер-министра Республики Фиуме Альцесте де Амбриса. Он состоит из четырёх разделов, каждый из которых описывал программу фашистов в политической, социальной, военной и финансовой областях. Маринетти и де Амбрис вновь воспевают войну всех против всех. Кажется парадоксальным, что в манифесте футуристы призывают ввести всеобщее избирательное право. Однако идея фашизма еще не была окончательно сформулирована, лишь в 1932 г. будут сформулированы общие положения фашистской теории [9, с. 145]. Устрялов отмечает, что в некоторых речах Муссолини тех лет ощущались анархические порывы [19, с. 74]. Лишь с разгромом оппозиции в 1925 г. фашизм получает привычные черты.

Историк Голомшток замечает, что если движение Муссолини было главным источником итальянского фашизма, то одним из источников самого этого движения был итальянский футуризм [3, с. 22]. Совершив резкий скачок от революционного марксизма, или, как он это называл, «авторитарного коммунизма» к фашизму, Муссолини на первых порах имел лишь смутное представление о его принципах. Фашизм существовал для него не как догма, а как метод и техника достижения власти, и многие свои идеи он черпал из футуристического окружения Маринетти, которое между мартом и июлем 1919 г. представляло преобладающий элемент среди миланских фашистов. Эти идеи, легко превращавшиеся в методы, и методы, выступавшие в обличье идей, были общими у двух параллельных движений. Исследователь интеллектуалов фашистской Италии Джеймс Грегор не склонен преувеличивать роль Маринетти в формировании фашизма. Являясь сторонником «третьего пути»,

Маринетти своими манифестами не влиял на официальные решения НФП [25, р. 253]. В годовщину похода на Рим в газете «Futurismo» выходит номер, восхваляющий Муссолини. Дуче восхваляли как гения футуризма. Он оставался непоколебим в своей преданности Муссолини до самого конца фашистского эксперимента, но больше никогда публично не затрагивал специфических идеологических вопросов. Он оказал некоторое литературное и художественное влияние на фашистскую Италию, он проявил немалое мужество в ее войнах, но он никогда не влиял на развитие ее официальной идеологии.

Учитывая все это, очень трудно сослаться на футуристические представления о насилии и его применении в качестве доказательства его безоговорочной приверженности фашизму, за исключением мышления и морали. Как и идеи итальянского традиционалиста Юлиуса Эволы, мысль Ф.Т. Маринетти имела очень мало общего с официальной идеологией фашизма. Фашизм, как и любая революционная идеология двадцатого века, искал моральное и эмпирическое обоснование своим начинаниям и легитимацию своего господства. Как отмечает Грегор, деятели культуры, художники и журналисты – тоже в значительной степени проявили себя. Известные личности, такие как Филиппо Томмазо Маринетти, основатель футуризма, вместе со многими своими последователями, прямо или косвенно были связаны с новым фашистским правительством [25, р. 269-270]. К уже упомянутому манифесту фашистских интеллектуалов присоединились некоторые из выдающихся архитекторов и художников Италии. 18 всемирно известных интеллектуалов, таких как Джованни Джентиле, Арденго Соффичи и Эзра Паунд взяли на себя официальные обязательства в новой системе. Многие, такие как Джованни Папини и Джоаккино Вольпе, хотя официально и не состояли ни в партии, ни на конкретной государственной службе, явно поддерживали новое правительство [25, р. 228].

Именно Стараче, занимавший пост секретаря НФП до 1939 г., приложил максимум усилий для внедрения фашистского стиля [13, с. 49]. Главными проводниками этого стиля в жизнь должны были стать центральный и региональные институты фашистской культуры, под контроль которых предлагалось поставить любые формы культурной активности итальянцев, особенно те, которым еще удавалось сохранить определенную автономию. «Необходимо решительно подчинить свободное поле кружков и кружочков – культурных и подобных им, в которых часто гнездятся остатки не-фашизма, если не антифашизма. Если названные кружки могут развернуть серию мероприятий в культурной сфере, то они должны работать в сотрудничестве и под руководством фашистских институтов культуры», отмечал Акилле Стараче в одном из своих «Ежедневных распоряжений» [13, с. 49].

В качестве наиболее последовательного градостроительного воплощения новой итальянской культуры и цивилизации предполагался архитектурный комплекс, предназначенный для Универсальной выставки 1942 г. – Esposizione Universale Romana (EUR), идея которой была выдвинута в 1936 г. Архитектура EUR должна была не только воплотить новую эпоху, но и стать своеобразным

символом понятия «Рим» — города диалога культур, территории, на которой встречаются античность и Новое время, Средневековье и конструктивизм, рационализм и футуризм. Футуризм не был доминирующей формой выражения фашистской идеи в годы «Ventennio» [13, с. 59].

Образ Дуче — Вождя Новой Италии — появился в футуристической фразеологии еще до прихода фашистов к власти, в 1920 г. Именно в это время Маринетти опубликовал в качестве приложения к статье Дж. Бельтрамелли, посвященной биографии Муссолини, свой комментарий, в котором дал обобщенно-романтический образ Вождя фашистской революции. Футуристы вдохновлялись опытом Республики Фиуме [12, с. 86]. «Муссолини всегда работает для завтрашнего дня, для идеи и для силы завтрашнего дня», — писал в сентябре 1922 г. футурист Сеттимельи, автор одной из первых биографий Муссолини. Современная исследовательница биографий, посвященных Дуче, мифологическому образу Вождя Фашизма, Луиза Пассерини относит футуристические биографии Муссолини к числу «романтических», точнее — «готико-романтических». Муссолини в футуристических биографиях предстает с одной стороны — героем античного мира или эпохи Остготской Италии, с другой — человеком Завтрашнего Дня, тем водителем, который находится за рулем гигантского автомобиля — Италии, или руководит Италией как огромным броненосцем. Следует отметить только, что футуризм не слился с фашизмом, а продолжал своё самостоятельное существование, что, естественно, не было положительно расценено ни Муссолини, ни другими руководителями «тоталитарного» итальянского государства, не предусматривавшего функционирование самостоятельных, хотя бы и близких, но всё же отличающихся от фашистских идеологических систем. В фашистском государстве важное место занимает фигура Вождя. Как отмечал британский фашист О. Мосли [11, с. 105], фашизм ценит людей действия. Но наиболее решительным, полумифическим выразителем воли и силы народа является вождь. Понятие «фашистский стиль» окончательно утвердилось в политическом лексиконе итальянского фашизма на рубеже 1920-1930 гг., когда секретарем Национальной фашистской партии Италии был назначен Акилле Стараче.

Идеи футуристов из окружения Маринетти нашли свой отклик в фашистском движении. Смесь национализма и революционизма, прогресс ради войны были родственны фашистам. Годовщину похода на Рим Маринетти и товарищи воспринимали как день восхождения футуризма.

Таким образом, можно наметить некоторые связанные с фашизмом контуры в манифестах футуристов. Дальнейшее сотрудничество окружения Маринетти и его самого с фашизмом лишь будут подтверждением этих слов. Стоит признать, что футуризму пришлось адаптироваться к фашизму, идеологии, которая, формируясь в речах Муссолини, все же учитывала прагматизм в политике.

Литература

1. Белоусов Л.С. Муссолини: диктатура и демагогия. М.: Изд-во МГУ. 1998. 430 с.
2. Война-единственная гигиена мира. Манифесты и программы. 1909–1941: В 2 томах М.: Гилея, 2020. Т.1. С. 92-93.
3. Голомшток И.Н. Тоталитарное искусство. Москва: Галарт, 1994. 294 с.
4. Дж. Боттаи. Фашизм и корпоративизм. Пер. Е.В. Корюковой, Т.В. Нестеровой. [Электронный ресурс]. <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/4940/2/uvmi6-2006-09.pdf> (дата обращения: 16.04.2025).
5. Джентиле Дж. Философские основы фашизма. М.: Изд. «RussianRevolver», 2020. 20 с.
6. Джентиле Э. Фашизм: история и истолкование. СПб: Владимир Даль, 2022. 556 с.
7. Доктрина фашизма // Устрялов Н.В. Италия – колыбель фашизма. М.: Алгоритм, 2012.
8. Манифест Футуристической партии Италии (1918) / Т.П. Нестерова // Уральский вестник международных исследований. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. Вып. 2. С. 159-164.
9. Манн М. Фашисты / Пер. с англ. Под ред. А.Р. Дюкова. СПб.: Питер; Фонд «Историческая память», 2023. 592 с.
10. Моисеев Д.С. Политическая философия итальянского фашизма. Становление и развитие доктрины. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. 320 с.
11. Мосли О. Фашизм: 100 вопросов и ответов. М: Изд. Russian Revolver. 105 с.
12. Нестерова Т.П. Итальянский футуризм и формирование «Мифа Дуче» / Т.П. Нестерова // Вопросы истории культуры. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. Выпуск 3. С. 80-86.
13. Нестерова Т.П. Культура в идеологии и практике итальянского фашизма / Т.П. Нестерова // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 45. С. 45-55.
14. Нольте Э. Фашизм в его эпохе. Аксьон Франсэз. Итальянский фашизм. Национал-социализм. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 548 с.
15. Пальмиери М. Философия фашизма. М.: Из-во: Russianrevolver, 2020. 212 с.
16. Презрение к женщинам. Итальянский футуризм: Манифесты и программы. 1909-1941: В 2 томах М.: Гилея, 2020. Т.1. С. 48-50.
17. Программа футуристической политики. Итальянский футуризм: Манифесты и программы. 1909-1941: В 2 томах. М.: Гилея, 2020. Т.2. С. 42-43.
18. Против профессоров. Итальянский футуризм: Манифесты и программы. 1909-1941: в 2 томах. М.: Гилея, 2020 / Т.1. С. 56-60.
19. Устрялов Н.В. Италия – колыбель фашизма. М.: Алгоритм, 2012. 240 с.

20. Целищев А.О., Васютин И.Д. Политические взгляды Бенито Муссолини в период становления фашистского движения в 1919 – начале 1920 гг. // Исторический бюллетень 2024. Том 7. № 6. С. 86-93.

21. Штернхель З., Шнайдер М., Ашерс М. Рождение фашистской идеологии. СПб.: Владимир Даль, 2022. 716 с.

22. Anarchia (Pubblicato nell'Enciclopedia De Carlo, 1942) di Salvatore De Carlo. A historical library of Italian Fascism: documents, articles, books, letters, speeches. Original Italian text and English translations. [Электронный ресурс]. URL: <https://bibliotecafascista.blogspot.com/2012/03/anarchia.html> (дата обращения: 05.04.2025)

23. Decalogue of the Fascist Soldier (1937). A historical library of Italian Fascism: documents, articles, books, letters, speeches. Original Italian text and English translations. [Электронный ресурс]. URL: <https://bibliotecafascista.blogspot.com/2012/03/decalogue-of-fascist-soldier-1937.html> (дата обращения: 31.03.2024).

24. Decalogue of the Young Italian Girl (1935). A historical library of Italian Fascism: documents, articles, books, letters, speeches. Original Italian text and English translations. [Электронный ресурс]. URL: <https://bibliotecafascista.blogspot.com/2012/03/decalogue-of-young-italian-girl-1935.html> (дата обращения: 31.03.2024).

25. Gregor A. J. Mussolini's intellectuals fascist social and political thought / A. James Gregor. Princeton, Oxford : Princeton univ. press, cop. 2005. 282 p.

26. Il Manifesto degli Intellettuali Fascisti (1925). A historical library of Italian Fascism: documents, articles, books, letters, speeches. Original Italian text and English translations. [Электронный ресурс]. URL: <https://bibliotecafascista.blogspot.com/2012/03/manifesto-degli-intellettuali-del.html> (дата обращения: 21.03.2025.)

27. Il Popolo d' Italia». 12.06.1918. / Сайт «ВКонтакте», электронное сообщество «FiammaNera/ Чёрное Пламя». [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/@fiamma__nera-orientiry-novyi-sindikalizm (дата обращения: 21.03.2025).

28. La missione universale di Roma (Pubblicato in «Gerarchia», ottobre 1932) di Benito Mussolini. A historical library of Italian Fascism: documents, articles, books, letters, speeches. Original Italian text and English translations. [Электронный ресурс]. URL: <https://bibliotecafascista.blogspot.com/2012/03/la-missione-universale-di-roma.html> (дата обращения: 13.04.2025).

29. Messaggio al pubblico inglese: Il fascismo è una «rivolta spirituale» Il Popolo d' Italia. 5 gennaio 1924. A historical library of Italian Fascism: documents, articles, books, letters, speeches. Original Italian text and English translations. [Электронный ресурс]. URL: <https://bibliotecafascista.blogspot.com/2013/01/messaggio-al-pubblico-inglese-il.html> (дата обращения: 13.04.2025).

30. Talks with Mussolini. By Emil Ludwig. Translated from the German by Eden and Cedar Paul. Little, brown and company Boston. 1933. 230 p.

© Васютин И.Д., 2025

АКАДЕМИЧЕСКАЯ МУЗЫКА В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ

ACADEMIC MUSIC IN THE THIRD REICH

Аннотация. В статье рассматривается состояние академической музыки в Германии периода Третьего рейха (1933–1945 гг.) как объекта идеологического контроля и инструмента пропаганды. Анализируется политика нацистского режима в отношении музыкальной культуры, включая работу Имперской музыкальной палаты, систему музыкальной цензуры и концепцию «дегенеративной музыки». Особое внимание уделено судьбам ключевых композиторов – от эмиграции и внутреннего сопротивления до компромиссов и сотрудничества с властями. Выделены формы идеологического воздействия на музыкальное искусство через академическое музыковедение. Раскрыт феномен «внутренней эмиграции» как альтернативной стратегии поведения. На основе междисциплинарного подхода показано, что несмотря на репрессии, академическая музыка в условиях тоталитаризма сохраняла элементы эстетической и моральной автономии.

Abstract. This article explores the state of academic music in Nazi Germany (1933–1945) as a subject of ideological control and a tool of propaganda. It examines the Nazi regime's cultural policy regarding musical institutions, including the operation of the Reich Music Chamber, censorship systems, and the concept of "degenerate music." Special attention is paid to the personal and professional trajectories of key composers – from exile and inner resistance to compromise and collaboration. The article also analyzes the role of musicology as a vehicle for ideological dissemination. It highlights the phenomenon of "inner emigration" as an alternative behavioral strategy. Through an interdisciplinary lens, it argues that despite state repression, academic music maintained elements of aesthetic and moral autonomy under totalitarianism.

Ключевые слова: академическая музыка, Третий рейх, музыкальная политика, внутренняя эмиграция, культурная цензура, Рихард Штраус, Пауль Хиндемит, Ханс Эйслер, Геббельс, Имперская музыкальная палата.

Keywords: academic music, Third Reich, music policy, inner emigration, cultural censorship, Richard Strauss, Paul Hindemith, Hanns Eisler, Goebbels, Reich Music Chamber.

Академическая музыка в Третьем рейхе представляет собой уникальный культурно-исторический феномен, в котором пересеклись политика тоталитарного государства, идеологическая цензура и творческие стратегии выживания [1, с. 120-121]. После прихода к власти Национал-социалистической немецкой рабочей партии в 1933 г. культурная политика Германии была подчинена принципу «гляйхшалтунг» (Gleichschaltung) – принудительного выравнивания всех сфер общественной и культурной жизни с идеологией нацизма. Музыка, как наиболее абстрактный из видов искусства, могла бы претендовать на определённую автономию, однако и она была включена в систему пропаганды, этнической селекции и политического контроля.

Особую роль в формировании музыкального дискурса в Третьем рейхе сыграли такие фигуры, как Йозеф Геббельс, осуществлявший надзор за культурной жизнью через Министерство народного просвещения и пропаганды, а также руководители Имперской музыкальной палаты. В результате, академическая музыка была поставлена в положение двойственной зависимости: с одной стороны, от историко-культурной традиции, с другой – от нацистской идеологии, устанавливающей критерии «арийской» приемлемости.

Цель данной статьи – выявить, каким образом академическая музыка в Третьем рейхе трансформировалась под давлением политической доктрины, проследить биографии и творческие стратегии ключевых композиторов, дирижёров и музыковедов этого периода, а также проанализировать формы сопротивления, компромисса и коллабораций. Отдельное внимание уделяется феномену «внутренней эмиграции» и роли эмигрантской музыкальной культуры как параллельной формы существования немецкой академической музыки за пределами нацистского государства.

С первых месяцев нацистского правления музыкальная сфера Германии была подчинена новой идеологической доктрине. В рамках политики «Гляйхшалтунг», охватившей все сферы культуры, была учреждена Имперская музыкальная палата (Reichsmusikkammer), подчинённая Министерству народного просвещения и пропаганды, возглавляемому Йозефом Геббельсом. Её задачей было не только организационное регулирование профессии, но и жёсткий отбор музыкантов по расовому, политическому и эстетическому признаку [3].

Уже в 1933 г. были запрещены все формы музыкального авангарда, связанные с экспрессионизмом, додекафонией, джазом, а также произведения еврейских композиторов и представителей «музыкального интернационала». Категория «дегенеративной музыки» (Entartete Musik) охватила широкие слои современной музыкальной культуры. Под запрет попали произведения Арнольда Шёнберга, Альбана Берга, Курта Вайля, Ханса Эйслера и других [4].

Государственная пропаганда возвеличивала творчество Иоганна Себастьяна Баха, Людвига ван Бетховена, Рихарда Вагнера, Антона Брукнера и Макса Регера как олицетворение «арийского духа». Эти композиторы служили образцами «настоящей немецкой музыки», способной вдохновить народ на служение рейху. Их сочинения исполнялись на торжественных мероприятиях, партийных съездах и в рамках культурных программ организации «Сила через радость» (Kraft durch Freude).

Таким образом, музыкальная жизнь в Третьем рейхе была институционально встроена в систему идеологического контроля. Государство вмешивалось в кадровую политику оркестров и консерваторий, в репертуарную политику театров, а также в академическое музыкознание, превращая музыку в инструмент мобилизации и подчинения.

Ситуация в музыкальном мире Германии 1930 гг. была предельно поляризованной: композиторы и исполнители были поставлены перед выбором – эмиграция, сотрудничество с режимом или поиск компромиссной позиции. Наиболее показательным в этом контексте является случай Рихарда Штрауса.

Несмотря на официальную должность президента Имперской музыкальной палаты, он не принимал нацистскую идеологию и оказался в конфликте с властями после отказа удалить имя Стефана Цвейга, еврейского либреттиста, из программки оперы «Молчаливая женщина». Это привело к его отставке в 1935 г. и постепенной маргинализации [2].

Композитор Пауль Хиндемит, чьё творчество сочетало элементы неоклассицизма и социальной утилитарности («музыка для употребления»), был сначала терпим режимом, однако затем подвергся официальной критике, в том числе лично со стороны Гитлера. Хиндемит покинул Германию, сначала переехав в Швейцарию, а позднее – в США, где продолжил преподавательскую и композиторскую деятельность.

Аналогичный путь избрал Арнольд Шёнберг, основоположник додекафонии и Нововенской школы, который из-за своего еврейского происхождения и авангардного стиля оказался в числе первых эмигрантов. Его эмиграция в США в 1933 г. символизировала разрыв с немецкой музыкальной традицией, захваченной идеологией.

Напротив, дирижёр Вильгельм Фуртвенглер остался в Германии, надеясь сохранить высокий уровень музыкального искусства в условиях диктатуры. Несмотря на защиту композиторов, попавших в опалу, в том числе Хиндемита, он подвергался обвинениям в коллаборационизме, как со стороны эмигрантов, так и самого режима. Его позиция остаётся предметом интенсивных научных споров [6].

В итоге музыкальное сообщество Германии было глубоко расслоено. Судьбы композиторов демонстрируют моральную и профессиональную драму времени, когда принадлежность к великой национальной традиции вступала в противоречие с этическими и политическими реалиями тоталитарного государства.

Академическое музыкознание в годы Третьего рейха оказалось полностью подчинено интересам государственной пропаганды. Ведущие учёные-музыковеды активно сотрудничали с нацистскими структурами и оказывали влияние на формирование официального культурного дискурса. Музыковедение из исследовательской дисциплины превратилось в идеологический инструмент, призванный легитимировать концепции «арийского музыкального стиля» и обосновывать исключение «неполноценных» форм музыкального творчества.

Наиболее влиятельными фигурами стали Ганс Иоахим Мозер и Генрих Бесселер. Мозер разрабатывал теоретические основания «германского музыкального духа» и выступал с публичными лекциями, в которых подчёркивал «естественную» музыкальную неполноценность евреев. Бесселер, в свою очередь, принимал участие в разработке концепций музыкального национализма и активно взаимодействовал с различными отделениями партийных культурных организаций, включая «Управление Розенберга» (Amt Rosenberg) и отделом СС «Наследие предков» (S.S.-Ahnenerbe) [5].

Музыковеды также играли роль цензоров: они составляли списки композиторов и произведений, рекомендованных или запрещённых к

исполнению, участвовали в рецензировании концертов и фестивалей, давали экспертные заключения по соответствию музыки духу времени. Это включение науки в политический аппарат предопределило дискредитацию немецкого музыкознания в послевоенный период и потребовало его полной реорганизации [3].

Можно сказать, что музыковедение в Третьем рейхе утратило научную автономию, став частью репрессивного культурного механизма, обслуживавшего идеологические задачи нацистского государства.

Наряду с открытой эмиграцией и коллаборацией существовала и третья стратегия поведения – внутренняя эмиграция. Её выбрали те музыканты, кто по различным причинам не покинул страну, но сознательно дистанцировался от режима. Они избегали официальных выступлений, отказывались от участия в нацистских культурных мероприятиях, создавали произведения с завуалированным протестным содержанием. Одним из наиболее ярких представителей этой категории был Карл Амадеус Хартман, чьи симфонические сочинения отличались экспрессионистским языком и скрытым пацифистским посланием. Несмотря на формальное пребывание в Германии, он не сотрудничал с властями и после 1945 г. стал одним из символов музыкального сопротивления.

Другим важным явлением был активный вклад немецких эмигрантов в антифашистскую культурную борьбу за пределами Германии. Особенно выделяется деятельность Ханса Эйслера – ученика Арнольда Шёнберга, композитора, работавшего в жанрах политической песни, музыки к театру и кино. Его сотрудничество с Бертольдом Брехтом дало миру целый ряд ангажированных произведений, в том числе «Песню единого фронта» (1934), «Песню болотных солдат» и музыку к спектаклям, разоблачающим суть нацистского режима. Эйслер соединял элементы джаза, марша и атональности, создавая выразительный музыкальный язык сопротивления.

Сопротивление проявлялось не только в произведениях, но и в выборе тем, стиле, отказе от приспособления к конъюнктуре. Музыкальное творчество оставалось пространством внутренней свободы, даже в условиях культурной диктатуры. Эти альтернативные пути демонстрируют, что несмотря на цензуру и репрессии, музыка сохраняла потенциал к сопротивлению и моральному протесту.

История академической музыки в Третьем рейхе – это не просто пример инструментализации искусства в условиях диктатуры, но и свидетельство противостояния, компромиссов и поисков внутренней свободы в атмосфере идеологического террора. Музыкальная культура Германии 1933–1945 гг. существовала в условиях глубочайшего этического и эстетического кризиса. С одной стороны, она была подчинена репрессивной государственной политике, которая определяла, какая музыка заслуживает существования, а какие композиторы подлежат изгнанию. С другой, сохранялось пространство для сопротивления: от эмиграции до внутренней изоляции и художественного протеста.

Опыт композиторов, дирижёров и музыковедов Третьего рейха показывает, насколько сложными были выборы, с которыми сталкивались деятели культуры. Одни стремились сохранить национальную традицию, пусть и ценой компромиссов. Другие покидали Родину и продолжали творить в изгнании, часто делая свой вклад в антифашистскую борьбу. Были и те, кто, оставаясь в Германии, нашёл формы скрытого противостояния. Это свидетельствует о том, что музыка даже в условиях крайнего давления не теряет своей силы как форма выражения свободы и человеческого достоинства.

Академическая музыка в нацистской Германии не исчезла, она изменилась, трансформировалась, прошла через испытания и сохранила способность быть не просто звуковой структурой, но голосом истории, памяти и морального выбора.

Литература

1. Введение во всеобщую историю. Учебное пособие по дисциплине «История (История России, Всеобщая история)» для неисторических специальностей и направлений подготовки / отв. ред. Ф.Ф. Шаяхметов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. 188 с.

2. Gilliam B. Richard Strauss and His World. Princeton University Press, 1992. 425 p.

3. Kater M.H. The Twisted Muse: Musicians and Their Music in the Third Reich. Oxford University Press, 1997. 344 p.

4. Levi E. Music in the Third Reich. Palgrave Macmillan, 1994. 303 p.

5. Potter P. Most German of the Arts: Musicology and Society from the Weimar Republic to the End of Hitler's Reich. Yale University Press, 1998. 364 p.

6. Spotts F. Hitler and the Power of Aesthetics. Overlook Press, 2003. 512 p.

© Луговой П.С., 2025

УДК 94(47)

З.Ф. Гилимова

студент УУНиТ, г. Уфа

Научный руководитель – к. и. н., доцент Н.М. Калмантаев.

Z.F. Gilimova

student, UUST, Ufa

Scientific supervisor – c. of hist. s., associate professor N.M. Kalmantaev.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СИМВОЛИЗМ И ВИЗУАЛЬНЫЕ КОДЫ В ФИЛЬМЕ «САЛАВАТ ЮЛАЕВ» (1940)

NATIONAL SYMBOLISM AND VISUAL CODES IN THE FILM “SALAVAT YULAEV” (1940)

Аннотация. Статья посвящена анализу фильма «Салават Юлаев», премьера которого состоялась в 1940 г. Рассматривается национальный символизм, а также визуальные коды, которые формируют эпический образ героя и подчёркивают интернациональную

солидарность восстания. Особое внимание уделяется роли фильма в конструировании образа Салавата Юлаева и его влиянию на современную культурную память Башкортостана.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the film «Salavat Yulaev», which premiered in 1940. The national symbolism is considered, as well as the visual codes that form the epic image of the hero and emphasize the international solidarity of the uprising. Particular attention is paid to the role of the film in constructing the image of Salavat Yulaev and its influence on the modern cultural memory of Bashkortostan.

Ключевые слова: Салават Юлаев, кинематограф, национальный герой, Арслан Мубаряков, Восстание Пугачева.

Key words: Salavat Yulaev, cinema, national hero, Arslan Mubaryakov, Pugachev's Rebellion.

В современном турбулентном для Российской Федерации актуальной и важной остается задача сохранения исторической памяти, укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Как отмечают исследователи, «использование истории в воспроизводстве коллективных форм идентичностей, укрепления России как многонационального государства являются значимым символическим ресурсом как федеральной и региональных органов власти, так и гражданского общества в целом» [с. 584].

Советский кинематограф 1930–1940 гг. активно участвовал в формировании национально-героического нарратива, конструируя образы исторических личностей в соответствии с идеологическими задачами эпохи. Одной из наиболее известных кинокартин, посвященных Пугачевскому восстанию 1773–1775 гг. является фильм «Салават Юлаев» [3, с. 523–524].

«Салават Юлаев» – фильм 1940 г. режиссёра Якова Протазанова, снятый по сценарию С.П. Злобина и Г.С. Спевак и рассказывающим о национальном герое башкирского народа, одном из предводителей восстания под руководством Емельяна Пугачёва. Вышел на экраны страны незадолго до начала Великой Отечественной войны – в феврале 1941 г. Это первый пример присвоения этничности, задавший стандарт дальнейших типов репрезентации башкирского национального характера в художественной форме кинофильма [2, с. 64–66].

Часть фильма снималась в киностудии «Союздетфильм» (впоследствии киностудия им. Горького). Но основная доля съёмок прошла в селе Макарово, расположенном в Ишимбайском районе современной Республики Башкортостан. В массовках были заняты практически все жители села. Пещера Салавата Юлаева, что в восьми километрах от Макарово, никакого отношения к национальному герою не имеет. Вплоть до 1940 г. пещера и скала назывались Калимоскан (дословно «Калим слетел»), по имени парня Калим, который ещё в XIX в. сорвался с вершины этой скалы, когда собирал там дикий лук. Своим нынешним названием пещера обязана фильму: здесь поставили сцену пленения Салавата [1]. Режиссёр не стал переозвучивать башкирских артистов, легкий акцент лишь добавил национального колорита.

В начале фильма появляется надпись: «Почти два столетия башкирский народ чтит память своего певца и героя Салавата Юлаева, который под знаменем пугачевского восстания вывел башкир на широкий путь общей борьбы за освобождение в братстве с великим русским народом и другими народами царской России». Мы видим, как подчеркивается роль Салавата

Юлаева в Пугачевском восстании не только, как башкирского лидера, но и как одного из лидеров интернационального войска. Отмечается особая хитрость «хищных стай промышленников», которые хитростью, обманом и грабежом отнимали земли, леса и реки. «Каждая попытка отстоять права вела к жесткой расправе», отмечается в тексте.

В первой же сцене появляется достаточно карикатурный офицер императорской армии, у которого имеются характерные усы, который выясняет у одного из башкир, почему «башкирцы» решили бунтовать. В следующем же кадре ему противопоставлен Салават, который возвращался с охоты. Сцена – динамичная, Салават на коне, поет песню, посвященную Уралу и борьбе против врагов. Происходит смена кадра, где мы вновь видим царского офицера, который зачитывает указ «собрать в пользу заводчиков штрафных лошадей в размере 200, нет, 300. Всех же башкирцев мужеско пола выдрать нещадно плетями, старшину первого», – декларирует он. Неожиданно появляется Салават, который отталкивает офицера и призывает народ «бить волков», однако ничего не происходит. Салават бежит из деревни.

Вынужденный бежать из родной деревни после конфликта с царским офицером, молодой Салават, происходивший из семьи старшины, прыгает в реку и обретает неожиданного спасителя. Хлопуша, человек с каторжным прошлым, помогает юноше избежать солдатского преследования. Салават с недоверием относится к Хлопуше, поскольку считает всех русских злыми. Происходит сцена драки, где Салават направляет на своего фактически спасителя нож, однако из-за болезни Салавата Хлопуша справляется с башкирским батыром. Пути их расходятся, поскольку Салават отрицательно относится к Хлопуше, видя во всех русских врагов.

Вскоре судьба сводит их на рудниках. В тот период, как показано автором кинокартины, имелся Высочайший указ, согласно которому «Велено всех беглых и безпаспортных ловить, ковать в кандалы и посылать на работу в рудники и заводы навечно». Общие испытания и каторжные кандалы формируют крепкую дружбу. На каторге к Салавату подходит мужчина, который заявляет, что он его брат, поскольку тоже является башкиром. Тогда Салават заявляет: «У тебя плети, у меня нет, у меня цепи – а ты без цепей. Какой еще ты мне брат?» – спрашивает Салават. Так, авторами намеренно подчеркивается свободолюбивый нрав Салавата Юлаева. Благодаря хитрости, им удается совершить побег, они проводят два года в странствиях по уральским землям. «Пришлось много им увидеть тяжких страданий народа» отмечают авторы. Хлопуша приводит Салавата к Афанасию, своему знакомому. Он рассказывает двум беглецам о Петре III, которого «Катюшка» загубить хотела, а он остался жив и «видел всю правду». Отметим, что, по мнению некоторых исследователей, Протазанов обращается к теме не из-за патриотизма, а из-за возможностей поработать с материалом Средней Азии. Изначально главный герой видит причину всех бед башкирского народа в русском владычестве. Именно в таком тоне проходит диалог между Салаватом и казаком Афанасием о Пугачеве:

– Русский царь для вас добро сделает, а башкирам какое дело?

– Врешь, есаул, у нашего государя пасынков нету, все дети родные.

На вопрос Афанасия «Какую волю башкиры хотят?» Салават отвечает так:

– Наши люди так говорят. Землю заводчикам – не давать, лес рубить – не давать, лошадей штрафных – не давать. Начальников, которые народ обижают – прогнать надо. Башкирам вольно жить надо, как рыбы в воде плавают, как зверь в лесу ходит, как птица в небе... Вот что надо нашему народу.

Этот диалог с упоением слушает жена Афанасия – Оксана, а за дверями подслушивает сам Емельян Пугачев. Скорее всего, данная сцена показывает Салавата, как романтического поэта в том числе. У Салавата проявляются чувства к русской девушке – Оксане.

Уже с середины фильма вся деятельность Салавата Юлаева осуществляется в контексте помощи русскому освободителю Е.И. Пугачеву – Петру III, который и должен стать спасителем башкирского народа. «Восстание, поднятое Пугачевым против феодально-крепостнического строя, разгоралось большим пожаром. Восстала казачья беднота. К казакам присоединились крепостные рабочие уральских заводов, крестьяне – русские, татары, чуваша, мордва, мари, башкиры...».

В первой же сцене, где показан вернувшийся Салават, на его голове красуется шапка с двумя «хвостами». На самом деле, башкиры такую шапку, тем более в летний период не носили, это одна из наиболее ярких и сохранившихся в народе ошибок, и некорректных представлений об одежде башкирских воинов. Вернувшись в родные края, Салават мобилизует местное население, которое вскоре пополняет ряды восставших под предводительством Пугачёва. «Скоро пойдут новые законы», – говорит Салават, встречаясь с отцом – Юлаем Азналиным. Повстанцы начинают распространять свои листовки.

«Он наш!» – говорит Салават, когда один из башкир поднимает руку на русского крестьянина. Эта сцена показывает перемены в сознании башкирского батыра. Если в начале фильма Юлаев не доверяет Хлопуше, своему спасителю, то уже в этом он встает на защиту обычного русского крестьянина. Салават перед башкирским народом письмо от самозванного императора Петра III и народ идет за ним.

Башкирская кавалерия под предводительством полковника Салавата сражается плечом к плечу с русскими тружениками и работниками уральских промышленных комплексов. Друг Салавата советует ему собрать всех башкир и изгнать всех русских из страны, но башкирский воин с ним не соглашается. Это еще один момент, где в фильме четко указывается, что Салават боролся не против русских и не против государства, а против угнетения и несправедливого отношения императорской власти по отношению к народу.

Салават встречается с Хлопушей. Русский крестьянин рассказывает Пугачеву, что Салават привел с собой 2000 башкирцев. Салават Юлаев показывает Емельяну Пугачеву свою абсолютную преданность. Пламя восстания разрасталось еще сильнее.

Показываются сцены военных действий. Сердце Урала – Башкирия, горит восстанием. «Впервые в истории башкиры шли об руку с русскими», отмечают авторы фильма.

Салават наблюдает за процессом литья пушек. Восставшие работают быстрее и качественнее, чем на владельцев заводов. К Салавату приходит Афанасий и сообщает, что с Петербурга войско идет. Кроме того, становится известно, что Оксана родила ребенка от Салавата. Вполне символично выглядит влюбленность Салавата в русскую казачку Ксанку и рождение у них сына – в пылу антикрепостнического восстания русские и башкиры роднятся. Подобный взгляд режиссера на башкирского героя согласовывался с точкой зрения одного из главных идеологов того времени: А. А. Жданов характеризовал в 1937 г. Салавата Юлаева как героя, связавшего русский и башкирский народы. Салавату важно, чтобы это был мальчишка и он счастлив узнать, что родился именно сын [4, с. 526-530].

Для подавления восстания императорская власть направляет элитные военные подразделения под руководством командира Михельсона. Салават, поднимая повстанцев на сражение вскрикивает: «Башкиры! За свободу! За счастье наших детей!». В следующей сцене Салавата ранит лучник. Очнувшись он только в доме Ксанки, где она качает ребенка. В момент, когда она выходит из избы проверить, что происходит на улице в нее из ружья попадает солдат. Далее в дом врываются солдаты Михельсона, Салават убегает. Ключевым фактором в поражении повстанческих сил становится вероломство казацкой верхушки. В сражении погибает Хлопуша, а Пугачёв оказывается в плену у предавших его казаков.

Следующая сцена – Михельсон дает указание поймать Салавата. Один из башкир предает башкирского бригадира и пытается через его поимку получить звание бригадира и медаль. Башкир-предатель рассказывает жене Салавата о том, что у него есть русская жена и что он ее обманывает. Она приходит к нему, тем самым открывая местоположение Салавата.

Башкирского бригадира спасают из заточения свои же солдаты. Расставаясь с товарищами в горной местности, Салават вселяет в них надежду: «Башкирский народ еще обретет свободу!» [5].

Фильм «Салават Юлаев» 1940 г. создал устойчивый визуальный образ национального героя, соединив башкирскую культурную традицию с советской идеологией. Через пейзажи, костюмы, музыку и операторскую работу режиссёр подчёркивает связь Салавата с природой Башкортостана, его роль в объединении народов и трагизм борьбы. Кинокартина заложила основу для дальнейшей мифологизации Салавата Юлаева в искусстве и общественном сознании.

Эта интерпретация остаётся актуальной: памятник Салавату Юлаеву в Уфе, опера Загира Исмагилова «Салават Юлаев» и современные культурные проекты продолжают развивать образ, созданный в фильме. Исследование визуальных кодов картины помогает понять, как национальные символы становятся частью коллективной памяти и политики идентичности.

Литература

1. «Салават Юлаев»: рождение легенды // Республика Башкортостан. [Электронный ресурс]. URL: <https://resbash.ru/articles/kultura/2020-04-28/salavat-yulaev-rozhdenie-legendy-751542> (дата обращения: 05.03.2025).
2. Игибаева Г.А. Художественный фильм «Салават Юлаев» как образец создания этнического звукового пространства в советском кинематографе 1940-х годов / Г. А. Игибаева // Временник Зубовского института. 2020. № 2(29). С. 64-74.
3. Ломакин А.В. Национальная героика на экране: историческая тема в кинематографе второй половины 1930-х гг. и конструирование советского патриотизма // Ноябрьские историко-архивные чтения в Пермском партархиве 2022: Международная научно-практическая конференция, Пермь, 07–08 декабря 2022 года. Пермь: Общество с ограниченной ответственностью «Медиа-холдинг "Уральский Рабочий"», 2023. С. 521-531.
4. Рахимов Р.Н., Ефименко А.Д. Что позволено Юпитеру... особенности национальной политики в Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны // Власть. 2021. № 1. С. 256–260.
5. «Салават Юлаев» (реж. Яков Протазанов, 1940). [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:1941._%D0%A1%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%B0%D1%82_%D0%AE%D0%BB%D0%B0%D0%B5%D0%B2.webm . Режим доступа: свободный.
6. Тухватуллин Р.Р., Шаяхметов Ф.Ф. Политика памяти и коммеморативные практики в консолидации российского общества в условиях современных вызовов (на примере Республики Башкортостан) // Евразийский юридический журнал. 2024. № 12 (199). С. 582-584.

© Гилюмова З.Ф., 2025

Е.К. Франк
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Ю.С. Усова

E.K. Frank
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor Y.S. Usova

**СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О КОЛОНИАЛЬНОМ
ПРОШЛОМ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: НА ПРИМЕРЕ
КОММЕМОРАТИВНЫХ ПРАКТИК В СТРАНАХ БРИТАНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА НАЦИЙ В СОВРЕМЕННОСТИ**

**PRESERVING THE HISTORICAL MEMORY OF THE COLONIAL PAST
IN A DIGITAL ENVIRONMENT: AN EXAMPLE OF COMMEMORATIVE
PRACTICES IN THE COUNTRIES OF THE BRITISH COMMONWEALTH
OF NATIONS IN MODERN TIMES**

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению процесса сохранения исторической памяти о колониальном прошлом в странах Британского Содружества наций в современных условиях. В статье анализируются различные примеры коммеморативных практик, существующих в данных странах и находящих применение в цифровой среде.

Abstract. This article is devoted to the process of preserving the historical memory of the colonial past in the countries of the British Commonwealth of Nations in modern conditions. The article analyzes various examples of commemorative practices existing in these countries and finding application in the digital environment.

Ключевые слова: Великобритания, Британское Содружество наций, коммеморативные практики, цифровая среда, колониальная история, историческая память, коллективная память.

Keywords: Great Britain, British Commonwealth of Nations, commemorative practices, digital environment, colonial history, historical memory, collective memory.

Проблемы, связанные с осмыслением и сохранением исторической памяти, а также способов ее хранения и функций, которые данная память играет в культурной жизни различных сообществ, представляют собой один из наиболее дискуссионных вопросов в исторической науке, имеющих как сугубо практическое, так и морально-этическое значение [6, с. 583]. По мере развития цифровых технологий сохранение исторической памяти в современности выходит на новый уровень, при котором доступ к этой информации посредством использования возможностей сети Интернет могут получить не только представители общества той или иной страны, но и зачастую все пользователи сети, интересующиеся данной темой.

В данных условиях вопрос того, какая именно информация, связанная с сохранением исторической памяти, должна быть представлена в цифровой среде (в особенности в открытом доступе для широкой пользовательской аудитории сети Интернет), приобретает особую актуальность. Поскольку к данной категории часто относятся как минимум неоднозначные и получающие

в историографических трудах исследователей различных направлений или ведущих работу в различных странах мира (что, безусловно, также нередко накладывает свой отпечаток на особенности интерпретации тех или иных исторических событий, явлений и процессов) вопросы и проблемы, нередко можно отметить недостаточное или очень специфическое отражение процесса сохранения исторической памяти по тематике, казалось бы, крайне важных для коллективного самовосприятия представителей того или иного сообщества событий прошлого в цифровой среде.

Примером данной проблемы может служить, в частности, охранения исторической памяти о колониальном прошлом в странах Британского Содружества наций в современных условиях. В настоящее время в состав данного Содружества продолжают входить 53 государства с общим населением почти в 2,2 млрд человек (что составляет более 25% всего населения нашей планеты), включая практически все территории бывшей Британской колониальной империи (за исключением отдельных государств, таких как Ирландия, Египет, Иордания и некоторые другие страны Ближнего Востока и Северной Африки) [4, с. 218-220].

Сохранение исторической памяти о колониальном прошлом в цифровой среде стало важной темой для данных стран, поскольку колониальный период, для ряда государств Содружества завершившийся окончательно лишь во второй половине XX в., представляет собой один из важнейших хронологических периодов в их развитии [5, с. 13-16]. Коммеморативные практики, направленные на осмысление колониального наследия, принимают различные формы и используют современные технологии для достижения своих целей.

В широком смысле коммеморативные практики представляют собой действия, мероприятия и ритуалы, направленные на увековечение памяти о значимых событиях, личностях или явлениях в истории. Эти практики могут принимать различные формы и служат для сохранения и передачи исторической памяти, формирования общественного сознания и идентичности. В условиях цифровой среды наиболее часто они реализуются в форме создания электронных архивов, проведения виртуальных выставок (на основе как специально созданных платформ, так и уже существующих музеев и архивов, в которых, как правило, хранятся оригиналы оцифрованных объектов), использования социальных медиа, а также различных образовательных инициатив.

В ряде стран Британского Содружества в современных условиях существуют и активно разрабатываются цифровые архивы, которые собирают документы, фотографии, карты и другие материалы, в т.ч. связанные с колониальным периодом. Например, такие проекты, как англоязычные ресурсы британского производства «British Library's Endangered Archives Programme» и «Empire Online», предоставляют доступ к неопубликованным ранее материалам, позволяя исследователям сети Интернет изучать колониальное наследие. На основе данных ресурсов осуществляются различные виртуальные

выставки, в т.ч. посвященные подробному анализу развития отдельно взятых регионов в составе Британской колониальной империи в XVIII-XIX вв.

Стоит уточнить, что данные ресурсы, как правило, включают материалы по колониальной истории стран, ныне входящих в Британское Содружество наций, в контексте более общих тематических подборок. Непосредственно посвященных колониальному прошлому онлайн-ресурсов в современных условиях существует значительно меньше, и далеко не всегда они представляют собой именно обособленные платформы для размещения оцифрованной информации по данной тематике.

Например, онлайн-платформа «Museum of British Colonialism», посвященная, как следует из названия, непосредственно сохранению исторической памяти о Британской колониальной империи и влиянию колониального прошлого на современное развитие стран, входивших в ее состав, на практике представляет собой хранилище ссылок на различные онлайн-ресурсы по заявленной тематике (часть из которых в настоящее время уже перенесена на иные платформы, что лишает актуальности данные ссылки), а также обособленные онлайн-площадки для научно-исследовательских дискуссий, посвященных теоретическим аспектам анализа феномена британского колониализма. При всей значимости данных материалов и том факте, что поддержка подобных дискуссий в цифровом пространстве в формате широкого доступа также является в некотором роде коммеморативной практикой, приходится признать, что они имеют мало общего с сохранением исторической памяти о колониальном прошлом на территории бывшей Британской империи.

Вместе с тем даже данные проекты, как правило, представляют собой результаты деятельности ученых, являющихся выходцами именно из самой Великобритании, а не из ее бывших колоний. Для многих стран в составе Британского Содружества наций остается актуальной в данном отношении позиция своеобразной «исторической амнезии», предполагающей активное изучение раздельно доколониальной и постколониальной истории при выделении непосредственно колониального периода в сферу изучения европейской истории, т.е. зарубежной относительно данных стран. В данном случае колониальный период развития того или иного государства оказывается практически стерт из национальной истории и, в долгосрочной перспективе, из коллективной памяти его населения.

Существуют и некоторые цифровые ресурсы, онлайн-платформы и цифровые архивы, созданные на базе исследований историков, являющихся выходцами из бывших британских колоний и делающих акцент именно на истории данных стран, а не самой Великобритании. Однако при более тщательном изучении эти проекты чаще всего оказываются результатами их сотрудничества с британскими научно-исследовательскими учреждениями. Даже единый онлайн-архив Британского Содружества наций, в разработке и заполнении которого, согласно материалам соответствующего сайта, принимали участие представители более чем 30 стран, входящих в Содружество, более чем на 65% состоит из делопроизводственных документов,

связанных с деятельностью колониальной британской администрации в различных регионах империи [3, с. 73-74].

Примером данной практики стало создание онлайн-архива «Digital Archive of the Arabian Gulf» в результате объединения материалов из коллекций Национального архива Объединённых Арабских Эмиратов и Национального архива Великобритании. Полученный обширный массив исторических источников, включающий различные материалы по колониальной и постколониальной истории региона с 1820 по 2004 гг., не только находится в открытом доступе, но и может быть обработан и использован с целью создания образовательного контента в формате интерактивных схем, таблиц и карт, чему способствует функционал самого онлайн-архива.

Кроме того, далеко не во всех странах Британского Содружества наций коммеморативные практики по сохранению исторической памяти о колониальном прошлом в настоящее время имеют отражение в цифровой среде в равной степени. Зачастую можно встретить примеры подобных практик применительно к истории той или иной страны лишь в цифровых ресурсах британского производства или созданных на базе другой бывшей колонии Великобритании. Например, на онлайн-портале «Trove» австралийского производства, помимо оцифрованных копий экспонатов периода британского колониального правления на данном материке, можно встретить аналогичные материалы по истории Новой Зеландии, Британской Ост-Индии, Китая и неоторых британских колоний на территории африканского материка.

В современных условиях взаимодействие Великобритании и ее бывших колоний внутри Содружества в контексте общего колониального прошлого получило новый толчок в связи с инициативой выхода Великобритании из Европейского союза [9, с. 299-300]. Данный процесс спровоцировал волну как теоретического, так и широкого общественного обсуждения исторического наследия Британской империи и различных механизмов современного взаимодействия как альтернативном участию в Европейском союзе способе реализации международного влияния [1, с. 21-24]. Примечательно, что по итогам социологического интернет-опроса в декабре 2020 г. только 36% опрошенных британцев выбрали в числе возможных вариантов оценки колониального прошлого страны отрицательные варианты и поддержали мнение, что бывшие колонии Великобритании в настоящее время развиваются самостоятельно и обособленно от бывшей метрополии [8, р. 148-152].

Вместе с тем данные сходного по содержанию опроса, проведенного в июне 2022 г., позволяют сказать, что с точки зрения жителей Великобритании Содружество наций представляется чрезвычайно важным для процветания страны объединением. Так, по степени значимости различных межгосударственных объединений для своей страны жители Великобритании поставили Содружество наций на 4 место, причем более 70% опрошенных британцев смогли верно назвать действующего главу объединения и основные направления деятельности Содружества наций.

В то же время среди жителей Индии с данной задачей смогли справиться только 47%, Ямайки – 41%, а из респондентов, проживающих в Южно-

Африканской Республике, дали правильные или близкие к ним ответы лишь 22%. Данные результаты достаточно ярко демонстрируют как стремление населения бывших колоний Британской империи обособиться от колониального прошлого и от его отражения в современных условиях в существовании и деятельности Содружестве наций, так и противоположную направленность интересов Великобритании, обретающую выражение в т.ч. в реализации коммеморативных практик, направленных на сохранение исторической памяти о колониальном прошлом в коллективном сознании населения как собственной страны, так и бывших колоний [2, с. 35-39].

Таким образом, мы приходим к выводу, что при анализе коммеморативных практик в странах Британского Содружества наций, направленных на сохранение исторической памяти о колониальном прошлом в цифровой среде, можно выявить явный интерес к данной деятельности со стороны британских научно-исследовательских учреждений и организаций. Отчасти такое явление можно объяснить тем, что в современных условиях в Великобритании данное объединение вплоть до настоящего времени рассматривается как перспективный механизм сохранения влияния в ее бывших колониальных владениях.

Вероятнее всего, по этой же причине в большинстве стран, в настоящее время входящих в Британское Содружество наций и являвшихся в прошлом британскими колониями, интерес к сохранению исторической памяти о колониальном прошлом и различные вопросы, связанные с деятельностью самого Содружества, пользуются существенно меньшей поддержкой и популярностью, что показывают результаты различных социологических опросов, проведенных в последние годы.

Литература

1. Безбородов Ю.С. Особенности международно-правового статуса Британского содружества // Международное публичное и частное право. № 1. 2010. С. 21-24.
2. Годованюк К.А. Саммит Содружества наций и новая внешнеполитическая стратегия Британии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 2. С. 35-42.
3. Зимулина Л.А. Эволюция национальной государственности британских доминионов // Британская империя в XX веке / под ред. А.М. Пегушева, Е.Ю. Сергеева. М.: Институт всеобщей истории РАН. 2020. С. 72-80.
4. Степанова Н.А. Великобритания в Содружестве наций: прошлое, настоящее, будущее // Вестник МГИМО. 2014. № 4 (37). С. 214-221.
5. Тарле Е.В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств // Политика: история территориальных захватов. XV-XX века: М.: Эксмо-Пресс, 2001. 411 с.
6. Тухватуллин Р.Р., Шаяхметов Ф.Ф. Политика памяти и коммеморативные практики в консолидации российского общества в условиях современных вызовов (на примере Республики Башкортостан) // Евразийский юридический журнал. 2024. № 12 (199). С. 582-584.

7. Фролова И.В., Уразова А.И. Политика памяти и историческая наука: научные итоги года, посвященного столетию Республики Башкортостан // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 4. С. 1019-1031.

8. Bailyn B. Atlantic History: Concept and Contours. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2020. 160 p.

9. Newell M. E. Brethern by Nature. New York: Cornell University Press, 2019. 328 p.

© Франк Е.К., 2025

УДК 94(540)

Э. Р. Кульмухаметова

студент УУНиТ, г. Уфа

Научный руководитель – к. и. н., доцент Ф.Ф. Шаяхметов

E.R. Kulmukhametova

student, UUST, Ufa

Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor F.F. Shayakhmetov

МОДЕРНИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ АВТОРИТАРИЗМА: ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ИНДИИ (1975-1977)

MODERNIZATION UNDER AUTHORITARIANISM: THE STATE OF EMERGENCY IN INDIA (1975-1977)

Аннотация. В статье рассматривается чрезвычайное положение в Индии, инициированное премьер-министром Индирой Ганди, авторитарные преобразования, направленные на преодоление социально-экономического и политического кризиса. С одной стороны, режим добился краткосрочных успехов, таких как снижение инфляции, рост промышленного производства и реализация социальных программ. С другой – его методы (массовые репрессии, цензура, принудительная стерилизация, насильственная урбанизация) подорвали доверие к демократическим институтам и усугубили социальные проблемы.

Abstract. The article examines the state of emergency in India initiated by Prime Minister Indira Gandhi, authoritarian transformations aimed at overcoming the socio-economic and political crisis. On the one hand, the regime has achieved short-term successes, such as lower inflation, increased industrial production, and the implementation of social programs. On the other hand, his methods (mass repression, censorship, forced sterilization, forced urbanization) have undermined trust in democratic institutions and exacerbated social problems.

Ключевые слова: Индия, чрезвычайное положение, авторитарная модернизация, Индира Ганди, социально-экономические реформы, политические репрессии, демократический кризис.

Keywords: India, state of emergency, authoritarian modernization, Indira Gandhi, socio-economic reforms, political repression, democratic crisis.

В июне 2025 г. исполнится 50 лет со дня введения режима чрезвычайного положения в Индии, объявленного правительством Индиры Ганди в ночь с 25 на 26 июня 1975 г. Чрезвычайное положение, разделившее историю Индии на «до» и «после», сопровождалось серьезными социальными, экономическими и политическими переменами в обществе, проводимыми жесткими авторитарными методами [3, с. 176]. Критики чрезвычайного положения в оппозиционной прессе сравнивали внутриполитический курс Индиры Ганди с

режимом Адольфа Гитлера и Бенито Муссолини [1, с. 128], а переживания событий 1975-1977 гг. стали неизгладимым шрамом в коллективной памяти народов Индии. Однако нельзя игнорировать факт того, что в ходе осуществления «модернизации сверху» в определенных сферах общественной жизни были достигнуты позитивные результаты.

Актуальность нашего исследования заключается в том, что опыт Индии 1975-1977 гг. является значимым примером для понимания парадоксов авторитарной модернизации, когда формальные экономические успехи достигаются ценой подрыва демократических институтов и социальной стабильности. Потеря доверия к демократическим институтам, вызванная чрезвычайным положением 1975-1977 гг., находит отражение в современном индийском обществе, где нынешний политический курс Нарендра Моди вызывает ассоциации с авторитарным периодом второй половины XX в. [2, с. 22].

Согласно одной из главных точек зрения в индийской и отечественной историографии введение чрезвычайного положения в Индии было обусловлено кризисом индийской демократии и социально-экономическими проблемами, обострившимися в начале 1970 гг. По мнению исследователей, введение данной меры было направлено на защиту демократии в стране и осуществлялось с помощью конституционного предусмотренным механизма, заложенного в основном законе государства и было продумано заранее [2, с. 38]. В 1977 г. чрезвычайное положение окончил эру доминирования Индийского Национального Конгресса и привело к созданию первого коалиционного правительства, таким образом создав условия для развития демократических институтов в стране.

К середине 1970 гг. наблюдалась системная эрозия демократических механизмов. Противостояние между правительством Индиры Ганди и оппозиционными силами, объединившимися вокруг Джейпракаша Нараяна, становилось все интенсивнее [4, с. 146]. Индийский Национальный Конгресс все чаще прибегал к применению авторитарных методов. Усиливалось давление не только на оппозиционные организации, но и на СМИ, судебную систему. Частые введения президентского правления в штатах ставили под угрозу федеративную систему.

На фоне ежегодного прироста населения, безработица достигла критической отметки [8, с. 93]. Программа «Ликвидация бедности» 1971 г. не сумела остановить рост социального расслоения. Опустошительные засухи 1965-1967 гг. и 1972-1973 гг. привели к острой нехватке продовольствия и товаров первой необходимости, усугубленной зависимостью от американских поставок зерна. В довершение, покупательную способность населения подорвал мировой нефтяной экономический кризис 1973 г., последствием которого стала гиперинфляция.

12 июня 1975 г. Аллахабадский высокий суд лишил Индиру Ганди депутатского мандата. В ответ президент Фахруддин Али Ахмед подписал прокламацию о введении чрезвычайного положения [5, с. 371].

В первые же часы после объявления чрезвычайного положения ознаменовались массовыми арестами политических оппонентов партии. В кратчайшие сроки по стране были задержаны около 10 000 человек, в том числе и главные оппозиционные лидеры. Закон о поддержании внутренней безопасности позволял содержать людей под стражей без предъявления обвинений. Введя предварительную цензуру для СМИ, власть закрыла оппозиционные издания, конфисковала критические публикации и превратила прессу в инструмент пропаганды. Журналисты, отказавшиеся подчиняться новым правилам, как редактор «The Hindu» Рамакришнан, немедленно арестовывались. Цезура была введена на основе положения закона «Об обороне Индии».

Важнейшим событием периода чрезвычайного положения стало провозглашение «Программы из 20 пунктов» 1 июля 1975 г. Являясь продолжением предыдущей социально-экономической политики, она была призвана решить основные проблемы государства в этой сфере и обеспечить условия для «национального возрождения». Программа включала в себя такие прогрессивные инициативы, как: борьба с коррупцией, снижение цен на товары массового потребления, запрет кабального труда, перераспределение земли, списание долгов беднейших крестьян. Их реализация происходила с применением жёстких административных мер. Помимо этого, в программе содержалось положение об отказе продолжения национализации и либерализации в сфере частного предпринимательства [5, с. 372].

С одной стороны, программа действительно продемонстрировала эффективность: инфляция упала до 2%, а промпроизводство выросло на 15%. Говоря об успехах чрезвычайного положения на ноябрь 1975 г., Индира Ганди отмечала: снижение оптовых цен на товары первой необходимости на 8%, расширение сети магазинов «справедливых» цен в рамках государственной системы распределения увеличение объемов производства государственных предприятий на 15%, распределение среди безземельных категорий населения более 50 тыс. земельных участков под строительство частных жилых домов [2, с. 54]. С другой, долгосрочные последствия «Программы из 20 пунктов» не решили глубинных социально-экономических проблем в государстве.

Одним из самых суровых проявлений деятельности чрезвычайного правительства является насильственная урбанизационная кампания по «благоустройству городов» под руководством Санджая Ганди [6, с. 195]. Под лозунгом создания «современного облика индийских городов» были развернуты масштабные операции по сносу трущоб, сопровождавшиеся грубыми нарушениями прав человека. Особенно жестоко кампания проводилась в Дели, где только в районе Туркман-Гейт в апреле 1976 года было снесено около 150 тысяч жилищ, а их обитатели были выброшены на улицу без предоставления компенсации [7, р. 179]. Данная программа усугубила социальное неравенство. Зачастую освобожденные земли передавались коммерческим организациям, в то время как тысячи переселенцев были вынуждены ютиться на городских окраинах.

Нельзя не отметить, что кампании по сносу трущоб и перемещению граждан встречали не только сопротивление, но и поддержку. Часть населения получила во владение землю, о которой мечтала. Подтверждение тому история Пунарваспура – пригорода Дели [8, с. 53].

Под давлением продовольственного кризиса и демографических проблем трансформации подверглась программа по семейному планированию. Первоначально официальной целью данной политики было снижение рождаемости к 1984 г. с 3,5 деторождений на женщину до 2,5 [6, с. 192]. Обсуждая проблему рождаемости, Индира Ганди высказывалась о необходимости сделать обязательными исполнение некоторых предписаний программы. Благодаря перегибам на местах, «национальная политика народонаселения» осуществлялась насильственными методами. Это вылилось в массовые стерилизации, особенно в северных штатах – только в Уттар-Прадеш за 1976 год было проведено около 1,5 млн операций [6, с. 193].

Изначально вазэктомии должны были подвергаться женатые мужчины, имеющие потомство, но на практике эта процедура осуществлялась в отношении молодых парней, необразованных бедняков и даже политических оппонентов. Для достижения плановых показателей бюрократия применяла систему квот, материальных поощрений (предлагала выдачу радиоприемников взамен на согласие проведения операции, подкупала денежными выплатами) и наказаний (лишала продовольственных карточек, угрожала увольнениями). Особенно страдали маргинализированные группы: низшие касты и мусульмане [5, с. 373]. Мобильные медицинские бригады работали в условиях антисанитарии, что приводило к осложнениям и смертям.

Таким образом, суровый период 1975-1977 гг. – значимый исторический пример того, как насильственная модернизация может не просто потерпеть неудачу в попытках разрешить социально-экономический и политический кризис, но и усугубить его. Формальные экономические успехи (снижение инфляции, подъем промышленного производства) были достигнуты ценой деградации демократических институтов и глубоких потрясений. Жесткие меры, от «Программы 20 пунктов» до принудительной стерилизации, подорвали доверие населения к государству и не устранили истинные причины социально-экономических проблем. Однако происходили и позитивные перемены. К примеру, осуществление аграрной реформы, противодействие коррупции, обеспечение доступа населения к базовому здравоохранению и образованию.

Литература

1. Афро-азиатский мир в XX веке: власть и насилие: реф. сб. / РАН ИНИОН, Центр науч.-информ. исслед. глоб. и регион. проблем, Отд. Азии и Африки; сост. и отв. ред. А.И. Фурсов. Москва, 2000. 136 с.
2. Иконникова, Т.Д. Кризисные процессы в политической и социокультурной жизни Индии 1970-х годов: интерпретации в современном индийском обществе: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Т.Д. Иконникова. М., 2024. 210 с.

3. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.
4. Куценков, А. А. Индия: проблемы модернизации // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 1(11). С. 135-159.
5. Юрлов, Ф.Н. История Индии. XX век / Ф.Н. Юрлов, Е.С. Юрлова. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2010. 920 с.
6. Юрлова, Е.С. Индира и Санджай Ганди – трагическая связь, приведшая к катастрофе // Историческая психология и социология истории. 2018. Т. 11, № 2. С. 191-201.
7. Jaffrelot C., Anil, P. India's First Dictatorship: The Emergency, 1975–1977. Oxford University Press, 2020.
8. Prashad, V. Emergency Assessment. Social Scientist, Vol. 24, No. 9/10, 1996. Pp. 36-68.

© Кульмухаметова Э.Р., 2025

УДК 94(73)

Е.С. Коваленко
студент УУНиТ, г. Уфа

Научный руководитель – к. и. н., доцент Р. Р. Тухватуллин

E.S. Kovalenko
student, UUST, Ufa

Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor R. R. Tukhvatullin

ОБРАЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ЖУРНАЛЕ «TIME» В 1981-1983 ГОДАХ

THE IMAGE OF THE SOVIET UNION IN TIME MAGAZINE IN 1981-1983

Аннотация. Статья посвящена анализу образа Советского Союза в американском журнале «Time» в 1981-1983 гг., являющихся одним из самых напряженных периодов холодной войны. На основе содержательного и визуального исследования публикаций выявляются характерные особенности репрезентации Советского Союза, рассматриваются основные стереотипы и клише. Особое внимание уделяется влиянию политического контекста на медийное конструирование образа внешнего врага.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the image of the Soviet Union in the Time magazine in 1981-1983, which were one of the tensest periods of the Cold War. Based on the content and visual study of publications, characteristic features of the representation of the Soviet Union are identified, the main stereotypes and clichés are considered. Particular attention is paid to the influence of the political context on the media construction of the image of the enemy.

Ключевые слова: холодная война, советско-американские отношения, пресса, журнал «Time», образ врага

Keywords: cold war, Soviet-American relations, press, Time magazine, image of the enemy

В начале 1980 гг. отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами достигли одной из самых напряженных точек в истории холодной войны. После избрания Р. Рейгана президентом в Белом доме утвердилась консервативная администрация, взявшая курс на выработку конфронтационной

стратегии, в которой Советский Союз был представлен главным врагом свободы и демократии – «империей зла», угрожающей мировому порядку.

Фундамент новой стратегии составляла Директива по национальной безопасности 75, провозглашавшая принципы советско-американских отношений: противостояние советскому «империализму», оказание давления изнутри для ослабления источников советского «империализма»; переговоры на основе взаимности для разрешения противоречий [1]. Для реализации указанных принципов усилились торгово-экономические санкции, сокращались прямые политические контакты, повышался военный потенциал Соединенных Штатов, что выражалось в значительном увеличении военного бюджета, стремительном наращивании оружия массового поражения.

Обострению советско-американских отношений в 1981-1983 гг. также способствовали: размещение ракет средней дальности в Западной Европе; объявление Стратегической оборонной инициативы, заключавшейся в создании инновационной системы противоракетной обороны в космосе, в оказании психологическое давления на советское руководство и в ускорении экономического изматывания врага [2]; сбитый Советским Союзом корейский авиалайнер, нарушивший советское закрытое воздушное пространство, среди пассажиров которого были американские граждане. Кроме того, Директива по национальной безопасности предполагала активное противодействие советской пропаганде. В связи с чем администрация Р. Рейгана поддерживала публикацию средствами массовой информации материалов, подчеркивающих экономическое, политическое и идеологическое превосходство «западных ценностей» над советской репрессивной системой.

В этом контексте исследование образа Советского Союза в одном из самых влиятельных американских журналов – «Time», представляется важным и актуальным источником изучения формирования общественного мнения в условиях обострения международных отношений.

Еженедельный журнал «Time» всегда уделял значительное внимание Советскому Союзу. Публикации о Советском Союзе присутствовали в различных колонках: «Нация» (Nation) – в рамках внутригосударственного отношения к СССР; «Мир» (World) – в контексте новостей о советской внутренней и внешней политике; «Люди» (People) – обсуждение биографии советских политических лидеров; «Жизнь» (Living) – рассмотрение культурных и бытовых аспектов жизни советских граждан, «Экономика и Бизнес» (Economy&Business) – разбор социалистической экономики. Кроме того, периодически выходила специальная рубрика «Советы» (The Soviets) об отдельных сторонах советского общества.

1981 г. характеризуется постепенным ухудшением советско-американских отношений, разработкой стратегии «прямого противоборства», наращиванием ядерного вооружения.

После инаугурации Р. Рейгана в журнале публикуется его комментарий о советских лидерах: «Единственная мораль, которую они признают – та, что будет способствовать их делу. Они оставляют за собой право совершать любые преступления. Лгать и мошенничать» [3]. На протяжении года в номерах

обсуждается невозможность переговоров об ограничении вооружений, так как «Советы не делают примирительных шагов» [4], «неустанное наращивание советской военной мощи стало общемировым явлением» [5], «пустая болтовня вызывает беспокойство» [6], «цель Москвы – расколоть НАТО» [7]. С одной стороны, говорится о готовности Л. Брежнева заключить мир, с другой, описывается лживость и опасность советских предложений. Сам Генеральный секретарь ЦК КПСС изображается как символ застоя, бюрократической инертности и упадка советской системы. Особенно подчеркивается деградация советской политической элиты как «недееспособных стариков, восхваляющих хронически больного лидера» [8]. Отмечается, что «культ личности немощного вождя достиг своего апогея» [9]. Таким образом, публикации «Time» за 1981 г. отражают начальный этап формирования антисоветской риторики, в рамках которой Советский Союз изображается как враждебное и деградировавшее государство, а его руководство как неспособное к диалогу и реформам.

В 1982 г. продолжалось ухудшение советско-американских отношений. Соединенные Штаты активно поддерживали оппозиционные движения в странах Восточной Европы, особенно движение «Солидарность» в Польше, а переговоры о ликвидации ракет средней и меньшей дальности заходили в тупик. В июне Р. Рейган, выступая перед британским парламентом, заявил: «Мы приближаемся к концу кровавого века, терзаемого ужасным политическим изобретением – тоталитаризмом... Сила движения «Солидарность» в Польше демонстрирует правду, рассказанную в подпольной советской шутке. Она заключается в том, что Советский Союз остался бы однопартийной страной, даже если бы была разрешена оппозиционная партия, потому что все бы вступили в нее... Марш к свободе и демократии оставит марксизм-ленинизм на свалке истории» [10].

«Time» продолжает рассуждать о сложности переговоров с советским руководством, отмечая, что «Советский Союз всегда откровенно лжет» [11]. Один из мартовских выпусков отведен возможной ядерной угрозе – на обложке изображен взрыв с подписью «Думая о немыслимом. Растущие опасения по поводу ядерной войны», а в статье о военном потенциале Советского Союза и Соединенных Штатов говорится о необходимости последних наращивать вооружения, иначе будет «шантаж со стороны СССР и, возможно, его прямое нападение» [12]. Довольно много публикаций посвящено Л. Брежневу, а также «слухам» об ухудшении его здоровья. Например, заявляется о том, что у советского лидера «инсульт, а Кремль намеренно создает впечатление, что Брежнев находится у власти» [13], затем в статье «Леонид жив! Акт исчезновения заканчивается» говорится: «Хотя истинное состояние его здоровья установить не удалось, Брежнев выглядит удивительно здоровым» [14]. На фоне подобных слухов обсуждается «судьба советского престола», а именно, что «претенденты на пост Брежнева, уставшие ждать его кончины, тайно пытались добиться его отставки» [15]. После смерти Л. Брежнева выходит тематический выпуск с портретом Ю. Андропова на обложке и заголовком «После Брежнева. Андропов принимает командование». Весь номер направлен на анализ внутриполитической ситуации в Советском Союзе и

предположениям о личности Ю. Андропова: «После восемнадцатилетнего правления Брежнева у СССР появился новый загадочный лидер», «Кто такой Юрий Андропов – сталинский деспот или прозападный реформатор». Журнал не дает однозначной характеристики нового советского лидера, но широко оценивает проблемы и кризисы, оставшиеся после Л. Брежнева, например, утверждается: «В 1980-е Советский Союз переживает худший период со времен смерти Сталина. Самые низкие темпы роста за всю историю. Население ожидает ухудшения и без того низкого уровня жизни. Россияне должны задуматься ради чего они боролись за революцию» [16]. Таким образом, в 1982 г. «Time» продолжил антисоветскую риторику, заострив внимание на угрозе ядерной войны и внутривластного кризисе.

1983 г. характеризуется резкой эскалацией советско-американской напряженности. Обострение отношений было обусловлено запуском программы Стратегической оборонной инициативы, грозившей нарушением баланса ракетно-ядерных сил, инцидентом со сбитым Советским Союзом южнокорейским пассажирским авиалайнером, размещением американских ракет средней дальности «Pershing II» и крылатых ракет в Западной Европе. Кроме того, в марте Р. Рейган, выступая на съезде Национальной ассоциации евангелистов в Орландо, сказал: «В своих обсуждениях предложений о замораживании ядерного вооружения я прошу вас избегать соблазна гордыни, соблазна навесить ярлык виновности в равной степени на обе стороны, игнорируя исторические факты и агрессивные порывы империи зла» [17]. После этой речи в мировой политической риторике закрепилось выражение «империя зла» по отношению к Советскому Союзу.

Большее число публикаций «Time» за 1983 г. посвящено обсуждениям по сокращению и ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Подробно рассматриваются инициативы Ю. Андропова, которые отвергаются Соединенными Штатами и их союзниками, поскольку они «сопровождаются тонко завуалированными угрозами» [18]. В статье «Игра в ядерный покер» отмечается, что Советский Союз умело манипулирует общественным мнением, пропагандируя «якобы мирные цели» [19]. В целом, все обзоры «ядерных игр» сводятся к разъяснениям о необходимости размещения и сохранения американских ракет в Европе и к тому, что Советский Союз «разыгрывает умную, но двусмысленную ракетную игру», чтобы «оставить США с нулевыми ядерными силами» [20]. Вдобавок, используются заголовки: «Советы уклоняются от переговоров» [21], «Полная тишина. Очередной перерыв в переговорах» [22]. Личность Ю. Андропова подробно не анализируется, отмечается, что о нем почти ничего неизвестно, что «он не так силен, как был Брежнев», и что К. Черненко «ведет с ним закулисную борьбу за власть» [23]. Несколько номеров журнала детально освещают катастрофу корейского Boeing 747 над Сахалином и заключают: «Советский Союз знал о том, что это был невинный гражданский самолет» [24]. Один из специальных выпусков с обложкой, изображающей глаза, пристально наблюдающие с неба, рассказывает о работе Комитета государственной безопасности. «Time» описывает КГБ как «гарант власти Коммунистической партии, «ее меч и щит»,

а также как «самую эффективную разведывательную организацию в мире» [25]. Журнал создает, в целом, негативный образ Комитета как инструмента подавления и шпионажа, глубоко внедренного в советское общество и международные структуры. Фигура Ю. Андропова, как бывшего главы КГБ, символизирует, по мнению редакции, усиление репрессивного характера власти и централизацию подавления инакомыслия под маской модернизации. Таким образом, в 1983 г. Советский Союз изображался еще более враждебным и двуличным. Особое внимание уделялось внешней политике – любые советские инициативы трактовались как манипулятивные, неискренние и служащие прикрытием для усиления коммунистического влияния.

Лексика журнала «Time» 1981-1983 гг. по отношению к Советскому Союзу состоит, преимущественно, из негативных слов: «stagnation» (застой), «totalitarianism» (тоталитаризм), «dictatorship» (диктатура), «deception» (обман), «manipulation» (манипуляция), «indoctrination» (идеологическая обработка), «tyranny» (тирания), «state control» (государственный контроль). При описании советской внешней политики используются прилагательные «threatening» (угрожающий), «self-serving» (корыстный), «expansionist» (экспансионистский), «two-faced» (двуличный), глаголы «manipulate» (манипулировать) deceive (обманывать), escalate (обострять), lie (врать). Л. Брежнев упоминается всегда как «old ailing leader» (старый больной лидер), а партийные деятели как «weary old people» (немощные старики). Ю. Андропов представляется словами «mysterious» (загадочный), transitional (переходный), controversial (спорный), unauthoritative (малоавторитетный), «weak» (слабый).

Таким образом, репрезентация Советского Союза в журнале «Time» в 1981-1983 гг. демонстрирует четко выраженную идеологическую зависимость, обусловленную политическим контекстом обострения холодной войны. Под влиянием конфронтационной стратегии администрации Р. Рейгана формировался устойчивый негативный образ Советского Союза как враждебного, тоталитарного и морально деградирующего врага. Конструирование образа основывается на ряде повторяющихся штампов: Советский Союз предстает как источник глобальной угрозы, его руководство – как некомпетентное и «недееспособное», а любые инициативы как манипулятивные и направленные на подрыв западных ценностей. К основным стереотипам можно отнести милитаризм, недоговороспособность, двуличие, политический застой и репрессивность советского режима. Таким образом, журнал «Time» принимал активное участие в создании образа внешнего врага, что подчеркивает зависимость медийного дискурса от политического контекста.

Литература

1. National Security Decision Directive 75 // Federation of American Scientists. [Электронный ресурс]. URL: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-75.pdf> (дата обращения 05.04.2025).

2. National Security Decision Directive 119 Strategic Defense Initiative // Federation of American Scientists. [Электронный ресурс]. URL: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-119.pdf> (дата обращения 05.04.2025).
3. On Soviet Morality // Time. February 16, 1981. P. 19.
4. Negotiations with the Soviets // Time. March 16, 1981. P. 16.
5. The Soviets Stir Up the Pacific // Time. March 23, 1981. P. 55.
6. East-West War of Words // Time. November 2, 1981. P. 46.
7. Moscow's Aim: Split NATO // Time. November 16, 1981. P. 50.
8. Talbott S. History's Ugly Rules // Time. April 20, 1981. P. 43.
9. Brezhnev: A One-Man Band // Time. March 16, 1981. P. 43.
10. Reagan R. Address to Members of the British Parliament // Ronald Reagan Library. [Электронный ресурс]. URL: reaganlibrary.gov/archives/speech/address-members-british-parliament (дата обращения 06.04.2025).
11. Battle of the Booklets // Time. February 1, 1982. P. 59.
12. Talbott S. Living with Mega-Death // Time. March 29, 1982. P. 24.
13. Invisible Man // Time. April 19, 1982. P. 44.
14. Leonid Lives! // Time. May 3, 1982. P. 56.
15. Pecking Order // Time. March 15, 1982. P. 27.
16. Time. November 22, 1982. 128 p.
17. Reagan R. Evil Empire Speech // Voices of Democracy: The US Oratory Project. [Электронный ресурс]. URL: <https://voicesofdemocracy.umd.edu/reagan-evil-empire-speech-text/> (дата обращения 06.04.2025).
18. Kohan J. Point and Counterpoint // Time. March 1, 1983. P. 56.
19. Playing Nuclear Poker // Time. January 31, 1983. P. 12.
20. Concession or Propaganda? // Time. May 16, 1983. P. 38.
21. Now It's START That's Stopping // Time. December 19, 1983. P. 40.
22. Total Silence // Time. December 26, 1983. P. 29.
23. Banta K. W. A Demonstration of Unity // Time. June 27, 1983. P. 42.
24. Isaacson W. Explaining the Inexplicable // Time. September 19, 1983. P. 42.
25. Time. February 14, 1983. 96 p.

© Коваленко Е.С., 2025

ОТ ЧАДРЫ ДО ПАРЛАМЕНТА: КАК ИЗМЕНИЛАСЬ РОЛЬ ЖЕНЩИН В ПОЛИТИКЕ ИРАНА ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 1979 ГОДА

FROM CHADOR TO PARLIAMENT: HOW THE ROLE OF WOMEN IN IRANIAN POLITICS HAS CHANGED SINCE THE 1979 REVOLUTION.

Аннотация. Данное исследование раскрывает ключевые изменения в роли женщин в политической сфере Ирана после Исламской революции 1979 г. Анализ охватывает законодательные реформы, электоральные возможности и занимаемые позиции. Выявленные противоречия между расширением прав и религиозными ограничениями представляют собой уникальный кейс для понимания гендерной динамики в теократических государствах, что делает исследование важным для женщин, стремящихся к политическому участию во всем мире.

Abstract. This study uncovers key changes in the role of women in the political sphere of Iran after the 1979 Islamic Revolution. The analysis encompasses legislative reforms, electoral opportunities, and held positions. The identified contradictions between the expansion of rights and religious restrictions present a unique case for understanding gender dynamics in theocratic states, making this research vital for women striving for political participation worldwide.

Ключевые слова: женщины в иранской политике, роль женщин, политическое участие, Исламская Республика Иран, гендерное равенство

Keywords: women in iranian politics, role of women, political participation, Islamic Republic of Iran, gender equality

В эпоху, когда борьба за гендерное равенство становится глобальным императивом, исследование роли женщин в политике Ирана после Исламской революции 1979 г. приобретает исключительную значимость. Этот регион, исторически являющийся колыбелью цивилизации, сейчас – арена столкновения традиций и модерности, религии и светскости. Изучение трансформации женской роли в иранском обществе выходит далеко за рамки локального интереса, являясь ключом к пониманию сложных процессов, влияющих на судьбы сотен миллионов женщин в странах с религиозным контекстом [1]. Анализ опыта Ирана дает возможность выявить механизмы как прогресса, так и регресса, обеспечивая ценнейший материал для разработки эффективных стратегий, направленных на расширение политического участия женщин во всем мире и, как следствие, построение более справедливого и устойчивого общества. Именно в Иране, в сердце религиозного государства, мы можем наиболее отчетливо увидеть, как меняется роль женщины в политике, и какие вызовы стоят на пути к достижению истинного равенства. Однако, несмотря на декларируемые цели и достигнутые успехи, анализ демонстрирует

противоречивый характер изменений в положении женщин после революции, что и составляет основную проблему данного исследования [5].

Эпоха правления династии Пехлеви (1925-1979 гг.) стала периодом существенных изменений в положении женщин в Иране. Модернизация и секуляризация, проводимые Резой Шахом и его сыном Мохаммедом Резой Шахом, затронули все сферы жизни общества, включая правовой статус, образование и участие в общественной жизни женщин.

Шах, стремясь к созданию современного государства по западному образцу, предпринял ряд мер, направленных на эмансипацию женщин. Ключевым шагом стала отмена ношения хиджаба в 1936 г. (Закон о Кашф-е Хиджаб), которая, хотя и вызвала протесты среди консервативного духовенства, символизировала стремление к освобождению женщин от традиционных ограничений. Также были предприняты шаги по расширению доступа женщин к образованию: открывались школы для девочек, а женщины получали возможность учиться в университетах [9, p. 256].

Мохаммед Реза Шах продолжил курс отца на модернизацию и секуляризацию. В 1963 г. была проведена так называемая «Белая революция» [4, с. 258], одним из пунктов которой было предоставление женщинам избирательного права. Это стало важным шагом на пути к политическому участию женщин. Кроме того, были внесены изменения в Семейный кодекс (Закон о защите семьи), направленные на улучшение правового положения женщин в браке и при разводе, хотя эти изменения вызвали критику со стороны религиозных деятелей [8, p. 114].

Женщины, хотя и формально получили определенные политические права, не могли в полной мере реализовать их. Например, ни одной женщины не было ни в правительстве шаха, ни среди губернаторов. Политическая партия «Растахиз», созданная в 1975 г., контролировалась шахом, и женские отделения этой партии занимались, скорее, благотворительностью, а не реальной политической деятельностью. Кроме того, независимые женские организации, пытавшиеся отстаивать права женщин, подвергались цензуре и запретам. Историк Эрванд Абрахамян подчеркивал: «Шах дал женщинам права, но не власть. Они могли голосовать, но только за тех, кого он одобрял» [8, p. 134].

Расширение доступа к образованию привело к увеличению числа образованных женщин, которые стали активно участвовать в различных сферах экономики и общественной жизни. Женщины работали в образовании, здравоохранении, промышленности и других секторах. Увеличилось число женщин-врачей, учителей, юристов и журналистов [10, p. 295].

Несмотря на прогрессивные реформы, модернизация по-пехлевийски носила противоречивый характер. Она часто проводилась «сверху», без учета традиционных ценностей и религиозных убеждений значительной части населения. Это вызывало недовольство и сопротивление консервативных слоев общества, которые видели в этих реформах угрозу исламским ценностям и образу жизни.

Женщины сыграли значительную роль в Иранской революции 1979 г. Их участие было многообразным и мотивировано различными факторами, в том

числе стремлением к социальной справедливости, протестом против авторитарного режима шаха, а также желанием улучшить свое положение в обществе.

Женщины участвовали в демонстрациях, забастовках, распространении листовок и оказании медицинской помощи раненым. Они были активны в студенческих и профсоюзных организациях, а также в религиозных кружках, которые служили центрами оппозиции шахскому режиму. Важно отметить, что женщины из разных социальных слоев участвовали в революционном движении: от образованных горожанок до сельских женщин и домохозяек [11, p. 355].

Многие женщины выступали против коррупции, политических репрессий и подавления свободы слова, которые были характерны для правления шаха. Инфляция, безработица и растущее социальное неравенство также подталкивали женщин к участию в протестах. Для многих женщин важным мотивом была защита исламских ценностей, которые, по их мнению, подвергались эрозии в результате секуляризации и западного влияния. Женщины надеялись, что революция приведет к установлению более справедливого общества, где будут обеспечены равные возможности для всех граждан, независимо от пола [8, p. 115].

Положение женщин в политической сфере Ирана после Исламской революции 1979 г. претерпело сложные и противоречивые изменения. С одной стороны, женщины сохранили свои политические права, а с другой, столкнулись с более сильными гендерными стереотипами и дискриминацией в обществе.

После революции женщины сохранили право избирать и быть избранными, однако их участие в Меджлисе не достигло значительного уровня. В то время как в первом созыве (1980-1984) было лишь 4 женщины-депутата, в последующем созыве (1984-1988) их число увеличилось до 14. Несмотря на эти изменения, представительство женщин в иранском парламенте остается ниже, чем в странах с развитой демократией, что подчеркивает сохраняющиеся трудности на пути к гендерному равенству в политике [7, с. 52].

Система выборов в Иране предполагает строгие критерии для кандидатов в Меджлис, в том числе требование «практической веры в ислам и преданности Исламской Республике». Совет стражей Конституции, наделенный правом вето, может отклонять кандидатуры, которые, по его мнению, не соответствуют этим требованиям. Эта практика, действующая с момента основания Исламской Республики, ограничивает участие женщин в политике, особенно тех, чьи взгляды расходятся с консервативной интерпретацией ислама [2].

Хотя после революции женщины получили возможность занимать государственные должности, их представительство в высших эшелонах власти оставалось ограниченным. Женщины занимали посты министров и заместителей министров в различных правительствах Ирана, но их число невелико и сегодня. Аналогичная ситуация наблюдалась и с другими высокопоставленными должностями, такими как советники президента и

руководители государственных учреждений. В большинстве случаев эти посты оставались преимущественно мужской прерогативой.

На местном уровне женщины участвовали в выборах в местные советы и занимали должности в муниципалитетах и других местных органах власти, что давало им возможность влиять на принятие решений на местном уровне [6]. Кроме того, в Иране существуют различные женские организации, как государственные, так и независимые, которые занимаются защитой прав женщин и продвижением их интересов в политике и обществе. Например, важнейшей структурой, занимающейся определением политики государства в области защиты прав и свобод женщин в Исламской Республике Иран является «Культурный и социальный совет женщин». На них возлагается задача разработки рекомендаций для определения основных направлений и принятия законов, защищающих права женщин и представление рекомендаций в Высший совет культурной революции [4, с. 140].

Однако, несмотря на эти позитивные моменты, женщины в Иране по-прежнему сталкиваются с гендерными стереотипами и дискриминацией, что ограничивает их возможности в политической сфере. Консервативные силы в Иране часто выступают против расширения прав женщин и их активного участия в политике. Женщины, которые активно борются за свои права или выражают несогласие с политикой властей, подвергаются большему риску преследований.

Таким образом, можно утверждать, что, несмотря на формальные улучшения, в целом, для женщин в сфере политики после революции стало больше ограничений, чем было до неё. Хотя формально были предоставлены права, они были ограничены религиозными рамками, что привело к более консервативному подходу и меньшей свободе для женщин в политической сфере, чем это потенциально могло быть в эпоху Пехлеви.

Литература

1. Бадртдинов Р.М., Фролова И.В. Женщины в мировом политическом процессе: акторы, субъекты, агенты, участники? // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2018. № 3 (141). С. 133-136.
2. Конституция Исламской Республики Иран: [Электронный ресурс]. URL: <https://iranicum.spbu.ru/resources/iran-encyclopedia/konstitutsiya-islamskoy-respubliki-iran/> (дата обращения: 16.04.2025).
3. История (история России, всеобщая история): учеб. пособ. / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.
4. Фарзапе Аждарн. Положение женщин в политической жизни Исламской Республики Иран: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Аждарн Фарзапе. [Электронный ресурс]. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01005486399.pdf (дата обращения: 16.04.2025).
5. Фролова И.В. Феминизм и права женщин сквозь призму исламского мировоззрения: анализ трудов современных иранских авторов // Незападные модели эмансипации женщин и гендерной дискриминации. Сборник научных

статей по материалам Международной научно-практ. конф., 2019. СПб. С.131-139.

6. Полякова Е.В. Особенности функционирования феминативов в средствах массовой информации // Лингвокультурологическая и лингвометодическая наука в Республике Башкортостан: история и современность: сборник научно-методических статей по материалам IV Международной научно-практической конференции. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2021. – С. 65-68.

7. Эсмаили С. Повышение роли женщин в парламенте Ирана после Исламской революции 1979 г. / С. Эсмаили // Вестник РУДН. Серия: Политология. № 1. 2020. С. 49-58. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-roli-zhenschin-v-parlamente-irana-posle-islamskoy-revolyutsii-1979-g> (дата обращения: 16.04.2025).

8. Abrahamian E.A History of Modern Iran / E. Abrahamian. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 228 p.

9. Afary J. Sexual Politics in Modern Iran / J. Afary. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 423 p.

10. Bayat A. Activism and Social Exclusion in Egypt and Iran / A. Bayat // International Journal of Middle East Studies. 2002. Vol. 34, № 2. P. 289-311.

11. Paidar P. Women and the Political Process in Twentieth-Century Iran / P. Paidar. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 400 p.

© Кульмухаметова Э.Р., Морозов А.И., 2025

УДК 94(100)

С.И. Анисимов

студент УМК, г. Уфа

Научный руководитель – преподаватель истории Р.Н. Белянина

S.I. Anisimov

student, Ufa Machine-Building College, Ufa

Scientific supervisor – history teacher R.N. Belyanina

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF THE PEOPLES OF EURASIA: PROBLEMS AND PROSPECTS

Аннотация. В статье рассмотрены ряд ключевых аспектов изучения и популяризации культурного наследия народов Евразии. Подчеркнута необходимость комплексного подхода и активного международного сотрудничества в деле сохранения историко-культурного наследия.

Abstract. The article discusses a number of key aspects of studying and popularizing the cultural heritage of the peoples of Eurasia. The need for an integrated approach and active international cooperation in the preservation of historical and cultural heritage was emphasized.

Ключевые слова: народы Евразии, историко-культурное наследие, традиция, язык, миграция.

Keywords: peoples of Eurasia, historical and cultural heritage, tradition, language, migration.

Историческое наследие народов Евразии формировалось на протяжении тысячелетий, отражая сложные процессы миграций, ассимиляции и культурной трансформации. На этом огромном пространстве сосредоточены разнообразные традиции, языки, искусства и обычаи, которые служат не только

свидетельством прошлого, но и важными опорами для идентичности народов в современном мире.

Каждый регион Евразии имеет свои уникальные особенности, создаваемые под влиянием географических, климатических и исторических условий. Например, высокие горы, бескрайние степи и реки формируют способы жизни, экономическую деятельность и, следовательно, культурные практики. Времена, когда торг умело соединяло различные народы, оставили после себя богатый культурный обмен, который до сих пор ощущается в местных обычаях, языках и искусствах. Например, Восточный шелковый путь стал важной артерией, по которой не только товары, но и идеи пересекали границы, обогащая культуры.

Сложное историческое взаимодействие привело к возникновению многонациональных обществ, где сосуществуют различные этнические группы со своими традициями. Примером может служить современная Россия, как сочетание различных культур и этносов, каждый из которых привнес свои уникальные элементы в общий культурный ландшафт. Это разнообразие создает сложные слои идентичности, в рамках которых народы стремятся удерживать свои традиции, одновременно адаптируясь к современным требованиям.

Контекст изменения политических и социальных условий также влияет на восприятие наследия. В периоды кризисов или конфликтов история может быть переосмыслена или даже искоренена, что нередко вызывает общественное недовольство. В таком свете понимание исторического наследия становится не просто вопросом культуры, но и важным элементом политической стабильности. Сохранение наследия и его интеграция в современность могут выступать как важные факторы социальной сплоченности и примирения.

Принимая во внимание современное состояние глобализации, важно отметить, что историческое наследие народов Евразии сталкивается с рядом вызовов. Интернационализация культуры может угрожать уникальности многих традиций, вытесняя их в тень массовой культуры. Аспекты локального остаются под давлением стремительно развивающихся технологий и медиа, которые формируют новые стандарты и вкусы. Роль образовательных программ и культурных инициатив становится критичной в данной ситуации, позволяя молодому поколению осознать ценность своего наследия и адаптировать его к современным условиям.

Ключевым моментом в сохранении исторического наследия является создание общественного интереса и активности в данном направлении. Взаимодействие между различными сообществами, культурными институтами и правительственными структурами может существенно помочь в разработке стратегий, которые будут нацелены на устойчивое развитие культуры. Многообразие подходов должно включать не только музейно-исследовательские и архивные исследования, но и активное вовлечение местных жителей, которые часто являются хранителями традиций и знаний.

Важным аспектом является использование технологий для сохранения и популяризации наследия. Цифровизация артефактов, создание виртуальных музеев и создание интерактивных платформ могут ускорить процесс изучения и

распространения знаний о культурном богатстве народов Евразии. Кроме того, современные технологии могут помочь в восстановлении исчезающих языков и форм практик, что имеет значение для будущих поколений.

Не меньшее значение имеет международное сотрудничество, поскольку многие проблемы сохранения наследия требуют комплексного подхода. Совместные проекты могут объединить ресурсы, знания и усилия, что значительно увеличивает шансы на успешное решение задач. Таким образом, взаимодействие между разными странами, включая обмен методами работы и практиками, может способствовать более глубокому пониманию культурных различий и схожестей.

Сопоставление исторических реалий и современности может создать прочную основу для дальнейшего диалога между культурами, что, в свою очередь, способствует укреплению взаимопонимания и мира. Привлечение внимания молодежи к культурному наследию через образовательные программы является важным шагом на пути к созданию общества, ценящего своё историческое прошлое, но в то же время открытого к новому. Сохранение наследия народов Евразии становится не только задачей культурной идентичности, но и важным элементом для устойчивого будущего, в котором можно будет находить баланс между традицией и современными вызовами.

Современные вызовы сохранения культурного наследия становятся всё более актуальными в условиях глобализации и быстрой урбанизации. Современное общество сталкивается с тенденциями, которые оказывают давление на традиционные формы жизни, и тем самым затрагивают особенности культурной идентичности народов Евразии. На протяжении веков данное наследие не только отражало специфику народов, но и служило основой для их социального устройства. Тем не менее, в условиях современных реалий, такие ценности могут подвергаться угрозе, что вызывает необходимость проводить комплексные исследования в области сохранения культурной самобытности.

Одним из значимых факторов, влияющих на сохранение культурного наследия, является глобальная миграция населения. Поиск новых возможностей, экономическая нестабильность и другие факторы провоцируют переселение людей, что связывается с рассеиванием культурных групп и потерей языковых и практических аспектов их традиций. В результате этого, уникальные обряды, устные традиции и ремесла подвержены забвению. Угроза исчезновения старинных языков в рамках многонациональных и многоязычных сообществ также достаточно реальна, поскольку языковая идентичность играет ключевую роль в передаче традиций.

Технологические изменения открывают дополнительные возможности, но в то же время создают новые вызовы. Информатизация приводит к тому, что традиционные практики заменяются новыми формами культурного выражения, часто не имеющими глубокого временного контекста. Молодёжь, погружаясь в цифровую среду, теряет связь с корнями и начинает воспринимать культуру через призму современных медиа. Это создаёт острое напряжение между

стремлением к инновациям и необходимостью уважать и сохранять устоявшиеся традиции.

Экономические факторы также играют решающую роль. В погоне за экономическим развитием страны Евразии часто жертвуют своим культурным наследием. Строительство инфраструктуры, развитие туризма и другие проекты порой приводят к разрушению исторических памятников или к изменению традиционного ландшафта. При этом важно учесть влияние этого на местные сообщества, которые много лет бережно сохраняли свои традиции.

Общество, заинтересованное в сохранении своего культурного наследия, должно не только осознавать важность этого наследия, но и быть готовым активно взаимодействовать с государственными и частными структурами. Повышение культурной грамотности и активное вовлечение населения в сохранение своей культуры и традиций становится важной задачей. Здесь могут сыграть свою роль программы образования, направленные на восстановление и популяризацию традиционных ценностей среди молодёжи, а также ряд консультативных мероприятий с экспертами.

Необходимо создать платформы для диалога между представителями различных культур, в рамках которых можно обсуждать острые вопросы сохранения наследия. На таком уровне может быть достигнута не только совместимость культур, но и выявление возможных путей развития. Вместе с тем важно учитывать необходимую специфику подходов к каждому региону, поскольку культурное наследие народов различается и требует индивидуального подхода.

Обращение к современным художественным практикам также может внести свой вклад в сохранение наследия. Применение традиций в современном искусстве и дизайне позволяет не только оживить интерес к культуре, но и охватить новые аудитории. Кроме того, это позволяет сохранить стационарные элементы культурного наследия, например, музыку и танцы, с их характерными выразительными чертами, придавая им новый контекст.

Современные вызовы сохранения культурного наследия требуют как совместной работы экспертов, так и активного участия самих народов. Создание партнерств между государственными учреждениями, научными сообществами и местными жителей может привести к более эффективным стратегиям, позволяющим сохранить и развивать культурное наследие. Принимая во внимание историческую значимость каждого народа, а также их уникальные традиции и практики, можно выработать рабочие форматы и методы, направленные на защиту культурного разнообразия. Это поможет не только удержать наследие на плаву, но также способствует его интеграции в современную жизнь, создавая новую культурную реальность для будущих поколений.

Археологические исследования на территории Евразии представляют собой не только научный интерес, но и важное средство для понимания формирования культурной идентичности народов, населяющих этот обширный регион. За последние десятилетия археология в Евразии декодировала множество загадок, обнажив слои прошлого, которые формировали

современное многообразие культур. Каждый уголок этого континента скрывает свидетельства жизнедеятельности человеческих сообществ, начиная с древних цивилизаций и заканчивая этническими группами современности.

Одним из значительных открытий стало обнаружение городища Моголи в Казахстане, которое дало возможность заглянуть в жизнь средневекового населения. Здесь были найдены остатки построек, орудий труда, а также предметов быта, что подтвердило уровень развития ремёсел и торговли. Аналогичные находки из разных регионов, таких как древние поселения на территории Сибири или за Уралом, показывают, как различные группы взаимодействовали друг с другом, обменивались культурными и материальными ценностями.

Интересные события также произошли в результате раскопок традиционных захоронений. Погребальные практики народов Евразии обогащают наше понимание не только местных обычаев, но и мировоззрения древних обществ. Одно из значимых открытий произошло на Алтае, где были раскопаны курганы, содержащие исландские драгоценности и изделия высококачественного ремесленного производства, что подтверждает наличие контактов с более далёкими цивилизациями. Анализ погребальных находок открывает двери к пониманию ритуальных практик, социальных структур и верований, определяющих идентичность сообщества.

На Дальнем Востоке археологические находки также приоткрыли завесу над жизнью старожилов, их взаимодействием с природной средой и адаптацией к меняющимся обстоятельствам. Такие открытия, как остатки жилищ, орудий труда и остатки пищи, свидетельствуют о высоком уровне устойчивости культур, которые на протяжении тысячелетий сохранялись в условиях сурового климата и удаленности от крупных торговых путей.

Важным аспектом археологических исследований является использование новых технологий, таких как георадар, 3D-сканирование и анализ ДНК. Эти методы позволяют получать информацию, которая ранее оставалась недоступной, а также точно датировать находки и устанавливать их связь с другими объектами культурного наследия. Например, применение изотопного анализа помогло в изучении миграционных процессов, показывая, как люди перемещались по континенту, какие маршруты использовали и как новые культурные элементы интегрировались в существующие традиции.

Обширные пространства Евразии были также ареной для исследовательских экспедиций, которые собрали коллекции артефактов, рассказывающих о линейной и поверхностной культуре. Каждый артефакт, будь то керамическая посуда, орудия труда или элементы одежды, несет в себе информацию о материальной культуре, но и о социальном устройстве, уровне технологий и налаженных связях с соседними народами.

Существенную роль в понимании археологического наследия играют локальное сообщество и их участие в исследовательских программах. Привлечение местных жителей к проектам не только укрепляет связь между наукой и традицией, но и формирует интерес современного общества к своей истории. Таким образом, результаты археологических исследований становятся

основой для развития культурного туризма, который способствует как охране исторических памятников, так и их популяризации.

На фоне современных вызовов, связанных с изменением климата и глобализацией, археологические исследования становятся актуальным инструментом для сохранения культурного наследия. Они помогают не только в восстановлении исторической справедливости, но и в формировании осознанного отношения к культуре и идентичности. Воспринимая археологические находки как часть общей истории человечества, мы обретаем возможность глубже понять свое место в этом сложном контексте.

Погружаясь в мир археологических открытий, невольно задумываешься о том, какое культурное наследие еще ждет своего часа, какие тайны зарыты в недрах земли и как продолжение этих исследований может повлиять на наше восприятие и оценку истории народов Евразии. Результаты работы археологов, хоть и часто требуют множества лет для осмысления, неизменно способствуют более глубокому осознанию как индивидуальной, так и общей исторической памяти континента.

Сохранение и популяризация историко-культурного наследия народов Евразии представляют собой многогранную задачу, которая требует комплексного подхода и привлечения различных ресурсов. Важно понимать, что каждое культурное явление, каждая традиция и ритуал накапливают в себе коллективный опыт, который нельзя недооценивать. Обладает значительной ценностью не только индивидуальный аспект каждой культуры, но и взаимодействие между ними, образующее уникальный культурный контекст региона.

Перспективы сохранения наследия связаны с созданием устойчивых инфраструктур, которые обеспечивают доступ к культурным памятникам и традициям. Это оборудование музеев, галерей, культурных центров, предоставляющих возможность для изучения и взаимодействия. Эффективное использование новых технологий, таких как виртуальная реальность и цифровизация, может способствовать не только сохранению, но и популяризации наследия. Применение этих технологий создает интерактивные пространства, где можно погрузиться в прошлое, освоить традиции народов и понять их ценности.

Образование играет первостепенную роль в популяризации историко-культурного наследия. Включение тем о культуре и народах Евразии в учебные программы поможет воспитать новое поколение, осознающее важность сохранения культурного разнообразия. Проекты, направленные на сотрудничество между образовательными учреждениями разных стран, могут создать платформы для обмена ресурсами и идеями. Таким образом, учащиеся будут иметь возможность изучать и взаимодействовать с культурным наследием своих соседей, развивая уважение и понимание к различиям и сходствам.

Трудности связаны с экономическими и политическими условиями в разных странах. Существование конфликтов, социальные и геополитические напряженности могут препятствовать реализации совместных культурных

проектов. Тем не менее, именно в таких ситуациях наиболее необходимо создание площадок для диалога, где культурное наследие может стать тем связующим звеном, которое позволит преодолеть недопонимания. Инициативы, направленные на укрепление связей между культурами, могут перекрыть барьеры и поддержать интеграцию.

Участие местных сообществ в процессе сохранения наследия также крайне важно. Местные жители являются не только хранителями традиций, но и их активными носителями. Осуществление проектов, в которых они могут участвовать как равноправные партнёры, обеспечит более глубокое понимание и уважение к культурным практикам. Мероприятия, такие как фестивали, мастер-классы и творческие лаборатории, помогают вовлекать местное население, создавая живую связь между прошлым и настоящим.

Необходимо также отметить значимость стратегического планирования в области сохранения наследия. Формирование четких показателей и критериев для оценки эффективности мер по охране культурного наследия позволит избежать нецелевых затрат и увеличить шансы на успешное достижение целей. В этом ключе создание международных стандартов, которые будут учитываться при разработке специальных стратегий, сможет существенно улучшить ситуацию.

Несмотря на вызовы, с которыми сталкивается историко-культурное наследие, открываются перспективы для его сохранения и популяризации. Взаимодействие между государственными и частными учреждениями, образовательными и исследовательскими организациями, а также гражданским обществом позволит создать разнообразные инициативы, способствующие поддержанию культурного богатства. Привлечение средств на программы сохранения из различных источников, включая международные гранты и частные инвестиции, станет следующим шагом к улучшению состояния наследия.

Таким образом, сохранение и популяризация культурного наследия народов Евразии становятся актуальными задачами, которые требуют синергии усилий на всех уровнях. Удачная реализация комплексного подхода обеспечит не только передачу знаний и традиций будущим поколениям, но и уважение к многообразию культур, которое сформировалось за века существования общества. Заключение данной работы подводит итоги исследования историко-культурного наследия народов Евразии, акцентируя внимание на его значении в условиях глобализации и культурной интеграции. В ходе анализа было выявлено, что наследие народов Евразии представляет собой не только ценное свидетельство исторического прошлого, но и важный ресурс для формирования идентичности современных обществ. В условиях стремительных изменений, вызванных глобализацией, сохранение и изучение этого наследия становится особенно актуальным, так как оно способствует укреплению культурных связей между народами и формированию общего культурного пространства.

Современные вызовы, с которыми сталкивается сохранение культурного наследия, требуют комплексного подхода и активного участия как местных сообществ, так и международных организаций. Важным аспектом является

необходимость проведения археологических исследований, которые позволяют не только открывать новые страницы истории, но и восстанавливать утраченные культурные традиции. Примеры успешных археологических проектов, таких как раскопки на территории древних городов, подтверждают, что научные исследования могут стать основой для дальнейшего изучения и популяризации культурного наследия.

Влияние исторических путей, таких как Великий шелковый путь, на культуру народов Евразии также не может быть недооценено. Эти маршруты не только способствовали обмену товарами, но и культурными идеями, что в значительной степени обогатило культурное наследие народов, населявших эти территории. Современные исследования показывают, что наследие, связанное с этими историческими путями, продолжает оказывать влияние на культурные практики и традиции, что открывает новые горизонты для изучения и популяризации.

Перспективы сохранения и популяризации культурного наследия народов Евразии выглядят многообещающими. Разработка программ, направленных на сохранение и изучение культурных традиций, может стать основой для дальнейших интеграционных процессов между народами. Важно, чтобы эти программы были ориентированы на вовлечение местных сообществ, что позволит не только сохранить наследие, но и сделать его доступным для будущих поколений. Образовательные инициативы, направленные на повышение осведомленности о культурном наследии, могут сыграть ключевую роль в формировании уважительного отношения к нему.

Таким образом, историко-культурное наследие народов Евразии представляет собой важный ресурс для развития культурной идентичности и межкультурного диалога. Сохранение и изучение этого наследия в условиях глобализации требует комплексного подхода, активного международного сотрудничества и вовлечения местных сообществ. Важно, чтобы будущие поколения осознали ценность своего культурного наследия и продолжали его развивать, что станет основой для дальнейших интеграционных процессов и укрепления связей между народами.

Литература

1. Алексеев И.Е. Историко-культурное наследие как основа идентичности народов Евразии // Вестник глобальных исследований. 2020. № 3. С. 12-25.
2. Баранов С.К. Проблемы сохранения культурного наследия в условиях глобализации // Культурология и общество. 2019. Т. 7, № 1. С. 89-102.
3. Громов А.В., Петрова Н.П. Традиционная культура народов Сибири: вызовы и возможности // Сибирский исследовательский журнал. 2021. № 4. С. 50-62.
4. Дашиева М.С. Влияние современных технологий на сохранение культурного наследия народов Евразии // Проблемы культурной политики. 2022. Т. 5, № 3. С. 24-37.

5. Ермолов В.Н. Культура и история народов Центральной Азии: межкультурный диалог // Актуальные проблемы культурологии. 2021. № 2. С. 74-85.
6. Завгородний А.П. Периодизация исторического развития народов Евразии // Научные записки Московского университета. 2020. Т. 15, № 2. С. 102-113.
7. Игнатенко О.С. Этнокультурные процессы и их влияние на современное общество // Этнология и антропология. 2018. № 6. С. 33-45.
8. Кузнецов Б.И. Мифология и фольклор народов Евразии: наследие и современность // Фольклорные и мифологические исследования. 2023. Т. 9, № 1. С. 15-28.
9. Симонова Т.Н. Сохранение нематериального культурного наследия в России: практика и проблемы // Социокультурные исследования. 2023. Т. 12, № 4. С. 78-89.
10. Чураков Е.Г., Зайцева А.В. Культурная политика в Содружестве независимых государств: опыт и проблемы // Социальные исследования. 2019. Т. 10, № 2. С. 54-69.

© Анисимов С.И., 2025

УДК 371

И.Р. Хасанова

студент БГПУ им. М. Акмуллы, г. Уфа

Научный руководитель – к. пед. н., доцент Н.Н. Топольникова

I.R. Khasanova

student, BSPU n.a. M. Akmulla, Ufa

Scientific supervisor – c. of ped. s., associate professor N.N. Topolnikova

ФОРМИРОВАНИЕ И СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ МУЗЕЯ ПОЛЯРНИКОВ ИМЕНИ ВАЛЕРИАНА АЛЬБАНОВА

FORMATION AND PRESERVATION OF HISTORICAL MEMORY ON THE EXAMPLE OF THE VALERIAN ALBANOV MUSEUM OF POLAR EXPLORERS

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования и сохранения исторической памяти на примере Музея полярников им. В. Альбанова в г. Уфа. Анализируется роль музея в сохранении культурного наследия, исследуется вопрос, как экспозиции и ресурсы учреждения способствуют формированию общественного сознания и гражданской идентичности. Подчеркивается важность музеев как институтов памяти и образования, способствующих осмыслению исторического прошлого и его значимости для будущих поколений.

Abstract. The article examines the process of formation and preservation of historical memory using the example of the V. Albanov Museum of Polar Explorers in Ufa. The role of the museum in the preservation of cultural heritage is analyzed, the question of how the expositions and resources

of the institution contribute to the formation of public consciousness and civic identity is investigated. The importance of museums as institutions of memory and education is emphasized, contributing to the understanding of the historical past and its significance for future generations.

Ключевые слова: музейные ресурсы, историческая память, культурное наследие, полярные исследования, Валериан Альбанов.

Keywords: museum resources, historical memory, cultural heritage, polar research, Valerian Albanov.

Историческая память играет ключевую роль в формировании гражданской идентичности и сохранения культурного наследия общества. Она не только включает в себя воспоминания о значимых событиях и личностях, но и может служить основой для осознания современности и построения будущего. В условиях глобализации и стремительного развития технологий особую значимость приобретает изучение механизмов формирования и сохранения исторической памяти, которая, как показывает практика, часто оказывается под угрозой неправильного переосмысления и искажения фактов.

Спектр определений памяти весьма широк: она рассматривается как «чувство прошлого» (Р. Джонсон), «диалог, процесс создания значений», «сохранение прошлого в настоящем» (П. Нора), «символическое представление о традиции и о прошлом, возникающее в контексте социальных действий» (Д. Нерон). В отечественной гуманитарной мысли акцент делается на понимании культуры как внегенетической памяти человечества (Д. Лихачев, Ю. Лотман).

В целом память – это передаваемая различными способами и закрепленная информация о прошлом, знания и опыт, причем эмоционально окрашенный опыт, особая культурная конструкция. Историческая память включает, прежде всего, знание истории, обобщение исторического опыта, уроков истории; оно предполагает выражение отношения к событиям, историческому процессу, оценку фактов, определенные убеждения [2, с. 25].

Формирование и сохранение исторической памяти играет значимую роль в современных реалиях. Музеи, как институции культуры, занимают одно из центральных мест в этом процессе. Одним из ярких примеров является Музей полярников им. Валериана Ивановича Альбанова, расположенный в Уфе. Этот музей хранит не только уникальные экспонаты, связанные с историей освоения Арктики, но и активно способствует популяризации знаний о героическом прошлом исследователей, в первую очередь, связанных с полярными экспедициями начала XX века.

Музей полярников имени Валериана Альбанова – филиал Национального музея Республики Башкортостан – открылся в 26 мая 2021 г., в годовщину со дня рождения в городе Уфе Валериана Ивановича Альбанова (1882–1919), легендарного полярного штурмана, исследователя Арктики, участника исторической экспедиции 1912–1914 гг. под руководством Г.Л. Брусилова.

Валериан Альбанов родился в Уфе и провел в этом городе детские годы. Открытию музея предшествовали многие годы исследований известного уфимского писателя и общественного деятеля Михаила Андреевича Чванова – автора многочисленных статей и романа-поиска «Загадка гибели шхуны «Святая Анна», с 1981 г. переиздававшегося несколько раз. Огромную работу

по поиску биографических сведений об Альбанове провела уфимский краевед Валентина Зиновьевна Кузьмина (1940–2018). Материалы, собранные М.А. Чвановым, В.З. Кузьминой, их исследовательские архивы, а также работы других историков экспедиции на шхуне «Святая Анна», легли в основу экспозиции музея. В залах Музея полярников им. В.И. Альбанова, с применением всех современных мультимедийных технологий представлены различные материалы об истории трех русских арктических экспедиций, начавшихся в 1912 г. – Георгия Седова, Георгия Брусилова и Владимира Русанова. Их трагические и героические события легли в основу сюжета знаменитого романа В.А. Каверина «Два капитана». Седов стал прототипом капитана Татаринова, Альбанов – штурмана Климова; рассказывается о жизненном пути Валериана Альбанова, о поисках следов его экспедиции. Большое место в музее уделено экспозиции, посвященной полярникам – уроженцам Башкортостана [3, с. 158].

Музей полярников им. В. И. Альбанова расположен в бывшем особняке состоятельных уфимских купцов Соловьевых. Здание, построенное в конце XIX – начале XX вв., является двухэтажным (первый этаж кирпичный, второй – деревянный). До передачи его музею это был многоквартирный коммунальный жилой дом. При проведении ремонта и реставрации удалось сохранить не только исторический облик здания, но и часть элементов подлинных интерьеров.

Сам музей состоит из 5 залов: «История освоения Арктики», «Великие романтики Севера», «Жизненный путь В.И. Альбанова», «Поиски «Святой Анны»», «Герои Арктики – уроженцы Башкортостана».

Также в музее созданы специализированные помещения – кинозал и кают-компания. Здесь проводятся культурно-образовательных программы, «Уроки мужества», мастер-классы для самых разных групп посетителей. Центральное место в экспозиционном показе является история штурмана Альбанова, которая располагается на втором этаже.

Музей располагает современным кинозалом, в котором проводятся не только кинопросмотры, но и ежемесячные встречи с историками и краеведами по обсуждению важных исторических событий, каждый год приезжают гости и происходят мероприятия с современными полярными исследователями и путешественниками, известными творческими деятелями, ветеранами армии и флота, героями России.

Посетителей обычно встречает вводный зал истории освоения Арктики и история трех известных экспедиций того периода – В.А. Русанова, Г.Я. Седова и Г.Л. Брусилова. Ключевые арт-объекты и художественные решения, звуки чаек и проекция северного сияния погружают посетителя в непривычную, но увлекательную среду вечных снегов и суровой зимы.

Завершает экспозицию зал, посвященный героям-морякам и полярникам, уроженцам Башкортостана, раскрывается тема истории Советской Арктики в годы Великой Отечественной войны [4].

Для обучающихся младших классов проводятся квизы-викторины на знания об Арктике и полярных экспедициях, разработан квест «Затерянные во льдах»

для школьников старшего возраста и студентов, где обучающиеся могут исследовать увлекательные экспонаты музея на практике, решая загадки и выполняя задания на смекалку, узнавать интересные факты о полярных экспедициях.

Научные сотрудники музея осуществляют «Музейный десант» – выездные мероприятия – лекции, кинолектории, показы документальных фильмов в образовательных учреждениях. Также на мероприятиях демонстрируются уникальные музейные экспонаты, макеты кораблей, участвовавших в освоении Арктики, макеты подводных лодок и многое другое [4].

В Музее полярников имени В.И. Альбанова разработаны экскурсии не только в стенах самого музея, но и по исторической части Уфы, где он находится. В том числе экскурсионный маршрут «Уфа Валериана Альбанова», он включает посещение сохранившихся исторических мест, связанных с детством будущего исследователя Арктики, прошедшим в Уфе.

Патриотические мероприятия постоянно проводятся в Музее полярников имени В.И. Альбанова. На регулярной основе организуются встречи с участниками специальной военной операции. Также используются коммеморативные практики и для школьников, что позволяет формировать гражданскую идентичность.

Музей полярников им. В. Альбанова взаимодействует с различными учебными заведениями и общественными организациями, среди которых Гимназия № 16 г. Уфа, где в рамках юбилейных мероприятий, посвящённых 140-летию со дня рождения полярного штурмана Валериана Альбанова и 145-летию полярного исследователя Георгия Седова, в 2022 г. открылся класс–музей географии имени В.И. Альбанова [1]. Кроме этого, музей активно сотрудничает с Региональной общественной организацией «Морское собрание Республики Башкортостан», с Уфимским городским детским морским центром имени контр-адмирала М. И. Бакаева, и проводит совместно патриотические мероприятия.

Таким образом, музеи играют ключевую роль в сохранении культурного наследия и передаче знаний о нашем историческом прошлом. Их важность как институтов памяти и образования можно выделить в нескольких аспектах: аккумуляция и сохранение предметов, документов и других объектов, представляющих собой части культурной и исторической идентичности сообщества, что позволяет будущим поколениям понимать и ценить своё прошлое. Музеи предлагают образовательные программы, выставки и лекции, которые помогают людям всех возрастов осваивать исторические события, культурные традиции и достижения. Они формируют общественное сознание, способствуя популяризации исторических событий. Музеи могут также служить местом встречи для различных групп людей, содействуя формированию общих ценностей и идентичности. Демонстрируя достижения и уроки прошлого, музеи вдохновляют молодёжь на активное участие в жизни общества и на создание будущего, учитывающего исторические уроки.

Литература

1. Гильманова Г., Сиразетдинов Р. В гимназии № 16 г. Уфы открылся географический кабинет-музей имени В.И. Альбанова / Гильманов А.Г., Сиразетдинов Р. [Электронный ресурс] // Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы: [сайт]. URL: <https://bspu.ru/unit/61/news/19274> (дата обращения: 11.02.2025).
2. Кознова И.Е. Историческая память и основные тенденции ее изучения // Социология власти. 2003. № 2. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-i-osnovnye-tendentsii-ee-izucheniya> (дата обращения: 18.04.2025).
3. Мальцева О.Н., Свице Я.С. Роль музея полярников им. В.И. Альбанова в Уфимских музейно-туристических маршрутах // Музей и проблемы культурного туризма, материалы Круглого стола в Государственном Эрмитаже, Санкт-Петербург, 4–5 апреля 2023 года. Санкт-Петербург, 2023. С. 158-161.
4. Музей полярников им. В.И. Альбанова / [Электронный ресурс] // Национальный музей Республики Башкортостан: [сайт]. URL: <https://museumrb.ru/category/muzej-poljarnikov-im-v-i-albanova/> (дата обращения: 12.02.2025).

© Хасанова И.Р., 2025

УДК 316.722

Н.В. Ашмарина

студент УУНиТ, г. Уфа

Научный руководитель – к. и. н., доцент Ю. С. Усова

N.V. Ashmarina

student, UUST, Ufa

Scientific advisor – c. of h. s., associate professor Y. S. Usova

РОЛЬ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ТУРИСТОВ

THE ROLE OF THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF THE REPUBLIC OF TURKEY IN THE SOCIO-CULTURAL ADAPTATION OF FOREIGN TOURISTS

Аннотация. В представленной статье автором была исследована роль историко-культурного наследия Турецкой Республики в социокультурной адаптации иностранных туристов. Рассматривались такие знаменитые достопримечательности как г. Эфес, Памуккале, о. Седир, мечеть Айя-София, Голубая мечеть, дворец Топкапы. В результате работы были сделаны выводы о том, что историко-культурное наследие Турции обладает необходимым потенциалом для активизации процессов социокультурной адаптации иностранных туристов, но при этом существует проблема создания мнимой исторической значимости ряда туристических объектов.

Abstract. In the presented article, the author investigated the role of the historical and cultural heritage of the Republic of Turkey in the socio-cultural adaptation of foreign tourists. Such famous sights as Ephesus, Pamukkale, Sedir Island, Hagia Sophia Mosque, Blue Mosque, Topkapi Palace were considered. As a result of the work, it was concluded that the historical and cultural heritage of Turkey has the necessary potential to activate the processes of socio-cultural adaptation of foreign tourists, but at the same time there is a problem of creating an imaginary historical significance of a number of tourist sites.

Ключевые слова: социокультурная адаптация, историко-культурное наследие, Турция, иностранные туристы.

Keywords: socio-cultural adaptation, historical and cultural heritage, Turkey, foreign tourists.

В современном мире туризм выступает ключевым агентом глобализации. Развитие системы транспорта, информационных технологий, средств связи привело к размыванию национальных и культурных границ [2, с. 58] [4, с. 303]. С одной стороны такие изменения способствуют созданию условий для максимальной мобильности и знакомства с историей и многообразием социокультурного опыта различных стран мира. С другой стороны мы можем наблюдать использование туристического потенциала определенной местности в коммерческих целях с искажением исторической реальности.

Как одна из форм деятельности человека туризм играет ключевую роль в освоении природной и социокультурной среды [3, с. 50]. Поэтому наиболее популярным и актуальным вариантом организации досуга туристов являются маршруты историко-культурной направленности. Также они играют важную роль в создании бренда территории как совокупности средств, приемов и методов, позволяющих сформировать у туристов образ уникальной страны, имеющей собственную историю, культурное наследие и образ жизни населения [7, с. 174].

Каждый маршрут историко-культурной направленности включает в себя ряд тематических объектов: культовые и фортификационные сооружения, музеи, монументальные памятники, археологические стоянки и т. д. В совокупности они запускают механизмы социокультурной адаптации туристов. В результате происходит межкультурное взаимодействие. Однако в современных реалиях необходимо изучать историко-культурное наследие отдельно взятого государства, так как оно неразрывно связано с рынком туристических услуг в глобальном масштабе [8]. При этом нужно уметь отличать реальные объекты с исторической ценностью от попыток навязать мнимую историко-культурную значимость определенного места с целью получения прибыли.

Турецкая Республика на протяжении нескольких десятилетий является одним из самых популярных туристических направлений в мире. Этому способствует выгодное географическое положение государства, благоприятный климат, высокий уровень сервиса, современная инфраструктура городов. Туристический рынок страны ежегодно предлагает огромное количество маршрутов историко-культурной направленности. Поэтому необходимо рассмотреть конкретные примеры объектов историко-культурного наследия современной Турции, чтобы понять являются ли они инструментом

социокультурной адаптации иностранных туристов или средством извлечения прибыли с очередного потока прибывающих туристов.

В 2025 г. в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО входит 21 наименование с территории Турции [9]. При этом 82 историко-культурных объекта предложены правительством для включения в данный список. Социокультурный ландшафт Турции весьма уникален, так как в различные исторические эпохи территория страны входила в состав Персидской, Римской, Византийской, Османской империй. Также весомую роль в его формировании сыграло расположение Турции на перекрестке ключевых торговых путей между Европой и Азией. Среди самых популярных объектов историко-культурного наследия можно отметить следующие.

Эфес является древним греческим городом, расположенным на юго-западе Турции. В гомеровский период он пережил культурный подъем и стал центром импорта различных произведений искусств из Леванта [11, с. 43]. Ключевым архитектурным сооружением Эфеса считается храм Артемиды, построенный в VI-V вв. до н.э. Он достигал размеров 55 на 115 метров. Однако в результате пожара от храма осталось несколько архитектурных элементов, которые можно увидеть при посещении Эфеса в наши дни. Важно отметить, что храм Артемиды Эфесской входит в список семи чудес света. Помимо этого, в период Византийской империи Эфес получил известность как ключевое место культа Богородицы, занимающего особое положение в христианстве. В городе было построено святилище Девы Марии, ставшее уникальным примером последовательного процесса строительства церквей. В 431 г. здесь состоялся Третий Вселенский собор, который является важным событием в истории христианства.

Особую популярность среди иностранных туристов имеет историко-природный комплекс Памуккале. С турецкого название можно перевести как «хлопковый замок». В себя он включает 17 термальных источников и водоемов-террас, которые образовались из известняковых травертин [6, с. 15]. Памуккале можно сравнить с массивным снежным холмом. Турецкие гиды акцентируют внимание туристов на том, что подобных мест в мире больше не существует. Однако при посещении данного комплекса можно обнаружить, что фотографии на обложках экскурсионных маршрутов и не совпадают с реальной картиной. Данное место находится в запущенном состоянии, и вместо бирюзовых водоемов-террас наблюдаются небольшие высушенные известняковые впадины и толпа туристов, оставляющая после себя огромное количество мусора. Но при этом на территории Памуккале сохранились развалины древнего греко-римского города-курорта Иераполиса [5, с. 222]. Периодически город страдал от землетрясений, но в различные исторические периоды удавалось восстанавливать и развивать его инфраструктуру. Сейчас туристы могут наблюдать остаточные элементы римских памятников: огромный амфитеатр Севера, центральные бани, части огромной торговой агоры, а также различные нимфеи. От древних греков сохранились фрагменты святилища Аполлона [13, с. 278]. За дополнительную плату у туристов есть возможность искупаться в бассейне Клеопатры – последней царицы

эллинистического Египта. Обычно экскурсоводы рассказывают легенду о том, что она посещала это место с целью прохождения процедур омоложения. Однако до сих пор не обнаружены археологические свидетельства ее пребывания на территории Памуккале. Большое расстояние между Турцией и Египтом в совокупности со слабой транспортной системой древнего мира подтверждает мифичность этой легенды.

Другим ярким примером искажения исторической реальности для получения прибыли с туристической деятельности является остров Седир в заливе Гекова. Обычно туристам с районов Мармариса, Бодрума, Даламана предлагают морские прогулки с возможностью посещения этого места. Акцентируют огромное внимание на том, что это был личный курорт Клеопатры, на который специально для нее привозили песок из Египта. Участок, где он находится не обеспечен достойной защитой, несмотря на обозначенную историческую ценность. Помимо этого на острове расположены развалины греческого города Кедраи, включающие фрагменты храма Аполлона, амфитеатр, некрополь. Здесь также не найдено археологических свидетельств пребывания Клеопатры. Подтверждением мифичности легенд о пребывании здесь Клеопатры является отсутствие тематической научной литературы. Еще важно отметить, что за прошедшие 2000 лет природный ландшафт острова мог претерпеть большие изменения и вероятность сохранения песка Клеопатры в первоначальном виде была бы крайне низкой.

Стамбул можно считать важнейшем историко-культурным центром современной Турции. В историческом прошлом он был столицей Римской, Византийской и Османской империй. С 330 г. до 2025 гг. город претерпел большие изменения, но при этом сохранил все историко-культурные черты своего прошлого. Данный город во все времена являлся местом куда стремились попасть абсолютно все социальные слои населения [12, с. 16]. В дальнейшем это привело к созданию условий для получения статуса мегаполиса. На сегодняшний день в Стамбуле можно посетить огромное количество историко-культурных достопримечательностей. Все они расположены. Но визитной карточкой города являются мечеть Айя София, Голубая мечеть, а также дворец Топкапы.

Мечеть Айя-София располагается в историческом центре Стамбула – Султанахмет. Памятник известен тем, что в течение нескольких столетий менял свой статус. В VI-XV вв. он являлся основным Византийским собором. После захвата Константинополя в 1453 г. был преобразован в мечеть [1, с. 281]. В 1934 г. согласно распоряжению президента Турции Ататюрка мечеть стала государственным музеем. С 2020 г. Айя-София снова стала мечетью. Решение было принято Госсоветом Турции при поддержке нынешнего президента Р. Т. Эрдогана. Облик здания на сегодняшний день сочетает в себе черты византийской и мусульманской культур, сохранившихся сквозь время. Архитектурная композиция, в основе которой лежит подвесной купол поражает своим масштабом.

Голубая мечеть – это символ историко-культурного пространства Стамбула. Она была построена в 1616 г. по указу османского султана Ахмеда I. Зодчий

Мехмет Ага при составлении плана будущей мечети использовал в качестве примера Айя-Софию, но внес ряд изменений. В результате композиция здания стала в себе сочетать стиль сельджукских медресе со стилем купольных храмов Византии [10, с. 103]. Основными архитектурными элементами Голубой мечети являются купола, шесть минаретов, керамические изразцы. Свое название она получила из-за голубой изникской плитки, использовавшейся при строительстве здания. Голубая мечеть стала символом могущества Османской империи. Также она известна тем, что является местом упокоения самого султана Ахмеда I и его семьи.

Дворец Топкапы на протяжении нескольких столетий являлся главной резиденцией османских правителей. Его построили в XV в. во время правления султана Мехмета II. Дворцовый комплекс включает в себя мечети, больницы, пекарни, монетный двор и другие общественные и частные объекты. Из себя Топкапы представляет продукт архитектурных традиций, накопленных цивилизациями Ближнего Востока [14]. План дворцового комплекса был сконструирован для многозадачности, так как в нем происходили ключевые события политической жизни Османской империи. На территории Топкапы могло находиться одновременно около 4 тыс. человек. В середине XIX в. султан Абдул-Меджид I сменил дворец Топкапы на новую резиденцию – дворец Долмбахче. Важно отметить, что сейчас в Топкапы – это крупный музейный комплекс, который содержит экспонаты, связанные с материальной культурой и историей народов Османской империи. Мировую популярность Топкапы получил после выхода сериала Великолепный век, который повествует о периоде правления султана Сулеймана I, известного масштабной завоевательной политикой.

Резюмируя подчеркнем, что историко-культурное наследие Турецкой Республики действительно обладает необходимым потенциалом для активизации процессов социокультурной адаптации иностранных туристов. Историко-культурные объекты на территории современной Турции отражают ряд ключевых событий мировой истории. Также они являются удачным примером синтеза и накопления культурных опыта, традиций, элементов различных народов, проживавших на территории Персидской, Римской, Византийской, Османской империй. Однако представленные примеры подтверждают, что есть проблема создания мнимой исторической значимости части туристических достопримечательностей Турции, направленной на получение прибыли. В подобной ситуации прибывающим иностранным туристам необходимо иметь представления о истории и культуре современной Турции, а также ответственно подходить к выбору экскурсионных маршрутов.

Литература

1. Ашмарина Н.В. Айя-София: судьба памятника мировой культуры сквозь призму истории / Н.В. Ашмарина // Мир Евразии: от древности к современности: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 23 марта 2023 года. Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2023. С. 279-284.

2. Божко Л.Д. Туризм как форма глобализации и его влияние на формирование идентичности / Л.Д. Божко // Философия и социальные науки. 2014. № 3. С. 58-62.
3. Гализдра А.С. Социокультурная динамика туризма / А.С. Гализдра. Саратов: ООО «Издательский центр «Наука», 2009. 109 с.
4. История России: учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Р.Р. Хадимуллина, Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 318 с.
5. Карабаева А.З. Объекты всемирного наследия Турции как определяющий фактор для развития культурно-познавательного туризма / А.З. Карабаева, А.М. Кузичкина // Естественные науки: актуальные вопросы и социальные вызовы: Материалы III Международной научно-практической конференции, Астрахань, 27–28 ноября 2020 года / Составители: Н.С. Шуваев, Е.А. Колчин. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2020. С. 219-223.
6. Китова Л.Ю. Историко-культурное наследие Турции как объект туризма / Л.Ю. Китова // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. – № 2-7(62). С. 12-15.
7. Фролова И.В., Вагапов Р.Р., Ван Цяньцян. Экономические и ценностные аспекты развития историко-культурного туризма в республике Башкортостан // Human Progress. 2024. Том 10, Вып. 9. С. 6. URL: http://progress-human.com/images/2024/Tom10_9/Frolova.pdf DOI 10.46320/2073-4506-2024-9a-12.
8. Харитон В.В. К вопросу определения понятия «культурный туризм» и его классификации на современном этапе развития туризма / В.В. Харитон // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2017. № 28. С. 169-176.
9. Центр Всемирного наследия. [Электронный ресурс]. URL: <https://whc.unesco.org/ru/list/?iso=tr&search=&> (дата обращения: 15.04. 2025).
10. Яшунина А.В. Памятники архитектуры и строительстваотражение мировой истории / А.В. Яшунина, Д. Г. Анохина // Недвижимость: экономика, управление. 2015. № 3. С. 101-104.
11. Akurgal E. The Art and Architecture of Turkey. Rizzoli. New York, 1980. 268 p.
12. Albani J, Chalkia E. Heaven and earb. Cities and Couuntrieside in Byzantine Greece. Athens, 2013. 304 p.
13. Christie N, Augenty A. Archaeologies of Abandoned Classical Towns. Routledge, London, 2012. 424 p.
14. Salgamcioglu M. E., Edgu E., Unlu A., Garip E., Kos F. C. Topkapi palace: Reflections on Social and Spatial Order. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/318404944_TOPKAPI_PALACE_Reflecti ons_on_Social_and_Spatial_Order (дата обращения: 15. 04. 2025).

©Ашмарина Н.В., 2025

А.С. Нуриахметова
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Ю.С. Усова

A.S. Nuriakhmetova
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor Yu. S. Usova

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ДЕСТРУКТИВНЫХ СЕКТ (НА ПРИМЕРЕ «АШРАМ ШАМБАЛЫ»)

ACTIVITIES OF MODERN DESTRUCTIVE SECTS (ON THE EXAMPLE OF THE "ASHRAM OF SHAMBHALA")

Аннотация. В статье автор рассматривает деятельность секты «Ашрам Шамбалы», показывает её деструктивный и тоталитарный характер. Показаны способы вовлечения в секту, воздействия на психику и образ жизни её членов.

Abstract. In the article, the author examines the activities of the Shambhala Ashram sect, shows its destructive and totalitarian nature. The ways of involvement in the sect, influencing the psyche and lifestyle of its members are shown.

Ключевые слова: Ашрам Шамбалы, тоталитарная секта, психология, деструктивная деятельность.

Keywords: Ashram of Shambhala, totalitarian sect, psychology, destructive activity.

В современном мире, характеризующемся глобализацией и взаимозависимостью, угрозы безопасности приобретают новые, глобальные формы. Среди наиболее опасных и актуальных выделяются терроризм и экстремизм, представляющие собой сложные, взаимосвязанные явления, подрывающие основы стабильности и безопасности государств.

Терроризм – это насилие и запугивание гражданского населения для достижения политических или иных целей. Он всё чаще использует интернет для вербовки и координации действий, опираясь на разнообразные идеологии. Экстремизм, часто являющийся основой терроризма, – это использование насилия или угроз для достижения политических или социальных целей, нарушая закон и общественные нормы. Интернет играет ключевую роль в распространении экстремистских идей. Терроризм представляет собой наиболее опасную и непредсказуемую форму экстремизма, отличающуюся своей масштабностью и разнообразием форм [8].

Вербовка в секты тесно связана с терроризмом и экстремизмом, используя схожие методы манипуляции и контроля над сознанием. Хотя терроризм и экстремизм открыто используют насилие для достижения политических или идеологических целей, секты, даже без прямого насилия, достигают своих целей (часто религиозных или псевдонаучных) через манипуляцию и изоляцию. Тоталитарные секты, с их жесткой иерархией и тотальным контролем, представляют особую опасность, так как способны перерасти в экстремистские или террористические организации.

Так, не стало исключением секта «Ашрам Шамбалы», основателем которой является Константин Руднев. Некоторые исследователи, журналисты и российские правоохранительные органы считают данную организацию оккультной тоталитарной религиозной сектой. Численность её последователей, по разным оценкам, колебалась от 10 до 20 тысяч человек в возрасте от 17 до 30 лет [7].

В период «перестройки» общественно-политическая жизнь СССР быстро менялась. В стране возникали небольшие группы, а ранее скрытые духовные организации вышли из подполья. Получили открытое распространение практики, которые долгие годы существовали негласно. Многие делали для того, чтобы привлечь молодежь в подобные объединения. Во время перестройки люди искали себя, искали новые способы зарабатывания денег, верили, что духовное развитие, да еще и упражнения сделают их жизнь лучше. Благодаря этому на секции йоги приходило много людей, которые верили, что их жизнь кардинально изменится.

Два брата – Сергей и Константин Рудневы – начали заниматься йогой. У обоих не было мыслей создать секту, они просто занимались тем, что им нравится. Они молоды, свежи, тоже искали что-то новое для себя и чем начать зарабатывать деньги. Так, на молодых красавцев приходили и молодые девушки, которые верили, что смогут заполучить сердце одного из них – что и стало одним из путей привлечения их занятием йогой.

Несколько изучив йогу, почувствовав просветление, К. Руднев стал действовать. На таких секциях он рассказывал о просветлении и именно на его занятиях йоги можно этого достигнуть. Именно на этом Константин Руднев и его помощница Елена стали зарабатывать деньги. В скромной квартире Елены проходили встречи, где участники занимались йогой, «открывали третий глаз» под расслабляющую музыку и обсуждали буддизм. Неформальная обстановка с матрасами, скатертью, чаем и печеньем, подкрепленная Рудневым, создавала благоприятное впечатление. К 1991 г. сообщество заметно расширилось – наблюдая «бешенный» спрос на йогу, сектанты стали брать больше денег.

В 1993 г. Руднев и его помощницы стали активно покупать недвижимость, где и появился первый «ашрам». Вскоре вокруг Руднева сформировалась группа преданных последователей, готовых выполнить любое его поручение. С 1990 г. молодых людей приглашали жить в квартире, практикуя йогу, карма-йогу и другие духовные практики для достижения просветления. Тогда же секция стала превращаться в секту. Главной ценностью секты Руднев провозгласил отказ от семьи, друзей и родственных связей. Именно они, согласно проповедям «учителя», тянули людей вниз и мешали жить полной жизнью. Поэтому сторонникам рекомендовалось избавиться от лишнего груза и прийти жить в секту. К 1998 г. появилась новая практика – «волчья диета»: зимой кормят дважды в день, летом – один. Садхаки, новички секты, жили в таком режиме постоянно [1].

В середине 1990 гг. «Ашрам Шамбалы» достиг пика популярности на фоне общего роста интереса к эзотерике и духовным практикам. В 1998 г. даже

члены Госдумы принимали участие в подобных мероприятиях. Популярность Руднева («учитель Калки») также возросла благодаря рекламе в СМИ.

Руднев получал множество писем от поклонников йоги и эзотерики со всей страны с просьбами о советах и проведении семинаров. В результате, помимо Новосибирска, филиалы «Ашрама Шамбалы» появились по всей Сибири, а также в Анапе, Сочи, Москве и Санкт-Петербурге. Организация насчитывала около 10 тысяч активных последователей. Для продвижения «Ашрама Шамбалы» Руднев создал рекламные ролики, а позже – собственный сайт и книгу-автобиографию «Путь Дурака». В книге прославлялись ценности секты, такие как отказ от семьи и работы в пользу жизни ради удовольствий. Семинары секты, длившиеся несколько дней, проводились в различных местах: домах культуры, кинотеатрах, на турбазах и в санаториях. В конце 1990 гг. духовные искания были особенно популярны среди российских бизнесменов. Многие стремились к личному общению с Рудневым, а наиболее преданные последователи жили в ашрамах, соблюдая строгую диету и работая бесплатно в обмен на духовное просветление. Не обошлось и без зарабатывания на услугах эротического массажа.

Слово «секта» изначально не имело негативного значения, но с распространением христианства стало обозначать ересь. Сегодня, несмотря на нейтральное использование в социологии, термин остается неоднозначным. Александр Дворкин, реагируя на рост новых религиозных движений в постсоветской России, ввел термин «тоталитарная секта» для обозначения организаций, нарушающих права человека. Его исследования, начавшиеся с жалоб родственников, чьи дети вступили в «Ашрам Шамбалы», выявили случаи жестокого обращения, голодания, унижений и даже смертей (два самоубийства). В 1999 г. против Руднева было возбуждено уголовное дело по статье об организации преступного сообщества, угрожающего личности и правам граждан, на основании заявлений родителей пропавших подростков. Во время обыска, связанного с участием в секте племянницы прокурора, были изъяты крупные суммы денег и материалы, свидетельствующие о насилии, жестоком обращении и сексуальных практиках. В расследовании участвовали следователи, родственники адептов и священник Александр Новопашин.

Расследование дела против Руднева было приостановлено после его кратковременной психиатрической экспертизы, из которой он сбежал. Вместе с ближайшим окружением он скрылся из Новосибирска, продолжив деятельность в других городах России. Только через пять лет произошло следующее столкновение с правоохранительными органами [2].

В 1999 г. Руднев был привлечен к уголовной ответственности за создание преступной организации, посягающей на личность и права граждан. Расследование выявило вымогательство, растление малолетних, сексуальное насилие, садизм и другие преступления, включая производство и экспорт порнографических материалов. Кроме того, было установлено владение сектой недвижимостью в Новосибирске. Однако, после пятилетнего бегства Руднева, уголовное дело было приостановлено, а возобновлено лишь в отношении

налоговых преступлений и незаконной предпринимательской деятельности [5, с. 31].

В 2008 г. в домах Руднева были проведены обыски, в результате которых задержали шесть разыскиваемых лиц и обнаружили наркотики, порнографические материалы, ритуальные предметы, а также предметы, используемые для сексуальных извращений. Было установлено, что секта проводила платные (3500-5000 рублей с человека) групповые сексуальные практики в различных общественных местах, включая центры семьи и учреждения для детей. На территории также были обнаружены дорогие автомобили.

В 2011 г. рязанская полиция обнаружила и вернула домой двух 18-летних подростков, завербованных «Ашрам Шамбалы» в Новосибирске. Правоохранительные органы сообщили о продолжающейся вербовочной деятельности секты в Рязанской области [3].

В 2013 г. Константин Руднев был осужден на 11 лет строгого режима и оштрафован на 100 тысяч рублей за создание преступной организации, изнасилование, насильственные действия сексуального характера и подготовку к сбыту наркотиков. Пятнадцать человек, четырнадцать из которых были не местными жителями, были признаны потерпевшими. Суд обязал Руднева выплатить им компенсацию морального вреда в размере 3,7 миллионов рублей [6].

После многолетнего расследования, включавшего несколько возвращений дела на доследование и показания жертв и их родственников, Константин Руднев был признан виновным в создании преступной организации, изнасиловании, сексуальном насилии и подготовке к распространению наркотиков. Его приговорили к 11 годам лишения свободы, однако секта продолжила свою деятельность под другими названиями.

По словам сектоведа А. Дворкина, члены подобных сект останавливаются в психологическом развитии. В 2020 г. вышел документальный фильм о секте. После освобождения в 2023 г. основателя «Ашрам Шамбалы» Константина Руднева, бывшие участники опасаются возобновления его деятельности и указывают на продолжающееся существование мини-филиалов, использующих методы и материалы, аналогичные «Ашрам Шамбалы» [5].

Константин Руднев, основатель секты «Ашрам Шамбалы», был задержан в Аргентине по подозрению в торговле людьми. Массовая полицейская операция привела к аресту нескольких десятков человек, предположительно связанных с сектой. Расследование началось после госпитализации молодой россиянки, возможно несовершеннолетней, для родов в Барилоче, где персонал больницы заподозрил неладное из-за поведения сопровождающих её женщин и мужчины, контролирующего её действия. Подозрения указывают на деятельность ячейки «Ашрам Шамбалы», практиковавшей сексуальное насилие, психологический контроль и принудительное голодание. Руднев, ранее осужденный в России, попытался покончить с собой после задержания. Хотя ему пока не предъявлены обвинения, его считают организатором аргентинской ячейки секты [4].

В целом, история деятельности секты «Ашрам Шамбалы» подчеркивает необходимость противодействия подобного рода объединениям, прежде всего, просвещения, включения данной проблематики в учебные курсы, посвященные истории, современному состоянию и перспективам развития России как светского государства.

Литература

1. «Ашрам Шамбалы». Часть 1: Как случайно создать самую известную в стране секту. [Электронный ресурс]. URL: <https://snob.ru/entry/237878/> (дата обращения: 16.04.2025).
2. «Ашрам Шамбалы». Часть 2: Доведение до самоубийства и секс с учителем — чем жили последователи секты. [Электронный ресурс]. URL: <https://snob.ru/entry/237885/> (дата обращения: 16.04.2025).
3. «Ашрам Шамбалы». Часть 3: Как сбежать из секты и устроить свою жизнь после. [Электронный ресурс]. URL: <https://snob.ru/entry/237886/> (дата обращения: 16.04.2025).
4. «Ашрам Шамбалы»: в Аргентине по подозрению в торговле беременными задержали лидера секты из Новосибирска. [Электронный ресурс]. URL: <https://ruargentina.news/ashram-shambaly-v-argentine-po-podozreniyu-v-torgovle-beremennymi-zaderzhali-lidera-sekty-iz-novosibirska/> (дата обращения: 16.04.2025).
5. Александр Новопашин. Школа дураков // Прозрение. 2000. № 1 (4). С. 31.
6. В Новосибирске вынесли приговор основателю крупной религиозной секты // Первый канал. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.1tv.ru/news/2013-02-07/76838-v-novosibirske-vynesli-prigovor-osnovatelyu-krupnoy-religioznoy-sekty> (дата обращения: 16.04.2025).
7. Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты: Опыт систематического исследования. Н. Новгород: Изд-во «Христианская библиотека», 2006. 816 с.
8. Тема по впп № 6. Экстремизм, терроризм и национализм как угроза национальной безопасности России. [Электронный ресурс]. URL: <https://army.ric.mil.ru/Stati/item/376614/> (дата обращения: 28.03.2025).
9. Секта «Ашрам Шамбала» ведёт активную вербовку адептов в Рязанской области, заявляют в полиции. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=42125> (дата обращения: 16.04.2025).

© Нуриахметова А.С., 2025

СЕКЦИЯ «СОТРУДНИЧЕСТВО, ВОЙНЫ И КОНФЛИКТЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

УДК 94(430).087

И.Р. Насыров

студент УУНиТ, г. Уфа

Научный руководитель – к. и. н., доцент А.О. Целищев

I.R. Nasyrov

student, UUST, Ufa

Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor A.O. Celishev

БЕРЛИНСКИЙ КОНГРЕСС 1878 Г. И «СИСТЕМА СОЮЗОВ» БИСМАРКА

THE BERLIN CONGRESS OF 1878 AND BISMARCK'S "SYSTEM OF ALLIANCES"

Аннотация. Статья посвящена подробному анализу Берлинского конгресса в рамках дипломатической доктрины германского канцлера Бисмарка. Автор придерживается точки зрения, что позиции канцлера в рамках Конгресса привели к краху «системы союзов» и стали зачатками формирования двух противоборствующих коалиций, и что в этом виновато стремление к максимальному нейтралитету, которого Бисмарк придерживался и в рамках Конгресса, и в течение всей службы в должности канцлера Германской Империи.

Abstract. The article is devoted to a detailed analysis of the Berlin Congress within the framework of the diplomatic doctrine of German Chancellor Bismarck. The author adheres to the point of view that the Chancellor's positions within the Congress led to the collapse of the "system of alliances" and became the beginnings of the formation of two opposing coalitions, and that the desire for maximum neutrality, which Bismarck adhered to both within the Congress and throughout his service as Chancellor of the German Empire, is to blame for this.

Ключевые слова: Бисмарк, Берлинский Конгресс, «система союзов», нейтралитет, «честный маклер», русско-германские отношения

Keywords: Bismarck, Berlin Congress, «System of alliances», neutrality, «Honest broker», Russian German relations.

Объединение Германии под прусским руководством, победа немцев в войне с Францией, создание Германской империи, успешное экономическое развитие сделали её одной из ведущих держав мира [7, с. 141]. Германский канцлер Отто фон Бисмарк на протяжении всей своей политической карьеры вел политические игры внутри и за пределами страны. Если в рамках государства он предпринимал эти действия для сохранения собственной власти, чтобы объединенные политические группировки не представили нового канцлера, то в Европе Бисмарк вёл аккуратную игру по «склеиванию» европейских коалиций и срабатыванию их друг с другом. Главное – чтобы в данных союзах не было Франции, и чтобы сильные державы не объединялись против Берлина. Для подчеркивания германского нейтралитета канцлер всегда был инициатором европейских конгрессов и конвенций, где играл роль «честного маклера», не

принимая прямого участия. Российская историография давно задается вопросом, почему на самом деле Бисмарк не придерживался нейтралитета в ходе конгресса 1878 г. Подоплека его действий заключалась в том, что он будто бы пытался сравнить ведущие европейские государства против России, окраинного европейского государства, словно для Бисмарка крупная фигура русского медведя была лишней в его политико-дипломатической игре. В данной статье мы постараемся раскрыть образ России её дипломатов с точки зрения Бисмарка, затронем его реакцию на бушующие балканские события и роль в формировании политики изоляции России.

Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор 1878 г. вызвал волну негодования в европейских столицах. Былые договоренности с Россией словно были забыты, совместные конвенции по вопросу защиты интересов балканских народов также ушли на второй план, вперед снова вышла политика баланса сил. Созданное по результатам мирного договора Болгарское государство европейской прессой рассматривалось как форпост русского самодержавия [9, с. 255]. Союзнические отношения с другими балканскими странами также рушились из-за договора в Сан-Стефано: была похоронена сербская мечта о присоединении Боснии и Герцеговины [3, с. 256], а правительство Румынии чуть ли не бойкотировало 8 статью мирного соглашения [9, с. 165]. К слову, премьер-министр румынского правительства даже обращался в Вену и Берлин с просьбой о помощи. Граф Дьюла Андраши, глава австрийского МИД, подталкивал того на решительные действия [3, с. 258]. Бисмарк вызвал у румынского политика разочарование, т. к. в нейтральной манере он попросил Румынию не сопротивляться открыто договору, а выжидать необходимый момент для выторговывания выгодных Бухаресту условий. Т.е., мы можем отметить, что мирный договор, подписанный в Сан-Стефано, не устраивал не только ведущие европейские державы, но и страны, напрямую затронутые в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

Германский канцлер следил за балканскими событиями вместе со всей Европой, когда весной 1876 г. в Боснии, а затем и в Болгарии вспыхнуло мощное антитурецкое восстание. Когда Андраши с канцлером Горчаковым начали горячие дискуссии по Восточному вопросу, Бисмарк постарался не вмешиваться в ситуацию напрямую, предпочитая сохранять существующий баланс на континенте с помощью посредничества на переговорах между представителями России и Австро-Венгрии, или играл роль «честного маклера», как отмечают многие историки и биографы. Неучастие Германии в Восточном вопросе предписывало, таким образом, посредническую роль в «Союзе трех императоров», где намечался австро-русский раскол из-за спорного региона.

Во время лечебного пребывания в Бад-Киссингене 15 июня 1877 г. германский канцлер сформулировал т. н. «Киссингенский диктат», в котором определялись вопросы внутренней и внешней политики. Во втором случае Бисмарк диктовал дипломатический вектор развития событий по Восточному вопросу, которая канцлером рассматривалась как возможность нейтрализации австро-русского сотрудничества, а его пугали коалиции, в которых не участвует

Германия, потому что любая такая коалиция могла стать ещё и профранцузской. Потому в диктате Бисмарк поощрял будущий раскол прежних коалиций из-за спорных моментов по Восточному вопросу, в частности между Россией и Австрией, а также между Францией и Англией [11, с. 58]. Мы можем отметить, что хотя канцлер не был заинтересован в происходящих балканских событиях, но рассматривал их как опасные для Германии, потому что антитурецкая коалиция могла перерасти в оборонительный союз и против Германии.

Издано большое количество статей о самом ходе Берлинского конгресса, о его многочисленных заседаниях. В качестве любопытного источника можно использовать дневник русского делегата Дмитрия Гавриловича Анучина, генерал-лейтенанта, участника русско-турецкой войны. В его дневнике описаны не только процессы обсуждения в рамках русской делегации, самих заседаний, но также и её «развлекательная часть», куда входили балы, театральные постановки, торжественные обеды в кругу императорской семьи и канцлера. Бисмарк упоминается не так часто, но его роль автор постоянно подчеркивал. Так, в конечном счете, конгресс семи держав превратился в частные разговоры трех из них: России, Англии и Австрии, потому что обсуждение столь важных вопросов во всех подробностях публично было неудобно, и канцлер предложил проводить частные беседы в рамках представителей трех государств [1, с. 47]. В целом, Бисмарк на самом деле вёл себя как «честный маклер», выступая в качестве организатора площадки для переговоров. На своей же площадке он воплощал и собственные дипломатические стратегии «системы союзов», срабатывая друг с другом европейские государства, в то время как от делегатов от Германии он требовал соблюдать строгий нейтралитет, давая России понять, что рассчитывать на поддержку Берлина не придется [4, с. 168]. Но при этом, Бисмарк старался не сочувствовать и противникам делегации из Петербурга, и тут тоже определенную роль сыграла «система союзов». В итоге Россия хоть и выиграла войну, но снова проиграла мир, Сан-Стефанский договор был существенно изменен не в пользу Петербурга, Англия и Австрия сумели единым фронтом достигнуть поставленных целей, нейтралитет Бисмарка также сыграл в пользу данных держав.

Канцлер считал, что с исключением России из коалиции противников она точно не будет угрожать существованию Германии [2, с. 201]. Почему в рамках его «системы союзов» Россия должна быть союзницей Германии? Для ответа на вопрос стоит взглянуть на карту Европы и главный дипломатический вектор канцлера. В первом случае Россия – крупный восточный сосед, в борьбе с которым помочь сможет лишь Австрия. А Россия в случае войны с Германией сразу заключит союз с Францией, чей реваншистский порыв не утихнет вплоть до 1914 г. Именно из-за французского реваншизма Бисмарк старался оставить Париж в дипломатической изоляции, потому что новая франко-прусская война может перерасти из конфликта двух держав в коалиционное противостояние, которое Шувалов в одной беседе с канцлером назвал кошмаром коалиций [2, с. 201]. А франко-русский союз означал бы для Германии войну на два фронта,

для предотвращения которой Бисмарк прилагал свои усилия. Таким образом, союз с Россией означал бы для Германии полную безопасность восточных границ и исключение войны на два фронта.

Но почему Бисмарк отвернулся от России, изображая себя в роли «честного маклера»? Историк Н. Власов отмечает, что на это повлияли как внутренние, так и внешние факторы. Внешнеполитическая ситуация указывала Бисмарку, что переход Австрии на антигерманские позиции куда сильнее ухудшат стратегическое положение Берлина. Также канцлер намеревался данным немецким союзом успокоить Петербург и дать ему подумать трезво над ситуацией. Не забывает Власов и про внутренние факторы. Заканчивалась либеральная эпоха, Бисмарк всё сильнее склонялся к консерваторам и восстанавливал отношения с Партией Центра, не опасаясь южногерманского сепаратизма [5, с. 276]. Достаточно серьезной проблемой в разрыве с Россией была династическая связь правящих домов Берлина и Петербурга. Вильгельма I современники даже называли «императором при канцлере» [8, с. 24], подчеркивая его зависимость от Бисмарка. Берлинский конгресс окончательно разделил судьбы двух государств. Бисмарковская система явно была настроена против России, которая, как и Франция, превратилась в одного из главных противников Германии. Свою роль в расколе сыграла и личная борьба между Горчаковым и Бисмарком, двумя канцлерами, учителем и учеником, где Бисмарк как раз был учеником [6, с. 204]. Берлинский конгресс стал последним сражением между ними, из которого германский канцлер вышел победителем.

Берлинский конгресс 1878 г. стал для Бисмарка местом выбора окончательного ответа на вопрос: кого выбрать – Вену или Петербург? В конечном счете стрелка остановилась на бывших конкурентах, чьи стремления на конгрессе были тайно поддержаны германскими делегатами. Огромную роль в становлении австро-германских отношений сыграла личная дружба Бисмарка с министром иностранных дел Дьюлой Андраши, который незадолго до начала Восточного кризиса сменил на посту антипруссак Бейста. Причем, канцлер в это же время поддерживал восточного соседа, снова действуя в рамках хитрой дипломатии. Вовлечение Петербурга в балканские дела было для Бисмарка способом борьбы с ним же [10, с. 64]. Это играло ему на руку с двух сторон. Во-первых, против России выстраивалась плеяда недовольных европейских держав, а, во-вторых, это способствовало сохранению германского нейтралитета и постоянной организации мирных конгрессов именно в Берлине. Таким образом, конгресс 1878 г. являлся непрямым актом борьбы с Россией, которым Бисмарк, объективно говоря, успешно воспользовался. Фактически это и предопределило «кошмар коалиций» в будущем, поскольку отношения с Россией были подорваны.

Позиция Бисмарка на Берлинском конгрессе в целом схожа с его отношением к балканским делам. Сохраняя формальный нейтралитет, он старался натравить против России ведущие европейские державы. Нейтралитет Берлина в данном случае являлся в то же время положительным сигналом для Петербурга, обеспечивая безопасность западных границ. Бисмарк проявил себя «честным маклером», инициатором конгрессов и конференций в германской

столице. Его стратегия никогда не заключалась в формировании конкретного союза с какими-либо государствами, лишь к началу 1880 гг. канцлер убедился в надежности австро-германского союза, сделав окончательный выбор в пользу Вены как раз после Берлинского конгресса 1878 г. Россия для него была если не врагом номер один, то точно врагом номер два, но значительное обострение русско-германских отношений и практически разрыв произойдет уже при преемниках Бисмарка и императора Вильгельма I. Первый канцлер Германской империи лишь заложил основу для дальнейшего русско-германского противостояния и франко-русского сближения.

Литература

1. Анучина А.С. Берлинский конгресс 1878 года. [Дневник, вед. на месте Д.Г. Анучиным]. СПб: «Электро-тип Н.Я. Стойковой», 1912, 116 с.
2. Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Том 2. М.: Государственное социально-экономическое изд-во. 1940, 288 с.
3. Виноградов В.Н. Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М.: Наука. 2005, 302 с.
4. Власов Н.А. Бисмарк. Серия: Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия. 2023, 452 с.
5. Власов Н.А. Германия Бисмарка. Империя в центре Европы. СПб: Наука, 2018. 207 с.
6. Дударев В.С. Конструирование образа противника. Российская дипломатическая элита об Отто фон Бисмарке // Диалог со временем. Вып. 62. М. 2018, С. 200-209.
7. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.
8. Лаптев Б.Н. Германский консерватизм эпохи Бисмарка. От партии власти к парламентской оппозиции. Уфа: Башкирский университет. 1998, 108 с.
9. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Государственное изд-во полит. литературы. 1952, 470 с.
10. Сказкин С.Д. Конец австро-русско-германского союза. М.: Наука. 1974. 272 с.
11. Die Auswärtige Politik des Deutschen Reiches 1871–1914, einzige vom Auswärtigen Amt autorisierte gekürzte Ausgabe der amtlichen Großen Aktenpublication der Deutschen Reichsregierung. Leitung: Albrecht Mendelssohn Bartholdy und Friedrich Thimme / Institut für Auswärtige Politik in Hamburg (Hg.). Berlin, 1928, Bd. I. 799 S.

© Насыров И.Р., 2025

ОТНОШЕНИЯ СССР С ГОМИНЬДАНОВСКИМ КИТАЕМ 1920 ГГ.: ЭВОЛЮЦИЯ И ПРИЧИНЫ УПАДКА

RELATIONS OF THE USSR WITH KUOMINTANG CHINA IN THE 1920S: EVOLUTION AND REASONS FOR DECLINE

Аннотация. В статье рассмотрен процесс становления и эволюции отношений между советским государством и Гоминьданом в 1920 гг. Показаны причины, которые сделали возможным разностороннее взаимодействия СССР и Китайской республики, охарактеризованы факторы, которые вызвали кризис двусторонних отношений и их разрыв.

Abstract. The article examines the process of formation and evolution of relations between the Soviet state and the Kuomintang in the 1920s. The reasons that made possible the multifaceted interaction between the USSR and the Republic of China are shown, the factors that caused the crisis of bilateral relations and their rupture are characterized.

Ключевые слова: СССР, Китай, Гоминьдан, Чан Кайши, международные отношения, КВЖД, КПК.

Keywords: USSR, China, Kuomintang, Chiang Kai-shek, international relations, CER, CPC.

Предпосылкой для начала сотрудничества между Гоминьданом и СССР было признание ещё царским правительством России Кантонского правительства в Китае как основного союзника. Это становится понятным по секретной телеграмме из царской российской миссии в Пекине. Причины просты – у царского правительства были противоречия по КВЖД и Внутренней Монголии с официальным Пекином, но с Южным Китаем (Кантон) таких противоречий не было. Со сменой политического режима в России, смены мнения официальной Москвы по этому вопросу не произошло [2, с. 17].

Придя к власти, большевики видели явной угрозой беззащитность своего Дальнего Востока. Свежа была память об интервенции Японии и Китайской Республики [8, с. 165].

В свою очередь в Китае, Сунь Ятсен, будучи лидером Гоминьдана, явно надеялся на иностранную помощь для борьбы с милитаристами, захватившими к тому моменту большую часть страны. Ещё в 1918 г. нарком иностранных дел Чичерин направлял Ятсену письмо, в котором отмечал схожесть целей русской и китайской революций и надеялся на сближение Советской России с Кантоном.

Советское руководство уже к этому времени понимало растущие амбиции Японии не только в Китае, но и во всё регионе. Это несло угрозу и самому Советскому государству. Требовался сильный союзник внутри Китая, который

не сильно расходился бы с большевиками в идеологических вопросах. Коммунисты Китая к этому времени были ещё слабы, как организованная партия. Потому выбор правительства Ятсена был очевидным [10, с. 18-20]. В это же самое время, для Советского государства было интересным параллельно усилить позиции коммунистов, так как это было основной частью всей Дальневосточной политики. Для этого обеим сторонам было выгодно объединиться. Объединённый Китайский фронт давал Сунь Ятсену надежду на поддержку не только от социалистически настроенного местного населения, но и от Советской России. Так посредником в отношениях СССР с Гоминьданом стала КПК.

26 января 1923 г. было опубликовано совместное коммюнике Сунь Ятсена-Иоффе, которое стало основой сотрудничества Гоминьдана и СССР [5]. В нём отмечалось, что советская сторона поддерживает Китай в его борьбе за национальное объединение и национальную независимость и готова оказать Гоминьдану всемерную помощь, в том числе финансовую и военную. Урегулировались вопросы по владению КВЖД и статусом Монголии. Также по настоянию Сунь Ятсена туда было включено положение о том, что опыт советского государственного управления и коммунистический строй в нынешнее время не могут быть реализованы на территории Китая.

После этого, в течении 1923 г. руководство РКП(б) разрабатывало план конкретной военной, финансовой и организационной поддержки национально-освободительному движению Китая.

В феврале 1923 г. Сунь Ятсен обращается к СССР с просьбой отправки военных советников для перенятия опыта организации РККА и для дальнейшего налаживания военно-технического сотрудничества. Также к Сунь Ятсену, в качестве политического советника был направлен М.М. Бородин.

Под руководством первого главного военного советника в Китае П.А. Павлова находилось до 135 военных советников СССР [7, с. 74]. П.А. Павлов руководил организацией плана военного-строительства Национально-революционной армии. Подразумевалось открыть военно-офицерское училище на базе училища времён имперской армии, подготовить офицерский состав, создать высшее военное командование, поменять принцип обучения личного состава с учётом опыта Гражданской войны в России, организовать в подразделениях политические ячейки Гоминьдана. В дальнейшем Советской стороной была предоставлена военная материальная помощь в виде винтовок, артиллерии и боеприпасов к ним.

При содействии большевиков, Сунь Ятсен начал преобразование партии Гоминьдан в массовую с чёткой структурой и руководящей ролью в армии по примеру РКП(б).

После неожиданной гибели П.А. Павлова в реке из-за несчастного случая, главным военным советником в Китай был направлен В.К. Блюхер, который продолжал деятельность по реформированию армии Гоминьдана. Именно ему предстояло составить план и опробовать реформированную армию в деле при Восточном походе. В его ходе, разбив войска мятежного соратника Сунь

Ятсена – Чэнь Цзюньмина, НРА завладела обширным районом на побережье Южно-Китайского моря.

Отношения между СССР и Гоминьданом дали трещину почти сразу после смерти Сунь Ятсена в октябре 1925 г., когда в Гоминьдане началась борьба за власть между Ху Ханьмином, Ван Цзинвэем и Чан Кайши. Именно последний и победил в ходе Кантонского переворота. Переворот затронул и советскую делегацию, часть представителей которой были отосланы на родину. Однако ВКП(б) постановило считать недопустимым разрыва отношений.

9 июня 1926 г. начинается Северный поход Объединённого Фронта, целью которого было объединение территории государства и создание центрального правительства в Нанкине. Этому было суждено случиться по плану, который составили советские военные советники (в частности Блюхер).

В октябре 1926 г. в Китай на пароходах отправляется советское оружие: 24 самолёта, 157 полевых орудий, 128 миномётов, 73993 винтовок, 110 тыс. гранат, 124 млн. патронов, 50 тыс. артиллерийских снарядов и др. Также был предоставлен кредит в 10 млн. юаней [5, с. 13].

В совокупности, вся советская поддержка помогла Чану Кайши занять север страны, в том числе города Нанчан, Ухань, Нанки и Шанхай. Гоминьдан выполнил свою заветную цель – значительная часть страны, вместе со столицей, оказалась под их контролем.

С этого момента можно говорить о значительном похолодании во взаимоотношениях СССР и КПК с Гоминьданом.

Чан Кайши получил то, чего добивался Сунь Ятсен до своего окончательного определения на советский вектор внешней политики. Гоминьдан получил признание от Великобритании.

Взаимоотношения внутри Гоминьдана обострились с началом Северного похода. После взятия города Ухань, политсовет партии постановил перенести туда столицу и перенести всё Национальное правительство. Однако часть его функционеров осталось с главкомом Гоминьдана – Чаном Кайши, который находился в Нанчане. Сформировалась ситуация двоевластия.

Советское руководство, чувствуя, как оно теряет контроль над ситуацией, решает пойти ва-банк и делает ставку на КПК. Расширенный состав ИККИ на заседании дал установку на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Готовилась подрывная работа КПК внутри Гоминьдана [4, с. 200-201]. Под давлением Бородин 3 пленум партии Гоминьдан снимает Чана Кайши с поста главкома, и выпустил тайный приказ об его аресте.

Чан Кайши решил действовать резко и быстро. Он перешёл в резкое наступление против коммунистов и левых гоминьдановцев сначала в Шанхае, а затем и по остальным городам. 18 апреля Чан Кайши создаёт собственное Национальное правительство. Советских советников, находившихся при нём, вывозят в Ухань, где позже также выросли антисоветские настроения [9]. Было принято решение о возвращении на Родину. В ходе антикоммунистических чисток погибли и советские дипломаты.

Объединённый фронт рухнул и китайским коммунистам пришлось уходить в северные горные районы страны.

В декабре 1928 г. было заключено соглашение между Национальным правительством в Нанкине и маршалом Чжан Сюэляном, который контролировал северо-восточные регионы страны (Маньчжурию) и сотрудничал с СССР по договору о совместном советско-китайском владении КВЖД. Заключение соглашения между Чжан Сюэляном и Чаном Кайши поставило Маньчжурию под власть Гоминьдана. Китайский национальный лидер начал проводить политику расторжения неравноправных межправительственных договоров участником которых является Китай. Имеются ввиду договора об иностранных концессиях, самой неравноправной из которых он видел советско-китайский договор 1924 г. о совместном владении КВЖД.

В мае 1929 г. китайская сторона занимает здание советского Генерального консульства в Харбине, арестовывает советских дипломатов и проводит там обыски. Советская сторона к этому времени ещё призывала официальный Китай к диалогу для разрешения всех спорных вопросов, касающихся КВЖД. Однако Китайская Республика решила действовать силовым методом и захватила советские объекты на КВЖД в июле 1929 г. Чан Кайши надеялся, что полный военный контроль над дорогой усилит переговорные позиции Китайской Республики на будущих переговорах. Также присутствовала уверенность, что СССР не вступит в прямое боестолкновение, а лишь проведёт демонстрацию силы по примеру конфликта на КВЖД в 1926 г.

Однако расчёт не оправдался. Советские войска перешли советско-китайскую границу и показали своё превосходство над китайскими коллегами в приграничных сражениях.

Ещё 14 июля 1929 г. было принято «Постановление ЦИК и СНК Союза ССР» о разрыве дипломатических, консульских, торговых и иных сношений с Китайской Республикой [3, с. 76]. Советско-китайские отношения оказались на паузе, с перерывом на заключение Хабаровского протокола об урегулировании конфликта на КВЖД. Возобновлены отношения будут только в 1932 г., после оккупации Маньчжурии Японией, но это уже совсем другая история.

Начало взаимоотношений Советской России с Гоминьданом были обусловлены политико-стратегической реальностью в регионе. Советскую сторону в первую очередь интересовало спокойствие на своём Дальнем Востоке и решение в свою пользу территориальных вопросов между Россией и Китаем, а также решение вопроса принадлежности и пользования КВЖД. В силу слабости КПК на начальном этапе, рассматривать цели и задачи по организации полноценной социалистической революции в Китае нужно считать неуместным. До смерти Сунь Ятсена, можно говорить об общей успешности для СССР этого внешнеполитического направления – так как было значительно упрочено советское влияние.

Для Гоминьдана же установление отношений решало вопрос необходимости военно-технической и иной материальной помощи для ведения объединительной войны. Изначально в линии партии Гоминьдан можно было

увидеть замыслы, что сотрудничество будет длиться только до момента достаточного усиления их политических и стратегических позиций. И в будущем, именно военная и политические ситуации в этом регионе будут побуждать стороны как к сближению, так и к закономерному разрыву.

Литература

1. Волкова И.В. Отечественная историография о проблеме военно-политического сотрудничества СССР с Гоминьданом в 1923–1942 гг. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. Москва: ИНИОН РАН. 2023. № 3. С. 153-167. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otechestvennaya-istoriografiya-o-probleme-voenno-politicheskogo-sotrudnichestva-sssr-s-gomindanom-v-1923-1942-gg/viewer> (дата обращения: 05.04.2025).
2. Герасимов Д.И. Между Гоминьданом и КПК: политика Советского государства в Китае (1918-1927 гг.) // Исторический журнал: научные исследования. 2022. № 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdu-gomindanom-i-kpk-politika-sovetskogo-gosudarstva-v-kitae-1918-1927-gg/viewer> (дата обращения: 05.04.2025).
3. Дацышен В.Г. «Конфликт на КВЖД 1926 г.» И «Конфликт на КВЖД 1929 г.»: Сравнительно-исторический анализ советской политики // Сравнительная политика. 2018. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konflikt-na-kvzhd-1926-g-i-konflikt-na-kvzhd-1929-g-sravnitelno-istoricheskij-analiz-sovetskoy-politiki> (дата обращения: 13.04.2025).
4. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.
5. Калягин А.Я. По незнакомым дорогам (Записки военного советника в Китае). Изд. 2-е, доп. // М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». 1979. 445 с. [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/kalyagin_ay/01.html (дата обращения: 05.04.2025).
6. 100 лет назад: Китайское и советское правительства публикуют коммюнике о сотрудничестве // International Committee of the Fourth International. 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wsws.org/ru/articles/2023/01/31/twh4-j31.html> (дата обращения: 06.04.2025).
7. Новиков М.В. Советская помощь Гоминьдану в 1920-е годы / М.В. Новиков // Вестник гуманитарного образования. 2024. № 2(34). С. 72-82. [Электронный ресурс]. URL: [https://vestnik43.ru/assets/mgr/docs/vgo/2\(34\)%202024/9.-novikov.pdf](https://vestnik43.ru/assets/mgr/docs/vgo/2(34)%202024/9.-novikov.pdf) (дата обращения: 05.04.2025).
8. Поцелуев В.А. История России XX столетия: (Основные проблемы): Учеб. пособие для студентов вузов. / В.А. Поцелуев // М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС. 1997. 512 с: илл. [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.bsu.ru/content/page/1415/hecadem/history/kniga.pdf> (дата обращения: 05.04.2025).

9. Советско-китайские отношения в 1924–1931 гг.: Сотрудничество с Гоминьданом и КПК // За рубежом. 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://zarubejom.ru/articles/sovetsko-kitayskie-otnosheniya-v-1924-1931-gg-2/> (дата обращения: 06.04.2025).

10. Шаяхметов Ф.Ф. Советская Россия и «поворот на Восток»: от концепции мировой революции к политике государственного прагматизма в 1920–1930 гг. // Карим Хакимов. Прошлое становится настоящим: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (28 ноября 2024 г., Уфа) / отв. ред. Р.Р. Тухватуллин, Ф.Ф. Шаяхметов. Уфа: Книга-принт, 2024. 200 с.

© Габбасов А.О., 2025

УДК 94(430).087

Е.Р. Хазиханов

студент УУНиТ, г. Уфа

Научный руководитель – к. и. н., доцент А. О. Целищев

E.R. Khazikhanov

student, UUST, Ufa

Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor A. O. Tselishev

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1924 ГОДУ: СКАНДАЛ ВОКРУГ ЗАКРЫТИЯ ТОРГОВОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

SOVIET-GERMAN RELATIONS IN 1924: SCANDAL ROUND THE CLOSURE OF THE TRADE REPRESENTATIVE OFFICE

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы развития дипломатических отношений между СССР и Веймарской Республикой в 1924 г. на фоне обыска и последующего закрытия советского торгового представительства в Берлине, показана реакция сторон на инцидент и его последствия для двусторонних отношений.

Abstract. This article examines the problems of the development of diplomatic relations between the USSR and the Weimar Republic in 1924 against the background of the search and subsequent closure of the Soviet trade mission in Berlin, shows the reaction of the parties to the incident and its consequences for bilateral relations.

Ключевые слова: СССР, Германия, торговый представитель, Штресеман, Красин.

Keywords: USSR, Germany, trade representative, Stresemann, Krasin.

Отношения между Советской Россией и Германией носили противоречивый характер. Две страны, оказавшиеся под давлением стран Антанты, были вынуждены сближаться в политическом и экономическом отношениях, несмотря на идеологическое противостояние, которое протекало внутри Германии. Советская Россия видела в Веймарской республике страну, которая во многом поможет преодолеть внешнюю изоляцию. Но добиваться этого советское правительство пыталось двумя способами. В 1923 г. был заключен с

Германией хлебный договор, который предусматривал поставки сельскохозяйственных культур [6, с.126-128]. Но в том же 1923 г. при поддержке Коминтерна, который был напрямую зависим от советских правительства и денег, КППГ предприняла попытку революции, которая ни во что не вылилась, но привела лишь к потерям со стороны германской компартии [4, с. 175]. Кроме того, в ней начался раскол. В такой двойственной политике Советского государства можно увидеть следующую стратегию: взаимодействовать с буржуазным правительством, но одновременно с этим поддерживать финансово и людьми компартии для свершения революции. В немецком отчете говорится о желании коммунистического руководства СССР разжечь в Германии революционную войну с целью создания в Центральной Европе плацдарма Коминтерна [2].

Этому посвящены и многочисленные заявления Г. Зиновьева, лица, ответственного за деятельность Третьего Интернационала. В упоминаемом мною выше отчёте есть строки, где говорится о торгпредстве СССР в Праге, где оно стало рассадником большевистской агентуры не только в Чехословакии, но и в соседних странах, как например, Югославии, Румынии и пр. Похожие подозрения легли и на советское торговое представительство в Берлине [6]. 3 мая 1924 г. на советское торгпредство в Берлине был совершен полицейский налёт. Наша цель показать какие факторы стали причинами этого события, как этот кризис повлиял на отношения двух государств в середине 1920 гг.

2 мая 1924 г. членам Политбюро ВКП(б) была прислана запись беседы, с пометкой «весьма секретно» наркома иностранных дел Г.В. Чичерина и посла Германии в СССР Брокдорфа-Ранцау. В ней сообщалось, что германское правительство крайне обеспокоено выступлениями Григория Зиновьева, в которых было сказано, что Коминтерн и Советское правительство – одно и то же (стоит отметить, что 3 мая Зиновьев отослал в Политбюро записку, где отрицал, что говорил подобные слова), а также были опубликованы 24 апреля в «Правде» призывы к формированию боевых отрядов и вооруженному восстанию. Кроме того, в беседе упоминался некто Петров. Этот Петров был военным атташе советского посольства, в сентябре 1923 г. немецкая социал-демократическая пресса, в частности газета «Форвертс» обвинила его в закупке для немецких коммунистов оружия. В ходе беседы с Чичериным, Ранцау рассказал, что получил от немецкого правительства телеграмму, где говорилось, что если советские власти не одержат ряд своих деятелей от публичных вмешательств во внутренние дела Германии, то отношения, до этого весьма дружественные, не смогут более продолжаться в таком духе. [3, с. 259-260]

На следующий день, 3 мая происходит налёт полиции на торговое представительство СССР в Берлине. До этого в здание ворвались два городских, которые гнались за арестованным Боценгардтом, впоследствии оказавшегося германским провокатором. Крестинский, полпред в Германии писал в Москву, что в торгпреде были записаны фамилии двух городских и после этого их отпустили. Спустя небольшое время в здание торгпреда ворвалась уже немецкая полиция под тем предлогом, что этих двух городских советские представители задержали и удерживали в здании силой. В здании

начался обыск, были задержаны сотрудники торгпреда, в том числе Туров, который с 1922 по 1926 гг. был заместителем торгпреда в Германии. Советское правительство выразило протест действия германской полиции. 12 мая были прекращены в Москве все торговые переговоры с немецкими представителями [5, с. 280]. 14 мая в советской печати была опубликована информация о закрытии советского торгпреда и прекращении всех торговых операций между СССР и Германией [5, с. 287].

12 мая Политбюро ЦК РКП(б) постановило предъявить Германии следующие требования: подтвердить экстерриториальность торгпредства, принести извинения в дипломатической форме, наказать виновных и принести возмещение за нанесённый ущерб [3, с. 226]. 22 мая полпред в Германии Крестинский сообщил в Москву, что был обыскан два раза полицией пароход «Энзели», который заходил в Штеттин под советским флагом. Переговоры между дипломатическими лицами СССР и Германии, обмены нотами шли на протяжении всего мая. К 9 июня предлагался с германской стороны проект совместного германо-советского протокола, в котором о действиях германской полиции сообщалось, что они «состоялись без ведома и помимо воли германского правительства», что немецкая сторона готова компенсировать материальный ущерб, что советская сторона обязуется запретить своим сотрудникам в торгпреде вмешательство во внутренние дела Германии, что в здании торгпреда будут выделены экстерриториальными и неприкосновенными именно те пространства, которые необходимы для его непосредственной работы. 14 июня Чичерин отправил Брокдорфу-Ранцау поправки к проекту Мальцана. В этих поправках писалось, что советское правительство ещё до инцидента 3 мая запретило своим сотрудникам вмешиваться во внутренние дела Германии и пр. [5, с. 314]. В дальнейшем, в июне и июле переговоры продолжались и только 29 июля 1924 г., то есть почти спустя три месяца после налёта полиции 3 мая, инцидент был исчерпан. В этот день был подписан протокол, в котором сообщалось, что действия германской полиции признаются самовольными, обе стороны отказываются от вмешательства во внутренние дела друг друга (советская сторона подтвердила запрет, имевший действие до инцидента), торговые переговоры и операции возобновляются. Документ был подписан Братман-Бродовским и Штреземаном. И самое главное было написано в приложении к протоколу, в нём объявлялись размеры экстерриториальной части торгового представительства как 3/5 от всей территории здания [5, с. 231-232]. Заметим, что в Италии и Великобритании экстерриториальной была вся площадь торговых представительств СССР.

Следует также отметить, что 8 июля Красин в письме членам Политбюро ЦК РКП(б) сообщает, что ни Штреземан, рейхсминистр иностранных дел, ни канцлер Маркс не знали о реальных предложениях советской стороны по урегулированию конфликта. В укрывании реального положения дел и всей дипломатической переписки от правительства и прессы Красин обвиняет Ранцау, посла Германии в СССР, и Мальцана, статс-секретаря и главы русского отдела немецкого МИДа (что, конечно, весьма странно, ведь именно Мальцан сыграл одну из ключевых ролей при заключении Раппальского договора 1922

г., установившего дипотношения между СССР и Германией) [3, с. 348–349]. В записке Б.С. Стомонякова в ЦК РКП(б) от 14 июля также говорится о «гнусной игре интриганов с Вильгельмштрассе», то есть Брокдорфа-Ранцау и Мальцана. Кроме того, Стомоняков рекомендует Политбюро заявить, что если меры к урегулированию в скором времени не будут приложены, то все дипломатические ноты будут опубликованы, «ибо Министерство иностранных дел (Германии – прим. автора) держит в заблуждении свое общественное мнение относительно характера наших требований» [3, с. 350-351]. Вероятно, Политбюро действительно прибегло к подобным заявлениям, поскольку уже через две недели был подписан протокол об урегулировании инцидента.

В чём крылись причины вышеописанного конфликта? Как уже говорилось, в 1923 г. была совершена попытка коммунистического восстания в Германии, и министр иностранных дел Германии в письме от 23 октября 1923 г. писал, что обыск не является недопустимым, но в нынешних политических условиях он мог бы повредить межгосударственным отношениям и может произойти, только если найдутся компрометирующие торговое представительство материалы. Информация такого же содержания указывается в письме Штреземана от 16 февраля 1924 г., также в нём указано, что обыск необходим, если «непроведение этого обыска ставит под угрозу существование Рейха». Карл Северинг, министр внутренних дел указывает, что в ходе обыска найдены листовки, распространяемые во время восстания 1923 г., которые вероятно распространялись из торгпредства. Касаясь вопроса обыска с юридической точки зрения, Северинг пишет, что нет никаких протоколов, которые бы объявляли экстерриториальность торгового представительства, есть лишь Соглашения от 6 мая 1921 г. об экстерриториальности лишь некоторых работников торгпреда. Северинг считает, что несмотря на внутреннюю опасность торгпреда для Германии, обыску оно не подлежало исключительно из внешнеполитических соображений. Кроме того, министр внутренних дел указывает, что работники торгпреда действительно нанесли физический ущерб двум немецким полицейским и помогли сбежать заключенному за государственную измену (имеется в виду Боценгард). Таким образом, инициатором всего конфликта мая-июля 1924 г. стала берлинская полиция и министр внутренних дел Пруссии. Соображения были внутривнутриполитические, целью было прекратить сообщение между германскими коммунистами и СССР, которое, по мнению германской полиции, несло для Рейха деструктивный характер. Северинг: «Обнаружение оставшихся листовок <...> подтвердило подозрение <...> что подрывная пропаганда, проводимая КПГ против рейхсвера и шуцполиции, берёт своё начало в этих помещениях». [8].

Советская точка зрения на причины инцидента приведена в выступлениях Красина, бывшего на момент 1924 г. 1-м народным комиссаром внешней торговли СССР. Выступая на XIII съезде РКП(б) 26 мая 1924 года. Он спрашивает, что если причина обыска кроется в раскрытии связи с КПГ, то почему искали именно в торговом представительстве? А потому что «здесь мы имеем определённый удар, направленный против нашей системы торговли» [5, с. 295]. Красин имеет в виду монополию внешней торговли, одним из следствий

которой становится то, что вся документация, в том числе и секретная, находится на территории советского торгового представительства, так как торговля ведется от лица государства, ввиду плановой экономики. Таким образом, обыск полиции 3 мая в торговом представительстве, в ходе которого была подвергнута досмотру и документация, в частности, по словам Красина, нельзя допустить, чтобы в чужие руки попала план экспортной хлебной компании, нельзя, «чтобы наша политика цен, торговых соглашений и торговых договоров в любой момент по желанию германской полиции была выявлена». Таким образом, причина всего конфликта с точки зрения советской стороны кроется в экономических причинах. И хотя Красин указывает на проблему внутригерманской политики, он не является для него первопричиной.

Освящен ли данный конфликт в современной отечественной историографии? Единственное его упоминание автор встретил в первом издания Олега Рудольфовича Айрапетова «История внешней политики Советского государства. 1918–1941.». По мнению О.Р. Айрапетова, «провокация была частью санкционированного Штресеманом плана давления на СССР с целью вынудить советское правительство отказаться от монополии внешней торговли» [1, с. 531]. К сожалению, автор на это утверждение не приводит никаких ссылок. Тем не менее, из протоколов заседания немецкого правительства видно, что Штресеман 3 мая был совершенно удивлён этим инцидентом. Кроме того, в письме к министру внутренних дел Пруссии Штресеман пишет, что действия полицейского управления наносят серьезный ущерб внешнеполитическим интересам государства, а следовательно, являются ошибочными [7]. Таким образом, мы видим, что Штресеман явно не являлся одним из инициаторов данного конфликта. Более того, он был противником действий полиции.

Стал ли инцидент от 3 мая 1924 г. значимым в советско-германских отношениях? Глобально он ничего не изменил, поскольку, находясь во враждебном окружении, страны всё ещё нуждались в партнёрстве. В 1925 г. был подписан советско-германский торговый договор, а в 1926 г. – договор о нейтралитете. Но этот инцидент проявил твердое намерение германских силовиков защищать целостность государства от чьего бы то ни было посягательства. Но это отчасти становилось препятствием для развития дипломатических отношений. Та же самая проблема была характерна и для НКИДа, для которого деятельность Коминтерна в 1923 г. отразилась на межгосударственных отношениях уже в 1924 г.

Литература

1. Айрапетов О.Р. История внешней политики Советского государства. 1918–1941. Том 1. М.: Кучково поле, 2024. 943 с.
2. Коллекция документов спецслужб Германии 1912–1945 гг. (РГАСПИ, Фонд 458, Опись 9). Дело 8. Досье Рейхскомиссара по надзору за общественным порядком «Дела относительно русской пропаганды» (“Akten betreff Russische Propaganda”). [Электронный ресурс]. URL: <https://rgaspi-458-9.germandocsinrussia.org/ru/nodes/9-delo-8-dosie-reyhskomissara-po-nadzoru-za->

obschestvennym-poryadkom-dela-otnositelno-russkoy-propagandy-akten-betreff-russische-propaganda#page/81/mode/inspect/zoom/4 (дата обращения: 19.04.2025).

3. Москва – Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941: сб. док. в 3 т. Т. 1. 1920–1926 / РАН, Отд-ние ист.-филолог. наук, Науч. совет по истории соц. реформ, движений и революций, Архив президента РФ.

4. Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943 гг.: Документы / Федер. архив. служба России, Рос. гос. архив соц.-полит. истории; Отв. ред. Г.М. Адибеков. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 960 с.

5. Советско-германские отношения 1922–1925 гг.: Док. и материалы. Ч. 1. 1922–1924 гг. / М-во иностр. дел СССР, М-во иностр. дел ГДР. М.: Политиздат, 1977. 404 с.

6. Целищев А.О. Советско-германский хлебный договор 1923 года // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2023. № 1 (169). С. 126-132. DOI: 10.34773/EU.2023.1.21

7. Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundesarchiv.de/aktenreichskanzlei/1919-1933/0001/ma1/ma11p/kap1_2/kap2_193/para3_3.html (дата обращения: 19.04.2025).

8. Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundesarchiv.de/aktenreichskanzlei/1919-1933/0001/ma1/ma11p/kap1_2/para2_194.html (дата обращения: 19.04.2025).

9. Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundesarchiv.de/aktenreichskanzlei/1919-1933/0001/ma1/ma11p/kap1_2/para2_195.html (дата обращения: 19.04.2025).

© Хазиханов Е.Р., 2025

УДК 94(53)

А.В. Ефимов
студент УУНиТ, Уфа

Научный руководитель – д. и. н., доцент Б.В. Бурангулов

A.V. Efimov
student, UUST, Ufa

Scientific supervisor – d. of h. s., associate professor B.V. Burangulov

РОЛЬ К.А. ХАКИМОВА В СТАНОВЛЕНИИ ОТНОШЕНИЙ СССР И САУДОВСКОЙ АРАВИИ

THE ROLE OF K.A. KHAKIMOV IN THE DEVELOPMENT OF RELATIONS BETWEEN THE USSR AND SAUDI ARABIA

Аннотация. В статье проведён анализ становления дипломатических отношений Советского Союза и Саудовской Аравии. Изучена внешняя политика первых лет становления советского государства относительно Ближнего Востока и налаживания

отношений с Саудовской Аравией. Оценена роль такой личности, как Карим Абдрауфович Хакимов в становлении отношений двух государств.

Abstract. The article analyzes the formation of diplomatic relations between the Soviet Union and Saudi Arabia. The foreign policy of the first years of the formation of the Soviet government regarding the Middle East and the establishment of relations with Saudi Arabia is studied. The role of such a person as Karim Abdraufovich Khakimov in the formation of relations between the two states has been assessed.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, Советский Союз, К. А. Хакимов, Абдель Азис ибн Сауд, внешняя политика.

Keywords: Saudi Arabia, the Soviet Union, K.A. Khakimov, Abdel Aziz ibn Saud, foreign policy.

Во внешней политике в большей степени, чем в других сферах политики государства присутствует личностный фактор. В данной сфере очень важно иметь высокую компетенцию дипломатов, их знания и умение правильно оценивать ситуацию и принимать решения. В качестве примера можно привести одного из первых советских дипломатов на Востоке – Карима Абдрауфовича Хакимова.

В настоящее время мы можем наблюдать дружественные отношения со странами Персидского залива и Россией, которые имеют достаточно неординарную историю. В данный момент мы можем провести некоторые параллели, между историей советско-аравийских отношений первой трети XX в. и начала XXI века. Опыт, который был предоставлен К.А. Хакимовым в становлении политических отношений с Саудовской Аравией, до сих пор имеет существенный вес для дипломатов нашего времени [5].

Целью данной статьи является анализ вклада К.А. Хакимова в становление отношений Советского Союза и Саудовской Аравии.

В ходе Гражданской войны в России в 1920–1921 гг. были заключены первые договоры Советской России с пограничными странами Европы и Азии, которые положили путь к становлению международного авторитета Советов. В 1922 гг. на территории бывшей Российской Империи было образовано новое государство – Союз Советских Социалистических Республик [2, с. 198-199].

Новообразованное государство взяло курс на укрепление авторитета на международной арене, но при этом стремясь добиться распространения коммунистического движения по всему миру, что негативно воспринималось на Западе. Отношения с европейскими странами осложнялись требованиями решения вопроса о долгах царского и Временного правительств. В январе 1922 г. державы Антанты предложили созвать международную экономическую конференцию в Генуе. На данной конференции задачей советской делегации было установление торговых и экономических отношений с капиталистическими странами.

Генуэзская конференция, в целом, не привела к масштабным сдвигам и улучшению отношений между Советскими республиками и ведущими державами Запада. Исключением стало подписание Рапалльского советско-германского договора и развитие взаимодействия двух держав в различных сферах [9, с. 127].

В ситуации начала 1920 гг. руководство Советской России сделало ставку на развитие революционного движения в странах Востока и поддержку национально-освободительных движений [10, с. 19-20].

В конце 1922 г. в городе Лозанна (Швейцария), была организована конференция по ближневосточным вопросам. На данном мероприятии в поисках средств противостояния давлению западного колониализма арабские национальные силы предприняли попытки найти поддержку со стороны Советского государства. Об этом свидетельствуют контакты хиджазских и египетских националистов с советской делегацией.

При проведении Лозанской конференции, доктор Азил – представитель хиджазского шерифа Хусейна, обратился к председателю делегации Г.В. Чичерину с просьбой признать хиджазского шерифа как «верховного главу всех арабских стран». Однако при этом был сделан упор на создании конфедерации в Аравии и сохранении в отдельных странах их правителей.

Хиджарский шериф на тот момент находился под большим влиянием Великобритании, целью которой являлась привлечение в данный регион «не империалистической страны», что в существенной мере могло сказаться на антиколониальную борьбу арабских племен. Со стороны Советского правительства – заключение соглашения с представителем мусульманского мира – было большим прорывом, но Москва понимала расклад сил в Аравийском регионе. По итогу было принято решение о обмене дипломатическими представителями, но советское руководство не решилось признать правителя Хиджаза главой Саудовской Аравии, из-за возможности в дальнейшем находится в невыгодном положении.

Следует отметить, что в начале XX в. страны Персидского Залива: Оман, Катар, Бахрейн, Саудовская Аравия, объединенные Эмираты находились либо в составе Османской империи, либо под влиянием Британской империи. В первые десятилетия XX в. в регионе наблюдались значительные изменения, которые были вызваны политическими и экономическими событиями. После распада Османской империи на территории Аравийского полуострова начался процесс формирования новых государств, параллельно с которым началась напряженная борьба, прежде всего, между Хиджазом и Неджом.

Стоит отметить, что на территории Аравийского полуострова в XVIII в. сформировалось исламское движение ваххабитов. Его основатель Абд аль-Ваххаб считал необходимым возврат к чистому исламу. К этому движению присоединился правитель небольшого государства в Неджде – Мухаммад ибн Сауд. Позже Саудиты подчинили себе Мекку. В начале XIX в. османский султан натравил на саудитов египетского пашу Мухаммеда Али, и тот отбросил их в глубь Аравии [6].

В начале XX в. саудиты восстановились после поражения. В 1902 г. эмиром Абдель Азис ибн Саудом был восстановлен ваххабитский эмират, центром которого являлся Эр-Рияд. После данного события к эмирату начали присоединяться другие области, его территория расширилась.

Страны Европы для реализации своих замыслов использовали на Ближнем Востоке патриотических настрой туземной элиты, в основе которого

находилось завоевание территорий и провозглашение независимого государства. Проблемой для властей Османской империи являлась запутанность различными политическими обязательствами в пользу иностранных государств, а также капитуляционные соглашения. На окраинах империи достаточно сильными были сепаратистские движения. По заключению Ланды, «турецкие паши не имели возможности, в случае конфликта, достаточно эффективно противостоять местным феодалам» [1].

Перед Первой мировой войной ибн Саудом была выбрана политика перевода бедуинских племен к оседлости и возрождения движения ваххабитов. В начале Первой мировой войны саудиты, которые подписали договоры о нейтралитете с Османской и Британской империями, сохраняли его.

Действия английских эмиссаров сумели спровоцировать шерифа Мекки Хусейна бен Али на объявление войны Османской империи и провозглашение независимость Хиджаза в 1916 г.

После окончания Первой мировой войны среди мировых держав возник вопрос о создании послевоенного устройства на Ближнем Востоке. Для их расчета были взяты во внимание несколько обстоятельств. Прежде всего, возникала необходимость контроля над территориями, которые ранее входили в состав Османской империи. Коллективным контроль позволял продуктивно наладить освоение местной ресурсной базы. Участие местного туземного населения в создании собственного будущего не бралось во внимание. Далее, европейские государства после Первой мировой войны задумались о создании резервной ресурсной базы для проведения маневренных войн.

Наиболее заинтересованным государством в проведении активной политики на этой территории являлась Великобритания. Для этого сложились лучшие условия после распада Османской империи, это сделало возможным союз Англии и Хашимитской династии. Образования, которые находились под мандатным управлением Великобритании, королевства в Ираке и Трансиордании, как и провозглашение независимости Хиджаза, укрепили этот союз [3].

По своей сути Ближний Восток представлял арену для политических игр больших европейских стран, которые старались закрепить и улучшить свои привилегии на данной территории. Развал Османской империи, как было сказано ранее, повлиял на многие процессы на Аравийском полуострове. На этих территориях существовал два крупных государства: королевство Хиджаз, с центром в Мекке, и султанат Неджд, с центром в Эр-Рияде. В 1924 г. между этими двумя государствами началась война, результатом которой стал захват ибн Саудом Хиджаза, включая Мекку и Медину, а также провозглашение его королём в начале 1926 г.

Именно в этой ситуации переговоры между советской и хиджазской сторонами привели к установлению дипломатических отношений между СССР и Хиджазом, уже в 1924 г. в Джидде были открыты агентство и генеральное консульство СССР, послом в Хиджазе был назначен К. Хакимов [6]. Главой миссии Хиджаза в Москве стал эмир Лофталле.

Почему выбор пал на К.А. Хакимова? Для более точного понимания личностных черт Карима Абдрауфовича и использования их в дипломатии, стоит изучить некоторые аспекты его биографии. Карим Абдрауфович Хакимов родился 28 ноября 1892 (1890) г. в деревне Дюсяново, Илькульминской волости Белебеевского уезда Уфимской губернии. Образование получил в местной школе, после чего он продолжает учиться в медресе «Галия», передовом, по тем временам, учебном заведении, но закончить его не удалось, после чего уехал в Ташкент.

В 1917 г. экстерном закончил Томскую мужскую гимназию, с 1918 г. стал членом РКП(б). Работая в Оренбурге на посту наркома по просвещению, показал себя как яркий коммунист-интернационалист. Хакимов пытался противопоставить оренбургских коммунистов Центральному бюро мусульманских организаций РКП(б), таким образом он старался попасть в руководство левой мусульманской организации.

Карим Абдрауфович участвовал в формировании воинских частей из числа мусульманских народов России, проявляет активистскую деятельность в пропагандистской работе Туркестанского фронта [7]. В 1920 г. отправляется в Ташкент, а апреле этого же года назначен на пост помощника начальника политического управления фронта. В декабре 1920 г. был назначен на пост полномочного представителя РСФСР в Бухарской народной республике. Во время замещения этой должности участвовал во многих переговорах с делегациями иностранных государств, также входил в состав советско-персидской пограничной комиссии.

Таким образом, мы можем отметить, что Карим Абдрауфович Хакимов вел активную работу в государственном аппарате РСФСР. Хакимов обладал опытом взаимодействия с мусульманской частью населения, что в дальнейшем окажет значительное влияние на организацию отношений с Саудовской Аравией.

Благодаря своему происхождению, образованию и личному потенциалу, Карим Абдрауфович являлся одной из самых приоритетных кандидатур для налаживания отношений с Ближним Востоком. После проведения III Конгресса Коминтерна, Валериан Владимирович Куйбышев рекомендовал Хакимова для работы в НКВД, откуда позже его отправляют генконсулом в Мешхед и Решт (Персия), где он и провел 1921-1924 гг. Это дало достаточно большой опыт ведения дипломатической работы.

Карим Абдрауфович прибывает в Хиджаз в составе, так называемой им самим, «арабской пятерки». В её состав входили сам К. Хакимов, Ю. Туйметов, Н. Белкин, И. Амирханов, М. Аксельрод. Исходя из указаний Чичерина в основу данной команды входило создание союза с Хиджазом против Англии и Франции [4].

По сравнению с консулами других европейских стран на данной территории, у Карима Абдрауфовича было существенное преимущество в виде его вероисповедания: он был мусульманином, который старался продвигать исламскую идею в реалиях развития коммунистических идей, как он себя называл «мусульманский коммунист».

Исходя из ситуации на территории Саудовской Аравии, Хакимов быстро понял, что более предпочтительной и сильной личностью здесь выступает Абдель Азиз Ибн Сауд. На тот момент Хакимов оценил не только полководческие качества Ибн Сауда, но и силу веры ихванов. В 1920 гг. советское правительство еще достаточно толерантно относилось к исламу, что позволяло выстроить две линии взаимодействия с Саудовским королевством: государственную и мусульманскую. По большому счету здесь сыграло роль то обстоятельство, что Карим Абдрауфович находился среди единомышленников.

В проведении переговоров с Ибн Саудом сыграл свою роль также опыт дореволюционной России – поддержка прав проведения паломничества в священные места – Мекку и Медину. Благодаря знакомству с Гарри Сент-Джоном Бриджером Филби («Джек» Филби), отцом советского разведчика Кима Филби, Хакимов смог наладить связи с Ибн Саудом. «Джек» Филби пользовался авторитетом у короля, был его советником. Карим Абдрауфович делал упор на восстановления прав советских мусульман на проведение паломничеств в священные места. Во время личной встречи Хакимова и Ибн Сауда, Карим Абдрауфович попросил помочь короля организовать хадж.

В 1924 г. Ибн Сауд, как было отмечено, объявил джихад Хиджазу, в начале 1925 г. началась осада Джидды. Несмотря на военное положение и сложную ситуацию в городе, вызванную постоянными бомбардировками и голодом, генеральное консульство СССР продолжило работу. Советская сторона в этой войне сохраняла нейтралитет, что в будущем сыграет свою роль. Для Хакимова, несмотря на тяжелую обстановку в стране, была представлена миссия для удержания своих позиций на аравийской территории [4].

Весной Хакимов отправил письменное прошение Абдель Азизу с просьбой совершить обряд умры (малый хадж). 10 апреля 1925 г. генконсул отправился в Мекку для совершения обряда, данное событие являлось хорошим началом для диалога аравийских лидеров и советского государства в лице Хакимова. Карим Абдрауфович был первым из европейских консулов, который лично посетил официальную резиденцию эмира Неджда. Сам факт встречи в значительной степени показывал отношения СССР и Ибн Сауда, что конечно же вызвало озабоченность Великобритании [8]. Своим обаянием, профессиональными навыками и знанием мусульманских законов Карим Абдрауфович Хакимов выстроил достаточно положительный образ России в глазах жителей Аравийского полуострова. Он стал близким другом Абдель Азиза ибн Сауда.

В 1932 г. Хакимов вместе с Назиром Тюряклуловым принимал участие в организации и проведении визита принца Фейсала ибн Абдул-Азиза Аль Сауда в Москву. Позже, в 1935-1937 гг. Карим Абдрауфович являлся полномочным представителем СССР в Королевстве Саудовская Аравия, после в 1937 г. он был отозван в Москву. 27 октября 1937 г. Хакимов был арестован и обвинен в шпионаже и контрреволюционной деятельности, его имя было включено в расстрельный список. 10 января 1938 г. он был расстрелян.

Расстрел вызвал непонимание Ибн Сауда. Данное событие было одним из предпосылок разрыва отношений между Советским Союзом и Саудовской Аравией. Немаловажную роль в этом сыграл перенос приоритетов СССР на

европейскую часть мира, связанную с развитием агрессии Германии, и стоящий вопрос о судьбе Европы, а также реализация антирелигиозной политики Советского Союза.

Таким образом, Карим Хакимов сыграл ключевую роль в становлении отношений между Советским Союзом и арабским миром. Благодаря пониманию мусульманских традиций и миропорядка им были налажены связи со странами Аравийского полуострова. Он заложил некоторые методы и принципы работы дипломатии в аравийском регионе. Его деятельность в своем роде продолжала политику Российской империи на Ближнем Востоке.

Взаимодействие со странами Ближнего Востока являлось одним из приоритетов политики Российской Империи, что позже отразилось на политике Советского государства. Развития отношений с Ближним и Средним Востоком были и будут приоритетным направлением в политике Российской Федерации, свидетелями чего мы являемся. Это обусловлено географическими, политическими и экономическими факторами.

Таким образом, как и Советское государство, современная Россия старается наладить контакты со странами Персидского залива, Ближнего Востока, в число которых входит и Саудовская Аравия.

Литература

1. История Востока. В 6 т. (отв. ред. Р. Г. Ланда). Т. V. Восток в новейшее время (1914-1945 гг.) [Текст]. М.: Восточная литература, 2006. 717 С.
2. История России: учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Р.Р. Хадимуллина, Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 318 с.
3. Никонов О.А. Роль СССР в становлении государственного суверенитета королевства Саудовская Аравия // Преподаватель XXI век. 2017. № 1-2.
4. Озеров О.Б. Карим Хакимов – первопроходец советской дипломатии на Ближнем Востоке // Международная жизнь. 2020. № 11. С. 118-140.
5. Родригес А.М. У истоков внешнеторговых связей СССР со странами аравийского полуострова (1920-1930-е гг.) // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2011. № 4.
6. Трошин Ю.А. История стран Азии и Африки в новейшее время (1918-2000). М.: Весь мир, 2004. 587 с.
7. Фролова И.В. Мемориализация наследия Карима Хакимова: опыт Башкортостана // В сборнике: Карим Хакимов. Прошлое становится настоящим. Уфа, 2024. С. 13-17.
8. Хайретдинов Р.Ф. Неизвестные герои прошлого. Карим Хакимов // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15, № 4. С. 1343-1344.
9. Целищев А.О. Советско-германский хлебный договор 1923 года // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2023. № 1 (169). С. 126-132. DOI: 10.34773/EU.2023.1.21
10. Шаяхметов Ф.Ф. Советская Россия и «поворот на Восток»: от концепции мировой революции к политике государственного прагматизма // Карим Хакимов. Прошлое становится настоящим: Сборник материалов

Международной научно-практической конференции (28 ноября 2024 г., Уфа) /
отв. ред. Р.Р. Тухватуллин, Ф.Ф. Шаяхметов. Уфа: Книга-принт, 2024. 200 с.
© Ефимов А.В., 2025

УДК 327 + 94(517.3)

А.Т. Османов
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Ю.С. Усова

A.T. Osmanov
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor Y.S. Usova

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФАКТОР В НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА (1930–1940-Е ГГ.)

INTERNATIONAL FACTOR IN THE INDEPENDENCE MOVEMENT IN EAST TURKESTAN (1930S-1940S)

Аннотация. В статье дана попытка выявить роль иностранных сил в успехах и провалах национального движения в Восточном Туркестане в 1930–1940-е гг. Сделан вывод, что из-за географического положения региона национальное движение было обречено при отсутствии поддержки извне.

Abstract. The article attempts to identify the role of foreign forces in the successes and failures of the national movement in East Turkestan in the 1930s-1940s. It is concluded that due to the geographical location of the region, the national movement was doomed in the absence of external support.

Ключевые слова: Восточный Туркестан, Синьцзян, СССР, Гоминьдан, ВТР, КНР
Keywords: East Turkestan, Xinjiang, USSR, Kuomintang, ETR, PRC

В 1930–1940-х гг. Восточный Туркестан представлял собой важнейший узел пересечения геополитических интересов ведущих региональных и нерегionalных держав – Китайской Республики, Советского Союза [6, с. 132-133], Британской империи и, позднее, Соединённых Штатов Америки. Значимость Восточного Туркестана в международной политике определялась сразу несколькими факторами: стратегическим положением на пересечении между СССР, Китаем и Индией, наличием природных ресурсов (в том числе нефти и редких цветных металлов), а также внутренней нестабильностью Китая, что делало регион легкодоступной для соседей целью. Цель данной статьи — проанализировать, каким образом интересы различных внешних сил сказывались на судьбе региона.

Под внешними силами в контексте статьи понимаются все субъекты, исходившие не из локальных тюркских сообществ и не являвшиеся частью традиционных элит региона. Это включает не только великие державы (в первую очередь СССР, Великобританию, США и Японию), но и китайские власти (гоминьдановские и коммунистические) а также дунганские военные формирования.

На начало 1930 гг. Китайская Республика сохраняла лишь формальный контроль над Синьцзяном: регион являлся личной вотчиной губернатора Яна Цзэнсиня, а после его убийства в 1928 г. – Цзиня Шужэня. За время губернаторства первая экономическая ситуация за счёт тесных связей с СССР стабилизировала недовольство чужеземным правлением, но к 1931 г. обстоятельства изменились. Новый губернатор Цзинь Шужэнь проводил усиленную китаизацию и борьбу с исламом, а вкупе с экономическим кризисом из-за засухи и поборами китайских чиновников создавалась революционная ситуация. В этих условиях в 1931 г. вспыхнуло Кумульское восстание, быстро переросшее в более масштабный вооружённый конфликт, охвативший большую часть Восточного Туркестана и приведший к хаосу по всему региону и утрате контроля над большей частью его урумчинского правительства [7, с. 191].

Период с 1931 по 1933 гг. в Синьцзяне был временем фактического вакуума власти. В этой ситуации китайское центральное правительство, занятое гражданской войной с коммунистами и конфликтами с милитаристами, и Японией [7, с. 208], лишь формально претендовало на контроль над Синьцзяном и не могло эффективно вмешаться, потому решающую роль первоначально играли дунганские военные формирования под командованием Ма Чжуньина, признавшие на словах власть Гоминьдана и признанные в свою очередь им своими заместителями, но действовавшие автономно.

Дунгане, сами мусульмане, вторглись в провинцию для помощи своим единоверцам, где их противниками оказались войска китайского губернатора и русских белогвардейцев, впоследствии подкреплённые советскими войсками. Собственно, само национальное движение, руководимое джадидами и провозгласившее в Кашгарии 12 ноября 1933 г. Тюркскую Исламскую республику Восточный Туркестан (ТИРВТ), пыталось заручиться поддержкой Великобритании и Турции, но из-за их удалённости и незаинтересованности попытки оказались тщетными (Британия ограничилась дипломатическим присутствием с целью защиты Индии). В свою очередь Советский Союз, внимательно следивший за ситуацией на своей границе, оказывал разведывательную и логистическую поддержку силам, выступавшим против Ма Чжуньина, опасаясь его возможных связей с японцами, разыгрывавшими тюркско-мусульманскую карту для борьбы с СССР. Крупнейшие восставшие силы оказались разделены — президент ТИРВТ Ходжа Нияз и 6-я уйгурская дивизия отошли от республики и перешли на сторону китайского губернатора [4, с. 41], Урумчи был защищён от дунган объединёнными красно-белыми войсками [4, с. 39]. Сама ТИРВТ была в феврале 1934 г. разгромлена бегущими дунганцами, осевшими на юге Восточного Туркестана (время и территория их правления вошли в историю как Дунганистан) [7, с. 196].

В результате этой сложной комбинации национальное движение потерпело поражение, а власть в регионе оказалась разделена между дунганцами на юге и сменившего под советским патронажем некомпетентного Цзиня Шужэня Шэна Шицая на севере. Шэн Шицай быстро установил авторитарный и жестко централизованный режим, ориентированный на идеологическое и военное

сотрудничество с Советским Союзом. Он провозгласил свои «шесть принципов», которые декларировали равенство всех народов Синьцзяна и в целом копировали советскую национальную политику. Основным проводником преобразований оказался советский консул Гарегин Апресов. Фактически негласно Синьцзян перешёл под советское управление: началась разведка и разработка ресурсов, открывались общества советской дружбы, армией Синьцзяна командовали советские командиры, а советники и специалисты руководили всей политической жизнью края [7, с. 203]. Сам Шэн предлагал принять Синьцзян в состав СССР на правах союзной республики, но предложение было отклонено из-за возможной международной реакции.

Двоевластие не продержалось долго – в апреле 1937 г. 6-я уйгурская дивизия, дислоцировавшаяся на территории бывшей ТИРВТ, восстала против просоветского режима и вновь заключила союз с дунганами. Восстание было жестоко подавлено при участии советской авиации и бронетехники, после чего во всём Восточном Туркестане вслед за СССР началась волна массовых репрессий: десятки тысяч человек (по некоторым оценкам – 100 тыс. [4, с. 116]) были арестованы и казнены, Г. Апресов был отозван в СССР за непредотвращение восстания и репрессирован. После поражений РККА в боях с Вермахтом летом 1941 г. Шэн Шицай попытался вернуться к Гоминьдану, выслал всех советских работников и казнил местных коммунистов, однако после Сталинградской битвы он вновь захотел вернуть бывшие отношения с СССР. Ни Китаю, ни СССР не был нужен настолько ненадёжный союзник, вследствие чего Чан Кайши назначил нового губернатора. После разрыва казахские повстанцы Оспан-батыра на севере стали снабжаться оружием со стороны Монголии для борьбы с режимом Шэна.

С 1944 г. начинается новый этап в освободительном движении. Новый губернатор У Чжунсинь оказался неспособным эффективно управлять регионом. Его двухгодичное правление лишь углубило рост коррупции и расползание национальных окраин, а разрыв с СССР привёл к голоду и экономическому кризису. В ноябре 1944 г. в долине р. Или при прямой поддержке СССР под руководством Владимира Егнарова (на этот раз движение опиралось на него из-за общих врагов) вспыхнуло мощное восстание, приведшее к образованию второй Восточно-Туркестанской Республики. Чтобы охарактеризовать её зависимость от СССР, достаточно упомянуть, что её президент Алихан Тора был похищен НКВД и вывезен в СССР при попытке противодействовать курсу на сближение с Китаем. Он был заменён более просоветски настроенным Ахметжаном Касыми.

Гоминьдан назначил на пост губернатора Чжана Чжичжуна, опытного военного и дипломата, стремившегося стабилизировать регион через переговоры и кооптацию местных элит, а также сочувственно относившегося к местным народам (приняв регион и ознакомившись с наследием прошлых администраций, он охарактеризовал край как «тюрьму народов»). В правительство были приглашены уйгуры-антикоммунисты, пантюркисты, ориентировавшиеся на Турцию и проводившие при её поддержке культурно-

просветительские мероприятия (Масуд Сабри, Иса Юсуф Альптекин, Мухаммед Эмин Бугра и др.).

Весь период существования второй ВТР связан с дипломатическими интригами: СССР давил на власти республики для их сдерживания и давал добро на дальнейшее продвижение при колебаниях с китайской стороны [1] [4, с. 217]. В результате переговоров можно констатировать очередное поражение: по соглашению от 2 января 1946 г. в новом правительстве из 25 членов 15 должны были представлять коренные народы, а 10 — китайское население, составлявшее лишь 5 % от его общего числа [2]. Однако соглашение не пришлось претворять в жизнь — Гоминьдановская власть пала под ударами китайских коммунистов.

После окончания Второй мировой войны Соединённые Штаты начали проявлять возрастающий интерес к Синьцзяну, рассматривая его как стратегически важный регион. Через консульство в Урумчи, открытое в 1943 г. [1; 3], США налаживали присутствие, а после падения Гоминьдановского режима они попытались организовать в регионе антикоммунистическое сопротивление. Однако влияние США в регионе осталось весьма ограниченным — в первую очередь из-за континентальной удалённости и закрытости Синьцзяна. Американским дипломатам и разведчикам пришлось бежать из региона, причём вице-консул Дуглас Маккинарн был убит и обезглавлен тибетцами вместе с двумя русскими белогвардейцами на границе.

Несмотря на просоветский настрой, новое правительство ВТР сопротивлялось вхождению в состав КНР. В 1949 г. ему было предложено вылететь в Пекин для переговоров с представителями Коммунистической партии Китая. Самолёт попал в авиакатастрофу, подстроенную советскими спецслужбами согласно некоторым исследователям [4, с. 326], а погибших сменили менее упрямые руководители, принявшие вхождение региона в состав нового коммунистического Китая, последним очагом сопротивления оказались казахи Оспан-батыра, который был захвачен и расстрелян лишь в 1951 г.

Как показал опыт обеих Восточно-Туркестанских Республик, даже самые решительные попытки построения независимого государственного образования не могли быть реализованы без внешней поддержки. В свою очередь, внешние силы использовали местные движения лишь как инструменты собственных стратегических целей, ограничивая их самостоятельность и направляя их политический курс. Несмотря на широкую поддержку, движения за независимость в Восточном Туркестане были обречены в условиях геополитического окружения и отсутствия стабильного международного союзника. Даже при краткосрочных успехах они оставались зависимыми образованиями в чужой игре, что в итоге предопределило их поражение и интеграцию в состав КНР.

Литература

1. Бармин В.А. Политика выбора. Взаимоотношения Советского Союза и Синьцзяна после самороспуска Восточно-Туркестанской республики (1946-1947 гг.) // Сравнительная политика. 2011. №4 (6). [Электронный ресурс]. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/politika-vybora-vzaimootnosheniya-sovetskogo-soyuza-i-sintszyana-posle-samorospuska-vostochno-turkestanskoy-respubliki-1946-1947-gg> (дата обращения: 15.04.2025).

2. Бармин В.А. Политический цинизм или реальная политика: о мотивах отказа советского руководства от поддержки Восточно-Туркестанской республики в 1945-1946 гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 5 (38). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-tsinizm-ili-realnaya-politika-o-motivah-otkaza-sovetskogo-rukovodstva-ot-podderzhki-vostochno-turkestanskoy-respubliki-v> (дата обращения: 15.04.2025).

3. Бармин В.А. Столкновение региональных интересов советского Союза и великих держав в Синьцзяне в первой половине 40-х гг. XX века // МНКО. 2013. №5 (42). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stolknovenie-regionalnyh-interesov-sovetskogo-soyuza-i-velikih-derzhav-v-sintszyane-v-pervoy-polovine-40-h-gg-hh-veka> (дата обращения: 15.04.2025).

4. Гасанлы Дж. П. Синьцзян в орбите советской политики: Сталин и мусульманское движение в Восточном Туркестане (1931–1949) [Электронный ресурс]: монография / Дж. П. Гансалы; пер. с азерб. Ф. Гаджиева. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2016. 360 с.

5. История России: учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Р.Р. Хадимуллина, Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 318 с.

6. Целищев А.О., Гарипов Р.Ф. Проблема Синьцзяна в советско-китайских отношениях в 1930-1950-е годы // Политика и практика системной трансформации общественного устройства: построение «социализма с китайской спецификой» и преобразования в СССР и современной России: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Ф.Ф. Шаяхметов. Уфа: Мир печати, 2018. 320 с.

7. James A. Millward. Eurasian Crossroads: A History of Xinjiang (revised edition), Columbia University Press, 2021.

© Османов А.Т., 2025

**ВОПРОСЫ ПОСЛЕВОЕННОГО УСТРОЙСТВА МИРА НА
ЯЛТИНСКОЙ (ФЕВРАЛЬ 1945), САН-ФРАНСИССКОЙ (АПРЕЛЬ –
ИЮНЬ 1945) И ПОТСДАМСКОЙ (ИЮЛЬ – АВГУСТ 1945)
КОНФЕРЕНЦИЯХ**

**ISSUES OF THE POST-WAR WORLD ORDER AT THE YALTA
(FEBRUARY 1945), SAN FRANCISCO (APRIL – JUNE 1945) AND
POTSDAM (JULY – AUGUST 1945) CONFERENCES**

Аннотация. В этой статье рассматриваются основные вопросы международных конференций 1945 года, связанные с новым устройством мира после Второй мировой войны. Вопросы касались построения новой системы международной безопасности, определения новых границ государств и новых принципов международных отношений.

Abstract. This article examines the main issues of the international conferences of 1945 related to the new world order after the Second World War. The issues concerned the construction of a new system of international security, the definition of new borders of states and new principles of international relations.

Ключевые слова: Ялтинская конференция, Сан-Францисская конференция, Потсдамская конференция, Вторая мировая война, послевоенное устройство мира

Keywords: Yalta Conference, San Francisco Conference, Potsdam Conference, World War II, post-war world order

Военные успехи Антигитлеровской коалиции поставили на повестку дня вопрос об определении конфигурации новой системы международных отношений и основных ее действующих принципов, поскольку соотношение сил в мире стремительно менялось. Определение послевоенного мироустройства – одна из главных тем Ялтинской, Сан-Францисской и Потсдамской конференций [2, с. 238-239]. В статье будут рассмотрены основные вопросы послевоенного порядка в мире, затронутых странами на упомянутых встречах.

Ялтинская конференция «Большой тройки» проходила с 4 по 11 февраля 1945 г. в Крымском Ливадийском дворце. Союзники уже были в ожидании скорой капитуляции Германии, потому вопросы военные, связанные в первую очередь с более тесной координацией боевых действий, были решены уже на первом заседании после доклада генеральных штабов трех держав [1, т. 2].

Ожидаемо, обсуждение перешло к вопросу послевоенного урегулирования, в рамках которого решалась проблема определения новых границ и «создание гарантий в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира». Так, Германию полагалось оккупировать силами четырех

держав (СССР, Великобритании, США и Франции). Для Франции выделялась отдельная зона оккупации из отчерченных ранее частей американской и британской. Советско-польская граница в основном проходила по состоянию на 1 октября 1939 г. Советский Союз, официально подтвердив свои сроки вступления в войну с Японией, получал Курильские острова, Южный Сахалин, а также Порт Артур и КВЖД [1, т. 2].

Ожесточенные споры на конференции велись касемо вопросов политического устройства освобожденных государств. Великобритания и США настаивали на реставрации довоенных режимов, СССР, в свою очередь, предлагал предоставить европейским народам право самим решать свою судьбу. Советские дипломаты хотели включить в Декларацию об освобожденной Европе положение, заключавшее оказание поддержки политическим деятелям, активно боровшимся против германской оккупации. Данная поправка первоначально вызвала одобрение Ф. Рузвельта, однако, после совещания со своей делегацией, он отверг это предложение, назвав это почти вмешательством во внутренние дела освобожденных стран. Очевидно, американское руководство опасалось прихода к власти в этих государствах левых сил [1, т. 2]. В Декларации об освобожденной Европе было зафиксировано другое положение: «Установление порядка в Европе и переустройство национальной экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору. В соответствии с принципом Атлантической хартии о праве всех народов избирать форму правительства, при котором они будут жить, должно быть обеспечено восстановление суверенных прав и самоуправления для тех народов, которые были лишены этого агрессивными нациями путем насилия» [4, т. 4, с. 229].

Помимо вышеперечисленного, в Ялте удалось достичь продвижения в обсуждении других, не менее важных тем. Решение репарационного вопроса осложнялось нежеланием Ф. Рузвельта и У. Черчилля фиксировать в протоколе точную сумму немецких репараций для СССР, однако, после долгого политического торга, в подписанных соглашениях удалось указать, что СССР получает 50% от общей суммы всех немецких репараций. Также был окончательно согласован комплекс вопросов, касающихся способа функционирования Организации Объединенных Наций (в результате чего, например, была выработана процедура голосования в Совете Безопасности). Избрали дату и место учредительной конференции – конец апреля 1945 г. [1, т. 2].

Результатом Ялтинской конференции стало выстраивание каркаса новой международной системы. Была явно продемонстрирована возможность СССР, США и Великобритании к плодотворному сотрудничеству в вопросах послевоенного устройства [3].

Проходившая с 24 апреля по 26 июня 1945 г. международная конференция в Сан-Франциско, созванная от имени СССР, США и Великобритании, имела задачу окончательно согласовать и создать механизм предотвращения войн и

урегулирования конфликтов [2, с. 237]. Помимо «Большой тройки», в работе принимали участие еще 47 государств. На конференции была официально созданы ООН и Международный уголовный суд. В соответствии с Уставом главным органом ООН стала Генеральная Ассамблея, где участвовали все государства. Важно подчеркнуть, что отныне представлялись не правительства государств, а сами нации, что гарантирует, что ни одна из них не может быть лишена членства в организации. Совет Безопасности, главный орган, на который возложена ответственность за поддержание международного мира и безопасности, имел 5 постоянных членов (СССР, США, Франция, Великобритания и Китай), обладающих «правом вето». Таким образом, была сформирована новая система международной безопасности [3].

После подписания Германией акта о безоговорочной капитуляции в ночь с 8 по 9 мая ожидаемо выявилась потребность в проведении новой конференции СССР, США и Великобритании, которой было суждено окончательно сформировать новый мировой порядок. Однако фон подготовки к этой конференции был омрачен обидным для советской дипломатии жестом нового президента США Г. Трумэна (Ф. Рузвельт скончался 12 апреля 1945 г.). Новый президент, происходивший из среды американских кругов, убежденной в могуществе и вседозволенности Соединенных Штатов, хотел открыто выдвигать претензии на мировое лидерство. В Вашингтоне явно демонстрировали неготовность примириться с потерей власти довоенных элит в восточноевропейских странах (что, в свою очередь, могло обернуться для США потерей влияния в регионе). Сильному нажиму подвергались страны-союзницы гитлеровской Германии – Болгария, Румыния и Венгрия. Целью американской дипломатии было «не отпустить» Восточную Европу в орбиту влияния Советского Союза. Помимо действий в Восточной Европе, США предпринимали попытку оказать давление на Советский Союз репарационным вопросом, например, отказом Г. Трумэна передать причитающуюся СССР часть военного и торгового флота Германии. В попытке взять решительный тон в отношениях с Советским Союзом, Г. Трумэн намекнул на демонстративное прекращение поставок по ленд-лизу с 8 мая. Конфуз удалось решить визитом Г. Гопкинса в Москву, в ходе которого страны также договорились о месте и времени новой конференции [1, т. 2].

Потсдамская конференция проходила с 17 июля по 2 августа 1945 г., и ей, помимо новых проблем европейского регулирования, было суждено окончательно, как казалось тогда, разрешить германский вопрос. В отношении Германии был окончательно утвержден план «4 Д» (Денацификация, Демилитаризация, Демократизация, Децентрализация), была определена германо-польская граница по линии рек Одер и Нейссе (четверть территории Германии отходила Польше, в качестве компенсации за отошедшие СССР Западную Украину и Западную Белоруссию). Была официально подтверждена передача СССР Восточной Пруссии и Мемеля (Клайпеды), а также Курильских островов и Южного Сахалина [1, т. 2].

Ценой отдельных уступок в репарационной проблеме и других вопросах СССР отстаивал интересы освобожденных восточноевропейских стран с целью

предоставления им в международном сообществе места в качестве союзниц. Этот фактор, в силу вышеупомянутого нежелания США допустить расширения советской сферы влияния в Европе, все более явно демонстрировал разногласия между двумя державами. Однако позиции советской дипломатии относительно собственной безопасности были непреклонны. Масштаб перенесенных СССР по ходу войны разрушений был слишком огромен, потому советское руководство реалистично отводило немецким репарациям крайне скромное место в деле восстановления советской экономики. Тем более, США и Великобритания, которые и ранее использовали репарационный вопрос для политического торга, а во время конференции в Потсдаме и вовсе поставившие на него главную ставку в качестве рычага давления на Советский союз, занимали крайне бескомпромиссные позиции. В результате чего, советская сторона согласилась на получение репараций главным образом из своей зоны оккупации [1, т. 2].

В силу настойчивого поиска Вашингтоном реализации своих послевоенных преимуществ атмосфера в отношениях между победителями шла в худшую сторону. Потсдамская конференция, как и Ялтинская, хоть и являлась неведомой ранее демонстрацией способности идеологически конфронтационных друг другу стран к взаимовыгодному сотрудничеству и решению послевоенного устройства мира, не дала развития своим решениям уже в мирное время.

Однако по итогам этих встреч был фактически выстроен новый мировой порядок. Система, сформированная победителями во Второй мировой войне, получит название Ялтинско-Потсдамской. Помимо изменения баланса сил в мире, она заложила основные принципы ведения международных отношений, которые находят отражение до сих пор.

Литература

1. История международных отношений. В трех томах: Учебник / Под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского. 2-е изд., испр. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017.
2. История России: учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Р.Р. Хадимуллина, Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 318 с.
3. Советский Союз во Второй мировой войне: Учебно-методическое пособие // Под редакцией Р.Г. Гагкуева. 2-е изд. Москва: Фонд «Связь Эпох», 2025. 144 с.
4. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов. Том IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.) М.: Издательство политической литературы, 1979.

© Уаман де Лос Эрос М.Ф., 2025

**«ВЕЛИКАЯ ДРУЖБА» МЕЖДУ СССР И КИТАЕМ:
РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ КНР**

**THE «GREAT FRIENDSHIP» BETWEEN THE USSR AND CHINA:
ITS ROLE IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT
OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA**

Аннотация. В статье рассматриваются советско-китайские отношения в 1950-1960-е гг. Анализируется формирование стратегического союза – «Великой дружбы» – между СССР и КНР после ее провозглашения в 1949 г., определявшейся политико-идеологическими, геополитическими и социально-экономическими факторами. Особое внимание уделяется значительной роли СССР в восстановлении и развитии экономики Китая, обширному сотрудничеству в научно-технической и гуманитарной сферах. Рассматриваются причины, факторы и последствия охлаждения советско-китайских отношений, приведших к расколу и конфронтации между СССР и Китаем в 1960-1980-х гг.

Abstract. The article studies Soviet-Chinese relations in the 1950s and 1960s. It analyzes the formation of a strategic alliance – the «Great Friendship» – between the USSR and the People's Republic of China after its proclamation in 1949, which was determined by political, ideological, geopolitical and socio-economic factors. Particular attention is paid to the significant role of the USSR in the restoration and development of the Chinese economy, extensive cooperation in the scientific, technical and humanitarian spheres. The article examines the causes, factors and consequences of the cooling of Soviet-Chinese relations, which led to the split and confrontation between the USSR and China in the 1960s-1980s.

Ключевые слова: СССР, КНР, Сталин, Мао Цзэдун, советско-китайские отношения, идеология, экономическое сотрудничество.

Keywords: USSR, People's Republic of China, Stalin, Mao Zedong, Soviet-Chinese relations, ideology, economic cooperation.

Осень 1949 г. ознаменовала начало нового этапа в мировой истории – провозглашение 1 октября Китайской Народной Республики стало не только триумфом Мао Цзэдуна и возглавляемой им Коммунистической партии Китая, но и сигналом для Советского Союза о появлении в Азии крупного геополитического союзника. Уже 2 октября 1949 г. СССР первым в мире признал новое государство, положив начало периоду, который в последующие годы стали называть «братским социализмом» или «железным партнёрством» между двумя крупнейшими коммунистическими державами [1, с. 25].

Несмотря на трудности послевоенного восстановления, начавшуюся холодную войну, гонку вооружений, первые «горячие конфликты» холодной войны, СССР первым из великих государств протянул руку помощи Китаю, разоренному внутренней гражданской войной, с перерывами длившейся в

период 1928-1949 гг. и тяжелой борьбой с японским милитаризмом, 80-летие победы над которым вместе с Россией и другими участниками антияпонской коалиции Китай отмечает в этом году.

Этому предшествовали сложные перипетии в отношениях между двумя державами: стремление советского руководства вместе с лидерами Коминтерна использовать Китай в качестве плацдарма для развёртывания мировой революции в странах Востока, сотрудничество и взаимная борьба против японского милитаризма во время «Войны сопротивления Японии» [3, с. 200-201]. После нападения Германии отношения между СССР и Китаем стали практически союзническими: Советский Союз поставлял оружие и военную технику, советские военные специалисты и советники помогали китайскому народу бороться с японским милитаризмом, Китай отправлял в СССР стратегическое сырьё, прежде всего, редкоземельные металлы и сырьё, крайне необходимые для оборонной промышленности.

После победы коммунистической революции в Китае ситуация в регионе и в мире кардинально изменилась. В условиях нараставшей конфронтации с Западом Советский Союз стремился укрепить внешнеполитический периметр, и КНР стала идеальным партнёром – и географически, и идеологически. Между Сталиным и Мао выстраивались отношения, наполненные сложной динамикой: с одной стороны, взаимное уважение революционных заслуг, с другой – напряжённое чувство иерархии, в которой Сталин видел себя несомненным лидером. Несмотря на все сложности, СССР и Китай пошли на создание тесного союза, основанного на общности идеологии, тактических целей противостояния США в Восточной Азии, объединения экономических, материальных и интеллектуальных ресурсов обеих стран в условиях начавшейся холодной войны.

14 февраля 1950 г. был заключён «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи» между СССР и КНР, ставший юридическим выражением идеологической и политической близости двух держав [2, с. 41]. Согласно договору, Советский Союз предоставлял Китаю кредиты на сумму \$300 млн, передавал часть транспортной инфраструктуры в Маньчжурии, обязался оказывать военную помощь в случае агрессии, а также стал направлять в Китай тысячи инженеров, техников, военных советников и преподавателей. Именно в этот период началась масштабная советская техническая и кадровая поддержка индустриализации Китая – по модели советской экономики КНР запустила свой первый пятилетний план, в основу которого легли разработки Госплана СССР [2, с. 117].

До сих пор историки и экономисты не могут прийти к согласию в подсчетах количества промышленных предприятий, построенных в Китае в 1950 гг. при помощи СССР. В одной из работ утверждается, что в тот период СССР оказал помощь Китаю в строительстве 250 промышленных предприятий и объектов, предоставил кредитов на сумму почти 2 млрд рублей [4, с. 224]. Архивные данные показывают, что на основе заключенных межправительственных соглашений СССР принял обязательства оказать содействие Китаю в строительстве 291 промышленного предприятия и иных объектов в

металлургической, угольной, машиностроительной, химической и нефтеперерабатывающей промышленности, в развитии электроэнергетики, строительной индустрии, легкой промышленности и др. отраслей экономики. К 1960 г. из всего запланированного было построено, реконструировано и введено в эксплуатацию 130 предприятий [6]. В числе построенных крупнейшие предприятия в целом ряде отраслей, и сегодня составляющие основу китайской экономики: металлургические комбинаты в Аньшане (пров. Ляонин) и Ухане (пров. Хубэй), Харбинский промышленный узел (пров. Хэйлунцзян), Чанчуньский автомобильный завод (тогда – завод № 1, сегодня – автоконцерн FAW; пров. Гирин), Ланьчжоуский нефтеперерабатывающий завод (пров. Ганьсу) и др. Почти треть построенных предприятий размещалась на территории северного и северо-восточного Китая, что определялось необходимостью доставки оборудования из СССР и запуска предприятий.

Активно развивалась двусторонняя торговля между СССР и Китаем. Из СССР в Китай поставлялись промышленные товары и технологии, основными товарами для китайского экспорта были продукции сельского хозяйства (рис, соя-бобы, хлопок, мясо, яйца, яблоки, цитрусовые, табак, растительное масло и др.) и легкой промышленности (хлопчатобумажные, шелковые, шерстяные ткани, швейные, трикотажные и пушно-меховые изделия, кожаная обувь и др.), а также редкоземельные металлы (олово, вольфрам, молибден), каучук и др. [6]. В 1950 гг. на долю Китая приходилось 20 % советской внешней торговли, около 50 % внешней торговли КНР – на долю СССР [4, с. 223].

Гуманитарное сотрудничество – в сфере культуры и образования – в эти годы составляло важную часть советско-китайских отношений. Эта сфера была не менее значимой, чем политическое, экономическое и научно-техническое сотрудничество. В школах и университетах КНР преподавание марксизма-ленинизма шло по переведённым с русского учебникам, а в библиотеках и клубах транслировались советские фильмы, звучали песни на русском языке – «Катюша» и «Пусть всегда будет солнце» стали почти гимнами нового братства. В обоих государствах активно использовалась агитация – на плакатах изображались Сталин и Мао, пожимающие друг другу руки под лозунгом «Великая дружба навеки!» [7, р. 63].

В это время происходило формирование так называемой идеологической оси Москва-Пекин, в которой СССР воспринимался как старший брат, а КНР – как младший, но стремящийся к самостоятельности ученик. Однако уже в первые годы после смерти Сталина отношения между странами постепенно стали ухудшаться. Справедливости ради следует сказать, что «семена раздора» в советско-китайских отношениях были посеяны еще в сталинский период, когда Китай терпел положение младшего партнера лишь только из-за своей слабости и изоляции со стороны Запада [4, с. 232].

XX съезд КПСС в 1956 г. стал мощным идеологическим вызовом для Китая – хрущёвская десталинизация воспринималась Мао как ревизия самой сути революционного учения. В Китае не приняли тезисы о культе личности и не стали публиковать разоблачительную речь Хрущёва в своих изданиях [2, с. 89]. Более того, началась скрытая полемика между двумя партиями о том, кто

вправе трактовать марксизм в современных условиях. Мао Цзэдун воспринял критику Сталина как покушение на легитимность собственного пути к социализму, построенного по образцу СССР. Различия в подходах начали проявляться всё отчётливее – в то время, как СССР переходил к концепции «мирного сосуществования» с капиталистическим лагерем, Китай продолжал настаивать на необходимости продолжения «мировой революции».

Идеологическое расхождение усиливалось и внутри социалистического лагеря. Китай упрекал СССР в том, что он, стремясь к сближению с Западом, отходит от интернационалистских принципов. В свою очередь, в Москве усиливалось раздражение по поводу всё более агрессивной риторики Пекина. К тому же с практической стороны взаимопонимание тоже давало трещины: в ходе реализации китайского пятилетнего плана возникли разногласия по поводу стоимости оборудования, сроков поставок, а также управленческих решений, принимаемых китайской стороной без согласования с советскими экспертами. По мере укрепления китайской экономики Мао Цзэдун не хотел терпеть роли «младшего брата» в советско-китайском тандеме: если в Китае Сталина признавали в качестве безусловного лидера, то Хрущев уже не обладал таким абсолютным авторитетом [4, с. 245].

Так, к концу 1950 гг. дружба двух социалистических держав всё ещё сохранялась на словах и в официальной риторике, но внутренне она уже начинала распадаться. Советский Союз всё больше рассматривал Китай как непредсказуемого партнёра, готового пойти своим путём – путём мобилизации, тотальной идеологизации и жёсткой политической централизации. Мао всё чаще высказывался в духе, что «истинный марксизм живёт на Востоке, а не на Западе» – под которым теперь понимался и сам СССР [4, с. 241]. Так, основа, на которой держалась советско-китайская дружба – общая идеология и политика – стала постепенно разрушаться, что неизбежно вело к росту противоречий между двумя державами.

В 1958 г., на фоне нараставших идеологических расхождений, китайское руководство запустило масштабную социально-экономическую кампанию – «Большой скачок вперёд». Её цель заключалась в превращении Китая из отсталой аграрной страны в мощную индустриальную державу за счёт мобилизации населения и отказа от частной инициативы. Эта утопическая попытка ускоренной индустриализации, основанная на массовом труде и искусственном энтузиазме, встретила скепсис со стороны советских экономистов и инженеров, работавших в КНР [2, с. 132]. Уже в первые месяцы стало очевидно, что статистика завышается, а сельское хозяйство катастрофически страдает: урожаи падали, но отчётность росла.

Советский Союз не вмешивался напрямую, но критика в экспертных отчётах накапливалась. В ответ китайская сторона стала высказывать недовольство советским «учительством». На фоне личных обид Мао на Хрущёва в 1960 г. СССР принял беспрецедентное решение, в одностороннем порядке отозвав всех советских специалистов из Китая, включая инженеров, военных советников и преподавателей вузов [2, с. 77]. Этот шаг в Пекине восприняли как предательство. Холодность отношений перешла в открытое недоверие. В КНР

советские делегации начали подвергаться обструкции, а пропагандистская риторика приобрела резко антисоветский характер: СССР обвиняли в «отступлении от ленинизма», «сговоре с империализмом» и «предательстве мировой революции» [2, с. 284].

Особую остроту конфликту придавал ядерный вопрос. В середине 1950 гг. СССР начал оказывать КНР техническую помощь в создании ядерного оружия. Однако после ухудшения политических отношений в 1959 г. помощь была прекращена, а договор о предоставлении ядерных образцов – аннулирован. Китай воспринял это как попытку удержать КНР во «второстепенной позиции» и приступил к созданию собственной бомбы. В 1964 г. Китай провёл успешное ядерное испытание на полигоне Лобнор, поставив Москву перед фактом – так союзник превратился в самостоятельную ядерную державу, не обязующуюся следовать советской стратегии [7, р. 141].

Карибский кризис 1962 г. стал очередным поворотным моментом. Мао критиковал Хрущёва за «уступку американцам» и отказ от конфронтации, считая такое поведение проявлением «буржуазного пацифизма». В Пекине распространялись материалы, в которых превозносились идеи Мао Цзэдуна и роль Китая в мировом революционном и освободительном движении [4, с. 241]. В ответ в Москве стали трактовать действия КНР как провокационные и деструктивные, несовместимые с принципами социалистического интернационализма.

В 1966 г. Китай вступил в эпоху «Культурной революции» – масштабной внутривластной кампании, в рамках которой советская модель социализма подверглась резкой критике. Лозунг «Долой советский ревизионизм!» звучал повсеместно. Молодёжные отряды хунвэйбинов громили советские центры культуры, изымали и сжигали русские книги, а символика СССР исчезала с улиц и учреждений [10, р. 65]. Дипломатические отношения стали формальными, но полностью лишёнными доверия. Фактически, к концу 1966 г. советско-китайская дружба существовала только на бумаге. Из двух социалистических держав, некогда объединённых общей идеологией, получились геополитические оппоненты с глубоким и болезненным взаимным недоверием.

Следует отметить, что сразу после провозглашения КНР СССР стал выступать за предоставление ей места в ООН и Совете Безопасности вместо Китайской Республики (гоминьдановского правительства КР, укrywшегося на о. Тайвань после поражения в гражданской войне). США и их союзники практически до 1971 г. бойкотировали это законное требование СССР, стран социалистического блока, Индии и ряда других государств. Даже в условиях начавшегося обострения отношений СССР не прекращал своих требований по предоставлению места в ООН и ее структурах КНР как законному представителю китайского народа. В результате в октябре 1971 г. произошло принятие КНР в ООН вместо КР. СССР и все социалистические страны единогласно проголосовали за данное решение, что стало проявлением здоровой и прагматичной позиции этих стран в отношении Китая, когда его представительство в ООН стало практически необходимым.

Тем не менее, разрыв между СССР и Китаем стремительно развивался, став следствием целой серии причин и факторов. Основными из них стали культурно-исторические, цивилизационные различия двух держав, особенности их национальных интересов, разные подходы к определению своей внешнеполитической стратегии, борьба за лидерство в социалистическом лагере и др. Раскол и конфронтация между СССР и Китаем почти на три десятилетия отвлекли силы и ресурсы друг друга от созидательной и взаимовыгодной траектории развития. Лишь только в конце 1980 гг. началась нормализация отношений между Россией (ставшей правопреемницей СССР) и Китаем, к настоящему времени приобретших характер всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, крайне важного в условиях современных геополитических угроз и вызовов.

Литература

1. Выгодский М.Я. Советско-китайские экономические связи 1949-1965 гг. М.: Наука, 1967. 311 с.
2. История внешней политики СССР. В 3 т. Т. 2. М.: Наука, 1980. 542 с.
3. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.
4. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А.В. Лукина. М.: Весь Мир, 2013. 704 с.
5. Полякова Е.В. Реализация этнополитических конфликтов в медиатексте // Интеграционные и дезинтеграционные процессы. Историческая ретроспектива и современность: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2022. – С. 192-196.
6. Экономическое сотрудничество и техническая помощь // РГАНИ.РФ [Электронный ресурс]. URL: https://xn-80afqtm.xn-plai/?page_id=11060 (дата обращения: 12.02.2025).
7. Lewis J.W., Xue Litai. China Builds the Bomb. Stanford: Stanford University Press, 1988. 352 p.
8. Lüthi L.M. The Sino-Soviet Split. Cold War in the Communist World. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2008. 398 p.
9. Westad O.A. The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 484 p.
10. Yang Rae. Spider Eaters: A Memoir. Berkeley: University of California Press, 1997. 320 p.

© Дерюгина С.А., 2025

**ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ И КИТАЯ:
ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ**

**INTEGRATION POTENTIAL OF RUSSIA AND CHINA: PROSPECTS FOR
COOPERATION IN HIGHER EDUCATION**

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы сотрудничества России и Китая в сфере высшего образования в контексте глобальных изменений и интеграционных процессов. Анализируются основные направления и перспективы взаимодействия между вузами двух стран, включая академическую мобильность, совместные образовательные программы, научно-исследовательские проекты и приграничное сотрудничество. Особое внимание уделяется сравнительному анализу образовательных систем России и Китая, выявлению общих черт и различий, а также определению потенциала для взаимообогащения и интеграции.

Abstract. The article examines current issues of cooperation between Russia and China in the field of higher education in the context of global changes and integration processes. The main areas and prospects of interaction between universities of the two countries are analyzed, including academic mobility, joint educational programs, research projects and cross-border cooperation. Particular attention is paid to a comparative analysis of the educational systems of Russia and China, identifying common features and differences, as well as determining the potential for mutual enrichment and integration.

Ключевые слова: система высшего образования, интеграция, сравнительный анализ, перспективы, развитие

Keywords: higher education system, integration, comparative analysis, prospects, development

В условиях стремительно развивающегося глобального мира образовательное сотрудничество между странами приобретает особую значимость [3, с. 307-308]. Одним из наиболее ярких примеров такого взаимодействия сегодня выступают Россия и Китай – два государства с богатым культурно-историческим наследием, мощным научным потенциалом и устойчивым интересом к развитию двусторонних отношений в различных сферах, в том числе в высшем образовании. Интеграционный потенциал двух стран в этой области огромен, что обусловлено рядом факторов, включая географическую близость, общие экономические интересы и стремление к укреплению позиций в мировом научно-образовательном пространстве.

Сотрудничество между вузами России и Китая охватывает широкий спектр направлений: от обмена студентами и преподавателями до реализации совместных исследовательских проектов и создания совместных образовательных программ. Растет число программ двойных дипломов, позволяющих студентам получать образование в двух странах одновременно,

что значительно повышает их конкурентоспособность на международном рынке труда.

Перспективы сотрудничества в высшем образовании между Россией и Китаем связаны с развитием новых технологий, искусственного интеллекта и других перспективных областей. Совместные исследования и разработки в этих областях могут принести значительные выгоды обеим странам, способствуя их инновационному развитию и укреплению научно-технического потенциала.

Сравнительный анализ образовательных систем России и Китая свидетельствует о наличии как общих точек соприкосновения, так и особенностей, обусловленных историко-культурным контекстом, внутренней политикой и социально-экономическими условиями. Тем не менее, обе страны рассматривают образование как приоритетное направление государственной стратегии. В Китае оно признано ключевым условием устойчивого экономического развития, а в России – основой подготовки высококвалифицированных специалистов и формирования личностных и профессиональных ценностей.

Современный этап сотрудничества между Россией и Китаем в сфере образования особенно активно развивается в рамках международных инициатив, таких как «Один пояс, один путь», предложенной председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. [4, с. 327]. Эта стратегия, ориентированная на укрепление многостороннего взаимодействия, в том числе в образовательной сфере, стимулировала углубление партнерства между университетами двух стран, обмен студентами и преподавателями, реализацию совместных образовательных программ.

В Китае образовательный процесс строго регулируется государством и охватывает три ступени высшего образования: бакалавриат (4–5 лет), магистратура (2–3 года) и докторантура (3 года). Особенностью китайской модели является акцент на престижность высшего образования, высокий уровень конкуренции и активное развитие прикладных направлений подготовки в соответствии с потребностями модернизации экономики. Высшие учебные заведения Китая, такие как Пекинский университет и Университет Цинхуа, активно участвуют в международных проектах и ориентированы на развитие науки, технологий и культуры.

В России система высшего образования также включает три основных уровня – бакалавриат (4 года), магистратура (2 года) и аспирантура (3–4 года), а также специалитет (5–6 лет), который сохраняет традиционную модель подготовки специалистов. Законодательная база, регулирующая образовательную сферу, представлена федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» и рядом подзаконных актов, определяющих структуру, стандарты и формы получения образования (очная, заочная, дистанционная и др.).

Сравнивая образовательные системы, можно отметить, что китайская модель более мобильна и гибка в плане реагирования на вызовы времени, в то время как российская система отличается фундаментальностью и научной глубиной. Именно эти различия открывают широкие перспективы для интеграции и

взаимного обогащения в рамках совместных образовательных проектов, научных исследований и обменных программ.

Одним из значимых направлений научно-образовательной интеграции России и Китая выступает приграничное сотрудничество, которое обладает большим потенциалом, но в то же время сталкивается с рядом институциональных и практических барьеров [1, с. 177]. Китайские исследователи указывают, что эффективное взаимодействие в этой сфере затрудняется отсутствием единой законодательной базы, различиями в образовательных стандартах и недостаточным уровнем координации со стороны государственных органов. В случае спорных ситуаций отсутствие взаимных нормативных механизмов создает сложности в управлении совместными проектами. Несмотря на это, в Китае признают важность развития образовательного взаимодействия с Россией.

Одним из ключевых импульсов к развитию образовательных связей стала стратегия Китая по подъему национальной экономики за счёт науки и образования, обозначенная председателем КНР Си Цзиньпином на XX съезде КПК. В свою очередь, Россия с 2017 г. реализует федеральный проект «Экспорт образования», направленный на привлечение иностранных студентов, в первую очередь из Китая, к обучению в российских университетах [5, с. 146].

На законодательном уровне сотрудничество поддерживается рядом двусторонних соглашений, регулирующих культурное взаимодействие, взаимное признание дипломов, развитие языковых программ и общее образовательное партнерство. Такая нормативная база создаёт устойчивую платформу для интеграции образовательных систем двух стран.

Важно подчеркнуть, что сотрудничество между вузами Китая и России имеет глубокие исторические корни и базируется на общих гуманитарных и социальных ценностях. Современные вызовы – цифровизация, развитие искусственного интеллекта, трансформация рынков труда – требуют от образовательных систем новой стратегии взаимодействия, направленной на формирование у студентов универсальных компетенций, глобального мышления и профессиональной гибкости.

Перспективы сотрудничества включают: расширение совместных магистерских и аспирантских программ с двойными дипломами, увеличение числа грантов и стипендий для студентов обеих стран, развитие двусторонних исследовательских проектов и научных публикаций, создание межвузовских образовательных консорциумов, активное внедрение цифровых образовательных платформ и технологий в трансграничное обучение.

Важным аспектом интеграции является академическая мобильность. Увеличение числа российских студентов, обучающихся в Китае, и китайских студентов, получающих образование в России, способствует не только обмену знаниями и опытом, но и укреплению культурных связей между двумя странами. Перспективным инструментом выступает в этой связи научный туризм [5]. Создание комфортной среды для иностранных студентов, включающей языковую поддержку и адаптационные программы, является

важным условием успешной реализации программ академической мобильности.

Развитие дистанционного образования и онлайн-курсов открывает новые возможности для сотрудничества между российскими и китайскими вузами [2, с. 12]. Совместная разработка онлайн-курсов и образовательных платформ позволяет расширить доступ к качественному образованию для студентов из обеих стран, а также обмениваться передовыми образовательными технологиями и методиками.

Для дальнейшего углубления сотрудничества в сфере высшего образования необходимо укреплять нормативно-правовую базу, упрощать процедуры признания дипломов и квалификаций, а также развивать механизмы финансирования совместных проектов. Поддержка со стороны правительств обеих стран играет ключевую роль в создании благоприятных условий для развития образовательной интеграции.

Таким образом, интеграционный потенциал России и Китая в сфере высшего образования является не только фактором укрепления двусторонних отношений, но и значимым ресурсом для формирования конкурентоспособного образовательного пространства в условиях глобальной трансформации. Стратегическое партнерство в этой области может стать основой для создания нового формата международного образования, ориентированного на устойчивое развитие, научные инновации и взаимное культурное обогащение.

Литература

1. Морозова В.С. Особенности интеграции научно-образовательных практик России и Китая в приграничье: социокультурный аспект / В.С. Морозова, Д.Д. Дондоков // *Science for Education Today*. 2020. Т. 10, № 2. С. 167-186. – DOI 10.15293/2658-6762.2002.11. EDN BGYMDU.

2. Tolstova O.S. Information and communication technologies in education of Russia and China / O.S. Tolstova // *Развитие науки и образования: монография*. Vol. Выпуск 4. Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2019. Р. 165-176. DOI 10.31483/r-22034. EDN ZCCKUX.

3. История России: учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Р.Р. Хадимуллина, Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 318 с.

3. Бао Л. Высшее образование Китая и России: особенности и перспективы взаимодействия / Л. Бао, Е.В. Донгаузер // *Традиции и инновации в педагогическом образовании: Сборник научных трудов VII Международной конференции*, Екатеринбург, 08 апреля 2023 года. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2023. С. 326-334. EDN YZSKJC.

4. Хэ Ч. Сотрудничество Китая и России в сфере образования: проблемы и перспективы / Ч. Хэ // *Заметки ученого*. 2023. № 5-1. С. 146-151. EDN XBYMLQ.

5. Фролова И.В., Вагапов Р.Р., Лукманова Р.Р. Возможности историко-культурного туризма для социокультурной адаптации иностранных студентов // *Перспективы науки и образования*. 2025. № 2 (74). С. 70-84.

© Кашапова Э.Н., 2025

БРИКС В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ: МОЩЬ, ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ

BRICS IN WORLD POLITICS: POWER, OPPORTUNITIES AND CHALLENGES

Аннотация. Созданный около шестнадцати лет назад альянс БРИКС, на сегодняшний день выходит за рамки экономического формата сотрудничества и претендует на более активную роль в мировой политике. Эволюция этой группировки олицетворяет глобальный тренд на многополярность мировой системы и поиска новых моделей глобального управления. В статье анализируются возможные направления стратегического развития БРИКС, в условиях нарастающего напряжения со странами запада за влияние на мировой арене.

Abstract. The BRICS alliance, created about sixteen years ago, today goes beyond the economic format of cooperation and claims a more active role in world politics. The evolution of this grouping embodies the global trend towards multipolarity of the world system and the search for new models of global governance. The article analyzes possible directions of strategic development of BRICS, in the context of increasing tension with Western countries for influence on the world stage.

Ключевые слова: БРИКС, мировая арена, позиция, борьба, влияние

Keywords: BRICS, world arena, position, struggle, influence

Стоит ли говорить о том, что за последние несколько лет мир переживает значительные изменения в геополитической архитектуре. Особую роль на фоне этих изменений играют международные организации, имеющие глобальное значение и масштаб. К примеру, к таким организациям относятся: Организация Объединенных Наций (ООН), Европейский Союз (ЕС), «G20» («Большая двадцатка»), «G7» («Большая семерка») и др. Однако, есть организация, которая за последнее время смогла усилить свою позицию на мировой арене и набрать невероятную мощь, конечно, речь идет о объединение, состоящее из нескольких стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южно-Африканская Республика (ЮАР) [6, с. 319].

Изначально созданная как площадка для диалога между быстро развивающимися экономиками, на сегодняшний день БРИКС представляет из себя альянс с реальными инструментами влияния на международной арене. При это стоит отметить, что нарастание мощи БРИКС происходит на фоне существенных трансформаций в мировом порядке, связанных с отходом от биполярной системы международных отношений. Страны-участницы стремятся к более справедливому распределению влияния в глобальном

масштабе. Это движение подкрепляется желанием снизить зависимость от традиционных западных финансовых и политических институтов [1].

Последние данные международных финансовых организаций позволяют сделать интересные выводы о перераспределении экономических сил в мире. Если рассматривать валовой внутренний продукт с учетом паритета покупательной способности, то становится очевидно: БРИКС контролирует более трети мировой экономики. Их совокупный показатель превысил 32%, оставив позади традиционную «большую семерку», которая показала результат в 30,7%. Внутри самого объединения лидирующую позицию занимает Китай с внушительными 18,9% от мирового ВВП по ППС. На втором месте находится Индия, чей экономический вес составляет 7,4%. Россия и Бразилия демонстрируют показатели в 3,2% и 2,4% соответственно. Несмотря на относительно небольшой вклад в глобальную экономику (менее 1%), ЮАР играет важную роль в своем регионе, что делает её присутствие в альянсе стратегически значимым [2].

Так же нельзя не отметить энергетический потенциал стран БРИКС, так, к примеру Россия занимает второе место в мире по экспорту нефти и уверенно лидирует по поставкам природного газа. Говоря про Китай, то по информации Международного агентства по возобновляемым источникам энергии, общая мощность установленных солнечных и ветровых электростанций в Китае превысила 800 гигаватт, что является настоящим прорывом в сфере возобновляемых источников энергии. Примечательным событием стал прием в альянс Саудовской Аравии и ОАЭ в прошлом году. Это существенно укрепило позиции объединения на нефтяном рынке. Теперь на долю БРИКС приходится более 42% мировой добычи нефти, что делает организацию одним из ключевых игроков в этой сфере. Все вышеперечисленные показатели говорят о формировании мощного энергетического центра, способного оказывать значительное влияние на мировые рынки.

В военно-политическом плане БРИКС представляет собой уникальное объединение, в его составе находятся три страны, обладающие ядерным потенциалом, причем две из них являются постоянными членами Совета Безопасности ООН и имеют право вето при принятии решений. По данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира, совокупные военные расходы стран альянса превысили \$500 млрд в 2024 г., а Россия, Китай и Индия находятся в пятерке крупнейших милитаризованных государств мира. Причем нельзя не отметить, что БРИКС не позиционирует себя как военно-политический блок, однако на практике можно наблюдать растущее военное сотрудничество между странами-участницами, ярким примером такого взаимодействия служат совместные учения, которые регулярно проводятся между странами альянса. К примеру, нельзя не упомянуть маневры «Морское взаимодействие», где участвуют российские и китайские военные, или учения «Индра», в которых тренируются военнослужащие России и Индии.

С недавних пор к альянсу так же присоединились Египет, Иран, Эфиопия и Таиланд. Это событие наглядно показало, насколько привлекательной стала

модель сотрудничества, предложенная БРИКС, многие государства видят в этом объединении реальную возможность укрепить свои политические и экономические позиции на мировой арене. На данный момент интерес к вступлению в альянс проявляют более тридцати государств, среди них такие значимые страны как Аргентина, Индонезия, Нигерия и Бангладеш. Данный факт говорит о том, что всё больше стран доверяют новой модели международного сотрудничества, которая предлагает реальную альтернативу традиционным западным механизмам взаимодействия.

Несмотря на впечатляющие достижения, БРИКС сталкивается с рядом системных вызовов. Прежде всего, стоит отметить непростые отношения между некоторыми участниками альянса. Взять, к примеру, ситуацию между Китаем и Индией, где до сих пор не урегулирован территориальный спор в районе Ладакха. Говоря о Бразилии, то политическая нестабильность в стране часто приводит к смене курса после каждой новой администрации, а Южно-Африканская Республика продолжает бороться с серьезными экономическими вызовами внутри страны. Не менее важным фактором является разное отношение стран-участниц к западному миру, так, к примеру Индия принимает активное участие в таких инициативах как QUAD и IPEF, что существенно отличается от позиции Китая, находящегося в состоянии острого стратегического противостояния с США. Эти различия существенно осложняют выработку единой позиции по многим вопросам [3].

Так же интеграция новых участников в существующую структуру БРИКС порождает целый ряд сложностей. Особенно остро стоит вопрос о приведении финансовых и правовых механизмов к единому стандарту, который бы учитывал интересы всех стран-участниц. Множество ученых выражают обеспокоенность тем, что стремительное расширение альянса может создать определенные риски, если не уделить должного внимания выстраиванию эффективных институциональных механизмов. Существует опасность, что объединение рискует превратиться в площадку для выражения различных интересов, где принятие быстрых решений станет практически невозможным [4].

Расширение стран БРИКС так или иначе затрагивает зоны влияния западных стран, в связи с чем возникает проблема выстраивания положительных отношений с Соединенными Штатами Америки. Между БРИКС и США есть разные варианты развития взаимоотношений. Первый вариант конструктивный диалог и взаимодействие, направленное на решение острых вопросов, стоящих на международной повестке таких как обеспечение мира и безопасности, борьба с терроризмом, противодействие развитию опасных болезней и стихийным катастрофам и др. Второй вариант – заключается в соперничестве за влияние в мире и в перспективных сферах, что может привести к катастрофическим последствиям.

Одним из ключевых направлений для БРИКС на сегодняшний день становится расширение использования национальных валют в взаимных расчетах. Примечательно, что в торговле между Россией и Китаем уже треть всех операций проводится в национальных валютах, что демонстрирует

реальную возможность отказа от традиционных финансовых инструментов. Особое внимание уделяется созданию альтернативной платежной системы, которая могла бы стать достойной заменой международному SWIFT, параллельно обсуждается идея формирования собственной системы рейтинговых агентств, что позволит создать более объективную оценку экономических процессов внутри объединения.

Технологическое сотрудничество также выходит на передний план. Страны-участницы заинтересованы в развитии совместных проектов по созданию цифровых валют центральных банков. Не менее важным направлением становится обеспечение кибербезопасности и развитие искусственного интеллекта, кроме того, перспективным видится сотрудничество в области спутникового мониторинга, что может принести практическую пользу в самых разных сферах – от экологии до логистики.

На международной арене БРИКС последовательно выступает за обновление ключевых глобальных институтов. Одним из главных направлений остается реформа Совета Безопасности ООН, альянс настойчиво подчеркивает важность отражения интересов развивающихся стран в принятии важнейших мировых решений. Особую роль в этом процессе играют три страны-участницы: Бразилия, Индия и ЮАР. Они активно добиваются расширения состава постоянных членов Совбеза. Эта позиция получила мощную поддержку на саммите БРИКС в Казани в прошлом году, где участники единогласно выступили за необходимость демократизации работы этого важного органа.

Не менее острой остается проблема реформирования Всемирной торговой организации. Страны БРИКС все активнее выступают против протекционистских мер, которые, по их мнению, навязывают развитые государства. Альянс считает, что такие практики создают неравные условия на мировом рынке и препятствуют развитию стран Глобального Юга.

Многие политические эксперты задаются вопросом, возможно ли выстраивание партнерских отношений между странами БРИКС и Запада. На сегодняшний день невозможно дать однозначного ответа, ведь для этого стоит сконцентрировать силы на урегулирование общих противоречий. Противоречия возникают практически во всех отраслях, однако самым главным является видение каждой из сторон на современное мироустройство. Политика, проводимая БРИКС, нацелена на отход от гегемонии США и построении многополярного мира, когда в то же время Запад будет стремиться к становлению однополярного мира. Масло в огонь подливают так же инструменты, находящиеся в руках БРИКС и способные значительно смягчить последствия кризисов для своих экономик, да и в целом – перестроить глобальную экономику посредством проведения реформ в мировой банковской системе [8; 9, с. 546]. Благодаря такому положению дел разрушается уже устоявшаяся система существующей международной валютно-финансовой системы, основанной на долларе США. Однако, стоит понимать, что столкновение в финансовых направлениях не выгодно ни одной из сторон. Обуславливается все тем, что именно Запад является главным потребителем производимой странами БРИКС продукции [5].

Таким образом можно сделать вывод о том, что БРИКС постепенно превращается в один из важнейших центров силы на мировой арене, выражающий стремление многих стран к более справедливому мироустройству. Это объединение выходит далеко за рамки чисто экономического сотрудничества, охватывая широкий спектр направлений — от финансов и энергетики до технологий и дипломатии. Будущее этого альянса во многом зависит от его способности эффективно координировать действия между участниками, гибко подстраиваться под меняющиеся условия и находить общий язык по ключевым вопросам. Важную роль играет умение адаптироваться к стремительно трансформирующейся международной обстановке, где старые правила уже не работают, а новые еще не сформировались [7].

В условиях, когда традиционная система глобального управления сталкивается с серьезными вызовами, роль БРИКС как инструмента коллективной защиты интересов и обеспечения стратегической независимости становится все более значимой. Это объединение помогает странам-участницам отстаивать свои национальные интересы на мировой арене и находить взаимовыгодные решения в условиях растущей неопределенности.

Литература:

1. Авдокушин Е.Ф., Жариков М.В. Страны БРИКС в современной мировой экономике. М.: Магистр, 2016. 480 с.
2. Антонов В.А., Секонго Н.Б., Титус Т.Г. Особенности функционирования группы БРИКС как неформального международного объединения // Вестник ГУУ. 2017. № 5. С. 11-16.
3. Астахов Е.А. Такие разные страны-члены БРИКС. И все-таки вместе // Международная жизнь. 2018. № 8. С. 121-138.
4. Игнатова О.В., Горбунова О.А. Основные тенденции и перспективы экономической интеграции стран БРИКС // Самоуправление. 2019. Т. 2. № 1. С. 60-64.
5. Ильин И.В., Леонова О.Г., Алексеенко О.А. БРИКС как общий знаменатель стратегических приоритетов // Международная жизнь. 2016. № 8. С. 115-130.
6. История России: учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Р.Р. Хадимуллина, Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 318 с.
7. Лисицкая М. В. Проблемы и тенденции взаимодействия группы БРИКС со странами Запада // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2013. № 2. С. 92-97.
8. Полякова Е.В. Реализация этнополитических конфликтов в медиатексте // Интеграционные и дезинтеграционные процессы. Историческая ретроспектива и современность: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2022. – С. 192-196.
9. Тухватуллин Р.Р., Шаяхметов Ф.Ф. Современный геополитический кризис и формирование нового миропорядка // Евразийский юридический журнал. 2023. № 11 (186). С. 545-546. DOI 10.46320/2073-4506-2023-11-186-545-546.

© Батталов Р.Р., 2025

ФОРМИРОВАНИЕ БЛАГОПРИЯТНОГО ИМИДЖА КНР В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (2010-2024)

FORMATION OF A FAVORABLE IMAGE OF CHINA IN MODERN RUSSIA (2010-2024)

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования Китайской Народной Республикой собственного имиджа в российском обществе в период с 2010 по 2024 годы. Исследование анализирует ключевые факторы, влияющие на восприятие Китая в России, включая политические, экономические и культурные аспекты. Особое внимание уделяется динамике российско-китайских отношений, официальной риторике, а также влиянию общественного мнения, поскольку в условиях нынешнего геополитического конфликта Россия и Китай являются главными стратегическими партнерами друг друга. Авторы анализируют дискурсивные стратегии, используемые для создания положительного образа КНР, и выявляют основные каналы распространения информации о Китае в России.

Abstract. The article examines the process of the formation of the People's Republic of China's own image in Russian society in the period from 2010 to 2024. The study analyzes key factors influencing the perception of China in Russia, including political, economic, and cultural aspects. Special attention is paid to the dynamics of Russian-Chinese relations, official rhetoric, as well as the influence of public opinion, since in the context of the current geopolitical conflict, Russia and China are each other's main strategic partners. The authors analyze the discursive strategies used to create a positive image of China and identify the main channels of information dissemination about China in Russia.

Ключевые слова: Китай, Россия, мягкая сила, имидж страны, дискурсивная сила.

Keywords: China, Russia, soft power, country's image, discursive power.

В настоящее время, в эпоху глобализации, экономической конкуренции и в условиях геополитического конфликта, государства заинтересованы в создании собственного позитивного имиджа как внутри страны, так и на международной арене. Это один из приемов мягкой силы, которая направлена на воздействие на общественное мнение с целью формирования привлекательности страны в глазах жителей других государств. Исследователи определяют мягкую силу, как «невоенные методы воздействия на противоположную сторону» [7], а Дж. Най выделяет суть мягкой силы, как способность влиять на другие субъекты международных отношений путем средств сотрудничества в формировании программы действий, убеждения и оказания позитивного привлекательного воздействия для достижения желаемых результатов [1]. Определяющая черта данного приема – это отсутствие принуждения. С учетом вышеперечисленного

можно отметить, что имидж страны – это стратегический ресурс для получения выгод в продвижении внешней и внутренней политики.

С приходом к власти председателя КНР Си Цзиньпина в 2012 г. в стране была выбрана новая траектория внешней политики, а именно – продвижение «дискурсивной силы». В самом общем виде под дискурсивной силой в Китае понимают право голоса на мировой арене, способность создавать глобальные нарративы, задавать международную повестку, продвигать собственные ценности в мире, делая их общепризнанными, формулировать и внедрять в мировую практику стандарты, нормы и правила и т.п. [8]. Изменение направления внешней политики было обусловлено геополитическим кризисом, кризисом монополярного миропорядка и формированием полицентричной модели [12, с. 546]. Также Китай уделяет особое внимание формированию стратегического партнёрства с Россией.

Имидж страны – это комплекс характеристик и ассоциаций, связанных с ней, совокупность рациональных и эмоциональных представлений. Имидж сознательно целенаправленно формируется государством, однако, важно не создать эффект искусственности. Он формируется посредством оценки нескольких сфер: политика, экономика, культура, география, социальная сфера и др. Выбор наиболее активной сферы для воздействия определяется целями и задачами, которые преследует государство в стратегии внешней политики, однако, обычно это совокупность сфер [11].

В контексте имиджа КНР в России необходимо рассматривать представление о Китае в настоящее время, которое разделяется большей частью жителей РФ. По данным социологических опросов, среди населения России Китай ассоциируется со следующими понятиями: «императорские династии», «чайные церемонии в национальных костюмах», «боевые искусства», «китайские изобретения», «храмовая архитектура», «поэзия, язык и иероглифика», «трудолюбие как национальная черта» [9].

Экономическое развитие Китая является несомненно одним из сильнейших ресурсов для формирования благоприятного имиджа в России. В течение последних нескольких десятилетий Китай достиг удивительного темпа экономического роста, который привел к увеличению ВВП и улучшению жизни миллионов китайцев. В 2024 г. Китай занимает второе место в мире по объему валового внутреннего продукта, который равен 18,53 трлн долларов, уступая лишь США. По опросам российского фонда «Общественное мнение» на вопрос «Какая страна развивается сегодня более успешно, Россия или Китай» 68% респондентов выбрали Китай, лишь 18% считают Россию более успешной в данном вопросе [13].

Мы считаем важным формирование в России позитивного образа Китая, который связан с богатой культурой, мощной экономикой и положительными чертами граждан, поскольку в настоящее время КНР является главным стратегическим партнером России. Так, например, инициатива «Один пояс – один путь», предложенная председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. [5, с. 311], суть которой заключается в формировании и продвижении новой модели международного сотрудничества и развития с помощью укрепления

действующих региональных двусторонних и многосторонних механизмов и структур взаимодействий с участием Китая, активно участвует в развитии торгово-экономических отношений между Китаем и Россией.

Сейчас представление россиян о товарах из Китая меняется с «дешево и некачественно» на «качественное и доступное». Так, в пятерке лидирующих по продажам брендов электроники (смартфоны, ноутбуки, планшеты) можно обнаружить сразу три китайские компании: Xiaomi, Huawei, Oppo (Vivo) [6]. Стоит отметить, что такие производители, как Xiaomi и Huawei являются лидерами не только в сфере смартфонов и электронных аксессуаров. Рынок бытовой электроники, к которым относится техника для уборки, климат-системы, крупная техника для дома также по большей части занят именно китайскими производителями, отмечается, что на платформе «Яндекс Маркет» в категории «Бытовая техника» более 40% продаж приходится на китайские бренды [10]. По итогам 2024 г. доля китайских автомобилей на российском рынке достигла 68% [2], а на мировом рынке 30% среди продаж легковых автомобилей и более 75% мировых продаж электрокаров [3]. Таким образом, продвижение китайского позитивного имиджа в сфере экономики и торговли проходит успешно.

Сферы культуры и образования также являются большой частью имиджа КНР в России. В 2007 г. открылся первый Институт Конфуция в РФ. Институт Конфуция – это сеть международных культурно-образовательных центров по изучению китайского языка и культуры [4]. По состоянию на июнь 2024 г. в РФ открыты 19 Институтов Конфуция, в которых проходят обучение как дети, так и взрослые.

Таким образом, Россия является одной из тех стран, которые взяли на себя обязательства по распространению интереса к китайскому языку и культуре. Сами Институты не только проводят обучение китайскому языку, но также являются базой прохождения официального квалифицированного экзамена на знание китайского языка, при успешной сдаче которого студенты имеют право на участие в оплачиваемой правительством КНР стажировке на территории страны, с последующим поступлением в их вузы. Данный вид мягкой силы нацелен именно на молодежь России.

Помимо Институтов Конфуция, на территории РФ созданы и действуют языковые и государственные школы с изучением китайского языка, интерес к которому растет из года в год. По статистике, количество изучающих китайский язык в школах с 2010 по 2017 г. выросло на 5 тыс. человек, а в вузах эти же показатели увеличились примерно в 5 раз [13].

Помимо прочего, в 2019 г. китайский язык вошел в число дисциплин, которые одиннадцатиклассники могут сдать на Едином государственном экзамене (ЕГЭ).

Также к интересу в сфере культуры можно отнести китайскую музыку, литературу, фильмы и сериалы. Среди молодежи особую популярность имеют маньхуа (漫画, mànhuà) – китайские комиксы. Жанры маньхуа достаточно разнообразны: для мальчиков, для девочек, молодежные (для молодых людей от 18 до 30), женских и маньхуа для взрослых. Данные комиксы охватывают

простые жизненные сюжеты, политические, исторические, экономические, остросоциальные темы, а также фантазийные сюжеты.

Помимо литературного жанра, среди молодежи также набирают популярность китайские сериалы, они же дорамы или C-Drama. Опираясь на социологические опросы, возраст любителей китайских дорам колеблется от 16 до 33 лет. Считается, что в настоящее время они занимают третье место по популярности в российской телевизионной среде, уступая корейским и японским аналогам [14]. Однако, рост популярности китайского кинематографа остается фактом, а связан он с растущим интересом россиян к Китаю, как дружественному соседу России, а также с увеличением импорта сериалов.

Факторы, влияющие на создание благоприятного образа КНР в РФ, не ограничиваются упомянутыми выше, однако они позволяют представить нам полную картину о тенденциях формирования имиджа страны в 2010-2024 гг. Упомянутая статистика, позволяет лучше оценить результаты продвижения мягкой силы Китая. Таким образом, в глазах россиян КНР выглядит добрым соседом, с мощной экономикой и богатой культурой. Более того, имидж КНР продолжает развиваться в позитивном ключе, поскольку Россия сама заинтересована в распространении и знакомстве граждан с культурой и языком Китая.

Литература:

1. Ворочков А.П. «Мягкая сила» современной России: институциональный аспект // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-politology-2016-5/25-vorochkov.pdf> (дата обращения: 08.03.2025).
2. Доля китайских автомобилей на российском рынке достигла 68% [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/gorod/garage/news/dolya-kitaishih-avtomobilei> (дата обращения: 16.03.2025).
3. За 10 месяцев 2024 года объем китайского рынка превысил 18 млн единиц [Электронный ресурс]. URL: <https://www.autostat.ru/analytics/58951/> (дата обращения: 16.03.2025).
4. Институт Конфуция [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%82_%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%84%D1%83%D1%86%D0%B8%D1%8F (дата обращения: 20.12.24).
5. История России: учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Р.Р. Хадимуллина, Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 318 с.
6. Кто лидер в продаже смартфонов? Сравнение продаж компаний в России и в мире [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ixbt.com/live/mobile/kto-lider-v-prodazhe-smartfonov-sravnenie-kompaniy-proizvodyaschih-telefony-v-rossii-i-v-mire.html?ysclid=m51cd6b4d799305522> (дата обращения: 20.12.24).
7. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-ponyatie-i-podhody> (дата обращения: 08.03.2025).
8. Лексютина Я.В., Ю.Ю. Концепт международной дискурсивной силы в идеологии внешней политики Китая [Электронный ресурс]. URL:

https://pureportal.spbu.ru/files/115121914/2023._.pdf (дата обращения: 11.03.2025).

9. Лю Ц. Исследование имиджа Китая в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-politology-2022-1/c10-liu-zuoyuan.pdf> (дата обращения: 10.12.24).

10. Спрос на электронику и технику китайских брендов вырос за последние два года втрое [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/516436-spros-na-elektroniku-i-tehniku-kitajskih-brendov-vyros-za-poslednie-dva-goda-vtroe> (дата обращения: 16.03.2025).

11. Полякова Е.В. Реализация этнополитических конфликтов в медиатексте // Интеграционные и дезинтеграционные процессы. Историческая ретроспектива и современность: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2022. – С. 192-196.

12. Тухватуллин Р.Р., Шаяхметов Ф.Ф. Современный геополитический кризис и формирование нового миропорядка // Евразийский юридический журнал. 2023. № 11 (186). С. 545-546. DOI 10.46320/2073-4506-2023-11-186-545-546.

13. Чжао Т. Национальный имидж КНР в России на современном этапе [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnyy-imidzh-knr-v-rossii-na-sovremennom-etape/viewer> (дата обращения: 10.12.24).

14. Чжоу Л. Место китайских дорам в российском социокультурном пространстве [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-kitayskih-doram-v-rossiyskom-sotsiokulturnom-prostranstve/viewer> (дата обращения: 22.12.24).

15. Shi X. Chinese discourse studies [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/chinesediscourse0000shix/page/n5/mode/2u> (дата обращения: 12.03.2025).

© Ганиева Ш.А., 2025

УДК 327

Я.И. Хакимова

студент УУНиТ, г. Уфа

Научный руководитель – к. и. н., доцент Р.Р. Тухватуллин

Y.I. Khakimova

student, UUST, Ufa

Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor R.R. Tukhvatullin

ПРОБЛЕМА ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СТРАТЕГИЯХ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

THE PROBLEM OF ENERGY SECURITY IN THE NATIONAL SECURITY STRATEGIES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE UNITED STATES OF AMERICA

Аннотация. Энергетическая безопасность является важнейшей составляющей национальной безопасности как Российской Федерации, так и Соединенных Штатов Америки. В статье дается сравнительный анализ подходов двух стран к обеспечению энергетической безопасности с учетом действующих стратегических документов. Особое внимание уделяется различиям в восприятии угроз, приоритетах энергетической политики и

механизмах адаптации к современным вызовам, включая санкционное давление, энергетический транзит и геополитическую конкуренцию.

Abstract. Energy security is a key component of the national security of both the Russian Federation and the United States of America. The article provides a comparative analysis of the two countries' approaches to ensuring energy security, taking into account existing strategic documents. Special attention is paid to differences in threat perception, energy policy priorities, and mechanisms for adapting to modern challenges, including sanctions pressure, energy transition, and geopolitical competition.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, национальная безопасность, Россия, США, энергетическая политика, санкции, возобновляемые источники энергии.

Keywords: energy security, national security, Russia, USA, energy policy, sanctions, renewable energy sources.

Энергетическая безопасность является одним из ключевых аспектов национальной безопасности государства. Доступ стран к энергетическим ресурсам, стабильность их поставок прямо влияют на различные аспекты безопасности и на международные отношения. В условиях глобализации, изменения климата, геополитического кризиса энергетическая безопасность приобрела особое значение, поскольку в данной сфере страны сталкиваются с новыми вызовами и угрозами [5, с. 345]. В этой связи необходимо рассмотреть подходы к обеспечению энергетической безопасности в стратегиях национальной безопасности России и США и выявить как общие, так и уникальные черты.

Актуальная Стратегия национальной безопасности Российской Федерации была утверждена президентом РФ 2 июля 2021 г. [7]. Российская Федерация в своей Стратегии национальной безопасности, рассматривает энергетическую безопасность как ключевой элемент защиты национальных интересов. Стратегия подчеркивает роль энергетических ресурсов России как фактора внутреннего развития и международного влияния. Энергетический сектор признается стратегически важным для экономической стабильности и укрепления геополитических позиций страны. В приоритете – диверсификация энергопоставок, технологическое развитие в энергетике и поддержка альтернативных источников

Законодательство Российской Федерации в области энергетической безопасности занимает важное место в обеспечении устойчивого развития страны. Одним из ключевых аспектов данного законодательства является обеспечение энергетической безопасности, которая включает в себя не только защиту энергетических ресурсов, но и создание условий для стабильного тепло и энергоснабжения населения и экономики в целом. Энергетическая безопасность Российской Федерации формируется на основе анализа как внешних, так и внутренних факторов, влияющих на энергетику, и включает в себя целый ряд задач, направленных на поддержание надежности и устойчивости работы энергетических систем. Важнейшими аспектами этого закона являются обеспечение стабильного тепло и энергоснабжения, что непосредственно влияет на качество жизни граждан и стабильность функционирования различных секторов экономики.

В последние десятилетия проблема энергетической безопасности и устойчивого развития стала ключевой темой мировых дискуссий. Для России, обладающей значительными запасами ископаемых ресурсов, возникающие вызовы также являются актуальными. Переход к получению электроэнергии из возобновляемых и альтернативных источников энергии представляет собой важный шаг к формированию низкоуглеродной энергетики, способной гарантировать экологическую устойчивость и энергетическую независимость в условиях глобальных климатических изменений. Одним из наиболее значительных направлений в развитии низкоуглеродной энергетики в России является создание «умных» энергосистем, которые позволяют эффективно управлять потреблением энергии и интеграцией различного рода источников. Эти системы, основанные на передовых IT-технологиях, обеспечивают надежность и устойчивость энергоснабжения, минимизируя потери и снижая негативное воздействие на окружающую среду [11].

Россия признает важность развития «зеленой» энергетики, однако в настоящее время продолжает делать ставку на традиционные источники энергии, такие как нефть и газ, в которых обладает значительным опытом и ресурсами. Экономика и внешняя политика России тесно связаны с экспортом углеводородов, что обеспечивает значительный доход и влияние на международной арене. В то же время, зависимость от углеводородного экспорта создает риски, особенно в условиях западных санкций, ограничивающих доступ к технологиям, необходимым для развития отрасли. В ответ на это Россия диверсифицирует свои рынки сбыта, активно развивая энергетическое сотрудничество со странами Азии, в частности с Китаем и Индией.

США рассматривает энергетическую безопасность как ключевой элемент национальной безопасности. 12 октября 2022 года США приняли и обнародовали Стратегию национальной безопасности [14], в которой определены основные приоритеты и цели внешней политики и военного строительства США. В рамках своей Стратегии национальной безопасности, США стремятся к энергетической независимости и устойчивому развитию энергетического сектора. Это подразумевает снижение зависимости от импорта энергоносителей и обеспечение надежного доступа к энергетическим ресурсам. В отличие от России, США делают ставку на развитие собственных энергетических ресурсов, в частности, благодаря сланцевой революции, что позволило существенно уменьшить объемы импортируемых углеводородов.

В условиях глобального изменения климата, вопросы декарбонизации и перехода на устойчивую энергетику стали актуальными Соединенных Штатов Америки. Климатические изменения оказали значительное влияние на энергетическую политику США, подчеркивая необходимость перехода к низкоуглеродной экономике. Декарбонизация, как процесс снижения выбросов углерода и других парниковых газов, рассматривается как важный аспект обеспечения энергетической безопасности. Энергетическая безопасность подразумевает доступ к надежным, доступным и устойчивым источникам энергии, что в эпоху климатических изменений становится сложнее.

Декарбонизация в США включает в себя отказ от ископаемого топлива и переход к возобновляемым источникам энергии, таким как солнечная, ветровая и гидроэнергия. Основными задачами данного процесса являются не только снижение углеродных выбросов, но и обеспечение устойчивости энергетической сети, предотвращение зависимостей от иностранных источников энергоресурсов и сокращение воздействия на окружающую среду.

Конфликт между Россией и Украиной демонстрируют необходимость ускорить переход от ископаемых видов топлива к более устойчивым и экологичным источникам энергии. Конфликт в Украине стал мощным ударом по глобальной энергетической системе, что привело к резким скачкам цен на энергоресурсы и повысило серьезные опасения по поводу энергетической безопасности многих стран. На фоне этого кризиса становится очевидным, что зависимость от ископаемых видов топлива ограничивает страну, подрывает ее экономическую стабильность и угрожает национальной безопасности. Это подчеркивает необходимость перехода на возобновляемые источники энергии, такие как солнечная и ветровая энергия, которые могут обеспечить более надежные и стабильные энергетические ресурсы.

Параллельно с этим, США наращивают свою энергонезависимость, опираясь на передовые технологии добычи сланцевого газа и нефти. Инновации в области гидроразрыва пласта и горизонтального бурения кардинально изменили глобальный энергетический ландшафт, превратив США в крупного экспортера энергоносителей. Это, в свою очередь, влияет на стратегическое планирование, снижая зависимость страны от внешних источников энергии. Однако, США сталкиваются с необходимостью решения проблем, связанных с выбросами углекислого газа и изменением климата. Поэтому переход к возобновляемым источникам энергии становится приоритетом внутренней политики, направленной на устойчивое развитие и сокращение углеродного следа.

Сравнивая стратегии национальной безопасности России и США, можно увидеть, что обе страны считают энергетическую безопасность важнейшим аспектом национальной безопасности. Однако, их подходы к достижению этой цели существенно отличаются. Россия использует свои энергетические ресурсы как инструмент влияния во внешней политике, стремясь укрепить свои позиции на международной арене. США же делают упор на энергетическую независимость и переход к устойчивым источникам энергии, что обусловлено внутренними экономическими задачами и стремлением к экологической устойчивости.

В современных условиях глобальных проблем и перемен и Россия, и США вынуждены пересматривать свои энергетические стратегии. Россия делает акцент на развитии возобновляемой энергетики и повышении энергоэффективности, а США – на укреплении лидерства в чистой энергетике и международном сотрудничестве в борьбе с климатическими изменениями. Энергетическая безопасность – ключевой элемент национальной безопасности обеих стран, хотя пути достижения энергетической независимости и стабильности поставок у них разные. Изменения в мировой энергетике,

вызванные геополитикой и требованиями устойчивого развития, заставляют обе страны адаптироваться. Это создает необходимость дальнейшего изучения энергетической политики и международных отношений, а также подчеркивает важность сотрудничества в этой сфере.

Литература:

1. Большая российская энциклопедия. Энергетическая безопасность. [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/energeticheskaia-bezopasnost-23977b> (дата обращения: 22.05.2025).
2. Бушуев В.В., Каменев А.С., Кобец Б.Б. Энергетика как инфраструктурная «система систем» // Энергетическая политика. 2012, вып. 5. С. 3-14.
3. Евразийский союз ученых. Энергетическая безопасность США: новые проблемы и вызовы. [Электронный ресурс]. URL: <https://euroasia-science.ru/politicheskie-nauki/энергетическая-безопасность-сша-нов/> (дата обращения: 22.05.2025)
4. О доктрине энергетической безопасности / В.В. Бушуев, Н.И. Воропай, С.М. Сендеров, В.В. Саенко // Экономика региона, 2012, № 2. С. 40-50.
5. Тухватуллин Р.Р., Шаяхметов Ф.Ф. Современный геополитический кризис и формирование нового миропорядка // Евразийский юридический журнал. 2023. № 11 (186). С. 545-546. ДИЦ 10.46320/2073-4506-2023-11-186-545-546.
6. Полякова Е.В. Реализация этнополитических конфликтов в медиатексте // Интеграционные и дезинтеграционные процессы. Историческая ретроспектива и современность: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2022. – С. 192-196.
7. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 23.05.2025).
8. Указ Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44252> (дата обращения: 23.05.2025).
9. Хлопов О. Эволюция энергетической стратегии США и перспективы ее реализации в XXI в. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-politology-2022-4/b13-khlopov.pdf> (дата обращения: 23.05.2025).
10. Энергетическая безопасность России: проблемы и пути решения / Н.И. Пяткова, В.И. Рабчук, С.М. Сендеров и др. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. 198 с.
11. Энергетическая безопасность России. [Электронный ресурс]. URL: <https://scienceforum.ru/2020/article/2018022637> (дата обращения: 23.05.2025).
12. Энергетическая политика России на рубеже веков. Т. 2. Энергетическая безопасность. М.: Папирус Про, 2001. 792 с.
13. Энергетическая стратегия РФ на период до 2035 года (утв. Распоряжением Правительства РФ № 1523-р от 09.06.2020) [Электронный ресурс]. URL: <https://nps.edu/documents/115559645/121916825/2022+Dist+A+National+Security+Strategy.pdf> (дата обращения: 23.05.2025).
14. National security strategy. October 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://nps.edu/documents/115559645/121916825/2022+Dist+A+National+Security+Strategy.pdf> (дата обращения: 23.05.2025).

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ – ГЛОБАЛЬНАЯ И НИГЕРИЙСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

RELIGIOUS FUNDAMENTALISM AND EXTREMISM – A GLOBAL AND NIGERIAN PERSPECTIVE

Аннотация. Религиозный фундаментализм и экстремизм стали критическими глобальными проблемами, способствуя социальной нестабильности, насилию и политическим конфликтам. В этой статье рассматриваются концепции религиозного фундаментализма и экстремизма, их причины, реальные случаи и последствия. Особое внимание уделяется Нигерии, где такие группы, как Бoko Харам, дестабилизировали страну. В исследовании также рассматриваются решения, включая межконфессиональный диалог, образование и социально-экономические реформы.

Abstract. Religious fundamentalism and extremism have become critical global issues, contributing to social instability, violence, and political conflicts. This paper examines the concepts of religious fundamentalism and extremism, their causes, real-life instances, and consequences. A special focus is placed on Nigeria, where groups like Boko Haram have destabilized the country. The study also explores solutions, including interfaith dialogue, education, and socio-economic reforms.

Ключевые слова: религия, фундаментализм, экстремизм, Бoko Харам, Нигерия

Keywords: religion, fundamentalism, extremism, Boko Haram, Nigeria

Introduction. Religious beliefs have long played a central role in shaping societies, influencing values, and guiding moral behavior. However, when interpreted rigidly, these beliefs can give rise to religious fundamentalism and extremism. While fundamentalism represents a strict adherence to religious doctrines, extremism involves radicalized beliefs that justify violence [1].

Understanding Religious Fundamentalism and Extremism. Religious fundamentalism is characterized by the literal interpretation of sacred texts and resistance to modern secular values. Extremism, on the other hand, goes a step further by endorsing violence and coercion to impose religious ideologies [2]. While all extremists may be fundamentalists, not all fundamentalists are extremists.

Causes of Religious Fundamentalism and Extremism. Several factors contribute to the rise [3] of religious fundamentalism and extremism:

- **Political and Social Instability:** Many extremist movements emerge in politically unstable regions where governance is weak.
- **Economic Hardship:** Poverty and unemployment can make individuals susceptible to radical ideologies.

- Identity and Belonging: Religious extremism often thrives among marginalized groups seeking identity and purpose.
- Geopolitical Conflicts: Foreign interventions and historical grievances fuel extremist narratives.
- Religious Interpretation: Extremist leaders manipulate religious texts to justify violence.
- Technology and Social Media: Extremist groups use online platforms for recruitment and propaganda.

Real-Life Instances of Religious Fundamentalism and Extremism. Religious extremism is not confined [4] to any single faith. It manifests across different religious traditions:

- Islamic Extremism: Groups like Al-Qaeda, ISIS, and Boko Haram promote jihadist ideologies and have carried out terrorist attacks worldwide.
- Christian Extremism: The Lord's Resistance Army (LRA) in Uganda, led by Joseph Kony, has committed mass killings and child abductions.
- Hindu Extremism: Radical Hindu nationalist groups in India have targeted religious minorities, leading to communal violence.
- Jewish Extremism: Certain extremist settler groups in Israel have been linked to attacks against Palestinian communities.
- Buddhist Extremism: Buddhist nationalist movements in Myanmar have engaged in violence against the Rohingya Muslim minority.

These examples [5] illustrate that extremism transcends religious boundaries, highlighting the need for a global response.

Case Study: Religious Extremism in Nigeria. Nigeria has experienced severe religious extremism, with groups like Boko Haram destabilizing the nation.

Founded in 2002, Boko Haram opposes Western education and seeks to establish an Islamic state in Nigeria. The group has been responsible for:

- The 2014 Chibok schoolgirl kidnappings.
- Suicide bombings targeting civilians.
- Attacks on churches, mosques, and government institutions.
- The displacement of millions of people in northeastern Nigeria.

Other Forms of Religious Extremism in Nigeria.

- The Islamic Movement in Nigeria (IMN): A Shia Muslim group involved in violent clashes with government forces.
- Interfaith Conflicts in Jos: Recurring violence between Christian and Muslim communities in central Nigeria.

These incidents highlight the deep-rooted religious tensions in Nigeria, necessitating urgent interventions.

Consequences of Religious Fundamentalism and Extremism. The impact of religious extremism extends [6] beyond terrorism and addressing these consequences requires a coordinated global response.

- Social Division: Communities become polarized along religious lines.
- Human Rights Violations: Minority groups, women, and secular individuals often face persecution.

- **Political Instability:** Governments struggle to maintain order in extremist-prone regions.

- **Economic Consequences:** Investor confidence declines, and tourism is negatively affected.

- **Global Security Threats:** Radical groups engage in transnational terrorism, affecting global stability.

Solutions to Religious Fundamentalism and Extremism. A multi-faceted approach is needed to combat religious extremism. Key strategies include:

1. **Education and Awareness**

- Promoting critical thinking and religious tolerance in schools.

- Countering extremist propaganda with factual religious interpretations.

2. **Addressing Socio-Economic Issues**

- Reducing poverty and unemployment to eliminate economic incentives for radicalization.

- Investing in community development programs.

3. **Interfaith Dialogue and Collaboration**

- Encouraging cooperation between religious leaders to promote peaceful coexistence.

- Organizing interfaith conferences and youth programs.

4. **Legal and Security Measures**

- Strengthening counter-terrorism laws while respecting human rights.

- Enhancing intelligence-sharing between nations to track extremist activities.

5. **Role of Technology and Media**

- Regulating online platforms to prevent extremist recruitment.

- Promoting media narratives that foster religious harmony.

These solutions require collaboration between governments, religious institutions, and civil society to be effective.

Conclusion. Religious fundamentalism and extremism remain serious global challenges, affecting societies through violence, political instability, and human rights violations. Nigeria provides [7] a critical case study, demonstrating how extremist groups exploit socio-political vulnerabilities. Addressing this issue requires a combination of education, economic development, interfaith dialogue, and robust security measures. The international community must work together to combat religious extremism and promote a world where diverse beliefs coexist peacefully.

Sources

1. История России: учебное пособие / Н.А. Бессилин, Ю.А. Иликеева, Е.А. Круглов [и др.]. Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2023. 318 с.

2. Усова Ю.С. Особенности преподавания дисциплины «История России» иностранным студентам УУНиТ / Ю.С. Усова // Уфа университетская: тренды развития науки и технологий в новейшей России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 20–21 октября 2023 года. Уфа: ООО «Книга-Принт», 2023. С. 155-160.

3. Усова Ю.С. Партийно-политическая борьба в Великобритании по вопросу формирования европейских договоров (1997-2007 гг.) / Ю. С. Усова. Уфа: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский университет науки и технологий», 2022. 174 с.

4. Carnegie Endowment for International Peace. Religious Fundamentalism and Global Security. URL: <https://www.carnegieendowment.org> (Accessed 15 April 2025).

5. Center for Strategic and International Studies. Terrorism in Nigeria: Boko Haram and ISWAP. URL: <https://www.csis.org> (Accessed 15 April 2025).

6. Council on Foreign Relations. The Global Threat of Religious Extremism. URL: <https://www.cfr.org> (Accessed 15 April 2025).

7. Reuters. The Role of Economic Sanctions in Countering Extremism. URL: <https://www.reuters.com> (Accessed 15 April 2025).

© Овагбеми Б.А., 2025

УДК 94 (667)

Микаелина Мэри Стампулус Данква
студент, УУНиТ, Уфа

Научный руководитель – к. и. н., доцент Ю.С. Усова

Mikealina Mary Stampulus Danqua
student, UUSaT, Ufa

Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor Yu. S. Usova

РОЛЬ И МЕСТО ГАНЫ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

THE ROLE AND PLACE OF GHANA IN MODERN WORLD POLITICS

Аннотация. Гана, стабильная демократия в Западной Африке, играет важную роль в современной мировой политике посредством своих дипломатических обязательств, миротворческих вкладов и экономических партнерств. В этом отчете рассматривается внешняя политика Ганы, ее участие в международных организациях, экономическое влияние и проблемы в рамках глобального политического ландшафта. Анализируя эти факторы, в этой статье дается представление о стратегическом позиционировании Ганы в мировых делах.

Abstract. Ghana, a stable democracy in West Africa, plays a crucial role in modern global politics through its diplomatic engagements, peacekeeping contributions, and economic partnerships. This report examines Ghana's foreign policy, participation in international organizations, economic impact, and challenges within the global political landscape. By analyzing these factors, this paper provides insights into Ghana's strategic positioning in world affairs.

Ключевые слова: Гана, Африка, экономика, международные организации, Африканский союз

Keywords: Ghana, Africa, economy, international organizations, African Union

Introduction. Ghana, since gaining independence from British colonial rule in 1957, has emerged as a key player in African and international politics [1]. As a founding member of the African Union (AU) and the Economic Community of West

African States (ECOWAS), Ghana has consistently pursued regional stability and economic development. The country's political stability, commitment to democracy, and economic growth make it an influential actor in world affairs. This report explores Ghana's contributions to international politics, its foreign policy objectives, and its challenges [2].

Ghana's Foreign Policy and Diplomatic Engagements. Ghana's foreign policy is guided by principles of non-alignment, Pan-Africanism, and active participation in multilateral diplomacy [3]. The country maintains strong bilateral relations with major global powers, including the United States, China, and the European Union. As a member of the United Nations (UN), Ghana [4] actively contributes to peacekeeping operations, particularly in conflict-prone regions such as Liberia, Sudan, and Mali.

Furthermore, Ghana's diplomatic missions extend beyond Africa, fostering cooperation in areas of trade, education, and security. The country's involvement in the Commonwealth of Nations and the Non-Aligned Movement underscores its commitment to balanced international relations. Ghana's foreign policy has also prioritized regional peace, exemplified by its mediation efforts in political crises in West Africa [5].

Ghana's Role in Global Peacekeeping and Security. One of Ghana's significant contributions to global politics is its participation in UN peacekeeping missions. Ghana has consistently ranked among the top troop-contributing countries to UN peace operations [6]. Ghanaian peacekeepers have served in missions in Lebanon, the Democratic Republic of the Congo, and Central African Republic, playing a vital role in maintaining international peace and security.

Apart from peacekeeping, Ghana is actively involved in counterterrorism efforts in West Africa. As a member of ECOWAS, Ghana collaborates with regional partners to combat security threats such as terrorism, piracy, and transnational organized crime. The country has also supported initiatives such as the African Peace and Security Architecture (APSA) to strengthen Africa's capacity to address security challenges.

Economic Contributions and International Trade. Ghana's economy, driven by agriculture, natural resources, and a growing technology sector, has positioned the country as a significant player in global trade. The country is one of the world's largest producers of cocoa and gold, attracting foreign investments and fostering trade relations with major economies [7]. Additionally, the discovery of oil in 2007 has enhanced Ghana's economic potential, leading to increased revenues and infrastructural development.

Ghana is an active participant in the African Continental Free Trade Area (AfCFTA), an initiative aimed at promoting intra-African trade. The country's role in AfCFTA aligns with its commitment to regional economic integration and sustainable development. Furthermore, Ghana's partnerships with China, the European Union, and the United States in infrastructure and energy projects continue to shape its global economic standing.

Ghana and Sustainable Development Goals (SDGs). Ghana aligns its national development agenda with the UN Sustainable Development Goals (SDGs), focusing on poverty reduction, quality education, and environmental sustainability.

Government initiatives such as free senior high school education, renewable energy programs, and social protection policies demonstrate Ghana's commitment to global development objectives.

The country has also taken steps to combat climate change through afforestation projects and investments in clean energy [8]. Ghana's leadership in climate action within Africa highlights its dedication to international environmental agreements, including the Paris Agreement.

Challenges and Future Prospects. Despite its achievements, Ghana faces several challenges in maintaining its global influence. Issues such as political corruption, youth unemployment, and regional security threats pose obstacles to sustainable development. Additionally, fluctuations in global commodity prices affect Ghana's economic stability, requiring diversification efforts to strengthen its financial resilience.

Moving forward, Ghana must enhance governance reforms, invest in education and technology, and expand its diplomatic reach to sustain its influence in world politics. Strengthening economic policies, addressing corruption, and fostering innovation will further position Ghana as a global leader in Africa.

Conclusion. Ghana's role in modern world politics is characterized by its active diplomacy, contributions to global peacekeeping, economic partnerships, and commitment to sustainable development. As the country continues to navigate international relations, its strategic positioning in Africa and global affairs remains crucial. Through enhanced governance, economic diversification, and strengthened diplomatic engagements, Ghana can further solidify its role as a key player in world politics.

Sources

1. История России: Учебное пособие / Н.А. Бессилин, Ю.А. Иликеева, Е.А. Круглов [и др.]. Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2023. 318 с.

2. Усова Ю.С. Особенности преподавания дисциплины «История России» иностранным студентам УУНиТ / Ю. С. Усова // Уфа университетская: тренды развития науки и технологий в новейшей России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 20–21 октября 2023 года. Уфа: ООО «Книга-Принт», 2023. С. 155-160.

3. Усова Ю.С. Партийно-политическая борьба в Великобритании по вопросу формирования европейских договоров (1997-2007 гг.) / Ю.С. Усова. Уфа: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский университет науки и технологий», 2022. 174 с.

4. Adar K.G., Ajulu R. Globalization and Emerging Trends in African Foreign Policy: A Comparative Perspective of Southern Africa. London: Ashgate Publishing, 2017, 374 p.

5. African Development Bank (AfDB). Ghana's Economic Growth and Development in Africa. URL: <https://www.afdb.org/en/countries/west-africa/ghana/ghana-economic-outlook> (Accessed 15 April 2025).

6. African Union. Ghana's Contribution to AU Peacekeeping Missions. AU Peace & Security Department Report. URL: <https://www.ghanamissionun.org/05252023/> (Accessed 15 April 2025).

7. Ankomah, B. The Role of Ghana in African Union and ECOWAS Peacekeeping Missions // African Affairs Journal, 2017, № 116 (462), 250-270. (Accessed 15 April 2025).

8. Economic Community of West African States (ECOWAS). Annual Report on Regional Integration and Security Cooperation. URL: https://www.ecowas.int/wp-content/uploads/2024/10/ECOWAS-Final-Consolidated-FS_23-June-2024-signed.pdf (Accessed 15 April 2025).

9. Ghana Ministry of Foreign Affairs & Regional Integration. Ghana's Foreign Policy and International Relations Strategy. Government of Ghana. URL: <https://mfa.gov.gh/> (Accessed 15 April 2025).

© Данква М.М.С., 2025

УДК 327

Л.А. Хамматова

студент УУНиТ, г. Уфа

Научный руководитель – к. и. н., доцент Р.Р. Тухватуллин

L.A. Khammatova

student, UUST, Ufa

Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor R.R. Tukhvatullin

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СНБ 2021 Г. РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СНБ 2022 Г. США

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF THE MAIN THREATS TO NATIONAL SECURITY IN THE 2021 NSS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE 2022 NSS OF THE USA

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ основных угроз в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, принятой в 2021 г., и Стратегии национальной безопасности Соединённых Штатов, принятой в 2022 г. Рассмотрены основные представления об угрозах, изложенные в Стратегиях, подчёркнуты значительные расхождения в их основополагающих принципах, стратегических целях и воспринимаемых вызовах национальной безопасности.

Abstract. The article presents a comparative analysis of the main threats in the National Security Strategy of the Russian Federation, adopted in 2021, and the National Security Strategy of the United States, adopted in 2022. The main concepts of threats outlined in the Strategies are considered, significant discrepancies in their fundamental principles, strategic goals and perceived challenges to national security are highlighted

Ключевые слова: Россия, США, международная безопасность, стратегия национальной безопасности, угрозы национальной безопасности, национальные приоритеты.

Keywords: Russia, USA, international security, national security strategy, threats to national security, national priorities.

Стратегия национальной безопасности – это основополагающий документ, в которых изложены основные ценности, интересы и приоритеты страны перед лицом меняющихся внутренних и международных вызовов. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, принятая в 2021 г., и Стратегия национальной безопасности Соединённых Штатов, принятая в 2022 г., хотя и направлены на защиту национальных интересов, демонстрируют совершенно национальные подходы к глобальному управлению и безопасности.

Анализ Стратегии национальной безопасности государства важен с точки зрения понимания политическим классом страны международного порядка, приоритетов международной политики, видения угроз и возможностей в этой сфере [4, с. 39-40].

2 июля 2021 г. президент России указом № 400 утвердил обновленную редакцию «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (далее – СНБ-2021 РФ). Российская стратегия состоит из пяти разделов, в которых, в частности, определены национальные интересы и приоритеты РФ, указаны меры, направленные на обеспечение национальной безопасности [1].

В Стратегии Россия представлена как сильная, суверенная держава, твёрдо стоящая на конституционных ценностях и способная самостоятельно отстаивать свои интересы в мире, «эффективно противостоять попыткам внешнего давления» [1]. Российская стратегия в большей степени ориентирована на внутренние задачи, ставя во главу угла национальный суверенитет, стабильность и развитие России как сильного независимого государства. Российская стратегия основана на реалистичном мировоззрении и подчёркивает важность многополярного мирового порядка и защиту национального суверенитета от внешнего вмешательства.

12 октября 2022 г. президент США подписал «Стратегию национальной безопасности США» (далее – СНБ-2022 США). Ее текст на своем официальном сайте опубликовал Белый дом. Стратегия США состоит из пяти частей, переходящих от общего видения к конкретным стратегиям в различных сферах деятельности и регионах мира. Так, авторы стратегии особое внимание уделили наращиванию силы США в различных аспектах (экономическом, политическом, военном).

Стратегия США позиционирует Соединённые Штаты как глобального лидера, стремящегося сохранить существующий порядок: «Соединенные Штаты являются глобальной державой с глобальными интересами», «Пока мир продолжает справляться с последствиями пандемии и глобальной экономической неопределенности, нет ни одной нации, которая была бы лучше подготовлена к тому, чтобы вести с силой и целью, чем Соединенные Штаты Америки [2]. заявления раскрывают основную тему Стратегии национальной безопасности США – стремление к глобальному лидерству. Ключевой аспект Стратегии США 2022 г. – подтверждение исключительности США, ставящих страну в центр мировых событий и подчёркивающих её ответственность за руководство международным порядком. Стратегия США ориентирована на внешний мир, делая акцент на глобальной конкуренции, лидерстве и

сохранении международного порядка под руководством США. Она рассматривает национальную безопасность с точки зрения глобальной борьбы между демократией и автократией.

В СНБ-2021 РФ и в СНБ-2022 США отмечено, что международный порядок на данный момент претерпевает изменения. В СНБ-2021 РФ 2 часть начинается со слов «Современный мир переживает период трансформации» [1] и СНБ-2022 США также начинается со слов Байдена «Мир меняется. Мы находимся на значительном переломном моменте в мировой истории» [2].

Таким образом, руководство обоих государств признаёт, что мир переживает период трансформации, но по-разному понимает и интерпретирует эти изменения.

Ключевые отличия двух Стратегий заключаются в следующих аспектах – это ориентация, восприятие угроз, взгляд на международный порядок и сферы безопасности.

В рамках СНБ-2022 США было выделено два стратегических вызова: во-первых, обострение конкуренции между великими державами за право определить облик мира, приходящего на смену постбиполярному; во-вторых, общие для всех государств трансграничные вызовы, которые имеют не меньшее значение, чем геополитическое противостояние.

США считают, что основная угроза исходит от авторитарных государств, таких как Россия и Китай. С точки зрения ранжирования внешнеполитических угроз (первый стратегический вызов), на первое место в СНБ-2022 США выведен Китай: «...КНР, напротив, является единственным конкурентом с намерением изменить международный порядок и, все больше, с экономической, дипломатической, военной и технологической мощью для продвижения этой цели...» [2]. В Стратегии подчёркивается, что, хотя Россия, Иран, КНР и представляют угрозу интересам США, ключевой вызов всё же исходит от КНР и не ограничивается Индо-Тихоокеанским регионом (ИТР), а имеет глобальный характер.

Какую же угрозу представляет держава с «авторитарным» режимом КНР для США? Автократии с «ревизионистской» внешней политикой угрожают традиционной триаде национальных ценностей США: безопасности, экономическому процветанию и защите демократических ценностей. Поэтому «США должны придать новый импульс собственной демократии», встать на защиту своих ценностей за пределами своих границ совместно с теми странами, которые поддерживают «видение свободного, открытого, процветающего и безопасного мира» по-американски и «бороться с авторитарными великими державами за право определить новый мировой порядок» [2].

Продолжая тезис об обострении конкуренции между великими державами за право определить облик мира, в качестве внешнеполитической угрозы СНБ-2022 США выделяет также Российскую Федерацию. Россия отнесена к авторитарным государствам, придерживающимся ревизионистской внешней политике: «Россия представляет собой непосредственную угрозу свободной и открытой международной системе, безрассудно игнорируя основные законы международного порядка сегодня, как показала ее жестокая агрессивная война

против Украины» [2]. При этом, если с Китаем США готовятся конкурировать, то Россию призывают «сдерживать». Необходимо также отметить такой важный аспект, который ярко характеризует различие во взглядах на угрозы для США и РФ. Согласно СНБ-2022 США, Российская Федерация представляет угрозу «международной системе», что подчеркивает, что Россия является не просто геополитическим конкурентом, а прямой угрозой самим основам международной системы, которую США стремятся поддерживать.

Касательно второго стратегического вызова, трансграничные вызовы, СНБ-2022 США выделяет спектр проблем, которые варьируются от изменения климата до глобальных проблем здравоохранения.

Россия, согласно СНБ-2021, считает ключевой угрозой внешнее вмешательство. Внешнеполитические угрозы в большей степени рассматриваются в 4 части Стратегии «Обеспечение национальной безопасности» в разделе «Оборона страны» [1]. В данной части прямо указывается, что «усилению военных опасностей и военных угроз Российской Федерации способствуют попытки силового давления на Россию, ее союзников и партнеров, наращивание военной инфраструктуры Организации Североатлантического договора вблизи российских границ, активизация разведывательной деятельности, отработка применения против Российской Федерации крупных военных формирований и ядерного оружия» [1]. То есть официально Москва главную опасность, по-прежнему, видит в активности Организации стран Североатлантического договора (НАТО), которая наращивает свое военное присутствие в Европе и усиливает информационно-идеологическое давление на Россию. Также Россия рассматривает действия США в отношении противоракетной обороны и контроля над вооружениями как серьёзную угрозу как для собственной национальной безопасности, так и для глобальной стратегической стабильности.

Наряду с этим в СНБ РФ особо выделены угрозы в сфере информационной безопасности, а также традиционным духовно-нравственным ценностям, что связывается в том числе с деятельностью Запада.

Таким образом, если провести аналогию со СНБ-2022 США, приведенные в Стратегии РФ геополитические угрозы национальной безопасности можно классифицировать как внутренние (связанные с внутренней стабильностью страны) и внешние (угроза экспансии на территорию России с наиболее вероятных географических направлений).

Хотелось бы отметить также, что в отличии от СНБ-2022 США, в СНБ-2021 РФ, конкретности в «угрожающих» государству международных субъектов гораздо меньше. Если в СНБ-2022 США, РФ упоминается неоднократно, то в СНБ-2021 РФ, зачастую используются завуалированные термины, например, «недружественные страны», которые пытаются расколоть единство российского народа, воспользовавшись сложной социально-экономической обстановкой в России; «некоторые страны», которые стремятся инспирировать дезинтеграционные процессы в СНГ; «ряд государств», которые в своих официальных документах указывают Россию как военного противника.

Таким образом, ключевые различия в восприятии угроз национальной безопасности находятся во всех положениях, начиная от видения государствами источника угрозы (согласно СНБ, США считают, что угроза исходит от авторитарных соперников, в то время как Россия считает, что она исходит от вмешательства Запада и военного вторжения), заканчивая самой интерпретацией событий (согласно документам, США представляют действия России как агрессию, в то время как Россия представляет их как ответную реакцию на внешние угрозы). Эта резкая разница в восприятии угроз является одной из первопричин нынешней напряжённости и конфликтов между двумя странами. Это не просто разногласия по поводу конкретной политики, а фундаментальные различия в видении природы международной системы, характеристики происходящих в ней перемен и угроз безопасности [5, с. 546].

Разные оценки угроз приводят к кардинально отличающимся стратегиям и политике. Поскольку каждая страна интерпретирует одни и те же события с совершенно разных точек зрения, продуктивный диалог и сотрудничество становятся крайне затруднительными. Именно поэтому изучение данной темы, фундаментальных различий восприятия угроз в Стратегиях национальной безопасности, обеспечивает прочную основу для дальнейшего анализа политики и действий, предпринимаемых каждой страной.

Литература

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г № 400. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/> (дата обращения: 15.01.2025).
2. Стратегия национальной безопасности США от 12 октября 2022 года [Электронный ресурс]. URL: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 15.01.2025).
3. Полякова Е.В. Реализация этнополитических конфликтов в медиатексте // Интеграционные и дезинтеграционные процессы. Историческая ретроспектива и современность: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2022. – С. 192-196.
4. Тухватуллин Р.Р. Россия и Китай в стратегии национальной безопасности США // Политика и практика системной трансформации общественного устройства: построение «социализма с китайской спецификой» и преобразования в СССР и современной России: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Ф.Ф. Шаяхметов. Уфа: Мир печати, 2018. 320 с.
5. Тухватуллин Р.Р., Шаяхметов Ф.Ф. Современный геополитический кризис и формирование нового миропорядка // Евразийский юридический журнал. 2023. № 11 (186). С. 545-546. DOI 10.46320/2073-4506-2023-11-186-545-546.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА УУНиТ: ПРИОРИТЕТЫ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

THE STRATEGY FOR THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL COOPERATION AT UNIT: PRIORITIES AND IMPLEMENTATION MECHANISMS

Аннотация. В данной статье анализируется стратегия развития международного сотрудничества Уфимского университета науки и технологий (УУНиТ). Рассматриваются приоритетные направления международной деятельности вуза. Особое внимание уделяется механизмам реализации стратегии, таким как деятельность Управления международного сотрудничества (УМС), взаимодействие с Фондом Ибн Сины и другими международными партнерами. На примере сотрудничества УУНиТ с иранским вузом имени Алламе Табатабаи демонстрируются возможности использования современных технологий для развития международного сетевого образования.

Abstract. The article analyzes the strategy of development of international cooperation of Ufa University of Science and Technology (UUST). The priority directions of the university's international activities are considered. Special attention is paid to the mechanisms for the implementation of the strategy, such as the activities of the Office of International Cooperation (OIC), cooperation with the Ibn Sina Foundation and other international partners. Using the example of cooperation between UUST and the Allame Tabatabaei Iranian University, the possibilities of using modern technologies for the development of international online education are demonstrated.

Ключевые слова: УУНиТ, международная деятельность, проекты, развитие.

Keywords: UUST, international activities, projects, development.

Уфимский университет науки и технологий (далее – УУНиТ) – один из крупнейших научно-образовательных центров Республики Башкортостан, где академические традиции сочетаются с инновациями и высокоразвитыми технологиями. В структуру университета входят 13 факультетов/институтов и филиалы в городах Бирск, Ишимбай, Кумертау, Нефтекамск, Сибай, Стерлитамак. В УУНиТ ведется подготовка по 150 направлениям бакалавриата, магистратуры и специалитета по более 700 образовательным программам гуманитарного, естественнонаучного и технического профилей [2].

В современном мире, где глобализация является неотъемлемой частью жизни современного общества, международное сотрудничество является одним из основных факторов успешного развития любого университета. Уфимский университет науки и технологий, осознавая всю важность процесса поддерживает активное участие в международном сотрудничестве. Исходя из

этого, разработка и реализация эффективной стратегии международного сотрудничества становится, несомненно, приоритетной задачей ВУЗа.

Прежде чем перейти к конкретным направлениям, необходимо определить, что понимается под термином «международное сотрудничество». В контексте УУНиТ- это не просто набор формальных соглашений с зарубежными партнерами, а также это целенаправленная деятельность, направленная на интеграцию университета в мировое научное и образовательное сообщество, повышение его конкурентоспособности на международной арене, расширение возможностей для студентов и преподавателей, а также привлечение лучших мировых практик в учебный и исследовательский процесс.

Официально, УУНиТ руководствуется в своей международной деятельности внушительным перечнем документов: от международных договоров Российской Федерации до внутренних приказов Министерства образования и науки РФ. Это создает необходимую правовую базу, которая позволяет университету уверенно действовать на международной арене. Особое внимание уделяется направлениям, обозначенным в статье 105 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»: разработка совместных образовательных и научных программ, участие в сетевой форме реализации образовательных программ, участие в международных мероприятиях и проектах, а также обмен учебно-научной литературой. Все это создает основу для многогранного международного сотрудничества [1].

Но за строками законов и положений скрываются вполне конкретные стратегические цели. УУНиТ стремится повысить качество, привлекательность и конкурентоспособность в мировом научно-образовательном пространстве. Это подразумевает постоянное совершенствование образовательных программ, внедрение инновационных технологий обучения и привлечение талантливых преподавателей и студентов. Кроме того, университет ставит перед собой задачу увеличения доходов от внешнеэкономической деятельности. На мой взгляд, это важный показатель успешности международной деятельности, который говорит о востребованности образовательных услуг и научных разработок УУНиТ за рубежом. И наконец, стратегической целью является обеспечение международного академического лидерства, что требует активного участия в международных научных проектах, публикаций в ведущих научных журналах и продвижения собственных научных разработок на мировой арене.

Для достижения этих целей стратегия предусматривает решение целого ряда задач. Во-первых, расширение экспорта образовательных услуг в зарубежные страны. Это предполагает активный маркетинг образовательных программ УУНиТ за рубежом, участие в международных образовательных выставках и привлечение иностранных студентов. Во-вторых, привлечение иностранных специалистов, имеющих опыт работы в ведущих университетах и научных центрах мира. Это позволит обогатить образовательный процесс новыми знаниями и опытом, а также повысить квалификацию преподавателей УУНиТ. В-третьих, развитие стратегического партнерства и сетевого взаимодействия с ведущими университетами, научными центрами и организациями мира. Это позволит создать совместные образовательные и научные программы,

обмениваться студентами и преподавателями, а также проводить совместные исследования. И, в-четвертых, активное продвижение бренда УУНиТ за рубежом. Это предполагает участие в международных рейтингах университетов, а также публикацию информации об УУНиТ в зарубежных СМИ.

Реализацию этих задач координирует Управление международного сотрудничества (УМС) – один из самых важнейших структур международной деятельности УУНиТ. УМС оказывает содействие развитию международной деятельности, укрепляет репутацию университета и обеспечивает его участие в международных проектах и программах. В структуру УМС входят отдел международного образования (ОМО) и отдел развития международных связей (ОРМС), каждый из которых отвечает за определенный спектр задач. ОМО занимается вопросами, связанными с обучением иностранных студентов УУНиТ и участием студентов УУНиТ в международных программах обмена, а ОРМС отвечает за установление и поддержание связей с зарубежными университетами и организациями, а также за продвижение бренда УУНиТ за рубежом [3].

Одним из важных примеров практической реализации стратегии является активное сотрудничество УУНиТ с иранским вузом имени Алламе Табатабаи в рамках сетевого образования. Особое внимание уделяется реализации совместных международных магистерских программ, программ «двойных дипломов» и программ повышения квалификации. В частности, магистранты УУНиТ направления подготовки «международные отношения» имеют возможность посещать занятия, проводимые преподавателями из Ирана в дистанционном формате, по таким дисциплинам, как «Международные организации и международные институты» и «Проблемы региональной безопасности на Ближнем Востоке». На мой взгляд, это отличный пример того, как современные технологии позволяют преодолевать географические барьеры и предоставлять студентам уникальную возможность получить знания и опыт из первых уст от ведущих экспертов в своей области и повысить свою конкурентоспособность на рынке труда. А также, это не только расширяет кругозор студентов, но и способствует развитию межкультурного диалога и укреплению связей между УУНиТ и иранским научным сообществом.

Важным аспектом деятельности УУНиТ является развитие партнерских связей с научными и образовательными организациями разных стран. В частности, можно отметить сотрудничество с Фондом Ибн Сины (Исламская Республика Иран), закрепленное Меморандумом о сотрудничестве и взаимодействии, подписанным в 2023 г. и действующим бессрочно. Это открывает возможности для реализации совместных проектов в области науки и культуры, а также для обмена опытом и знаниями. Кроме того, УУНиТ активно развивает связи с университетами Йемена и Казахстана. В частности, заключен Меморандум о взаимопонимании с Сайунским Университетом (Йемен), а также Договор с Казахским национальным университетом им. Аль-Фараби. Наличие таких соглашений свидетельствует о стремлении УУНиТ

расширять географию своего международного сотрудничества и устанавливать партнерские отношения с университетами разных регионов мира.

Необходимо отметить, что стратегия развития международного сотрудничества УУНиТ – это не просто формальный документ, а реально работающий механизм, позволяющий университету успешно интегрироваться в мировое научно-образовательное пространство. Очевидно, что УУНиТ движется в правильном направлении и обладает достаточным потенциалом, чтобы успешно интегрироваться в мировое научно-образовательное пространство. Главное – не останавливаться на достигнутом, продолжать развивать международные связи, поддерживать инициативы студентов и преподавателей и активно продвигать бренд УУНиТ за рубежом. Ведь именно это позволяет УУНиТ успешно конкурировать на мировой арене и вносить свой вклад в развитие науки и образования.

Литература

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 12.04.2025)

2. Официальный сайт УУНиТ. [Электронный ресурс]. URL: <https://uust.ru/departments/international-office/> (дата обращения: 10.04.2025).

3. Официальный сайт УУНиТ. Раздел международное сотрудничество. [Электронный ресурс]. URL: https://uust.ru/ums/international_activityofUSATU/ (дата обращения: 12.04.2025).

4. Фролова И.В., Нефедов И.В. Побратимство городов как инструмент международного межмуниципального сотрудничества: опыт Уфы и Галле // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2022. № 5 (167). С. 146-151.

© Шарафутдинова А.Н., 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Чигрина А.И. Вспоминая отца.....	3
Фролова И.В. Ода педагогам: памяти Ивана Дмитриевича Чигрина.....	9
Пчелкина А.К. Нацистская пропаганда в песнях штурмовых отрядов.....	14
Бессилин Н.А., Утягулов М.М. Образ советского солдата в мемуарах фельдмаршала Э. фон Манштейна «Утерянные победы».....	19
Тухватуллин Р.Р. Дороги войны Нины Трофимовны Голубевой.....	25
Леонова Т.А. Региональный опыт формирования научно-педагогической школы в вузовском нарративе.....	34

СЕКЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

Стафеева Л.В. Особенности трудовой деятельности китайских иммигрантов в Забайкалье на рубеже XIX–XX вв.....	43
Зубаиров М.Г. Проект конституции Автономной Социалистической Советской Республики Немцев Поволжья 1924 года.....	48
Петрова Д.В. Отображение «Великой Депрессии» в США в американском кинематографе 1930-х гг.....	55
Габбасова К.Р. Школы БАССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).....	59
Полякова Е.В. Военная лексика периода 1941–1945 годов: отражение реалий Великой Отечественной войны.....	63
Савельев Е.М. Урбанизация в Башкирской АССР в 60-80 годы XX века: методология и историография проблемы.....	66
Хайрtdинов В.И. Эволюция понятия «ядерная политика» в международной науке.....	71

СЕКЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИИ»

Ахметова А.М. Капова пещера как уникальный памятник Южного Урала.....	74
Комарова Н.В. Опыт описания орнамента сосудов бронзового века из Старо-Яппаровского Могильника в рамках историко-культурного подхода.....	79
Имамутдинов М.А. Дореволюционная историография башкирских восстаний (типизация и историко-проблемный анализ).....	84
Лебедев Д.В. Использование данных урбанонимики в исторических исследованиях (на примере Уфимского внутреннего гарнизонного батальона).....	89
Закирзянов И.Ф. Эпидемия холеры на территории Оренбургской губернии 1829-1831 годов и основные факторы ее распространения.....	94
Архипова А.В. Новые архивные источники о жизни и творчестве М.Е. Приемышева.....	99
Абдулова А.Р. Отечественная историография изучения проблемы голода в Башкортостане в 1920-е гг.....	103
Ибрагимова Э.А. Вторая Мировая война в работах И.С. Шмелева.....	108

Габбасов И.Р. Создание кладбищ и захоронений воинов РККА в Советской зоне оккупации Австрии в 1945-1955 гг.....	112
Гилимова З.Ф., Гильмутдинова Р.Ш. Конструирование исторической памяти: образы Емельяна Пугачёва и Салавата Юлаева в советской живописи.....	119
СЕКЦИЯ: «ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ»	
Мунир А.Г.Э. Торговые, политические и экономические отношения между Египтом и Эфиопией во время правления царицы Хатшепсут (1479-1458 гг. до н.э.).....	123
Жуков П.В. Спартанский царь Демарат: факторы и риски легитимности...	125
Бешлей В.А. Сравнение славянских и скандинавских мифов.....	130
Кульмухаметова Э.Р., Михайлов Д.А. Борьба с арабской экспансией в раннесредневековой Европе.....	134
Розмысл Е.В. Военные реформы Саладина 1170-х гг.: борьба с крестоносцами.....	139
Суфиянова Д.М. Частное пространство в средневековом английском городе: границы, обычаи, право.....	144
Ахметова А.М., Кабирова Г.Ф. Война Алой и Белой розы: роль женщин в конфликте.....	149
Утяшева А.Р. Образ Генриха VIII в искусственном интеллекте.....	153
Сайфуллина А.И. «Менины» Д. Веласкеса как объект культурного наследия Испании.....	156
Асанов Р.Б. Влияние деятельности Ост-Индских компаний на развитие работоторговли в XVII – XVIII вв.....	160
Сайфуллин Р.И. «В краю охотников за головами» Эдварда Кертиса: первый этнографический фильм.....	165
Васютин И.Д. Фашистские ценности в манифестах итальянских футуристов.....	170
Луговой П.С. Академическая музыка в Третьем Рейхе.....	178
Гилимова З.Ф. Национальный символизм и визуальные коды в фильме «Салават Юлаев» (1940).....	182
Франк Е.К. Сохранение исторической памяти о колониальном прошлом в цифровой среде: на примере коммеморативных практик в странах Британского Содружества наций в современности.....	188
Кульмухаметова Э.Р. Модернизация в условиях авторитаризма: чрезвычайное положение в Индии (1975-1977).....	193
Коваленко Е.С. Образ Советского Союза в журнале «Time» в 1981-1983 годах.....	197
Кульмухаметова Э.Р., Морозов А.И. От чадры до парламента: как изменилась роль женщин в политике Ирана после революции 1979 года	203
Анисимов С.И. Историко-культурное наследие народов Евразии: проблемы и перспективы.....	207
Хасанова И.Р. Формирование и сохранение исторической памяти на примере работы Музея полярников имени Валериана Альбанова.....	215

Ашмарина Н.В. Роль историко-культурного наследия Турецкой Республики в социокультурной адаптации иностранных туристов.....	219
Нуриахметова А.С. Деятельность современных деструктивных сект (на примере «Ашрам Шамбалы»).....	225
СЕКЦИЯ «СОТРУДНИЧЕСТВО, ВОЙНЫ И КОНФЛИКТЫ	
В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»	
Насыров И.Р. Берлинский конгресс 1878 г. и «система союзов» Бисмарка..	230
Габбасов А.О. Отношения СССР с гоминьдановским Китаем 1920 гг.: эволюция и причины упадка.....	235
Хазиханов Е.Р. Советско-германская отношения в 1924 году: скандал вокруг закрытия торгового представительства.....	240
Ефимов А.В. Роль К.А. Хакимова в становлении отношений СССР и Саудовской Аравии.....	245
Османов А.Т. Международный фактор в народно-освободительном движении Восточного Туркестана (1930–1940-е гг.).....	252
Уаман де Лос Эрос М.Ф. Вопросы послевоенного устройства мира на Ялтинской (февраль 1945), Сан-Францисской (апрель – июнь 1945) и Потсдамской (июль – август 1945) конференциях.....	257
Дерюгина С.А. «Великая дружба» между СССР и Китаем: роль в становлении и развитии КНР.....	261
Кашапова Э.Н. Интеграционный потенциал России и Китая: перспективы сотрудничества в высшем образовании.....	267
Батталов Р.Р. БРИКС в мировой политике: мощь, возможности и вызовы.....	271
Ганиева Ш.А. Формирование благоприятного имиджа КНР в современной России (2010-2024 гг.)	276
Хакимова Я.И. Проблема энергетической безопасности в Стратегиях национальной безопасности Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки.....	280
Овагбеми Б.А. Религиозный фундаментализм и экстремизм – глобальная и нигерийская перспектива.....	285
Данква М.М.С. Роль и место Ганы в современной мировой политике.....	288
Хамматова Л.А. Сравнительная характеристика основных угроз национальной безопасности в СНБ 2021 г. Российской Федерации и СНБ 2022 г. США.....	291
Шарафутдинова А.Н. Стратегия развития международного сотрудничества УУНиТ: приоритеты и механизмы реализации.....	296

При подготовке электронного издания использовались следующие программные средства:

- Adobe Acrobat – текстовый редактор;
- Microsoft Word – текстовый редактор.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Научное издание

МИР ЕВРАЗИИ: ОТ ДРЕВНОСТИ К СОВРЕМЕННОСТИ

Сборник материалов

**Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 80-летию со дня рождения советского и российского
историка-германиста, доктора исторических наук, профессора,
декана исторического факультета
Ивана Дмитриевича Чигрина (1945–1999)
(г. Уфа, 17 апреля 2025 г.)**

Электронное издание сетевого доступа

*За достоверность информации, изложенной в статьях,
ответственность несут авторы.*

Статьи публикуются в авторской редакции

Подписано к использованию 08.12.2025 г.
Гарнитура «Times New Roman». Объем 5,78 Мб.
Заказ 290.

*ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
450008, Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 12.*

Тел.: +7-908-35-05-007
e-mail: ric-bdu@yandex.ru